

Карина Демина

Вдова Его Величества

Глава 1

У свободы был вкус горелого пирожка, запивать который приходилось горьковатым и явно подбродившим компотом. По пальцам стекал жир, грозя добраться до кружевного манжета, и Катарина, оглядевшись и убедившись, что никому-то здесь не интересна, торопливо слизала каплю.

Зажмурилась от удовольствия.

Нет, жир горчил и жарили на нем явно не первую порцию этих вот пирожков. И оттого горечь его пропитала тесто, а на золотистой корочке то тут, то там появились весьма характерного вида точки. Но само понимание, что она может вот так взять и облизать пальцы...

Душа пела.

Сердце колотилось.

И только желудок опасливо заурчал, предупреждая, что привык к совсем иной еде.

— Дорогая, — мьесс Джио к пирожкам отнеслась с некоторой долей предубеждения, а компот, понюхав, и вовсе отставила в сторону. — Не подумай, что я собираюсь критиковать твой выбор, хочу лишь напомнить, что следующая остановка лишь в Бристоне, до которого, если память мне не изменяет, более двадцати миль.

Катарина икнула.

Она помнила.

Она прекрасно все помнила и даже осознавала, что эти двадцать миль в почтовой карете покажутся ей вечностью, и что не стоит усугублять ситуацию, вот так пробуя весьма сомнительного свойства пищу, но и отказать себе в этой малости Катарина не могла. Более того, промычав в ответ что-то невнятное, она вцепилась в пирожок зубами, и тесто лопнуло, правда, не с той стороны, где ожидалось, и горячее повидло потекло на пальцы, а с них не замедлило плюхнуться на юбку.

Что ж, следовало признать, что и у свободы имелись свои недостатки.

Мьесс Джио молча протянула платок.

— Благодарю, — Катарина позволила себе еще одну вольность, ответив с набитым ртом. Но пятно платком прикрыла.

И пирожок доела.

И даже без компота. Пирожок ладно, а вот с компотом и вправду не стоит. Целительские амулеты далеко не со всякой напастью справиться способны.

— Не сожалеешь? — поинтересовалась мьес Джио, забираясь в карету. Та была огромной снаружи, но при том удивительно тесной и душной изнутри.

Жесткие лавки стояли столь плотно друг к другу, что Катарина невольно касалась других пассажиров не только руками, но и коленями, что, кажется, весьма радовало пухлого господина, устроившегося напротив. Во всяком случае, он поглядывал на Катарину с немалым интересом и время от времени даже подкручивал кончики великолепных усов.

Или вот доставал часы.

Откидывал крышку.

Глядел задумчиво, не столько интересуясь временем, сколько используя возможность продемонстрировать собственное состояние. Часы были позолоченными, а цепочка, может статься, даже золотой. И сей факт весьма заинтересовал соседку Катарины, женщину дебеливатую, степенную, обожающую рюшечки и трех дочерей, имена, да и подробности жизни которых, скоро узнали все, не зависимо от своего желания. Больше всего доставалось господину, но он не злился, а напротив, явно чувствовал себя польщенным.

Интересно.

И странно.

Странна теснота. Запахи, которых становится все больше. Многие неприятны, но Катарина согласна терпеть. И даже не тянется за платком, что пропитан розовой эссенцией. Она разглядывает этих людей, столь необычных и непривычных, что даже страшно.

Как она будет среди них?

Вот так просто... взять и жить? Она уже забыла, что так можно.

— А вы, стало быть, вдова? — женщина переключила внимание на Катарину. — И давно?

— Давно, — сердце екнуло.

А вдруг...

И тут же Катарина одернула себя. Это просто разговор. Обыкновенный. Не стоит искать в нем скрытых смыслов.

— Шесть лет.

— Сочувствую, — без толики сочувствия сказала женщина. — Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — и здесь Катарина не лгала.

Какой смысл?

Женщина пожевала губами, будто решая, стоит ли тратить на Катарину собственное время и драгоценное мнение, но все-таки снизошла.

— И стало быть, сирота?

— Почти. Тетушка... вот... имеется.

Упомянутая тетушка приподняла кружевной платок и кивнула, обозначая, что она и вправду имеется.

— Печально, печально... у меня есть одна знакомая, — женщина наклонилась, почти легла на колени пухлого господина, чье лицо вытянулось, то ли от удивления, то ли от возмущения. То ли просто от страха не совладать с внушительными достоинствами случайной знакомой.

Этак ведь и раздавить человека можно.

— У нее весьма обширные знакомства, если вы понимаете... — громким шепотом произнесла женщина.

Катарина не понимала, но кивнула.

— И она весьма охотно способствует устройству личного счастья...

Господин крикнул, а Катарина с трудом удержалась, чтобы не сказать, что ее счастье однажды уже устроили. Хватит.

— И если пожелаете...

На нее уставились, ожидая ответа. Фыркнула мьесс Джио, а Катарина, потупившись, пролепетала:

— Понимаете... я... я так любила мужа... я до сих пор забыть его не могу.

И подхватила слезинку.

— Ну и дура, — спокойно ответила женщина, возвращаясь на место.

Как есть.

Полная.

Кто еще добровольно променяет великолепный дворец на захолустный городишко? Откажется от титула и состояния, что стоит за этим титулом? Власти? Привилегий?

Ночных кошмаров.

Страха, что однажды она, Катарина, станет слишком заметной фигурой, и тогда... дворцовые лестницы круты, а коридоры темны. И слабой ли женщине справиться с тварями, что в них обретают?

Нет, нет...

Она отвернулась к окошку, крохотному и мутному, будто сделанному специально для того, чтобы

подразнить. За ним проплывали поля и какие-то домишки. Колеса грохотали. Карета тряслась. И хотелось закрыть глаза и уснуть. Усталость навалилась сразу и вдруг. И руки задрожали, накатила привычный ужас, лишая самой способности двигаться, оставив одно желание — сползти на грязный пол и забиться под лавку. Но теплое прикосновение мьесс Джио вернуло способность дышать.

И считать.

Один — аметист. Хороший камень для целительских амулетов, но не терпит серебра, начинает болеть и мутнеет. А вот на платине, напротив, раскрывается.

Аместистами были украшены браслеты, которые надевали королеве на руки. И на ноги. До того, как эти руки и ноги украсились иными узорами. Браслеты древние, тяжелые и больше всего напоминают кандалы. И Катарине знает, что эти браслеты вполне могут смениться настоящими кандалами.

Если она даст повод.

— Закрой глаза, дорогая, — мьесс Джио умеет говорить так, что призраки отступают. — Поспи, нам далеко еще... хорошо, если дотемна доберемся.

— А куда вы направляетесь?

Этот голос звучал откуда-то издали, Катарина заставила себя слушать не людей, а карету. Скрип дерева. И стон металла, который тоже умеет уставать.

Скрежет.

Постукивание.

Слабый треск дорожного амулета, призванного облегчить вес этого чудовища на колесах. Но амулет устарел, да и не заряжали его давненько, вот и работал он едва ли в треть силы.

Ничего.

Доберутся. А что к ночи, так оно и лучше... она все-таки заснула и оказалась в своих покоях. Огромное пространство, кровать под тяжелым балдахином. Шерстяные тюфяки придворных дам, которым выпала высокая честь дежурить этой ночью. Севилла сидит в одной ночной рубашке, слишком откровенной, чтобы это было прилично. Но она плевать хотела на приличия. Она ждет. Слегка подогнула одну ногу, вытянула другую. Волна светлых волос разметалась по обнаженным плечам. На фарфоровом личике застыло выражение счастья.

Она надеется, что ее заметят.

И Катарина тоже надеется. Она готова принять новую фаворитку и уступить ей нынешнюю ночь, как и все последующие. Правда, Севилла не ограничится статусом фаворитки, она, как и многие, мечтает стать королевой.

Девятой.

Это ведь несложно.

Его шаги слышит не только Катарина. Тяжелые. Медленные.

Ворчание.

И ругань. И стало быть, нога болит сильнее обычного. И может быть, настолько, чтобы... но нет, он останавливается перед дверью. И Катарина делает вдох. Она сползает с кровати, готовая приветствовать супруга и повелителя.

— Приехали, — болезненный тычок разрушил полотно сна. — Деточка моя, тебе все же стоит принимать успокоительное.

— Я принимаю.

— Не то, — мьесс Джио признавала лишь одно успокоительное, односолодовое и пятнадцатилетней выдержки, и предпочитала держать его при себе, утверждая, что в ее возрасте нервы стоит беречь. — Поверь, ты принимаешь совсем не то.

Подхватив юбки, она отмахнулась от пухлого господина, решившего быть любезным, и спрыгнула на землю. Потянулась, взмахнула руками.

— Боги, ну и дыра, — мьесс Джио всегда отличала некоторая прямолинейность. — Еще немного и я

поверю, что побывала в заднице мира.

На станции было пусто.

Темно.

Единственный фонарь скорее привлекал мошкар, нежели темноту разгонял. В мутное стекло его стучались ночные бабочки, и влажный этот звук показался Катарине до невозможности мерзким.

— Нам стоит найти экипаж, — Катарина поежилось.

Ее слегка знобило, то ли от нервов, то ли от холода. Она поправила перчатки, зачем-то разгладила юбку, на которой позорным клеймом выделялось пятно от повидла. Приподнялась на цыпочки, сясь разглядеть хоть что-то.

Темнота.

Тишина.

И даже лошади вздыхают бесшумно, не смея нарушать ночной покой города. А ведь и вправду, что делать? Будь Катарина одна, она бы и пешком отправилась, зная бы еще, куда, но ведь есть багаж, который сгрузили прямо на землю. И теперь гора чемоданов намекала, что без помощи им не обойтись.

А ведь брала самое, как казалось, необходимое.

Катарина.

У мьесс Джио были собственные представления о необходимом, оттого, верно, и набралось его с полдюжины чемоданов, а к ним пару бочонков и два сундука, перетянутых цепями. Вспомнилось вдруг, что при дворе ходил упорных слух, будто в сундуках этих мьесс Джио хранит головы недостаточно старательных любовников.

— Эй, милейший, денег хочешь? — поинтересовалась мьесс Джио в темноту. И как ни странно, та ответила сиплым голосом:

— Кто ж не хочет?

— Тогда найди дамам экипаж. И помоги... со всем этим. К слову, душечка, разве нас не должны были встречать?

— Должны, — вынуждена была признать Катарина.

Она сама отправляла вестника. И выходит... выходит, он потерялся? Невозможно. Или тогда ее неправильно поняли? Тоже сомнительно. Вряд ли в этом городе есть еще одна станция. А Бристон — ближайший к поместью город.

Тогда...

— Не переживай, лапочка, — мьесс Джио весьма споро столковалась о чем-то с господином внешности столь пугающей, что вряд ли Катарина вовсе решилась бы подойти к нему. — Вот доедем, там и выясним, кому выписать плетей.

Ехать пришлось на телеге.

На огромной такой телеге, дно которой устилало сено. На сено бросили дерюжку, а уж на нее с извинениями и немалым, а главное, весьма искренним пиететом, усадили Катарину. Тот тип просто-напросто поднял ее, будто в Катарине вовсе не было веса, и сунул в солому, сказав:

— Звиняйте, госпожа... вот шкуру еще суньте, помягше будет.

Шкура оказалась медвежьей, но пахло от нее травами.

На телегу загрузили чемоданы, и бочонки, и даже сундукам нашлось место. Мьесс Джио устроилась подле возницы, и это отчего-то не удивляло.

— А расскажите, милейший, что у вас тут за место такое...

Телега шла медленно, но мягко, куда мягче кареты. Покачивались борта, скрипели колеса, от соломы пахло чем-то непривычным, но приятным.

— ...даже так... удивительно, а вот...

Мимо проползали улицы. Редкие фонари. Темные дома, казавшиеся одинаково недружелюбными. Изредка раздавался лай собак, который, впрочем, стихал.

— ...и даже так?

Она умела говорить с людьми, не важно, с мужчинами или женщинами, с теми, кто стоял подле золотого трона, искренне недоумевая, что делает здесь же Джио, и с другими, которых было гораздо больше. Первые ее опасались, не понимая природы ее власти, как не понимала и сама Катарина, просто принимая как должное, что Джио может, если не все, то многое. Вторые, пожалуй, почитали Джио если не своей, то всяко близкой по духу.

Разговор вился.

И длился.

И город проплывал рядом, такой вдруг большой, хотя куда меньше Лондиниума. И пахло здесь лучше. И скрип колес убаюкивал, а шкура была тепла.

— Вы б тоже до сена полезли, госпожа, а то ж ехать нам еще и ехать...

— Долго?

— Дык... сперва до Бузинной улицы, там поворот от Кожевенного. И еще один опосля ратуши, а потом уж напрямки через холмы.

Описание не вдохновляло. А если бы мьесс Джио не нашла бы этого увальня? Катарина запоздало расстроилась. Подобное небрежение говорило об одном: за хозяйку ее не считали.

— Не расстраивайся, лапонька, — мисс Джио ловко перебралась на сено. — Подвинься-ка... следовало ожидать подобного.

— Почему?

Беззвучно раскрылся защитный полог, от которого привычно закололо в висках. И Катарина поморщилась. Ладно там, в прошлой ее жизни, он и вправду был нужен. Но здесь-то кого бояться? Агрессивных сверчков? Или того кота, который громко жаловался на не сложившуюся личную жизнь.

— Потерпи, — мягко произнесла мьесс Джио. — Одно дело, если за всем этим и вправду стоит обыкновенная человеческая глупость, и совсем другое, если...

Она не стала договаривать, как делала порой, когда хотела, чтобы собеседник сам включил голову. И Катарина кивнула.

Есть шанс?

Еще какой.

Пока она жива, она мешает.

Отцу, который рассчитывал, что Катарина исполнит свой долг перед семьей, о чем не успевал напомнить при каждой встрече, будто это была ее вина в том, что никак не удавалось забеременеть. А потом, позже, он также тихо радовался и нашептывал, что с Джоном стоит сблизиться, что поглядывает он на Катарину вовсе не так, как следует смотреть на мачеху, что если она воспользуется ситуацией...

Она не воспользовалась.

Дура.

Врагам отца, не слишком довольным, что и после смерти короля род Годдардов не просто сохранил, но и упрочил свое положение.

Людям посторонним, с Катариной вовсе не знакомым, но полагающим, что время ее истекло, а уходя, возвращаться не стоит. Тем паче когда вот-вот объявят о помолвке Джона с... с кем-нибудь да объявят, он пока и сам не знает, кого выбрать.

Сам Джон.

И хочется верить, что уж он-то был искренен, но... он, что бы там ни говорили, сын своего отца, а стало быть, злопамятен, обидчив и умеет ждать. А ситуация весьма удобна.

Нет.

Это страх. Джон не такой. Джон уговаривал ее остаться. Не как любовницу — они оба отлично понимали, насколько опасна подобная связь. Ему нужен был друг. И помощник. Просто кто-то, с кем можно поговорить.

Хотя бы о Генрихе.

Или Королевской башне. О том, каково это, просыпаясь, видеть темную стену и эшафот, который не разбирали, ибо слишком уж хлопотное это дело. Умываться ледяной водой. Завтракать, гадая, придет ли после завтрака жрец или обойдется?

Искать тепла в комнатах, пусть роскошных по сравнению с камерами и подземельями, но все же...

Джон знал, благодаря кому он выжил той ночью, когда мятеж почти случился. А Катарина догадывалась, куда подевался тот, роковой приказ, который почти успел. И может, реши она остаться, однажды Джон рассказал бы... или она? Или оба, перебивая друг друга, избавляясь, наконец, от страха, который и в нем был, сидел занозой.

Но нет.

Им бы не позволили и этой дружбы, как не позволили бы ничего, напоминающего привязанность. А потому Джон понял.

Принял.

И не стал бы пользоваться случаем. Кто кроме него знает о том, куда направилась Катарина? Сиддард? Старый приятель Джона. Верный друг. Тот, кто тихо ненавидит Катарину, хотя она точно не виновата в смерти его отца.

Приговоры выносил Генрих.

А Катарина... королева обязана присутствовать, что на суде, что на казни. И понимает ли он? Понимает. Поэтому и держит свою ненависть при себе, позволяя лишь едкие шпильки и те будто бы ненароком. Но стал бы он сдерживаться теперь?

Или воспользовался бы случаем?

Еще был Грейсон, который как раз и нашел усадьбу. И хозяйку ее, что отправилась в монастырь, ибо таково было ее желание. Так он сказал. Но Грейсону верить не стоит. Всегда был проницатель. И пусть клятву дал, но Катарина знает, что любую клятву при желании можно обойти.

И страшно.

Опять.

— Не гадай, — строго велела мьесс Джио, — лучше и вправду отдохни.

— Что-то не спится. Луна яркая. Ты когда-нибудь видела настолько яркую луну?

Она была круглая и желтая, что головка сливочного сыра. Она нависала над городом, грозясь раздавить и ратушу, и дома вокруг нее. Луна отражалась в узкой речушке, через которую повозка перевалила не сразу, даже подумалось, что все-таки не одолеет она этот горбатый мост. Но нет, лошадь справилась, а возница затынул песню на непонятном языке.

— Надо же, — мьесс вытащила серебряную флягу и помотала. — Вьесс. Здесь. То-то он такой здоровый... полукровка, похоже. Будешь?

— Нет.

Ей нельзя пить.

Запретили целители, еще тогда, когда пытались наполнить ее тело силой, когда выжигали на руках руны, превращая Катарину в сосуд. Впрочем, даже они знали, что ничего не выйдет.

Для зачатия нужны двое.

Но кто бы признал, что дело не в ней, что...

Она прикусила губу. Прошлое ушло, а руны остались, и острое неприятие алкоголя. Она пробовала напиток, уже там, в Королевской башне, решив, что терять нечего. И в итоге всю ночь маялась животом.

Мъесс Джио покачала головой.

Свести бы их. И когда-то Катарина рискнула спросить. Просто спросить. У того, кого полагала достаточно надежным человеком. И ответ получила, да... а еще гнев отца, которому тотчас донесли.

— Все закончилось, девонька, — Джио редко называла Катарину по имени, и порой в этом чудилась издевка, словно напоминание, что она, Катарина, слишком ничтожно, чтобы запоминать ее имя... — Одно закончилось, другое начинается.

Глава 2

Дом выглядел заброшенным.

Он, отделенный от дороги витою оградой, пики которой серебрились в лунном свете, прятался в дебрях парка. Разросшиеся кусты подобрались вплотную к дороге, просунули сквозь прутья колючие лапы. Накренилось, грозя обрушиться, дерево, и уродливые ветви его вывернулись, наклонились, точно оно все еще пыталось устоять, ими опираясь на ненадежную землю.

Ржавые ворота.

И пустая дорога. Слабый огонек у темной громадины здания, выглядевшего заброшенным и оттого еще более уродливым. Разбитые ступени, мраморные сфинксы и колонны, облюбованные плющом. Здесь пахло сырой землей, камнем и еще чем-то на редкость неприятным. Катарина моргнула. И приняла руку, которую ей подал молчаливый гигант. И лишь оказавшись у земли, тихо поинтересовалась:

— Как вас зовут?

— Грай, госпожа, — гигант склонил голову, сделавшись вдруг похожим на королевского палача. Тот тоже отличался немалыми размерами, а еще был застенчив и явно чувствовал себя виноватым. Но странное дело, палач Катарина не боялась.

Он обещал, что мучить не станет.

И что помолится.

А она подарила ему кольцо с аметистом, для его беременной жены... и еще другое, платой за услугу, воспользоваться которой так и не рискнула.

Следовало бы забрать тот флакон. Но вот беда, в суматохе Катарина просто-напросто забыла.

— Спасибо, Грай, — она улыбнулась.

Королева должна уметь улыбаться, даже когда хочется завопить от боли и страха. Или просто попроситься обратно в телегу. Там сено теплое.

— Так это...

— Идем, — мьесс Джио решительно зашагала по ступеням, и мрамор похрустывал под квадратными ее каблуками. — Эй, есть тут кто-нибудь?

Дверной молоток тукнулся в пластину, и та издала жалкий звук, то ли вой, то ли скрежет. Артефакт был испорчен и давно.

— Есть тут...

На кончиках пальцев Джио заплескали искры, и Грай размахисто перекрестился. Значит, из этих, полагающих, что бог един и всемогущ? Странно. Катарине казалось, что они не принимают нелюдей, а вот поди ж ты...

— Эй, открывайте, пока...

— Погоди, — Катарина коснулась двери и, закрыв глаза, сосредоточилась. Как она и ожидала, запирающие плетения оказались слабыми. Они и существовали лишь за счет остаточного фона, тянули силу из окружающего мира, благо, дом, как и многие старые особняки, был построен на перекрестье энергетических линий. Но все одно этого оказалось недостаточно.

Стоило потянуть на себя, и сеть рассыпалась.

А Грай, кажется, вновь перекрестился.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Темно. И неприятный запах усилился. Боги, сколько же здесь не проветривали? Ощущение, что с тех самых времен, как дом и отошел короне.

Джио подвинула Катарину и втянула гнилостный воздух.

— Проклятье.

— Живых трое, — сила отзывалась легко, и проклятые руны не мешали, разве что руки и плечи привычно зачесались, но это Катарина как-нибудь потерпит. — Не здесь... там.

— Кто тут... — сиплый голос разорвал темноту. — Сейчас полицию вызову...

— А и вызывай! — Джио явно обрадовалась.

Но искры погасли. И значит, тоже видит эту троицу. Не маги, что, правда, ничего не значит, ибо существуют специальные амулеты, скрывающие ауру. Да и обыкновенных людей не стоит недооценивать. Но навстречу вышла старуха в дрянном бумазейном платье. В руке она держала фонарь, отсветы которого ложились на изрезанное морщинами лицо, добавляя ему и лет, и уродства. Катарина отметила и строгий чепец, и сероватый фартук со многими карманами, и кожаные нарукавники, протянувшиеся до самых плеч. Из-за них руки старухи казались несуразно пухлыми, тогда как сама она была тоща.

— Кто вы такие? — поинтересовалась она.

— Госпожа Катарина Гордон, — мьесс Джио поморщилась и помахала перед носом платком, который вряд ли способен был справиться с вонью. — Хозяйка этих развалин.

Старуха фыркнула, но как-то неуверенно.

— Как вышло, что нас не встретили?

В доме что-то заскрипело, заскрежетало, будто он пытался проснуться, но не находил в себе сил. И потому вздыхал всем своим тяжелым телом.

— Почему никого не было на станции?

— Сплит, — старуха опустила фонарь, и желтые пятна света легли на пол. — Небось, опять в кабак заглянул, засранец этакий. Уволю, как пить дать, уволю...

Впрочем, сказано это было без особой надежды, точно старуха знала, что при всем желании ее уволить негодяя не выйдет.

— Уволим, — а вот мьесс Джио была настроена куда более решительно. — Завтра. Как явится... дорогой Грай, не соизволите ли вы заняться багажом? Перенесите пока сюда, а уж завтра... мы решим, что и как.

Завтра.

Катарина обняла себя, сиюсь успокоить дрожь. Неужели получилось? И у нее будет это самое завтра? Не в золотой клетке дворца, а в собственном доме, где она хозяйка, а не очередная пешка в большой политической игре?

— А вы, любезнейшая, надеюсь, комнаты приготовили? Хотя бы комнаты...

Приготовили.

Правда, камин разжечь никто не удосужился, а старые артефакты, защищавшие дом от сырости, давно иссякли. И теперь в спальне было откровенно холодно. За окном подвывал ветер. Темные ветки деревьев почти касались стекла, и Катарине казалось, что там, в ветвях, кто-то прячется.

Казалось.

Это просто дом. И ничего больше. Хмурая девица, явно недовольная появлением хозяев, разобрала постель. Слегка смяла подушку, сделав вид, что взбивает ее. Губы девицы шевелились, и у Катарины сложилось впечатление, что она ругает.

Катарину?

Неуемную мьесс Джио, потребовавшую немедленно развести огонь в камине? Или сам этот камин, чищенный, кажется, в прошлом веке? Отсутствующие грелки — трубы заросли сажей, и огонь развести не удалось, зато на древнем ковре появились кучки пепла. Молоко, за которым пришлось спустаться на кухню. И ночные горшки.

Туалеты в доме тоже не работали.

— Да, девонька, я знала, что нас не любят, но чтобы настолько? — мьесс Джио обошла комнату, ненадолго задержавшись у окна. Казалось, она просто коснулась источенных жуком рам, но Катарина увидела бледную сеть, что приклеилась к этим самым рамам.

От сети лозы охранного заклятья поползли по стенам, вливаясь в старые каналы, пусть и сухие, но вполне себе надежные.

— Это ж надо было выбрать такую... дыру, — она добавила пару слов покрепче.

Заклятье разрасталось и тянуло силы, но Джио, казалось, не замечала. Сил у нее было много.

— Зачем?

— На всякий случай, — мьесс Джио понюхала стену. — Не нравится мне это место. И эти люди.

— Думаешь...

— Думаю, что две милых дамы и в самом деле кажутся легкой добычей. Не стоит недооценивать человеческую глупость.

Дверь попытались открыть.

И ойкнули, когда ручка вспыхнула, раскаляясь.

— Стучать не пробовали? — поинтересовалась мьесс Джио. — Или вас, дорогуша, не учили тому, что должна знать любая мало-мальски приличная горничная?

Давешняя девица глядела мрачно, исподлобья. И кажется, с трудом сдерживалась, чтобы не высказать мьесс Джио все, что о ней думает.

— Можешь быть свободна. До утра. Я привыкла вставать рано. И будь добра, передай, что предпочитаю завтракать нормально, без всяких этих полезных каш на воде. Так что пусть озаботятся, если, конечно, твоя бабка хочет сохранить свое место.

Мьесс Джио забрала у девицы кувшин с водой и отпустила взмахом руки. И дверь закрыла.

— Бабка?

— Да по ним видно. К слову, старуха маг, пусть и весьма слабый, но обученный. Не люблю крыс. И место это мне не нравится. Очень не нравится.

Воду она поставила на кривоватый столик.

Огляделась.

— Завтра надо будет пригласить мастеров. Надеюсь, в этом захолустье найдется кто-то с умеренной криворукостью... что смотришь, лапонька? Раздевайся и ложись, отдых тебе нужен.

Это Катарина и сама понимала.

Глаза слипались, а тело вновь сделалось мягким, напрочь чужим. Она ощущала себя со стороны, и удивлялась собственной неловкости.

Забыла, как раздеваться самой?

Там ей помогали трое придворных дам, каждая из которых не отказалась бы занять место Катарины, до конца не понимая, насколько неудобен трон и тяжела корона.

Пуговки выскальзывали из пальцев, но Катарина справилась. И шпильки вытащила. Расплела тяжелую косу, и нашла в себе силы расчесать локоны.

Может, обрезать?

Эта мысль преследовала ее давно, еще с того дня, когда ей позволили покинуть Королевскую башню, нарядили в черные одежды и закрыли лицо плотным покрывалом. Когда поставили у гроба, вручив букет белых лилий, и она маялась от дурноты, не способная передать этот букет кому-то.

Катарина забралась в ледяную постель и натянула пуховое одеяло, кажется, слишком тонкое, чтобы согреть.

— Погоди, детонька, — мьесс Джио связывала нити заклатья воедино. — Сейчас согреем...

— Я сама...

— Лежи уже, сама... — проворчала Джио, касаясь горячими пальцами лба. И Катарину окутало облако тепла, заставив выдохнуть с облегчением. — Спи. Завтра во всем разберемся...

Она устроилась рядом, на кушетке.

И Катарина промолчала, зная, что Джио не уйдет, и не ляжет в одной постели, пусть и места в ней

хватило бы для семерых. У нее свои принципы, хотя и не понятные. И... пускай. Как ни странно, сон навалился сразу и был почти пустым, разве что Катарина слышала, как хрипло беседую древние вороны Королевской башни. Их голоса пробивались сквозь толщу камня, но странным образом успокаивали.

Вороны хранили королей.

И королев тоже.

Наверное.

Катарина проснулась засветло, но все равно позже Джио, которая успела исчезнуть, в чем не было ничего необычного. Скорее странно было бы, упусти она такую возможность. Дом был огромен и нов, и манил этой новизной, обещая тысячу и одну тайну.

Джио тайны любила.

А вот Катарина села в постели, которая при зыбком утреннем свете выглядела белой и старой. На простыне виднелись латки, из плоских подушек лез пух, а одеяло и вовсе сбилось влажноватым комом.

Во дворце подобного не допускали.

Катарина потрогала пол, убеждаясь, что на ощупь он еще более холодный, чем на вид. Зевнула. И решила. Платье лежало здесь же, простое, темно-зеленого цвета, приличного для вдовы в долгом трауре. Панталоны и шелковые чулки. Подвязки. Нижняя рубашка из тонкого, но все одно накрахмаленного до колючести, полотна. Платье ложиться хорошо, и Катарине остается лишь слегка поправить воротничок.

И брошь посадить.

Проверить плетение камней, которые отзываются на прикосновение легко.

В пару серьги, дополняющие защиту. И тонкий невзрачный браслет.

Перчатки.

Волосы Катарина заплела в обыкновенную косу, дав себе слово, что всенепременно обрежет. Вечером же... сегодня.

Или завтра.

Она коснулась двери, и защита пропустила ее.

Дом был тих и печален. Сейчас, пробуждаясь ото сна, он предстал перед Катариной в истинном своем обличье. Мраморные полы, рисунок которых почти исчез под слоем грязи. Потеки копоти на потолке. И следы огня на шпалерах, будто здесь что-то горело, но не понять, что именно. Факелы? Их давно уже не используют. А вот чаши для огненных камней остались, хотя и те лет двадцать как сменились светящимися кристаллами, куда более безопасными. Дом, выходит, не переделывали.

Пустые рамы на стенах.

Куда подевались картины? И кто разрезал старый гобелен? И почему его вообще не убрали? А вот это пятно на стене явно выделяется. Что здесь висело?

Чей-то портрет?

Грязный камин. Пыль в углах. Паутина. Опустевшие артефакты, причем с выдранными накопителям. Какое варварство! Кому понадобились эти куски горного хрусталя? Особой ценности они не представляют, а вот дому пришлось тяжело.

Катарина спустилась по боковой лестнице, узкой и темной, предназначенной для слуг. Здесь было значительно чище. Лестница вывела в коридор, а тот закончился дверью, которая открылась совершенно беззвучно.

Сад дичал.

Катарина прошла по узкой тропинке, и пришлось подобрать юбки, чтобы не замочить их. Трава поднималась едва ли не до колена. То тут, то там в ней терялись россыпи бело-розовых маргариток, среди которых изредка попадались и одуванчики. Особенно много их скрывалось под кустами одичавших роз, чьи колючие плети расползлись змеями, переплелись, будто запирая путь в глубины сада. Туда, где шумели огромные мрачные на вид деревья.

Дуб?

Определенно. И ясень, и терновник, которому точно не место в приличных садах. Дворцовые мастера пришли бы в ужас, увидев это место, а Катарина вдруг поняла, что ей нравится.

Груда камней, затянутая зеленым мхом. И тонкая нить ручья, пробившаяся из-под этой груды. Водосборы, что протянулись по бережкам его, развесив голубые свои колокольчики. И строгость ядовитых аконитов. Надо будет собрать, но потом, позже, как войдут в силу.

Катарина подняла юбки еще выше.

...королевы не бегают по саду и не забираются на камни. Им полагает шествовать медленно, не роняя своего достоинства, и исключительно по дорожкам. Им стоит помнить о том, как выглядят они в глазах подданных, и что любое слово, любой взгляд, любой жест может быть истолкован превратно.

Королевам лучше вовсе не покидать отведенных покоев.

Катарина тряхнула головой и решительно перепрыгнула через ручеек. Стянула туфли, оглянувшись — тишина и пустота — сняла и чулки. Замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. И вытянув ногу, коснулась-таки земли.

Теплая.

И трава щекочет.

Катарина тихо засмеялась. Юбки выше и... прыжок через темный валун, на котором замерла бабочка. Испугавшись тени, та поднялась, закружила. И на душе вдруг стало легко-легко.

Королевы не бегают?

Пускай.

Какое счастье, что Катарина больше не королева.

Она сама не поняла, как оказалась в этой части парка. Заброшенные цветочницы, позеленевший камень которых облюбован лишайником, а у подножья чаш расползся ковер темных фиалок. Звенят полупрозрачные крылья стрекоз. И густая тень укрывает от солнца влажное подбрюшье леса.

Пожалуй, что уже именно леса.

Одичавшая малина манила пчел белым цветом. И позже здесь появятся ягоды.

...во дворце малина росла, даже зимой. И ягоды давала крупные сладкие, вот только без запаха. Катарине они казались ненастоящими.

Она коснулась колючек.

Отступила.

Поморщилась, когда в пятку впился острый сучок. И устроившись здесь же, в тени куста, надела туфли, благо, не стала бросать там, у ручья.

— Так-то лучше, — сказала Катарина, и на звук ее голоса откликнулись пичуги. Кто-то тревожно зазвенел в ветвях старого дуба, и голос этот подхватили другие, разнесли по саду.

А потом Катарина увидела его.

То есть, сперва не увидела, скорее ощутила присутствие человека, и замерла, попятилась, скрываясь в колючках малины. Тяжелые ветви раздвинулись, пропуская Катарину, и сомкнулись, запирая ее, защищая лесною короной. Мелко задрожали листья, растревоженно загудели пчелы.

А сердце забилось быстро-быстро.

Не стоило уходить из дома.

Одной.

И так далеко.

Амулеты... пусть Катарина сама их делала, но тем лучше она понимает, что амулеты не спасут от всего, что сейчас она куда более уязвима, чем во дворце, что...

Замяукала сойка.

Хрустнула ветка под чьей-то ногой. И Катарина заставила себя застыть, пальцы ее стиснули брошь, выпуская дремлющее заклятье. Теплые нити собственной силы оплели Катарину, и малина, казалось, отзываясь на магию, плотнее сдвинула ветви.

Вот так.

Это не невидимость.

Но если сидеть тихо... очень-очень тихо, то ее не заметят. Даже если пройдут рядом, то все одно не заметят. А Катарина умеет таиться. Главное — победить собственный страх, который нашептывал, что самое время бежать и звать на помощь, что, если Катарина поторопится, она успеет, что дом недалеко, а в доме люди.

Чужие люди.

В чужом пока доме.

Она стиснула зубы и заставила себя дышать спокойно.

А гость остановился у дуба. Огляделся. И сбросил на траву перевязь с парой клинков. Затем снял куртку. Рубашку. Высокие сапоги. Штаны...

Катарина нахмурилась. Если ее собрались убивать, то... как-то слишком уж... вызывающе? Или он просто одежду вымазать не желает?

Он был высок.

Очень высок.

Пожалуй, куда выше Джона, не говоря уже о Генрихе, который весьма гордился собственным ростом. И кажется, именно факт, что Джон перерос отца, и злил его безмерно.

Катарина икнула и тотчас зажала рот руками.

Ей доводилось видеть голых мужчин.

То есть, почти голых, потому что ее супруг и в постели предпочитал оставаться в нижней рубашке, тканью стыдливо прикрывая раздобревшие тела. И тогда Катарине это казалось нормальным.

...в тот вечер наспех сращивая колотую рану, она даже прикоснулась к обнаженной мужской груди, но почему-то тогда не испытывала и толики нынешнего стыда. Может, оттого, что Джон умирал? А она боялась, что он все-таки умрет, что малых ее сил не хватит, а целительские амулеты вовсе не так и хороши?

Хватило.

И тяжелые платиновые браслеты сделали свое дело, пусть и предназначались вовсе не для того, чтобы исцелять мятежников. Кажется, и шрама не осталось. Или все-таки? Она так и не рискнула спросить.

У нынешнего мужчины шрамов хватало. Они вились по смуглой коже белыми узорами. Одни были толстыми и светлыми, словно ветки, другие — тонкими, едва заметными. И Катарине казалось, что еще немного и она поймет смысл этого рисунка, но тот ускользал. А мужчина, наклонившись, подхватил клинки.

Вздохнул воздух.

...а ведь он не человек. Это стало ясно с первого движения, текучего, что вода. Люди не способны так двигаться. И рост, и светлые, почти белые волосы — это ненормально. Волосы он забирал в косу, выплетая ее так хитро, что не у всякой камеристки получилось бы.

Он крутанулся на месте, рассекая клинками воздух, а Катарина подумала, что убивать ее, кажется, все-таки не будут. А утро можно считать полностью удавшимся.

Глава 3

Клинки пели.

И голоса их успокаивали, смиряя ярость, кипевшую в крови. Призрак завыл, отзываясь на гнев хозяина, и Тьма полыхнула силой, но покорилась, ушла вниз, коснувшись темной травы.

Кайдено позволил себе сделать вдох.

И выдох.

Вот так. Медленно. Смиряя эмоции, которые грозили выплеснуться, и трава, чувствуя это, тянулась навстречу. Гремел листвою дуб, и чудилась в нем заветная песня.

Еще немного.

Быстрее.

И еще быстрее. Пусть рвет болью мышцы, пусть выкручивает суставы, на пределе и за пределом, чтобы до последней капли силы, чтобы... легче стало дышать. И когда эмоции уйдут, разум возьмет свое.

Уже берет.

Ярость утихла, и лишь в ветвях дуба проклюнулись свежие листья, а терн в старой части парка и вовсе пойдет в рост. Этак он и до старого дома доберется. Впрочем, в доме давно никто не жил, хотя и продавать его отказывались с завидным упрямством, свойственным лишь роду человеческому.

Кайдено позволил Тьме уйти за спину, поразив призрачного врага.

Она предпочла бы живого.

К примеру, того, кто помог исчезнуть каравану саларских купцов. И нагло, так нагло, что Кайдено зарычал. Призрак задрожал, соглашаясь, что эти люди заслужили смерть, которая всенепременно настигнет их, но позже, когда Кайдено поймет, как они это делают.

Про груз не знал даже управляющий.

И все-таки...

Караван прибыл в Бристон третьего дня, чтобы, переночевав в таверне, выдвинуться на рассвете. Товары загрузили на повозки, как и охрану, и многоуважаемого Али ин Исула, связанного с Кайденом клятвой верности и дружбы, двух его сыновей.

Повозки вышли через северные ворота в седьмом часу утра.

И исчезли, будто их и не было.

Клинки бессильно коснулись травы.

Кайдено отомстит, но месть не вернет людей. И чувство вины было острым, что северный ветер. Кайдено все-таки заставил сердце биться медленней и, выдохнув, замер. Клинки слегка дрожали в вытянутых руках, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы держать их.

Просто держать.

Вот так, вдыхая сладковатый весенний воздух, насыщая им кровь, и выдыхая. Медленно. И еще медленней. Почти сроднясь с привычным местом, которое...

Перестало быть привычным.

Он не сразу понял, что в нем изменилось. Старое дерево? Нет, оно было прежним, от кончиков корней там, под землей, до последнего листа на вершине. Этот дуб помнил еще матушку Кайдена, а может, и ее благородных предков, которые оказались достаточно благоразумны, чтобы не вставать на пути влюбленной дочери. Они приняли и выбор ее, и дитя, чья кровь была слишком горячей, чтобы нашлось ему место в проклятых Холмах.

Нет. Дуб помнил и самого Кайдена в первые дни его здесь.

Как и терн, принесенный им ветвью отцовского куста.

Трава?

Птицы?

Человек. Кайден медленно повернулся, удивляясь тому, насколько беспечен он был. Почему сразу не ощутил постороннего присутствия? Потому ли, что человек умел скрываться? Он потянул на себя силу, и спрятался в ней.

Для чего?

Клинки ныли, нашептывая, что приличные люди не прячутся. И что тот, кто сидит в кустах, явно не желает добра. Иначе вышел бы. А стало быть, не грех пустить ему кровь.

Всего каплю.

Кайден стиснул пальцы. Не хватало еще выпустить призрачных гончих. Нет, он найдет, куда убрать тело, благо, место нынешнее ему прекрасно знакомо, но... убивать без веских доказательств вины нехорошо. Наставник точно не одобрил бы.

А потому Кайден сосредоточился на ощущениях.

Человек... определенно... маг, но какой-то неправильный, будто суть его заперта в клетке. Некрасиво, да... очень некрасиво и весьма болезненно. Кайден помнил время, когда его силу пытались смирить. И когда учили держать осанку. Второе доставляло куда больше неудобств.

Возможно ли, убив этого человека, Кайден окажет ему услугу?

Нет, люди к подобному относятся иначе.

А еще человек был женщиной.

Теперь Кайден ощущал острый пряный аромат ее тела. Так пахнут белые цветы полуночника, открываясь на призыв светила. Бледные по сути своей, они манят бабочек ароматом, а из сока их варят дурманящее зелье, капля которого способна подарить волшебные грезы, а две — отнять разум.

Ноздри его дрогнули.

От человеческой женщины не могло так пахнуть.

Не должно было.

Женщины... находили Кайдена привлекательным. Они не раз и не два делили с ним постель, некоторые требовали большего, хотя Кайден изначально предупреждал, что не собирается связывать себя бессмысленными узами. Но они не верили.

Обижались.

Требовали подарков. Уходили. Возвращались. Ругались. Плакали. Были шумны и зачастую весьма надоедливы. В последние годы он пришел к выводу, что проще брать других, за деньги. Это избавляло от многих неудобств.

Кайден повернулся спиной.

Женщина прячется?

Пускай. Опасности она не представляет. Возможно, что прячется она от кого-то? Если так, Кайден за ней присмотрит. Бабушка говорила, что женщины слабы и нуждаются в присмотре.

Она сидела, не шевелясь, пока Кайден одевался. И каждое мгновение он ощущал на себе внимательный взгляд, который, странное дело, заставлял поторапливаться.

Убрав клинки, Кайден бросил последний взгляд на убежище странной женщины, и сделал шаг в сторону. Он притворился, что уходит, но скрывшись за старым камнем, повернул назад. И теперь использовал собственную силу, чтобы двигаться бесшумно.

Кайден обошел заросли малины с другой стороны аккуратно тогда, когда из них выбралась незнакомка. Он остановился в тени кривой ивы. Тонкие ветви ее надежно укрывали Кайдена, не мешая глядеть.

А поглядеть было на что.

Женщина выбиралась задом, подобрав при этом юбки так, что видны были и бледные ножки, и кружево панталон. Очутившись на полянке, она поднялась, отряхнулась и сказала:

— Вот же ж... приключение, — добавив пару слов покрепче, из тех, которые женщинам знать не следует.

Незнакомка была хороша.

Настолько хороша, что в это просто не верилось.

Хрупкая.

Воздушная. Какая-то невообразимо легкая и в то же время живая. Ее аромат привязался к Кайдену, раздражая тем, что игнорировать его не получалось. Вот совсем. Он стоял и смотрел.

Вот она собирает травинки, прилипшие к платью. Хмурится. И золотые брови ненадолго сходятся над переносицей. Вот трогает пылающие щеки, и на них расцветают бледные пока веснушки. Она точно знает о веснушках, потому как сокрушенно качает головой. Человеческие каноны красоты требуют гладкой кожи.

Она и гладкая.

Светится изнутри, словно мрамор. И этот свет манит. Прикоснуться бы. Проверить. Украсть толику тепла... и изучить ее черты. Этот аккуратный носик. Губы резные, которые она раздраженно покусывает. А еще оглядывается, явно гадая, далеко ли Кайден ушел.

Недалеко.

Но вот женщина коснулась нити на запястье, и почти вдруг исчезла. Заклятье? Если так, то интересное и весьма. Кайден прежде не встречал ничего подобного.

Но бояться ей нечего. Он уйдет.

Потом.

Когда проводит женщину. А та, выбравшись на тропу, остановилась, прикусила губу и глаза прикрыла, явно раздумывая, как быть дальше. И хмурая, была до того забавна, что Кайден не удержался от улыбки. Над головой женщины плясали искорки света, а в золотой косе ее запутались белые лепестки. Но вот она отряхнулась, словно избавляясь от наваждения, и решительно зашагала по тропе. К дому. Выходит, она в нем живет?

Когда появилась?

Прежде Кайден ее не встречал. Значит, не так давно. И как надолго? Хватит ли у него времени свести знакомство? От этого Кайден, пожалуй, не отказался бы. И пусть продлится оно недолго — он быстро утрачивал интерес к человеческим женщинам, что безмерно огорчало бабушку, все еще надеявшуюся, что однажды он женится и продолжит род, — но почему бы и нет?

Он умеет дарить радость.

И всегда щедр.

Ей понравится.

Кайден довел ее почти до самого сада, а затем, взобравшись на ветку, следил, как женщина исчезает в темной громадине дома.

Да, завтра он отправит визитку.

А сегодня — Дорба, пусть заглянет к соседям, узнает, кто это такой появился. Кайден уже почти ушел, когда встревоженный писк овсянки заставил его замереть.

Рука сама потянулась к клинку.

А тело напряглось, втискиваясь в слабую тень дерева. Следовало бы выбрать дуб, но у дома рос лишь один, и тот был далековато. Ясени же всегда отличались вздорным нравом. Но этот Кайдена принял.

Пичуга замолчала.

А следом и сверчки. Из кустов жимолости на тропу выбрался еще один человек. Мужчина. Возраст... не понятен. Но вид весьма характерный, что неприметная удобная одежда, что эта вот манера двигаться, крадучись. И марево магии, окружавшее незнакомца.

Он и сам был магом.

Сильным.

Но силу свою прятал, что Кайдену категорически не понравилось, как и пара серебряных колючек, которые мужчина оставил на тропе.

Для кого подарок?

К дому человек приближаться не стал, а вот к ясеню подошел и, хлопнув по стволу рукой, произнес:

— А ничего так...

Кайден ощутил острое желание познакомиться с этим типом поближе. Он подобрался, прижался к ветке, почти решившись, когда в дальних кустах затрещала сорока, предупреждая, что гость не один.

— Нашел? — этот был постарше и пониже, но тоже маг, пусть и не такой яркий.

— А то...

— Отметил?

— Там.

— Тогда уходим, — говорил маг шепотом, и Кайдену пришлось свеситься. Разговор ему понравился еще меньше, чем люди.

Впрочем, стоило признать, что людей он в принципе недолюбливал. А наемников и подавно.

— Погоди... — молодой водил по стволу пальцем, оставляя на коре темные линии ожогов. — Ты видел эту лапочку?

— Видел.

— Ведь не обязательно, чтобы совсем... за нее неплохие деньги дадут.

Сомнений, что говорили они о золотоволосой незнакомке, не возникло.

— Тебе мало?

— Всегда мало.

— Дурак, — тот, который был старше, покачал головой. — Заказ нужно исполнить.

— Исполним, — молодой облизал губы. — Но ведь можно и по-всякому... Абиссинец будет благодарен... очень благодарен... он давно спрашивал чего-нибудь такого... на юге за блондинок по весу взять можно.

Кайден свесился с ветки и, вытащив клинок, позволил ему упасть. Зачарованный металл бесшумно рассек полог листвы, сбив пару зеленых ладоней наземь, и вошел аккуратно в лысоватую макушку мага. Взревел беззвучно Призрак, получив наконец-то жертвенную душу, а Тьма рванула следом, требуя своего.

Второй был хорошим наемником.

Опытным.

Он успел развернуться. И руку вскинул, готовый спустить заклятье, но Кайден взмахом клинка лишил его этой руки. У него даже получилось сдержать призрачную гончую, которая завывала уже от обиды.

Позже.

Сперва разговор.

Он легонько ударил мага по макушке, перетянул рану — не хватало, чтобы тот умер раньше времени — и взвалил на плечо. Оглянулся на второго, который лежал тихо и смирно. Хмыкнул.

Все-таки дед был кое в чем прав: Кайдену определенно не хватало выдержки. И внимания к деталям. Сбросив добычу на траву, Кайден обыскал мертвеца, став обладателем с полудюжины амулетов, причем весьма неплохих, сорока золотых соверенов и бляхи, которая тоже в хозяйстве пригодится. Рассовав добычу по карманам, Кайден взял тело за ноги и подтащил поближе к корням ясеня. Конечно, по-хорошему мертвеца следовало бы убрать из сада, но это долго.

И двоих он не унесет, а значит, останется вероятность, что кто-то вдруг его обнаружит.

Полицию вызовет. Дознавателей. Кайден, конечно, дело возьмет, но... вот не любил он двусмысленных ситуаций. Просто не любил. И положив обе руки на израненную кору, позвал.

В первые мгновенья ничего не произошло.

И во вторые.

Ясени упрямы. А этот еще и оскорбленным себя чувствует. Как же, без должной почтительности... был бы Кайден истинным сыном Высокого народа, но ведь человеческой крови в нем больше, а суть и вовсе такова, что не нашлось ему места в Зеленых холмах.

Пускай.

Ему и в мире явном неплохо живется. А вот от помощи Кайден не откажется. И яшень дрогнул. Зашевелились корни, раздирая мягкую землю. Со стоном разошлась трава, и тело осталось лишь спихнуть в темную сырую ямину.

А затем земля сомкнулась.

Холм, правда, получился. Но к вечеру, когда жадные корни, уже прораставшие в плоть, высосут из нее все соки, холм осядет. А через пару дней от мертвеца и вовсе останутся, что кости, да и те...

Яшень зашелестел, уже благодарно.

Деревья тоже бывали голодны.

Кайден поправил клинки, забросил все еще бессознательного мага на плечо и, насвистывая веселую песенку — настроение стремительно поднималось — зашагал прочь от дома.

Сюда он вернется.

Позже.

Глава 4

Платье Катарина все-таки испортила. И дело не в темных травяных пятнах, с ними магия справится, но вот рваная дыра на подоле — дело другое.

И когда она успела порвать?

Где?

— Как погуляла, лапочка? — осведомилась мьесс Джио, которая устроилась на террасе.

Кресло-качалка, сигарета на длинном мундштуке, пепельница и мрачного вида тип в потрепанной ливрее, которому и выпала высокая честь эту пепельницу держать. Впрочем, судя по выражению лица, тип не до конца осознавал всю глубину оказанного ему доверия. Он время от времени морщился и даже порывался отступить, но тут же вздрагивал всем телом и выпрямлялся.

Мьесс Джио умела воспитывать слуг.

— Спасибо, чудесно, — Катарина присела на край стула.

Сделанный из гнутой лозы, некогда он был весьма изящен, но время превратило это изящество в откровенную хрупкость.

— А вы...

— Инспектируем-с, — мьесс Джио дотянулась до чашки с черным-черным чаем. — И думаем-с...

— Над чем?

— Над тем, что эту халупу проще снести, чем восстановить. Ты можешь быть свободен. Вздумаешь вновь нажраться, я тебя не то, что без рекомендаций выставлю, но сделаю так, что и костей твоих не найдут. Ясно? — это мьесс Джио произнесла весьма дружелюбным тоном, который, впрочем, вряд ли мог ввести в заблуждение. — И вели подавать завтрак. Госпожа проголодалась. Ты ведь проголодалась, солнышко?

— Немного.

— Вот и отлично... у тебя веснушки.

— Да? — Катарина тронула скулы. Надо же, а она и забыла, насколько легко ее высыпает. Следовало зонт взять... или нет?

Теперь она может позволить себе даже веснушки.

— Я мужчину видела, — сказала Катарина, пытаясь нащупать хоть одно пятнышко. Отца они раздражали, виделся в этих самых веснушках изъян, скрытый намек на дурную кровь, которой в высоком роду Годдардов быть не могло.

Катарина верила.

Крови быть не могло, зато вот веснушки имелись.

— В саду, — уточнила она. — Голого.

— Да? — мьесс Джио оживилась.

— Почти голого, — Катарина ощутила, что вновь краснеет. — Подштанники он снимать не стал.

— Это зря.

— Почему?

— Мужчина, который снимает все, кроме подштанников, априори подозрителен, — мьесс Джио выпустила тонкую струйку дыма.

— Он тренировался.

— С подштанниками?

— С парными клинками, — Катарина позволила себе улыбнуться. — И как мне кажется... я, конечно, не специалист по... боям...

— И мужчинам, — Джио все же не удержалась от укола.

— И мужчинам, — согласилась Катарина. — Но он был весьма хорош.

— В каком смысле?

— Во всех, — Катарина убрала руки от щек. Ей стоит научиться быть спокойнее. — А еще, кажется, он не человек... быть может, совсем не человек...

Она закрыла глаза.

Гибкая фигура. Светлые волосы, куда более светлые, чем у нее. Серебро? Пожалуй. Или все-таки благородная платина? Темная кожа. Шрамы узорами.

— Из Высокого народа.

— Вряд ли, — мьесс Джио отнеслась к случившемуся с необычайным для нее безразличием. — Альвы не слишком жалуют тварный мир. Им здесь неуютно. Скорее всего, полукровка.

Катарина кивнула.

Она помнила альвов. Высокие фигуры, настолько нечеловеческие, что жуть брала. И главное, нельзя было сказать точно, что же именно с ними не так. Две руки. Две ноги. Бледная кожа, будто инеем подернутая. Черты лица почти привычные, те же нос и глаза, что и у людей, пусть глаза и бледны, отчего и создается ощущение, будто дети короля Грез не способны видеть.

Видят они получше многих.

И слухом обладают тонким. И еще умеют улыбаться так, что становятся видны острые мелкие зубы. Они говорят чисто, но так, что поневоле начинаешь путаться в словах, искать скрытые смыслы.

Генрих альвов не жаловал.

Боялся.

Пожалуй, только их, ибо даже с великанами, обретавшими на дальних берегах Зеленой земли, он держался куда свободней. А еще он надеялся, что альвы снизойдут и помогут.

Зря.

Они никогда никому не помогали просто так. Генрих предлагал им плату, но, верно, не сочли достойной. Или, быть может, все дело в той женщине, которая долго смотрела в глаза Катарины, а потом наклонилась и губами коснулась губ. Она вдохнула в Катарину холод. Отстранилась. И сказала:

— Так будет лучше.

Генрих очень разозлился. И естественно, на Катарину, будто это она была виновата. И в том, что альвы не знают протокола, и в том, что долго не получалось согреться, и конечно, в том, что Катарина расплакалась от страха.

Ей было шестнадцать.

Как давно ей было шестнадцать...

— И где ты, говоришь, его видела? — мьесс Джио точно знала, когда стоит говорить. И сейчас Катарина поежилась, обнимая себя.

Ветерок прохладный.

— Там...

— Завтра вместе пойдем.

— Зачем?

— Давно не видела достойных мужчин, — мьесс Джио стряхнула пепел и поднялась. — А теперь, дорогая, думаю, стоит выяснить, куда пропал наш завтрак. Да и вовсе домом заняться.

Катарина послушно поднялась. Воспоминания вновь отбили всякий аппетит, а утренние силы иссякли, появилось знакомое желание лечь и не шевелиться, и лежать, лежать, насколько Катарины хватит. И может, заснуть, но так, чтобы без снов и как можно надолго.

— Идем, идем, дорогая, — мьесс Джио подхватила Катарину под руку. — Нам еще в город ехать... надо же эти развалины приводить в порядок.

— Надо ли?

— Опять умирать собралась? — тычок заставил поморщиться, но боль привычно отрезвила.

— Порой мне кажется, — призналась Катарина, — что я давно уже мертва.

— Кажется, — безапелляционно заявила мьесс. — Это только кажется. Ты же сегодня встретила мужчину. А поверь моему опыту, мертвым женщинам они не интересны.

Пожалуй, что так.

Гостя Кайден сгрузил в подвале. Заботливо обобрал, пополнив коллекцию амулетов тройкой весьма качественных щитов и огненной плетью, которую встроили в кольцо. Надел кандалы. И блокирующий ошейник, ибо маги — народ подлый, только волю дай, всенепременно что-нибудь сломают. Он даже напоил бедолагу поддерживающим зельем, вспомнив, что люди куда более хрупки, чем кажутся. Не хватало еще, чтобы наемник ушел, не выдержав допроса.

— Вижу, хорошо прогулялся, — Дуглас спросонья был привычно мрачен. Короткие изрядно сдобренные сединой волосы его торчали дыбом, а ленты защитных узоров на руках потемнели. — Это кто?

— Понятия не имею, — честно ответил Кайден, оттянув веко пленника.

Зрачок на свет реагировал плохо.

— Кайден! Помнишь, дедушка говорил, что нельзя просто хватать людей и... вот так... — Дугласу несколько недоставало искренности.

— Я не просто. Он соседку убить собирался.

Прозвучало жалко.

Вот ведь... сколько лет прошло, и Кайден давно уже хозяин этого дома, и этого человека, а все одно оправдывается. И задница помнит розги, которые Дуглас, говоря по чести, использовал весьма редко и всегда по делу. Сейчас он просто покачал головой. И уточнил.

— Какую соседку?

— Новую, — Кайден похлопал пленника по щекам. — Красивую. В кустах сидела.

— Ага...

— Я не сразу ее заметил.

Дуглас поднял бровь.

— Но она не поняла, что все-таки заметил. Решил проводить.

— Хорошенькая?

Кайден кивнул.

— Благородная?

— Наверное. Не знаю. Красивая.

— Держись подальше.

— Почему?

На пощечины пленный реагировать не желал.

— Потому что ты с ней даже не знаком, а уже... тащишь в дом всякое, — Дуглас обошел мага и требовательно вытянул руку, в которую Кайден вложил добытую бляху.

Обе бляхи.

— Второй где?

— Закопался.

— Сам? — Дуглас бляхи выложил на стол.

— Почти... ясень помог.

Вот почему Кайден, несмотря на то, что физически много сильнее обычного этого человека, и давно уже превзошел его в воинском искусстве, все одно чувствует себя бестолочью.

— Помог, стало быть... но хоть закопался-то он надежно?

— Очень, — поспешил заверить Кайден. — Даже с лопатами не найдут. А копать там нечего... незачем... в общем, я подумал, что этот нам все и расскажет.

— Расскажет, — кивнул Дуглас. — Куда ж он теперь денется? Зря, что ли тащил? Хотя, конечно... абиссинские львы... в нашем-то захолустье?

Он потер щетинистый подбородок.

Львы?

В человеческих наемниках Кайден разбирался не слишком хорошо. Ему они казались одинаково бесчестными, но о львах что-то такое слышал.

— Профессионалы своего дела, — Дуглас постучал краем бляхи по столу. — Их немного. И у нас они вне закона, да...

Хорошо.

Значит, если тот первый закопался не так глубоко, как хотелось бы Кайдену, точнее если вдруг произойдет непредвиденное, и тело отыщут, то особых неудобств сие обстоятельство не причинит.

— ...после того, как участвовали в заговоре Сотни. Я грешным делом думал, что их всех перебили, но выходит, что нет. Интересно... очень интересно...

Дуглас потер подбородок и пнул пленника.

— Интересно даже не то, как их отыскивали... скорее зачем? Эй ты, недоносок, поговорим? А ты, мальчик мой, иди и приведи себя в порядок.

— Зачем?

— Знакомиться пойдем, раз уж у нас тут такое... под боком.

— Спроси и про караван...

— Спрошу, спрошу, — Дуглас подтолкнул Кайдена к выходу из камеры. — Не переживай, обо всем спрошу. А тебе отдохнуть надо. Помыться... помнишь, мыться надо каждый день...

Помнит.

Еще как помнит. Мытье Кайден ненавидел. Раньше. В том, в ином мире, который казался настоящим, тело не требовало такой заботы. Оно падало в мягкие мхи, и те очищали от грязи куда лучше воды.

Вода пугала.

Она обжигала и парила. Воняла мылом. И давала клубы едкой пены, которая норовила забраться в глаза. Кайден вздохнул.

Надо будет написать письмо бабушке. Ей нравится получать письма. И деду тоже. Он куда более сдержан, но тоже беспокоится. Он приглашал Кайдена ко двору, говорил, что начинается время перемен и возможности открываются великолепные, что таланты Кайдена оценят...

Может, и вправду поехать?

Потом?

Он открыл краны и подставил руки под струи воды. Горячая. И холодная. От воды теперь пахнет только водой, а от ванны — камнем. Она огромна и сделана по его заказу. Кто бы мог подумать, что дикарь из-под холмов полюбит воду?

Она разбивалась о руки, и брызги ложились на края ванны удивительным узором.

Кайден вздохнул.

И поднялся.

Вышел, позволив ванне наполняться. Разделся. Вспомнил ту женщину, которая... с которой он сегодня познакомится и узнает ее имя. Заглянет в глаза. Кайдену хотелось знать, какого они цвета. А еще пересчитать веснушки. Если, конечно, она от них не избавится.

Почему-то человеческие женщины старательно боролись с солнцем.

Глупые.

Клинки он вернул на подставку и задумался. Пропавший караван? Незнакомка? Наемники? Совпадение? В подобные совпадения не слишком-то верилось. Но Кайден сказал себе не спешить. Если наемник что-то знал, то Дуглас это выяснит.

Как-то у него ловчее получалось с людьми говорить.

Определенно.

К обеду Дуглас не вышел, но появился к пятичасовому чаю, который в доме подавали, хотя Кайден так и не смог понять, почему чай нужно пить именно в это время, а не часом позже или раньше.

— Знаешь, что интересно? — Дуглас успел принять ванну, и на седых волосах его блестели капли воды. А от самого тянуло гарью. Запах этот будет держаться долго, его не перебьют ни резковатая вонь темного мыла, которому отдавал предпочтение Дуглас, ни виски с сигарами.

— Что?

Чай накрывали в Чайной гостиной, где давно уж требовался ремонт, но Кайден сам не решался, зная, сколь специфичным вкусом обладает, и что бабушке, вздумай она вернуться, результат совершенно точно придется не по вкусу. А потому слуги следили за чистотой, полировали серебро, натирали до блеска каминные решетки и старались не замечать, что старые обои совсем уж выцвели, а полировка стола давно помутнела.

Шторы провисли.

И осыпалась в дальнем углу лепнина.

Кайден поднял чашку из парадного сервиза, поднес к носу и понюхал. К чаю он был равнодушен, но хороший лист ценить умел.

Нынешний был неплох.

И стало быть, новый управляющий пока старается отбирать действительно первоклассный товар.

— Что этот тип и вправду знал довольно много интересного, — а вот Дуглас предпочитал чай традиционный, разводя им молоко и добавляя каплю гречишного меда. — Не столько о делах наших, сколько в целом, да...

В целом мир Кайдена волновал мало.

— Прибыли они сюда еще на прошлой неделе, когда, собственно, и поступил заказ, — Дуглас взял с блюда крохотное пирожное и отправил в рот, зажмурился, наслаждаясь вкусом. Сладкое он любил и любви этой не скрывал. — А вот дамочка наша приехала лишь вчера, чем заставила парней понервничать.

— Кто она?

— Вдова мелкого дворянчика, которой свезло получить наследство. Во всяком случае, они в этом уверены.

— Не ты?

— Как давно ты пытаешься купить дом?

— Лет десять как... — Кайден почесал кончик носа.

— И что тебе отвечали?

— Да... разное, — он пожал плечами. Причины отказа были нелепы, но дом этот не настолько был нужен Кайдену, чтобы докапываться до правды. Так, вспоминалось иногда, что поместье бы неплохо расширить. Да и сад там задичал должным образом, чтобы Кайден чувствовал себя в нем спокойно.

— Прежняя его хозяйка как раз десять лет тому и преставилась. Ты ж ее помнишь?

Кайден кивнул.

— И дочь ее помнить должен... ты с ее сыновьями частенько дрался, да... на редкость неприятная особа.

И снова Кайден согласился.

— Такая не упустила бы наследства, но дом стоял. И хозяйка появилась-таки. Сейчас, — Дуглас перебирал кусочки засахаренных фруктов. — И конечно, может статься, что все это время наследники пытались договориться, случалось тяжбам идти и куда дольше, но...

— Ты не веришь?

— Не знаю пока... не знаю... познакомиться надо бы.

— Я отправил визитную карточку.

— Молодец, — кивнул Дуглас, который немало гордился сдержанностью своего ученика. Повзрослел, стало быть. Лет десять тому он бы просто проводил красавицу до спальни, где и продолжил бы знакомство. Что ж, леди Гленстон будет весьма довольна.

А уж если он женится...

Правда, от этой мысли Дуглас отмахнулся, как от совершенно невозможной. В отличие от леди Гленстон с ее надеждой получить внуков, он явно отдавал себе отчет, что нет существа менее приспособленного к тихой семейной жизни, чем Кайден.

— Но ждать две недели, когда оно прилично станет? — Кайден одним глотком осушил чашку и аккуратно опустил ее на блюдце.

— Ты прав, в этом смысла нет. Нужен повод. Веский повод познакомиться... я прогуляюсь.

— А я?

— А ты внизу уберешься.

Кайден скривился, но возражать не стал. И вправду взрослеет...

— Еще что?

— Заказ был четкий. Устранить. Но так, чтобы походило на несчастный случай. Более того, сходство должно быть таким, что, если вдруг случится расследование, ни у кого не возникло сомнений, что произошел именно несчастный случай. Или, на худой конец, самоубийство.

Кайден поерзал.

— А кто?

— Заказчик не известен. Распоряжение пришло от главы гильдии, а он, сам понимаешь, не распространялся. Но награду обещали не малую. В числе прочего — снятие запрета на работу гильдии в Британии.

Действительно интересно. Деньги деньгами, а подобные обязательства не всякому под силу исполнить.

— Враги у этой твоей девоньки высоко сидят. Напиши бабушке, поинтересуйся.

— Чем?

— Всем, — Дуглас облизал пальцы. — Что интересного произошло в последние... скажем полгода... нового, необычного. Может, слухи какие пошли.

Кайден кивнул.

— А караван?

— А вот с ним они и прибыли.

— То есть?

Дуглас вытер руки салфеткой.

— Нанялись в охрану, благо, люди опытные, с рекомендациями. Как понимаешь, гильдейские бляхи

они не светили, а в остальном — отчего бы и нет? Охрану-то наш друг расширял, опасался... чуял ли? Не важно. Главное, что договор был до Бристола. И был исполнен. Их уговаривали остаться и в любом другом случае они бы согласились, но заказ имелся. И глава гильдии весьма настаивал, чтобы исполнили его как можно быстрее. И чище.

Пальцы Дугласа затарабанили по краю стола.

— Так что... надо решить, будем ли мы в это дело вмешиваться.

А вот теперь Кайденом нахмурился.

— Погоди, — Дуглас поднял руки. — Подумай. Дамочка явно непростая. И избавиться от нее хотят люди серьезные, раз уж на этих умельцев не поскупились. А подобные люди привыкли добиваться желаемого.

Кайденом мотнул головой. Убивать женщин нехорошо. Куда хуже, чем убивать мужчин.

— Они не любят, когда кто-то рушит их планы. Нужен тебе такой враг? — Дуглас сказал и поморщился, вот не стоило говорить о врагах.

Ишь, глаза заблестели. Кайденом даже вперед подался, стол толкнул и тонкий фарфор жалобно зазвенел, предупреждая, что не привык к подобному обращению.

— Нужен.

Врагов мальчишке не хватало.

Не считать же всерьез врагами местное отребье, которое давным-давно усвоило, что с городом и королевским дознавателем в оном городе им категорически не повезло.

Дуглас вздохнул и спросил:

— А караван?

— И караван нужен, — Кайденом поднялся. — Караван я найду. Завтра... только...

Он задумался ненадолго, дернул головой, словно отгоняя невидимую муху, и поинтересовался:

— А он там совсем умер?

— Нет, самую малость, — Дуглас налил еще чаю, ибо чашки были, безусловно, прекрасны, но в то же время отвратительно мелкие. Два глотка сделаешь, и уже дно показалось.

А подопечный застыл у окна, впери́в взгляд куда-то в дебри сада, который задичал куда больше, чем хотелось бы прекрасной леди Гленстон, но все же не превратился в заросли, милые сердцу Кайдена.

Надо было забор поставить.

Высокий.

Глядишь, и не полез бы к соседям, и не вляпался бы в чужие проблемы, которые уже вполне искренне полагал собственными. Как же... славному воину и без достойного врага.

Дуглас издал еще один вздох.

Не сидится дома...

Чтоб ему.

Глава 5

Устроившись в уголке с вышивкой, которую она взяла исключительно, чтобы скрыть трясущиеся руки, Катарина наблюдала за мьесс Джио и представлением, ею устроенным.

— И вы, милейший, полагаете, что справитесь? — мьесс Джио устроилась на софе. Перед ней переминался с ноги на ногу молодой маг.

Рекомендации его мьесс Джио держала в вытянутой руке, изредка поглядывая то на них, то на мага, и на лице ее было написано сомнение.

Маг и вправду выглядел чересчур уж молодым.

Он нацепил очки, стараясь казаться старше. Гладко зачесал волосы. Отрастил жиденькие усы, которые слегка подкрашивал. И теперь Катарина не могла отделаться от ощущения, что он сам, целиком, фальшив.

— Я лучший специалист в городе! — он покосился на Катарину и грудь выпятил.

— Тогда мне искренне жаль этот город.

Мьесс Джио свернула рекомендации трубочкой.

— Но я вам дам шанс. Для начала пройдитеесь, взгляните. Работы предстоит много...

В доме кипела жизнь.

Катарина не знала, откуда взялись все эти люди.

Женщины с ведрами и тряпками. Суетливые мужчины, что двигали лестницы и спешили забраться к потолку, откуда срывали паутину и сбивали пыль. Мальчишки-трубочисты.

Старухи, что занялись сундуками.

Маг вскинул руки. Картинный жест. И сеть, конечно, он плетет весьма умело, Катарина оценила. Заодно и отметила, что силой его Боги не обделили, может, оттого он и рисуется? Сама бы Катарина не стала использовать столь энергоемкое заклятье.

Можно ведь и проще.

Пройтись по комнатам, наполнить силой русла старых заклятий, посмотреть, где идет сбой. Составить карту. А он стоит, запрокинув голову, пытаясь удержать растущую сеть, которая распускается причудливым цветком.

— Дурень, — ласково произнесла мьесс Джио и отмахнулась от экономки, которая к утру то ли подобрела, то ли поумнела и теперь старалась держаться подле новых хозяев. — Не удержит.

— А если справится? — Катарина потрогала иглу.

Вышивать она не любила. Но разве есть иное, более достойное королевы занятие? Разве что гобелены ткать, но ткать Катарина не любила еще больше.

— Неа... смотри, разлом наметился.

Нити едва-едва истончились, и лишь весьма опытный глаз мог бы заметить неравномерность наполнения их силой. А маг? Почует ли? Нет, он слишком увлечен.

И силы много.

Слишком уж много... почему он бытовиком стать решил? Ему среди боевых магов самое место. Это ведь куда более почетно. И воевать даже не обязательно. Нынче модно иметь при свите боевика. А он в этом захолустье?

Случайно ли?

Трещина расширялась. Некоторые нити истончились настолько, что готовы были погаснуть. И только теперь маг спохватился, обратил внимание на центр, чем сразу воспользовались края. Сила пошла в южный угол, а восточный погас.

И заклятье рассыпалось.

А маг выругался. Очень тихо. Покосился на мьесс Джио, на Катарину... откашлялся.

— Что ж... дом большой... очень большой и в состоянии пребывает не самом лучшем.

— Мы это заметили, мальчик.

— Фундамент стоит укрепить, особенно в западном крыле, там родники слегка подмыли. Пока еще он держится, но если ничего не делать, то лет через пару просядет, а значит, по стенам трещины пойдут. Они, к слову, во вполне приличном состоянии. Из парадных колонн стоит укрепить две, там внутренняя нестабильность ощущается...

А может, и хорошо, что в боевики не пошел. Боевиков нынче много, а толкового бытовика попробуй отыщи. И им с мьесс Джио, кажется, повезло.

— Руслы старых закланий сохранились. Раньше их пробивали в камне, а потом уже сверху закрывали или штукатуркой, или панелями. Слои придется снять, кое-где все равно забились, но это легко. Я бы предложил, если решитесь вскрывать, полностью переделать систему. Очень уж она громоздка и энергоемка.

Маг взмахнул руками, избавляясь от остатков паутины.

— С новой в доме будет и теплее, и меньше шансов, что где-то случится сбой. Конечно, можно положить и поверху, но, поверьте моему опыту, это ненадежно. И всегда остается вероятность, что близость двух каналов, старого и нового, приведет к конфликту.

Мьесс Джио кивнула.

И губами причмокнула. От звука этого маг едва заметно дернулся, но устоял.

— С водой сложнее. Некоторые трубы необходимо менять.

— А срastить?

— Энергоемко.

— Сила у вас имеется.

— Затратно, — маг поморщился, и Катарина его понимала. Заклания восстановления требовали не просто силы, но и умения этой силой управлять.

— У нас есть чем заплатить.

Маг вздохнул. Почесал шею.

— Я подумаю... возможно, найдется другой путь... если стены все одно вскрывать.

— Вскрывать — это да, но не ломать же...

— Госпожа, — позвали Катарину шепотом. — Госпожа, вы позволите...

При дневном свете экономка уже не казалась такой уж старой. Да, женщина в возрасте, но еще крепкая, полная сил.

И недовольная.

Тем ли, что приезд хозяев нарушил привычное бытие? Или напором Джио?

— Вы позволите, госпожа? Вас спрашивают...

— Кто? — поинтересовалась Джио, жестом велел магу замолчать. И тот подчинился.

— Так... сосед наш... — темные глаза экономки блеснули. — Очень достойный человек. Утром еще визитку прислали.

Сосед?

Уж не тот ли... Катарина выронив вышивку коснулась щек. Нет. Быть того не может... и даже если может, то... то ее он не заметил. Конечно. И надо просто...

— Вот что, юноша, — мьесс Джио обернулась к магу. — Вы все же тут ходите, осмотритесь. Жить будете здесь, нечего зря время на дорогу тратить.

Маг кивнул.

И... обрадовался? Определенно. Работе ли? Или... нельзя быть настолько подозрительной.

— А вечером мы с вами сядем и подробненько все обсудим. Катарина, девочка моя, составишь компанию тетушке? Или к себе подняться хочешь?

Катарина хотела.

Очень.

В ее комнатухе тишина и покой, и окна выходят в сад. И можно сидеть, тыкать иглой в ткань... нет уж, хватит с нее закрытых комнат и запертых дверей.

Катарина поднялась.

И руку мьесс Джио приняла. А та одобрительно кивнула.

— Правильно. Соседей, как и врагов, в лицо знать надо.

Этот был... не тем... определенно, не тем... пожалуй, даже ниже мьесс Джио, которая не отличалась особой статью, что не мешало ей посматривать на мужчин свысока. И этого она разглядывала с немалым интересом.

В возрасте.

Возможно, старше Генриха, хотя и ненамного. Стройней. Суше. И... аккуратней? Пожалуй, что.

— Добрый день, — он отвесил поклон, на который мьесс Джио ответила кивком.

Черты лица резковаты. И нос огромен. Он приковывает все внимание, этот нос, своим неровным изгибом, вывернутыми ноздрями и красным пятнышком свежего ожога.

— Добрый, — Катарина присела, как принято.

— Прошу прощения за вольность, — гостю шел темно-синий дублет, напрочь лишенный серебра и золота, но меж тем сшитый из плотной ткани. — Мы не были представлены, однако...

Голос с хрипотцой.

И взгляд внимательный. Катарина привыкла, что ее разглядывают, но все одно ощущала себя... неуютно. Пожалуй. Появилось такое знакомое желание спрятаться за мьесс Джио, благо, та держала Катарину под руку. Поняла? Или просто привыкла, что в последние годы ее подопечная стала совсем уж беспомощна?

— Мы всегда рады гостям, — собственный голос Джио обволакивает, и это тоже магия, родовая, почти забытая. — Но к сожалению, оказалось, что дом этот...

Они смотрели друг на друга, эти двое.

И говорили.

Обменивались ничего не значащими словами, но прощупывали один одного взглядами. Примерялись. К чему? И для чего?

— ...как только мы приведем его в порядок... двум слабым женщинам... да что вы говорите?! Какой кошмар... мы ничего не слышали, правда, мы прибыли вчера ночью, поздно, да еще и тот бездельник, который должен был нас встретить...

Катарина вдруг остро ощутила, как как наползают стены дома, старые, покрытые трещинами, но готовые сомкнуться и раздавить ее. Как трещит потолок и пол подрагивает.

Еще немного и...

Дышать.

Вдох. И выдох...

— Простите, — ледяные пальцы Джио сжимают руку, причиняя боль. — Моя племянница еще не совсем оправилась после болезни...

Оправилась.

И страх этот иррационален. Катарина сумеет. Катарина... дышит. Снова дышит. И видит, что стены стоят на своих местах, а на полу уже виден рисунок мрамора. И солнце светит в окна. Солнца так много, что фигура гостя кажется размытой. И Катарине приходится щуриться.

— Конечно, конечно... прошу прощения... но, возможно...

Голос доносится издалека. А в висках стучит кровь. И звук этот нарастает, почти заглушая слова, хотя Катарине нужно услышать.

— ...будем рады принимать... просто по-соседски... если что-то нужно... будем рады оказать любую помощь...

...ей бы до комнаты добраться.

Добралась.

Катарина не помнила, как, но добралась.

— Все, девочка, все уже... — Джио помогла забраться в постель и туфли стянула, накрыла одеялом, села рядом и взяла за руку. — Тип, конечно, преподозрительный, но нечеловеческой крови в нем нет.

— Это не тот.

Говорить получалось очень медленно. Зато Катарина заставила себя дышать. Если повезет, приступ скоро закончится, а нет... подумаешь, пару дней в постели. Здесь хотя бы никто не станет лить в нее силу, потому что королева не имеет права на слабость.

Королева, может, и не имеет. А вот Катарина заслужила.

— Не тот? Ничего. Завтра покажешь мне того.

— А если он больше не придет?

— Значит, мы просто прогуляемся...

...тело Кайдена спрятал хорошо, впрочем, в этих умениях подопечного Дуглас не сомневался. Но все одно проверил порядка ради. А то ведь мало ли что, неудобно получится, если Кайдену поручат это дело расследовать.

Очень неудобно.

Хотя и не с точки зрения Кайдена. Дуглас потопал ногой, проверяя прочность грунта. Трава была плотной и чересчур уж зеленой, а из холмика выстрелила пара веток, на которых уже распустились клейкие молодые листочки.

Завтра совсем хорошо затянет.

Дуглас обошел место по кругу и, присев у травы, хмыкнул. Вот же... мастера... вытащив из кармана платок, Дуглас аккуратно поднял серебряного ежа, в котором свернулось тугое заклятье. Второго он подобрал чуть дальше. У пруда отыскалась еще парочка.

И один — в полуразвалившейся беседке, которая показалась наемником достаточно романтической, чтобы в нее заглянула одинокая скупающая дама.

Да уж... не знал бы, где искать, вовек не нашел бы.

Дуглас сунул кошель за пояс и обернулся. Бледная громадина дома возвышалась над садом. Окна были темны, да и сам дом гляделся неживым.

Девочка, конечно, хороша, но явно нездорова. А ведь Кайден такие вещи чувствует, природный дар. Но он о болезни и словом не обмолвился.

Может...

Нет, спрашивать Дуглас умел, хотя и умение это не доставляло ему удовольствия. В дом наемники не совались... интересно.

И вправду интересно.

Он пересек границу, разделяющую два сада. Некогда на ней стояла стена, но ныне от нее осталась лишь узкая полоска фундамента. Приказать, чтобы восстановили? Поздно. Стена Кайдена не остановит, сколь бы высокой она ни была.

Подопечный сидел на огромном валуне, под которым виднелся вполне себе свежий травяной холм. В траве проклянулись белые пятна маргариток, да и в целом поляна выглядела так, что хоть картину пиши.

— Вот, — Дуглас вытащил мешок.

— Ты ее видел?

Кайден соскользнул с камня. Прыткий, что ящерка, и опасный, как гадюка.

— Видел, — дразнить подопечного Дуглас не стал. — Она больна?

— Чем?

— А я откуда знаю. Я у тебя спрашиваю. Она больная была? Утром?

Кайден задумался, что хорошо, ибо полезная эта привычка появилась у него не так, чтобы давно. Но думал недолго и головой покачал.

— Болезни в ней я не почувствовал. А что...

— Да вот, — рядом с валуном имелась и лавка, низенькая, старая, почти заросшая ныне мхом и лишайником, но все одно пригодная для сидения. — Не знаю... странное такое ощущение... молодая вдова и тетушка ее. Вот в то, что тетушка эта могла суд выиграть, я охотно верю. А твоя красавица... красавица и только. Стоит. Молчит. Потом вообще едва не сомлела.

Кайден фыркнул.

И оскорбился. Правда, ненадолго, он обошел лавку с другой стороны и, опершись на нее руками, спросил:

— Ты их...

— Пригласил. Но не факт, что приглашение примут.

Он вытащил из кармана кошель.

— А вот тетушка эта... маг и не из последних. Она, конечно, амулетиком прикрылась, но уж больно характерные преломления он дает.

— Имя.

— Тетушки? Джио... Джио, Джио... что-то знакомое вот вертится...

Кайден надулся и зафырчал, аккурат, что кот лесной.

— Племянницу Катариной звать... да... вдова... но я уже говорил или нет? И в ней сила имеется, но какая-то странная, будто закрытая, что ли? Не связывался бы ты с нею. Чувствую, проблем не оберемся.

Предупреждение запоздало.

Определенно.

Кайден насупился и челюсть выдвинул, всем видом показывая, что сам уже взрослый и проблемами его не испугаешь. А стало быть, от девицы он не отстанет. Во всяком случае, пока не получит своего. Дуглас лишь надеялся, что много времени осада не займет, а там... интерес к завоеванным девицам Кайден терял довольно-таки быстро.

И эта не станет исключением.

Глава 6

Как ни странно, спала Катарина хорошо.

За весьма короткий срок Джио сумела привести в порядок, если не дом, то хотя бы их комнаты, разделенные тонкой дверью, которую она — Катарина знала точно, на ночь распахнет и подопрет стулом. На всякий случай. Джио лично выпроводила горничных и повесила на дверь заклятье. И еще пару добавила на окна, плотно затянутые плющом. Катарина искренне сомневалась, что кто-то сумеет пробраться сквозь влажную и темную эту завесу, но с Джио не спорила.

Бесполезно.

Она же разожгла в камине огонь, фыркнула, пробормотав:

— А трубы толком и не почистили.

После чего устроилась в кресле, вытянув длинные ноги.

— И как тебе свобода? — она вытащила мешочек с табаком, трубку, которую покрутила в пальцах и убрала. Джио знала, что запах табака Катарине неприятен. Правда, не всегда обращала на это внимание.

— Не знаю, — Катарина обняла себя. — Мне думалось, что будет легче, а оно как-то...

— Сразу не будет, — Джио уперлась ногами и кресло поддалось.

Старое, с потемневшими полозьями, оно доживало свой век где-нибудь на чердаке, пока не попало на глаза Джио.

— Я понимаю, но все же... не знаю... я думала, что уеду, и все останется там...

Оно и осталось.

Роскошные наряды, которые занимали несколько комнат. Нижние рубашки из тончайшего батиста. Или вот шелковые, хотя Генрих шелк недолго любил, полагая его скользким. Кружева и ленты. Украшения, слишком приметные, чтобы взять их с собой. Интересно, их передадут отцу или же в казну отправят? Второе куда как более вероятно, но Катарина знала, что и отец не позволит себя обделить.

— Читала? — Джио вытащила из-под задницы газету.

— Нет.

Газет Катарина избегала. Правды в них не писали, а лжи и без того хватало в той ее жизни.

— И зря... вот послушай, — Джио прочистила горло. — Как стало известно... так, это ерунда, это вообще бред сивой кобылы... снизошла милость... вдовствующая королева... ага... приняла решение удалиться... нашла приют под сенью монастыря Всех Дев Скорбящих.

Катарина поморщилась.

Ей случалось бывать в этом месте, ибо королеве набожность к лицу.

Серые стены. Серые башни. Серые ворота, перетянутые толстенными полосами металла. Они открываются беззвучно, но Катарине все одно слышится протяжный скрип. Серый двор. И женщины в одинаковых серых платьях. Их лица скрыты за вуалями, а на волосах лежат тяжелые платки. И лишь руки у всех разные, и потому Катарина смотрит на эти руки, пытаясь угадать, кому они принадлежат.

Скорбящие девы безымянны.

И лишены права голоса.

Катарину передернуло, но совесть зашептала, что та женщина сама хотела удалиться от света, что видела она все иначе, что там, под сенью монастырских стен, она обретет свое счастье. А Катарина, она постарается прижиться здесь.

— Ага... еще пишут, что твой батюшка, чтоб ему икалось, пожертвовал монастырю двадцать тысяч золотых соверенов. На благоустройство.

Катарина поежилась.

Стены монастыря больше не казались столь уж надежными. А что если... деньги у отца были всегда. Много денег... так много денег, что Катарина искренне не понимала, зачем столько. Но ему всегда было мало, что денег, что власти, а ее непонимание он почитал явственным свидетельством того факта, что женщины глупы.

— Думаешь, полезет? — Джио перевернула страницу.

— Уверена.

Попытается — так точно. Монастырь — не тюрьма, во всяком случае, для большинства тех, кто в нем обитает. Уйти можно легко.

Катарина вздохнула.

Разыграть смерть было бы куда как надежней, но отец потребовал бы выдать тело. А там достаточно сравнить кровь, и станет очевидно, что смерть фальшивая.

Монастырь же...

Катарина знала, что в этот день обитель приняла две дюжины скорбящих дев. Праздник же. Она ждала этого праздника, как никогда прежде, дни до него считая и притворяясь, что все идет, как обычно. Она была мила и послушна. Она улыбалась нужным людям и обещала отцу повоздействовать на Джона, чтобы другие нужные люди заняли нужные же им места при дворе.

Две дюжины женщин, которые отреклись от своего имени и прошлого.

Которые надели маски, а после и вуали. Они сразу затерялись среди двух тысяч монахинь, что уже проживали в обители. Достаточно ли этого, чтобы осложнить поиски?

Вполне.

Но вот чтобы остановить...

— Замуж тебе надо, — сказала Джио, которая знала мысли Катаринины так, будто бы были они ее собственными.

— За кого?

— А это не так уж важно. Нет, хорошо бы найти кого родовитого и сильного, но сойдет и слабый.

— Но родовитый?

— С купцом, пожалуй, будет сложнее, но тоже сойдется на худой конец.

Замуж Катарина не хотела.

Никак.

Но и смысл в словах Джио имелся. Вдова, не имеющая детей, возвращается в дом отцовский. Старый закон. Древний обычай. И то, что Катарине позволена была малая иллюзия свободы... Джон не станет вмешиваться. У него не так много власти, а отец силен и нужен.

И Катарине ли не знать, что Джон заплатит за этот союз.

А их дружба... да какая там дружба? Пара встреч. Общие воспоминания и страх, что роднит паче крови.

— Муж отца не остановит... с мужьями порой случается... всякое, — Катарина вытащила из-под кровати тяжелый сундук. — Если он меня найдет, придется снова бежать... и снова...

— И всю жизнь бегать собираешься?

Катарина пожала плечами.

Как получится. Может статься, что жизнь эта будет не такой уж и долгой.

Джио смотрела задумчиво, но говорить ничего не говорила, потом и вовсе спряталась за газетой, будто бы и вправду были ей интересны те пустые новости. Катарина же открыла сундук.

Ее сокровища.

Аметисты. И пара крупных опалов. Россыпь изумрудов. Сапфиры — хороши для водной стихии. Жемчуг речной и морской... надо будет сделать себе амулет, чтобы волосы не путались.

Хотя... Катарина же обрезать собиралась?

Толстый кусок нефрита, слишком большой и неровный, но удивительного белого цвета, словно молоко застыло.

Металлы.

Тигели. Молоточки. Тонкий инструмент. Лупы и разборный столик. Ее альбом с узорами, заполненный едва ли на треть. Катарина вытащила ее и раскрыла. Провела ладонью по шершавым листам.

Отцу ее увлечение артефактами никогда не нравилось. В глазах его это вновь же добавляло Катарине несовершенства, но вот Генрих, удивительное дело, не имел ничего против. Более того, он приказал оборудовать мастерскую.

Под нее отдали комнату, в которой седьмая королева ткала гобелены, а затем, когда Катарина отправилась в Королевскую башню, в ней появились холсты и краски.

Та, что хотела стать девятой, любила живопись.

Катарина провела пальцем по завитку. Как там дальше было? Закрыть глаза. Вздохнуть. И представить узор, который она вырисовывала раз за разом, пытаясь разгадать его смысл.

— Собираешься повторить королевские артефакты?

— Собираюсь улучшить, — Катарина пересела за столик, на котором полагалось писать письма. Только кому? — На самом деле они не столь совершенны, как принято считать. Да, силы в них немало. Пожалуй, даже слишком много.

Катарина поморщилась, вспоминая, каково это, пропускать сквозь себя гудящие потоки, слишком мощные, слишком яростные, слишком...

Было больно.

Сперва.

Потом она более-менее привыкла и научилась отделять себя от этой боли.

— Даже так? — Джио плевать было на артефакты.

— Когда они были сделаны? Пять сотен лет тому? Конечно, накопители в них стоят мощнейшие, но вот все остальное... магическая наука не стоит на месте, — Катарина развернула альбом. — Смотри, вот эта связка...

Ее палец прошелся по боковому элементу, который по замыслу создателя уравнивал четыре центральных.

— ...содержит двадцать три руны, что очень много. Сейчас доказано, что нецелесообразно использовать сочетания, в которых более дюжины рун, — об артефактах думать легко.

Будь она мужчиной, она бы отправилась учиться.

Быть может, в Саббон, что стоит на берегу Римской реки, а может, и в Рим. Отец отправил брата туда, хотя тот учиться не желал. Но кто спорит с отцом?

— Взаимодействие двух или даже трех рун просчитать легко. Когда рун четыре или пять, уже сложнее. Возникают связи второго порядка, которые тоже приходится учитывать. Когда рун около десяти, требуется принимать во внимание и связи третьего порядка... именно поэтому дюжина считается критическим числом, поскольку большее количество рун приводит к возникновению не только новых тонких связей, но и целых рунных блоков, которые в свою очередь дестабилизируют структуру.

Джио умела слушать.

Всегда.

Помнится, первое время Катарина ее боялась. И терялась в ее присутствии. Впрочем, в первое время она терялась постоянно, а Джио ждала. Джио умела держаться рядом, но будто бы в стороне.

— Раньше учитывались только первичные связи, и с этой точки зрения структура близка к совершенству, но если посмотреть иначе... — Катарина провела пальцем, разделив рунный блок на три части. — Огромное количество энергии тратится на то, чтобы удержать саму структуру, не

позволить ей развалиться. Что-то рассеивается, а уж остатки уходят на выполнение непосредственной функции. И так во всем.

— Тебе стоило родиться мужчиной.

— Я знаю, — Катарина вздохнула и закрыла альбом. Завтра. Она возьмется за него завтра.

Или послезавтра.

Джио отвернулась. Она знала, что рисунок этот Катарина сделала еще в Королевской башне. С тех пор прошло шесть лет.

Катарина просто устала.

Ей нужно отдохнуть.

— Что ж, дорогая, — Джио поднялась. — Пожалуй, пойду я спать... и тебе советую. Завтра ранний подъем. Надо же взглянуть на этого твоего... героя.

Она ушла. И дверь прикрыла, позволив Катарине поверить, что она осталась одна. Потом, позже, когда Катарина уснет, Джио дверь откроет, чтобы слышать.

И пускай. Так даже спокойнее.

Катарина вновь открыла альбом. Руны и руны, сплетшиеся в рисунке. Раньше считалось, что мастер должен создавать вещи не только функциональные, но и красивые. Порой доходило до нелепого, как вот здесь: пять рун добавили лишь для того, чтобы не нарушать узора.

Королевские олени.

Розы.

И гончие псы Слепой жницы, о которой должен помнить всяк, что король, что нищий. Король помнил. Генрих боялся смерти и с каждым годом все сильнее. Он прятал этот страх, а тот прорывался, перерождался, нашептывая, что все-то вокруг ждут и не дождутся, когда же его, Генриха, не станет. Страх плодил заговоры и заговорщиков, заставляя искать злой умысел в самых, казалось бы, обыкновенных вещах.

Кто погасил кристаллы?

Кто подвинул королевское кресло слишком близко к камину?

Кто смотрит вслед или смеется, поглядывая на короля? Кто смеет говорить, что этот король слишком стар и толст... кто...

Катарина решительно захлопнула альбом.

Не сегодня. И вправду стоит отдохнуть, ибо с Джио станется поднять ее на рассвете. А Катарина даже не уверена, что найдет малинник, а если найдет... кто сказал, что тот мужчина появится? Да и... это ведь совершенно неприлично!

Непристойно!

Сидеть в кустах, ожидая... Катарина вдруг хихикнула. И зажала рот руками, представив, как бы отреагировал отец, узнай он... а потом смех исчез.

Как... он умел воспитывать непокорных детей. И не только словом.

Газету, оставленную Джио, Катарина все-таки взяла. И забралась в постель, на сей раз теплую и мягкую. Перины перетряхнули, одеяло подсушили, сменили постельное белье...

Хорошо.

Катарина развернула газету.

И вздохнула, поняв, почему та осталась лежать на кресле. Джон женится... Нет, я знала, что он должен будет. Совет настаивал, а Джон тянул, и в этой его медлительности многим виделся намек на нашу несуществующую связь.

А теперь он женится.

На Маргарет.

Отец будет доволен. А Катарина... она смотрела на портрет сестры и думала, что, если бы захотела, могла бы оказаться на ее месте. И была бы свадьба.

Корона на ее голове.

Джон... он ведь красив. И добр. Умен. Великодушен.

Пока.

Говорили, что и Генрих когда-то был таким. Но власть рождает чудовищ, а Катарина не хотела видеть, во что превратится по-своему дорогой ей человек.

Поздравить его?

Это будет неразумно, но...

Катарина перевернула страницу.

Писали о помолвке. И о Маргарет, прославляя красоту и кротость младшей из рода Годдард. Странно, что память ее не сохранила. Ей было пять, когда Катарина покинула дом.

Какая она?

Катарина погладила портрет.

Наверняка, она красива... быть может, красивей Катарины. Определенно, куда красивей. Ей шестнадцать, а Катарине двадцать семь. Она только-только расцветает, а Катарина... ей не так долго осталось. Она уже стара. Старше матери, той было двадцать шесть, когда она умерла в очередных родах, оставив отцу пятерых детей.

Слезы все-таки поползли по щекам.

Пускай.

Катарина нашла записку о себе и прочитала трижды. Легче не стало. Там, во дворце, наверняка решили, что этот отъезд ясно дает понять, что время восьмой королевы ушло.

Хорошо бы отец поверил.

Катарина вздохнула.

И погасила кристаллы. Закрыла глаза, уже понимая, что не уснет — вдруг появилась обида, и на Джона, который так уговаривал остаться, а потом вдруг из всех невест выбрал Маргарет... и на нее, хотя она ни в чем не виновата... на отца, что постарался упрочить свою власть.

На всех тех людей, которые клялись в любви и преданности, а теперь просто-напросто забыли.

Нет больше королевы.

Но как ни странно, Катарина провалилась в сон, и был он теплым, спокойным и полным волшебства. Такие снились ей в глубоком детстве, когда она еще верила, что мир — это чудесное место и люди просто-напросто не могут быть в нем несчастны.

Глава 7

Кайденом легко поднялся по старому плющу. Он был осторожен.

Он переступил через тончайшую нить сторожевого заклатья, которое окружило дом. Надо же... нет, заклатье было весьма качественным, но Кайденом умел обращаться с такими.

Дважды обойдя вокруг особняка, он остановился перед задней дверью, которая была приоткрыта.

— ...а потом она мне так и говорит...

Раздраженные человеческие голоса заставили Кайдена попятиться и замереть. Он знал, что люди в темноте видят плохо, но рисковать не собирался.

Уходить тоже.

Слуги зачастую знают многое, а ему было любопытно.

— И огнем как...

— Да свистишь, если б она тебя огнем пальнула, ты б тут не стоял.

— Легко тебе говорить, — этот голос был по-женски визглив, хотя и принадлежал мужчине. — Где это видано, чтобы живых людей...

— Сам виноват, нечего было в кабаке зависать. Погоди, она еще за книги не бралась...

Ненадолго воцарилась тишина.

— А светленькая ничего так... сочная... я б ее...

Человек добавил пару слов, после которых рука Кайдена сама потянулась к клинку. И сущность Тени отозвалась легко, она тоже не любила тех, кто вот так неуважительно обсуждал женщин. Впрочем, Тень вообще к людям относилась с немалым предубеждением.

— Заткнулся бы ты, от греха подальше, — проворчал второй и поднялся со ступенек. — Если кто услышит, потом не жалуйся...

— Донесешь?

— Больно надо... только с мьесс вязаться себе дороже...

— Любую кобылу стреножить можно.

В воздухе запахло дымом.

— Гляди, чтоб эта кобыла тебе руки не переломала по самые локти, — человек был велик и пахло от него водным камнем. Запах этот заставлял Кайдена морщиться.

Кровь великанов?

Сильно разбавленная, но все же она сказывалась в этом человеке, наделив его немалым ростом и, как Кайденом подозревал, силой.

— А что я? — второй, сидевший на ступенях, был невелик и сутуловат. — И без меня умельцы найдутся...

— Луис! — жесткий окрик заставил лакея вскочить. — Где тебя демоны носят? Бездельник...

Женщина, выглянувшая во двор, огляделась. Нахмурилась. И добавила пару таких слов, что покраснел даже Кайденом.

— В дом идите, — сказала она уже спокойней. И отступила. — Завтра день тяжелый, велено ремонт начать.

Кайденом улыбнулся. Если дом будут ремонтировать, значит, Катарина не уедет. А это хорошо. Очень хорошо. Вот только...

Ночной ветер погнал по дорожке пыль, и на долю мгновения запахло... неправильно. Резко. По-звериному. Впрочем, не успел Кайденом понять, что это за запах и почему заставляет он вжиматься в землю, как тот исчез, сменившись тяжелым цветочным ароматом.

— Вот дура... — пробормотал первый, и не понятно было, о ком именно он говорит.

Дверь закрылась. А Кайден двинулся по кругу.

Дом был стар.

И сад был стар. Он подобрался вплотную, вцепился в камень шипами и колючками, пустил в него корни. Он протянул к камню ветви, распушил зеленую листву, укрывая его от ночного ветра. И Кайдена тоже, хотя ветер ему не грозил.

Взобравшись по лозам, он ненадолго задержался на подоконнике, ровно настолько, чтобы раздвинуть нити сторожевого заклęcia. Само его присутствие Кайдена скорее порадовало, разве что показалось заклęcie чересчур уж простым.

Впрочем, для людей сойдет.

Он скользнул в комнату. Вдохнул запах, такой мучительно сладкий, смешанный с ароматами трав и благовоний.

Комната была невелика.

Странно. Хозяйку могли бы поселить в покои попросторней. А здесь... от стен едва уловимо тянуло сыростью. В камине еще ворочалось пламя, которое, почуяв Кайдена, взметнулось, зашумело.

— Тихо, — он прижал палец к губам и плеснул в огонь силы, которую тот принял благодарно.

Пол поскрипывал.

И Кайден поморщился: с мертвым деревом договориться еще сложнее, чем с огнем.

— Деточка? — этот хриловатый голос заставил Кайдена метнуться к кровати, под которую он соскользнул одним мягким движением. И замер, прижавшись к полу.

Следовало признать, что дому не нравился не только Кайден. Доски заныли, заскрежетали. Вздохнули, прогибаясь под весом женщины, и распрямились.

— Спишь? И хорошо...

От этой пахло магией, и запах был острым, едким даже. Кайден вжался в пол, отметив про себя, что местные слуги старательностью не отличаются. Мало того, что пыль клубками лежала, так и доски были какими-то липкими.

— Спи, девочка, спи... все уж... — женщина-маг остановилась у кровати, и Кайден смотрел на босые ее ноги, узкие, длинные, с покрашенными ногтями и широкой полосой браслета на левой щиколотке. — А мужа мы тебе найдем... обязательно.

От браслета не просто тянуло магией, воняло так, что Кайден зажал себе нос.

А вот слова про мужа ему не понравились.

Категорически.

Дождавшись, когда женщина уйдет, — а она не спешила уходить, будто подозревая, что Кайден находится рядом, чего быть не могло, поскольку он умел прятаться — он выбрался из-под кровати. Отряхнулся от пыли и склонился к той, которая спала.

Во сне она выглядела милой.

И тревожной.

Нахмурилась. Повернулась на бок. Взлетела и бессильно опала тонкая рука. Завозились ноги, сбивая пуховое одеяло. И пусть картина открылась пречудесная, ибо ночная рубашка незнакомки сделана была из тончайшей ткани и почти не скрывала очертаний ее тела, но ведь холодно же.

В доме.

И в комнате. Поэтому Кайден одеяло поправил.

— Нет, — четко произнесла Катарина. — Нет, пожалуйста... я не виновата... ни в чем не виновата...

Она вскинула руки, вцепилась в Кайдена, и тот застыл, не зная, как быть. Бежать? Прятаться? А если придет та, другая? Или Катарина очнется... а она спит, пусть распахнула яркие свои глаза, но все равно спала. И говорила, лепетала что-то быстрое, суетливое.

— Все хорошо, — Кайден положил ладонь на горячий лоб, призывая силу, которая ответила, пусть и неохотно. — Все хорошо. Спи...

— Хорошо? — тихо переспросила она.

— Конечно, хорошо. Спать надо. Отдыхать.

И Катарина послушно закрыла глаза. Она опустилась на подушки, и задышала ровно, спокойно, а на губах появилась улыбка. Вот так-то лучше. Но одеяло Кайден все одно подтянул повыше.

Он постоял немного.

Коснулся прохладного лба. Прислушался. Нет, болезни он не ощущал, хотя не стоило обманываться, этого семейного дара ему достались капли, но их хватило, чтобы справиться с подагрой деда... но здесь... слабость.

И страх. Такой давний, вросший в тело.

Еще магия.

И что-то кроме, чего Кайден не мог понять. Он убрал руку и отступил к окну. Завтра... он вернется к ней завтра. И послезавтра. И еще через день. И будет возвращаться снова и снова, пока не поймет, что нужно делать.

Катарина проснулась на удивление отдохнувшей. И зевнула.

Села в постели.

Зажмурилось. Солнце подступало с востока, пробиваясь сквозь гардины, за которыми шелестело зеленое море сада.

Ее сада.

И мысль эта заставила улыбнуться.

— Доброго утра, — мьесс Джио уже изволила не только встать, но и облачиться, из всех своих нарядов выбрав темно-зеленое платье. При том оттенок был на редкость неудачным.

Она сидела за туалетным столиком, пила чай и курила.

На сей раз трубку.

— Что-то случилось? — хорошее настроение, с которым Катарина проснулась, моментально исчезло. Трубка Джио появлялась на свет, когда сама Джио испытывала душевные волнения.

— Не знаю... беспокойно как-то, — она выдохнула колечко дыма, которое медленно поднялось к не слишком чистому потолку. — Старею, должно быть...

Это вряд ли.

Пусть Джио вдвое старше Катарины, если не втрое, но разве это срок для мага? Да и вообще... Катарина доверяла ее чутью куда больше, чем собственному.

— Ну, — она вскочила, отставив кружку. — Мы идем?

— А ты... серьезно?

Катарина успокоила дрожащие руки.

Неспокойно?

— Еще как серьезно. Мужчина в саду, дорогая моя, чтоб ты знала, это всегда более чем серьезно... так они и заводятся, сперва в саду, потом в доме, а потом уже опомниться не успеешь, как его сапоги воняют под твоей кроватью.

Катарина позволила себе улыбку.

— Так уж и воняют?

— Еще как воняют. Поэтому кавалеристов и недолюбливаю. Ощущение, что спишь не только с мужиком, но и с его лошадью тоже... так что одевайся, нехорошо заставлять себя ждать.

— А если он не придет?

— Тогда мы просто погуляем. Будем считать, что мы совершаем утренний моцион.

Ага.

И снова. И... пожалуй, никогда прежде Катарина не одевалась так быстро и с такой охотой. Правда, легкое муслиновое платье Джио убрала в шкаф, вытащив из него темно-зеленый бумазейный наряд. Катарина понятия не имела, что у нее подобный наlicествовал.

Впрочем, кажется, она вообще слабо представляла, что взяла с собой.

— И волосы... погоди, не ерзай... вот так, — Джио с косой управилась легко, окинула Катарину взглядом, кивнула сама себе и, вытащив из кошелька тонкий кожаный шнур с парой камней, обвязала им руку. — Так оно надежней...

Розовый турмалин? Камень, защищающий от приворогов и в то же время сам способный приворожить. Янтарь? И бледно-зеленая малахитовая капля.

— Не бери в голову... это так, с Зеленых берегов, — Джио не любила говорить о той своей жизни, и сейчас вот поморщилась, словно от зубной боли. — На удачу. И мне спокойней будет.

Янтарь — камень души, помогает успокоить. Впрочем, не стоило обманываться, проблемы Катарини не решить вот так просто. Но она погладила гладкую бусину.

Вдруг и вправду поможет?

А вот агат проясняет мысли. И вообще...

Говоря по правде, она не была уверена, что сумеет отыскать то самое место. Все-таки забрела на поляну Катарина случайно, а назад шла, слишком увлеченная собственными мыслями. Однако стоило пересечь границу ручья, и под ноги нырнула тонкая нить тропы.

Дуб никуда не исчез.

Стоял, огромный, втроем не обхватишь, и кряжистый, будто устал держать на плечах своих всю тяжесть неба. Листья его серебрились, словно ином покрываемая, а меж корней белели маргаритки.

— Ага... — Джио крутанулась. — И снова...

Кусты малины приветливо задрожали, осыпав Катарину белым цветом. В них все также гудели пчелы, и пахло медом, хотя для меда было слишком рано.

— А ведь я взрослая женщина, — задумчиво произнесла мьесс Джио, устраиваясь на земле. Она расправила юбки, цвет которых медленно менялся, и казалось, что это трава прорастает на ткани, и на руках, и на волосах Джио. — Лапонька моя, не стой. Мужик, он существо пугливое... вот что олень твой... от оленей, правда, пользы не в пример больше...

— Какой? — Катарина опустилась на траву и потрогала собственную юбку, которая также медленно менялась.

Магия?

Если и так, то незнакомая...

— Исландская шерсть, — Джио поерзала, устраиваясь поудобней. — Подарок... старого друга... а что до пользы, то я вот оленину весьма жалую.

Она замолчала и прижала палец к губам, а над головой Катарини развернулся знакомый купол.

— Так оно понадежней будет.

От магии знакомо зазудела кожа, но на сей раз зуд был слабым, и Катарина с легкостью отмахнулась от него.

Незнакомца она не услышала.

О нем зазвенели пчелы и сойка закричала, предупреждая, но тотчас смолкла, заскакала по веткам дуба, будто бы ей тоже было любопытно. А он появился, как и в прошлый раз, словно из ниоткуда.

Вот не было.

Вот есть.

Стоит, озирается... видит? Катарина замерла, и сердце оборвалось. Если то, что произошло вчера,

можно было считать случайностью, то сегодня они с Джио определенно нарушили все мыслимые и немыслимые правила приличия.

— А он и вправду хорош... и это нехорошо.

— Почему?

Белые волосы он заплел в косу, которую украсил разноцветными перьями.

— Потому что... — проворчала Джио, но все же снизошла до объяснений. — Вот влюбишься, голову потеряешь, а мне потом разгребать.

Катарина позволила себе улыбку.

Влюбится? Она?

Это... невозможно. Наверное. Нет, было время, когда она, Катарина, мечтала о любви, о такой, как в романе, чтобы с первого взгляда и до конца дней, чтобы жить, дыша друг другом, не имея возможности надышаться вдоволь.

Чтобы сердце всякий раз обрывалось при взгляде на него.

И в животе бабочки.

Какая любовь без бабочек в животе? А теперь вот в животе пустота, которой тот недоволен, что и изволит выражать совершенно неизысканным урчанием. И хочется отнюдь не любви, но свежего молока и булочек. Можно с маслом.

И с сыром.

Мысли определенно были неромантического склада.

Меж тем гость избавился от куртки. И рубашки. И обуви, которую аккуратно поставил между двумя горбами корней, чем заслужил одобрительный кивок Джио.

Красота красотой, а порядок она все же ценила больше.

Он повел плечами, встал спиной к Катарине и, оглянувшись, потянул вниз подштанники.

— Что он делает? — Катарина поспешно закрыла глаза.

— Раздевается.

— Я вижу!

— Тише, спугнешь...

Этого, пожалуй, спугнешь.

— И не трясись. Можно подумать, никогда голого мужика не видела.

— Не видела, — призналась Катарина. А Джио фыркнула и ответила:

— Тогда тем более... когда еще случай выпадет.

Катарина искренне надеялась, что весьма и весьма не скоро. И в конце концов, что она там не видела... то есть, именно то, что ей собирались показать, она и видела, но не сказать, чтобы была сильно впечатлена.

В бок вписался острый локоть, и Катарина приоткрыла глаз. Левый. Потом подумала и приоткрыла правый тоже.

— Позер, — проворчала мьесс Джио, но без прежнего раздражения. — Но хорош... ишь, вертится, что твоя юла... и главное, не боится же отмахнуть себе чего-нибудь важного ненароком.

Он и вправду не боялся.

Или боялся, но не очень, потому что иного объяснения происходящему Катарина не находила. Разве можно вот так... у нее сердце в пятки ушло, а потом вернулось, чтобы снова уйти.

Гудел воздух.

Пели клинки. И Катарина слышала их голоса. Левый раздраженно выл, и казалось, он вот-вот

вывернется из руки, ударит по пальцам.

По ноге.

По тому, на что приличным вдовам смотреть не стоит. А Катарина вот смотрит... то есть, большей частью на клинки, конечно. Правый пел тонко, надрывно, он казался натянутой струной, что вот-вот лопнет, не в силах сдержать напряжение. И тогда сам клинок рассыплется.

А человек...

Не человек. Люди не могут быть настолько подвижны. Тела их не способны так выгибаться. Катарина знает. Ей случалось наблюдать за тренировками, в том числе королевской гвардии, куда собрались лучшие из лучших...

...пока кто-то не донес Генриху, что его королева слишком уж много внимания уделяет другим мужчинам. Катарина вздрогнула и обняла себя.

А клинки скрестились над головой чужака. Теперь он стоял спиной к Катарине, и мышцы его вздулись, будто клинки эти весили куда больше, чем казалось с виду. На смуглой коже блестели капли пота, и рисунок шрамов проступил куда четче, чем в прошлый раз. А коса приклеилась к позвоночнику. И Катарине подумалось, что само наличие этой косы донельзя разозлило бы Генриха.

Он не любил людей, которые выделялись.

И нелюдей тоже. Наверное, потому что они выделялись сильнее обычного.

— Не будь у тебя этой пакости, — мьесс Джио коснулась запястья Катарины, пробуждая спящую силу. — Я бы сказала, что вам срочно нужно познакомиться. Такие безголовые красавцы — лучшее средство для хандры. Но вот для серьезных дел они не годятся. Категорически.

Катарина поскребла кожу, поморщилась и согласилась. Вряд ли можно ждать серьезности от человека, который нагишом скачет в чужом саду.

Пусть и с клинками.

Но ведь нагишом!

Глава 8

Кайден выбрался через окно.

Во-первых, вернулся он вчера поздно и не стоило надеяться, что сей факт пройдет мимо Дугласа, а наставник отличался не только въедливостью, но и воистину потрясающим чутьем на ложь. Врать ему не хотелось, а сказать правду... Кайден подозревал, что правда его обрадует еще меньше, чем вранье.

Во-вторых, Дуглас наверняка поинтересуется, куда это Кайден собрался и зачем ему спозаранку клинки. В-третьих... в общем, путь через окно представлялся наиболее удачным вариантом. На землю Кайден соскользнул беззвучно, и трава мягко спружинила под его ногами.

Он вздохнул.

И нырнул в заросли терна. Колючие ветви раздвигались, чтобы за спиной переплестись в одну сплошную шипастую стену. По ней немедленно поползли тончайшие нити вьюнка. Трава распрямлялась, скрывая следы.

Он выбрался к старому фонтану, чаша которого давно уж дала трещину с одной стороны и поросла мхом с другой. За фонтаном обнаружился остаток древней стены, некогда разделявшей сад на два, а уже за ним и тропа.

Женщина пришла.

Кайден почувствовал ее задолго до того, как увидел старый дуб. Этот запах принес ветер, а с ним и другой, заставивший поморщиться.

Она пришла не одна.

Это плохо?

Или напротив?

Женщины любят делиться... но та, другая, была старой. И красотой не отличалась. А еще в ней жил огонь, что тоже не могло радовать. И Кайден даже сделал шаг назад, но потом мотнул головой, мысленно обругав себя за нерешительность.

Чтобы он и женщины испугался?

Ладно, двух...

Оказавшись у дуба, Кайден не удержался, бросил взгляд в заросли малины, но увидел лишь белый цвет, над которым кружили пчелы.

Женщины прятались весьма умело. Вот только ветер их выдавал. И Кайден, усмехнувшись, снял куртку. Они пришли посмотреть? Что ж, Кайден готов устроить им зрелище.

И рубаха отправилась на траву...

...стесняться ему нечего. Определенно.

Призрак взвыл. И Тьма ответила ему протяжным стоном. Поддался ставший вдруг плотным воздух. И ветер, скользнув по коже, слизал первые капли пота.

Кайден закрыл глаза.

Тело двигалось в знакомом танце, и Кайден позволял клинкам вести, лишь придерживая раздраженную бездействием суть их.

Призрак.

...рожденный тенью холмов, одной из тех, вечно голодных и неприкаянных, что вечность проводят, пытаясь найти кого-то, кого можно сожрать, на долю мгновенья урвав настоящей жизни. И мальчишка-полукровка — чем не добыча.

Всем.

Тьма была куда осторожней. Тьма коварна. Она умеет красть голоса, а потом звать, завлекая ниже и ниже, к мертвым водам, к которым не рискуют подходить и те, кто кровь от крови Дану.

Тьма заплакала.

Но Кайден ей не поверит. Больше не поверит.

Ему не десять.

Он заставил себя сделать вдох, и раскаленный солнцем воздух обжег гортань. Кайден стиснул зубы и почти позволил клинкам вырваться, почти позволил поверить, что свобода возможна, но в последнее мгновение удержал.

Подавил.

И вернул себе способность дышать. Кайден стоял, чувствуя, как ноют мышцы и кости, и кажется, тело удерживалось вместе единственно его волей и только. Бухало сердце, слишком горячее, слишком живое для того, кто хотел остаться в мире теней.

Кайден запрокинул голову и закрыл глаза.

Он спиной чувствовал взгляд, и губы сами собой расползлись в улыбке. Да, так будет хорошо... завтра он придет снова.

И послезавтра.

И...

Клинка все-таки рухнули, столь же обессиленные, как и он.

Джио первой выбралась из кустов малины, но ровным счетом для того, чтобы обежать вокруг дуба. Она присела у корней его. Потрогала мягкую траву. Хмыкнула. Покачала головой.

— А он здесь не в первый раз.

— Я это поняла, — Катарина присела на корень и вытянула ноги.

А ведь хорошо... солнце светит, но пока не жарит, и можно просто сидеть, наслаждаясь мягким этим теплом.

Слушать пчел.

И позволить бабочке опуститься на юбку, которая все еще казалась сделанной из травы. И не потому ли эта бабочка так спокойно распахнула крылья?

Красивая.

А в королевских садах бабочки не водились. Из-за защитной сети, которая развернулась и над садом, и над дворцом. Эта сеть и птиц отпугивала, и потому сейчас Катарина слушала нехитрую песню пеночки.

Тинь-динь-тинь.

— Место силы, — мьесс Джио тоже устроилась на траве и ноги скрестила. Сегодня она выглядела куда моложе, чем обычно, и Катарина поневоле задумалась, сколько же ей лет. — А еще он знал, что мы здесь.

— Что? — Катарина вздрогнула, и бабочка сорвалась, заплесала вокруг.

— Поэтому и показал товар лицом.

— Это было не лицо!

— Поверь, для многих мужчин это и есть лицо.

Катарина фыркнула и, не выдержав, рассмеялась. И удивилась тому, что смеется. А ей казалось, что она вовсе разучилась вот так... Тинь-динь-тинь.

И птаха в ветвях заходится.

Тинь...

— Значит, больше не пойдем...

— Не рекомендую, — покачала головой Джио. — Мальчик горячий, как бы чего не вышло. Мы тебе другого найдем.

— Не надо, — Катарина смахнула слезы, выступившие на глазах, не иначе, как от смеха. — Не надо

другого. Никакого не надо. Я... хочу пожить сама. Понимаешь?

И Джио кивнула.

Пожалуй, именно она действительно понимала.

А к обеду нагрянули гости.

Катарина сидела на террасе, куда выставили пару плетеных кресел и такой же стол, пусть и несколько перекосившийся в силу почтенного возраста. На столе появился кувшин с лимонадом, высокие стаканы, корзинка, куда ссыпали слегка морщинистые яблоки.

Катарина сидела.

Листала страницы альбома, пытаясь сосредоточиться на работе. В ней она когда-то находила и утешение, и успокоение, а вот теперь руны рассыпались, что жемчуг с порванной нити, а она, Катарина, все никак не могла понять, где этот разрыв.

И что она делает неверно.

Впрочем, положила руку на сердце, она не больно-то и старалась. Так, сидела с альбомом, создавая иллюзию занятости, а сама разглядывала место, в котором ей предстояло провести остаток дней.

Дом за спиной ощущался мрачною громадой, почти лишенной жизни. То тут, то там в ней вспыхивали искры силы, и стало быть, Джио с магом начали работу. Суетились нанятые женщины, приводя в порядок внутреннее убранство. И это обилие чужих людей пугало Катарину.

А вот на террасе было тихо.

Спокойно.

Эта терраса словно возвышалась над заросшим садом, с ним — и над холмом, где стояло поместье. Сквозь зеленую пелену деревьев виднелась и дорога, и тень города, о котором Катарине помнилось лишь, что он был. Быть может, потом, когда она окончательно привыкнет к этому месту, Катарина и найдет в себе силы пройти до города.

Или не пройти?

Экипаж нужен, как и лошади. Вороны, как те, что летели по дороге, поднимая клубы пыли. Катарина закрыла альбом и коснулась медальона на шее. Что-то подсказывало, что вот эта легкая коляска появилась вовсе не случайно.

Гости?

Еще одни соседи?

Оказалось, хуже — родственники.

— Деточка, — пухлая женщина с невероятной для габаритов ее легкостью выбралась из коляски. — Как я рада тебя видеть! Обними же свою тетушку... Господи, счастье-то какое... не могу поверить, что я действительно тебя вижу! Я ведь вижу?

— Не знаю, — робко заметила Катарина. — А вы видите?

— Определенно.

Женщина поднесла к глазу лорнет и прищурилась.

— Вылитая матушка! Моя сестра, мир ее праху, всегда отличалась просто удивительной красотой. А вот я больше в батюшку пошла, да... но ничего...

— А вы...

— Леди Терринтон, но ты можешь звать меня тетушка Лу, — женщина помахала рукой. — Кевин, Гевин, бездельники, немедленно выбирайтесь и поприветствуйте кузину, как она это заслужила.

Катарина подумала, что она, верно, сходит с ума, потому как знать не знала эту пухлую женщину в ярко-желтом наряде, который можно было бы назвать элегантным, если бы не обилие оборок.

Меж тем из коляски выбрался смуглый брюнет.

А затем и второй, отличавшийся от первого лишь цветом джеркина[1].

Катарина закрыла глаза, искренне надеясь, что и женщина, и ее брюнеты, разглядывавшие Катарину с немалым интересом, исчезнут.

Но нет.

— Дорогая, тебе дурно? Ты, верно, еще не привыкла к нашему климату, — тетушка Лу всучила зонтик одному из брюнетов, Кевину или Гевину, Катарина так и не поняла, а сама подхватила названную племянницу под руку. — В колониях ведь все иначе, верно? Ах, помню, дорогая моя сестрица там тоже первое время изрядно мучилась. Все жаловалась то на солнце, то на насекомых, то на слуг... а ты никого не привезла с собой? Говорят, что нынче мавры в моде... идем, дорогая, в дом. На тебе лица нет... Кевин, займись багажом.

— К-каким?

— Нашим, — тетушка Лу ущипнула Катарину за щеку. — Неужели ты могла подумать, что я брошу сиротку одну?

Сиротка была бы очень даже не против остаться в одиночестве.

— Нет, нет и еще раз нет! Я ведь понимаю, как тяжело тебе пришлось. потерять сперва родителей, а потом мужа... не представляю, что было бы со мной, если бы с моим Гарольдом произошло...

Этот громкий голос заполнял, казалось, все пространство, не оставляя места иным звукам. И Катарина сделала глубокий вдох, чтобы сказать:

— Простите...

— Это ты нас прости, — тетушка Лу огляделась. — Нам следовало встретить тебя в порту, но... мой Гарольд был так занят, а оставить его без присмотра?! О нет... и у Кевина как раз помолвка расстроилась... да и письмо твое несколько запоздало. Это бывает. Боже... я платила, чтобы за домом присматривали, но подумать не могла, что его настолько запустят!

Катарину, наконец, отпустили, чем она воспользовалась, чтобы отступить от родственницы на шаг.

— Ничего, дорогая, мы все исправим. Я помогу тебе.

— Не надо...

— Не стоит. Мы ведь родственники, а родственники должны друг другу помогать. Гевин, немедленно возвращайся в город. Нам понадобятся горничные, но толковые, а не смазливые. Не хватало тут из дома устроить невесту что...

— Вы кто, — мьесс Джио, наблюдавшая за суетой из тени, решила-таки эту тень покинуть.

— А вы? — тетушка Лу вновь вскинула лорнет. — Катарина, деточка моя, изволь объясниться...

— Это моя тетя... другая тетя, — вовремя оговорилась Катарина. — Мьесс Джио.

— Магичка? — тетушка Лу скривилась. — Дорогая, магичка — не лучшая компания для молодой незамужней женщины.

— Какая уж есть, — Джио сумела встать между Катариной и тетушкой. — А вы...

— Леди Терринтон, — лорнет уперся в грудь Джио. — Если вы слышали, конечно...

— Конечно, слышали. Как можно было не слышать... — это прозвучало почти издевкой. — Помнится, вы некогда были весьма... строги к своей сестре.

Катарина окончательно перестала понимать что-либо. Она тихонько отступила вбок, но лишь затем, чтобы оказаться рядом с брюнетом. Кевин? Гевин?

— Рад познакомиться, милая кузина, — ее ручкой завладели и поднесли к губам. Поцелуй, который остался на коже ожогом, длился как-то совсем не по-родственному долго. — Прошу простить матушку, она порой излишне эмоциональна. И энергична. Я говорил, что стоит предупредить, но увы, если матушка приняла решение, то уже не отступит.

— Ничего, — руку Катарина спрятала за спиной.

— Вы в колониях так загорели? — осведомился второй брюнет, заняв место слева от Катарины. — У нас здесь в моде бледность, но ваши веснушки выглядят просто очаровательно...

— Спасибо.

Она чувствовала себя взятой под стражу.

— ...я была на стороне родителей, как и подобает послушной дочери... но со временем...

— Простите, — Катарина заставила себя сделать шаг вперед. — Мне немного дурно... климат... непривычный... еще...

По лестнице она поднималась медленно, сохраняя остатки достоинства, и лишь оказавшись наверху, позволила себе выдохнуть.

Проклятье.

Ее уверили, что та женщина, которая подарила Катарине имя, сирота. И похоже, были правы. Но вот о наличии других родственников могли бы и предупредить.

И как теперь быть Катарине?

Она заперлась в комнате и, прислонившись к двери, стояла. Кусала губы. Чувствовалось, что избавиться от любимой родни будет непросто. Тетушка Лу не похожа на женщину, которая такое оскорбление спустит. Оставить? И ее, и эту парочку кузенов, что появились неспроста, но... почему?

Когда дверь между комнатами открылась, Катарина спросила:

— И что нам делать?

— Терпеть и искать повод, — ответила Джо, которая тоже не выглядела довольной. — Веский повод, такой, чтобы эта стерва потом не смела и рта раскрыть.

— Откуда она вообще...

Джо сняла браслеты и пошевелила руками. Темная вязь рисунка, что начинался на запястьях и уходил куда-то выше, под рукава, вспыхнула силой.

И погасла.

А Катарина подумала, что никогда-то не спрашивала о том, как появился этот рисунок. И что он значил. Спросить? Что-то подсказывало, что Джо не ответит.

— Что тебе вообще сказали о Катарине Говард?

— Что у нас один возраст. Одно имя. Она сирота. Воспитывалась в колониях. Что хочет уйти в монастырь и это мой шанс.

Катарина обняла себя.

Джон был убедителен. Знал ли он о грядущей помолвке? Должен был знать. Подобные вещи не решаются быстро, а значит, имелись договоренности, хотя бы предварительные. И Катарина... мешала?

Очевидно.

Двум королевам сложно ужиться в одном доме.

— Все верно, — Джо рухнула в кресло и вытащила кисет с табаком. — Вот не зря мне сегодня неспокойно, не зря... так вот, матушка Катарина Говард, Элизабет Норрингем, некогда была весьма известна своей красотой. Род старый, почтенный, пусть и несколько обедневший. Но девушке прочили неплохое будущее, более того, после представления ко двору у нее появился жених...

Сладковатый запах дыма наполнял комнату, унимая дрожь.

— Был он, как водится, несколько старше невесты, но кто обращает внимание на подобные мелочи? Главное, что герцог Солсбери несметно богат, родовит и королю приходится, пусть дальним, но родичем. Только девушка перспективы не оценила.

Джо держала трубку на ладони. И не горячо ей? Впрочем, она ведь огненный маг, а у них с огнем свои отношения.

Катарина отступила от двери, подумав, что стоит обзавестись парой засовов.

На всякий случай.

— Накануне свадьбы она сбежала с неким мистером Нэшби, о котором только и знали, что он служил клерком при мелкой торговой конторе. Парочка эта, здраво рассудив, что родительского благословения ждать не стоит, отбыла в колонии. А заодно прихватила жемчужный гарнитур, подаренный герцогом к помолвке, да...

А у Катарина сбежать смелости не хватило.

Она ведь думала. После той первой и единственной до свадьбы встречи с Генрихом. Тогда Катарина пришла в ужас от мысли, что огромный этот человек, краснолицый, неопрятный, дурнопахнущий, станет ее мужем. Она знала, что просить отца бесполезно и... думала сбежать.

Только не решилась.

А ведь у нее тоже поклонник имелся, и, может, стоило бы рискнуть? Но Катарина всегда была трусихой.

— Семья от нее отреклась, чято, конечно, не могло унять гнева Солсбери, который чувствовал себя озорбленным. И немало поспособствовал тому, что Нворрингемы оказались вне дворцовой жизни. Луиза, младшая сестра Элизабет, в конечном итоге вышла замуж, но не сказать, что супруга ее можно было счесть удачной партией. Баронет из мелких, не богат, не беден, почти неизвестен. Правда, впоследствии ему удалось исправить пошатнувшееся семейное положение, и ныне семья довольно-таки состоятельна...

Джио выдохнула дым.

— ...но не настолько, как Нэшби. В колониях им повезло. В некотором роде... скажем так... своеобразное такое везение, которое дорого обошлось в итоге. Главное, что Нэшби сумел основать собственную компанию, которая росла, росла и выросла... ее представительства открылись не только во многих городах Британии, но и у франков с австрийцами. Нэшби принадлежали с полсотни кораблей...

— Принадлежали?

— Катарина была единственной их дочерью, но девочка проявляла куда больший интерес к вере, нежели к делам семейным. Ее выдали замуж за компаньона Нэшби, Бертрама Говарда.

А вот если бы Катарина сбежала? Если бы нашла в себе силы? Отец не стал бы искать ее в колониях. И... может, действительно отправиться туда? В южные страны, где никогда не бывает холода, где крыши домов украшают золотом, а драгоценными камнями мостят улицы?

Где живут люди с черной кожей.

И удивительные животные, о которых Катарина только в книгах и читала. Она купит себе дом на берегу моря, будет разводить розы и любоваться кораблями.

— Но, верно, и тот оказался не столь хорош. Во всяком случае, пару лет тому Нэшби продал компанию, выручив за нее, как понимаешь, весьма и весьма приличную сумму. Деньги он разместил в банках... в нескольких... поручив выплачивать дочери содержание. Весьма достойное.

— Сколько?

— Две тысячи соверенов в месяц.

Сумма была не просто приличной, ее хватило бы на многое.

— Но основной капитал он завещал внукам.

От которых Катарина отказалась, предпочтя покой обители Скорбящих дев.

— Незадолго до смерти Нэшби продал свой дом в колониях. Он собирался вернуться на родину. Сколь знаю, ему был обещан титул. И орден святого Губерта...

Немалая награда.

— Он не вернулся?

— Желтая лихорадка, — мьесс Джио сделала последний вдох. И дым задержала во рту. — Она унесла и его жизнь, и жизнь его жены... а еще зятя. Спаслась лишь Катарина, как она полагает, силой молитвы.

— Ты... с ней встречалась?

— Конечно. Должна же я была понять, что затевается. Как ни странно, вы с ней действительно очень похожи. Если бы она не морила себя голодом и молитвами, можно было бы сказать, что она хороша собой. А еще тиха и послушна. Идеальная женщина.

Это было сказано с сарказмом, который заставил Катарину поморщиться.

— Не злись, деточка...

— То есть... теперь я... наследница Нэшби?

— В какой-то мере да. Думаю, в конечном итоге Джон найдет способ прибрать состояние в казну. Здесь он пошел в отца, весьма рачительный молодой человек.

Который воспользовался удобным случаем, сказав, что хочет помочь. А Катарина не стала уточнять, кому именно он помогает. Ей ведь казалось, что все очевидно. И когда она поумнеет?

— Не стоит переживать, лапонька. Ты ведь хотела свободы? Ты ее получила. Джон хотел твою сестру и денег? Одно он уже получил, до второго доберется в перспективе, если кто-то не успеет раньше.

— Тетушка? — Катарина слабо улыбнулась. — И кузены?

— Родство не такое уж дальнее, но, если подумать, то и не ближе. Храмы против подобного брака возражать не станут.

— А деньги? Если бы Катарина ушла в монастырь, то деньги... что стало бы с ними?

— Интересный вопрос, — Джоу выбила трубку о ладонь. — И своевременный. Короне отойдет. Согласно завещанию.

Короне, стало быть. Джоу вздохнула и добавила:

— Дорогая моя, думаю, нет нужды говорить, что с утренними прогулками покончено? И вообще постарайся вести себя осторожнее...

Катарина кивнула.

Постарается.

[1] Верхняя мужская одежда в Англии 16 в.

Глава 9

В порту Бристона пахло рыбой, морем, хотя до него был не один десяток миль, и людьми. Кайден прижал к носу платок и поморщился. Отыскать здесь хоть что-то?

Сомнительно.

Караван здесь был. И Дуглас беседовал с хозяином постоянного двора, который клялся, что купцы ушли утром, а куда, он того знать не знает, ведать не ведает. И подозрения эти ему непонятны.

Неприятны.

У него приличное место. Господин сам может осмотреть, коль у него желание имеется. Желания не было, но Кайден поднялся по добротной лестнице. Остановился на втором этаже, вслушиваясь в разрозненные голоса мертвого дерева.

Это место и вправду было старым. Оно нарастало над собой, всякий раз опуская ниже и ниже каменное основание свое. И там, в подвалах, наверняка найдется много интересного. И хозяин, зная это, нервничает. Он бледен и потлив, суетлив без меры, спешит угодить королевскому дознавателю, втайне надеясь, что тот не задержится надолго.

Комнаты.

Обыкновенные. Не слишком велики, но и не сказать, чтобы вовсе малы. Здесь пахнет уже людьми и разными, и запахи эти мешаются, заставляя Кайдена сильнее прижимать к носу платок. Помогает мало, но он заставляет себя слушать это место.

Караван ушел.

И свидетели тому имеются. Да и хозяин, имея свое маленькое дело, пусть и не совсем законное, не станет вязаться с кровью. Слишком труслив. Слишком привык к жизни вот этой, может, и не самой лучшей, но и далеко не худшей.

Кайден развернулся и спустился в обеденный зал, по утреннему времени почти пустой.

— Сюда ведь многие приходят? — поинтересовался Дуглас, который крутил головой, будто оказался здесь впервые.

— Так... у меня кухарка хорошая... может, господин изволит отведать рыбной похлебки?

Кайден кивнул.

Изволит.

И мысль Дугласа ему понятна. Если хозяин не виноват, тогда кто? Али — купец опытный, ему не раз и не два случалось водить караваны, пусть и с куда менее дорогим грузом, но... специи и шелка тоже многим интересны.

Он знает, как опасна дорога.

Кайден присел за ближайший стол и провел ладонью по шершавой, слегка липкой его поверхности. Скатертей здесь не держали, предпочитая скоблить дерево, отчего то почти утратило исконный свой цвет.

Дорога опасна.

А трое охранников отказались идти дальше. И пусть до поместья всего сутки пути, но... Али осторожен. Рискнул бы он нанять кого?

Вряд ли.

Всего сутки. И он выслал бы сына сообщить о прибытии, зная, что Кайден ждет и груз, и караван.

Похлебка была горячеей, густой и острой до того, что даже Дугласу приходилось запивать ее водой.

Водой.

А в караване? Али не притронулся бы к вину или элю, как и к другой выпивке. А сыновья его? Он весьма строг с домашними. Ближняя охрана... а остальные?

Что это значит?

И значит ли хоть что-то? Суп вкусен, как и поданная к нему мелкая рыбешка. Ее выпекали прямо на раскаленных камнях, посыпая крупной солью.

Кайден сунул в рот кусок. Зажмурился. Стоит прийти сюда вечером. Только не в нынешнем обличье, которое заставляет людей коситься с подозрением, ибо королевских дознавателей, конечно, уважают, но само присутствие их настораживает.

— Я загляну, — Дуглас ловко развернул рыбешку и выгреб внутренности, которые полетели в миску. — Правда... сомневаюсь.

Он покачал головой. А Кайден кивнул, но добавил:

— Их здесь встретили. Больше нигде. Сам посуди. Караван шел морем, потом баркасами до Бристона.

Дуглас кивнул.

— Баркасы выгрузили и нагрузили вновь. Я узнавал. Ушли они тем же вечером.

Дуглас вновь кивнул. А Кайден сцепил пальцы.

— Если кто-то и остался, то это человек или два, слишком мало, чтобы навредить каравану.

— Маг?

— По пути ни одного всплеска. Я бы почуял.

А если не Кайден, то Призрак. Или Тьма. Однако сущности молчали.

— Думаю, дело не в грузе, — Кайден пошевелил пальцами. — Не в нынешнем...

Он потер переносицу.

— Каждый год Али приводит свой караван. Он идет до Бристона, а оттуда уже поднимается выше. Он привозит шелка и пряности, золото, полудрагоценные и драгоценные камни. И об этом знают.

Как знают и об охране, на которую дом никогда не скупился.

— Думаю, его ждали. Или не его? Ты узнавал? Не случилось ли в округе пропадать... другим караванам?

Дуглас слегка наклонил голову и коснулся широкого серебряного браслета, раскрывая купол тишины.

— За последние три года пропало девять караванов.

— Девять?! — Кайден подался вперед. — Почему я ничего не знаю?

— Семь из них были... не совсем легальны, — Дуглас поглаживал узоры на браслетах. — Скажем так, не все уважаемые купцы готовы платить подорожный сбор. А еще подушный. Товарный. И местный. Караваны числились паломниками.

Кайден дернул головой.

Человеческая жадность... не так уж велики налоги.

— А градоправитель...

— Знал и был в доле, а потому, когда караваны сгинули, предпочел сделать вид, будто их не было.

— И паломников тоже?

Дуглас развел руками и пояснил:

— Мало ли, что бы ты там нашел. Нет, им проще было смириться с убытками, чем внимание привлекать.

Стало быть, по святым местам паломники продолжают ходить, принося градоправителю доход, которого хватает, чтобы пережить пропажу.

— Еще один принадлежал некому Бхаррыкину, новгородскому купцу, который был здесь впервые. Дело расследовали. И нашли виновных.

— Даже так?

К градоправителю стоило наведаться. Кайдену казалось, что они с этим многоуважаемым человеком поняли друг друга. Но выходит, что именно лишь казалось.

— Повесили пятерых из мелкой банды, что промышляла на дорогах. И повесили за дело, — Дуглас покосился на человека, что замер у стены, старательно делая вид, будто вовсе не интересны ему посетители. — Но вот ничего из груза отыскать не удалось.

— Или так считается?

— Нет, — Дуглас покачал головой. — Лорд Тирби, конечно, еще та скотина, но границы знает. Не стал бы рисковать. Соболя — вещь приметная...

Как шелка.

И камни.

Слоновья кость. Черная земляная жижа, которую называли слезами пустыни, ибо рождалась она на старых камнях под безжалостным южным солнцем.

Кайден отодвинул миску с похлебкой.

— А знаешь, что еще интересно? — Дуглас вот свою порцию доел и рыбой не побрезговал. — Никто так и не понял, куда они пропали...

Это временно.

Кайден во всем разберется.

Тетушка Лу оказалась особой весьма деятельной. Голос ее громкий Катарина слышала то тут, то там, и от этого голоса морщилась, чувствуя, как рождается в голове знакомое эхо грядущей мигрени. Но стоило тетушке замолчать, и мигрень отступала.

А потом вновь.

И опять.

— Прошу простить мою матушку, — этот голос заставил Катарину подобраться и стиснуть покрепче круглый камень со скрытым внутри плетением. Камню давно следовало бы подыскать достойную оправу, но Катарина откладывала это дело.

Как и все прочие дела.

— И прошу простить меня, если напугал, — Кевин — или Гевин? — поклонился. — Мне показалось, что вам одиноко, и лишь поэтому я осмелился нарушить ваш покой.

— Ничего страшного, — солгала Катарина. А ей казалось, что этот старый балкон, что приклеился к западному крылу, в достаточной мере сокрыт от посторонних глаз.

Не угадала.

— Вижу, вам моя компания неприятна?

— Я привыкла к одиночеству, — она старательно отводила взгляд, потому что близость этого человека заставляла нервничать.

Лучше смотреть на вьюнок, который обжился в мраморных цветочницах, где некогда обретались розы и прочие благородные создания. Ныне от них остались сухие стебли, которые служили вьюнку опорой.

— Понимаю...

Кевин? Или все-таки Гевин?

Переоделся. И домашний костюм из мягкого твида ему идет, как и темный шейный платок, завязанный небрежным узлом. Мужчина красив, но не красивей Джона. Да и вообще... в последние годы вокруг Катарины появилось множество привлекательных мужчин, которые полагали, будто эта привлекательность дает им какие-то права на Катарину.

— В колониях, должно быть, все иначе...

Он замолчал. А Катарина кивнула. Она понятия не имела, как там в колониях, но подозревала, что

действительно тамошняя жизнь изрядно отличалась от привычной.

— Матушка полагает, что мы можем составить друг другу партию, — ее окинули оценивающим взглядом, который заставил поежиться.

— Не думаю, что готова к новому замужеству.

— Вы ведь немолоды.

Это прозвучало почти обидно, хотя и было правдой. Двадцать семь — действительно много. Слишком много, чтобы рассчитывать, что она, Катарина, кого-то заинтересует.

— И дальше ждать некуда.

Гевин — она решила, что это все-таки он — явно превратно истолковал ее молчание.

— Конечно, вы все еще хороши собой...

— Спасибо.

Он отмахнулся от этой благодарности, как от чего-то ничтожного.

— И содержание ваш отец определил вам весьма достойное, но этого мало. Вы должны понимать, что ваш предыдущий брак, репутация вашей матушки, да и сама ваша жизнь, ведь о свободных нравах колоний ходит немало слухов, весьма затруднят обретение вами личного счастья. Я же предлагаю сделку.

Катарина обняла себя.

— Вы получите имя. Титул, который отойдет ко мне после смерти отца...

— А он собрался умирать?

— Вы забавны. Нет, конечно, но все мы смертны, и рано или поздно титул станет моим, как и семейное дело. Я смогу вас обеспечить.

— Мне казалось, я уже обеспечена.

— Мы покинем эту глушь. Вы достойны того, чтобы быть представленной при дворе.

Катарину передернуло.

— Дом в столице. Поместье где-нибудь поблизости. Балы. Вечера.

Суэта и сплетни. Страх сделать что-то не так, снова не так, потому что «так» у Катарин не получается, несмотря на все ее старания. А ведь она старалась искренне.

Скрытые насмешки.

Уколы.

Взгляды, что каждый раз ощупывают, выискивая новые и новые недостатки. Шепоток за спиной. Льстивые улыбки и уверения в преданности, верить которым — сущее безумие. Катарина весьма скоро это поняла. Ее всегда удивляло, как все это может казаться привлекательным?

— Или любой иной вариант, который вас устроит, — он оказался слишком внимательным, что раздражало. — Просто мне казалось, что женщинам нравится светская жизнь.

— Не всем.

Гевин чуть склонился, признавая ошибку.

— Я не буду вам докучать. Не стану контролировать. Я не ревнив. И при соблюдении неких приличий, мы вполне сможем сосуществовать, не доставляя друг другу особых проблем.

Сосуществовать Катарина категорически не желала.

— Мой брат будет говорить о любви, но не обольщайтесь. Он всем о ней говорит и где-то даже искренне, но он — создание ветреное, сегодня любит вас, а завтра кого-то еще. Кроме того Кевин совершенно не умеет обращаться с деньгами. Год или два, и вы окажетесь в долгах.

— Спасибо, — Катарина вымучила улыбку. — Я... учту.

— Учтите, — великодушно разрешили ей. — И поверьте, я научился ладить с женщинами. Я буду хорошим мужем.

Катарина стиснула камень в кулаке, с трудом сдерживаясь, чтобы не активировать плетение. Хватит с нее мужей! Хороших, плохих... всяких! Да она лучше дюжину кошек заведет, как и положено приличной старой деве. Или две... или три.

— Простите, — она нашла в себе силы посмотреть в темные глаза Гевина, и впервые страх не мешал, скорее подстегивал, вызывая неведомую прежде злость. — Но ваше предложение столь... великодушно, что я просто обязана обдумать его. В одиночестве.

И Гевин отступил в сторону.

Показалось, что он даже смутился. Определенно, показалось.

Многоуважаемый лорд Тирби имел похвальное обыкновение принимать пищу под музыку. Струнный квартет скрывала ширма в восточном стиле. Беззвучно скользили лакеи, поднося одни блюда, и унося другие.

Пахли розы.

Молчали канарейки в посеребренных клетках, не решаясь беспокоить особу столь высокую. К счастью, в отличие от канареек на Кайдена заклятье немоты не действовало. Даже если бы лорд Тирби решился. Но он, будучи человеком осторожным, точно знал, на ком и какую магию применять можно, а кого не стоит тревожить.

— Паштет чудесен, — он предпочитал говорить о паштетах, или вот музыке, большим специалистом в которой себя мнил. Или вот о париках. К парикам лорд Тирби испытывал немалую страсть, зарождению коей способствовала обширная лысина. — С трюфелями и красным вином. Некоторые используют белое, но, поверьте, это весьма неосмотрительно. Белое вино в определенных сочетаниях начинает горчить, что может испортить изысканное блюдо. Согласитесь, кому понравится горечь?

— Никому, — послушно согласился Кайден. Паштет и вправду был хорош, как и перепела, тушеные в меду, и оленье жаркое, и тонкое полупрозрачное мясо, высушенное на травах. И что-то еще... — Как и вранье. Вранье, оно куда хуже горечи.

На бледных щеках лорда вспыхнул стыдливый румянец, заметный и под слоем пудры.

— Не понимаю...

— Караваны, — Кайден поморщился. Никогда-то он не понимал этого вот человеческого обыкновения хитрить и изворачиваться. — Пропавшие. Ваши...

— Помилуйте, — почти искренне возмущился лорд и покраснел еще больше. — Я ведь не купец какой-то там...

— Вы градоправитель, поставленный именем короля блюсти закон и порядок, — Кайден воткнул серебряную вилку в кусок мяса, и лорд Тирби поморщился. Человек изысканный, он ценил в собеседниках хорошие манеры. — И мне глубоко плевать, торгуете вы или нет, платите налоги или нет...

Румянец стал и вовсе ярким. Лорд Тирби хлопнул в ладоши, и музыка оборвалась. Что-то зашелестело за ширмой, после раздалися шаги, причем двигались музыканты почти бесшумно.

Для людей.

— Налогами я не занимаюсь. А вот исчезновения людей — дело иное.

— Поймите... — лорд Тирби слегка наклонился, и пышный шейный платок его почти коснулся серебряной тарелки. — Это дело... прошлое... все уже решено... все уже в порядке.

— Пропали мои люди.

— Что? — хлопнули ресницы, слишком длинные, чтобы быть настоящими, а румянец сменился бледностью.

— Мои. Люди. Пропали, — спокойно и по слогам произнес Кайден. Он поднял кусок мяса и, понюхав, вцепился в него зубами. Бабушка пришла бы в ужас от подобных манер, а вот лорд Тирби лишь слегка нахмурился. — Несколько дней тому. Бесследно. Как и ваши караваны. И тот купец из Новгорода. Вы знаете, руссы — очень нервные люди...

— Мы нашли виновных.

— А груз?

Лорд потупился.

— Не нашли, — сделал Кайден свой вывод. — Или... нашли?

— Кое-что... остатки... основной ушел.

— Куда?

— Они не знали. К сожалению, главаря взять живым не удалось, а рядовые... вы же понимаете, это чернь, которая и без того не отличается особым умом, а уж та, что идет в разбойники, это почти животные!

— Но вы их допросили?

— Естественно, — почти возмутился лорд Тирби. — Однако, увы, бесполезно.

— Совсем бесполезно?

Лорд отодвинул тарелку с нетронутой спаржей, откинулся в кресле, коснулся хрупкими пальцами кружевного воротника.

— Скажем так, кое-что мы узнали. Им указали на караван. И обещали помощь. И оказали... от них требовалось узнать, через какие ворота пойдет караван. А затем устроить на пути завал и... все остальное.

— И вам это не показалось странным?

— Чернь в принципе ведет себя нелогично, — палец лорда коснулся высокого его лба. — Им не хватает ума, чтобы оценить последствия своих поступков.

Накрашенные алой помадой губы изогнулись.

— Они ограничены и тупы.

— Но купца убили не они.

— У меня есть признание.

— Не сомневаюсь, — Кайден давно уже понял, что при толике свободного времени и неких весьма специфического толка умениях получить признание не так уж сложно. — Куда они дели тела?

Молчание.

И губы кривятся сильнее, словно лорд вот-вот расплачется. Пальцы мнут хрупкое кружево, а взгляд лорда Тирби устремлен куда-то вдаль. Но до ответа он снизошел.

— Они устроили засаду. И оглушили охрану. Судя по тому, что я понял, у них нашелся артефакт.

— Какой?

— Голос Сирены.

— Даже так?

Не то, чтобы местные разбойники вовсе не пользовались магией, но голос Сирены, лишаящий воли, проникающий сквозь большинство охранных плетений, кроме вовсе уж специфических... нет, это чересчур.

— Сам, признаюсь, был поражен. Но мы нашли его. На теле главаря. К сожалению, уже неисправным... эти чудовища просто-напросто выковыряли драгоценные камни!

И коль остались живы, артефакт был разряжен.

Но возмущение благородного лорда Тирби вполне объяснимо. Подобное обращение с артефактами и вправду иначе, как варварством, не назовешь.

— Как артефакт вообще к ним попал?

— Они не знали. От... партнеров, которым и передали людей, как и часть груза. Честная сделка.

У Кайдена имелись собственные представления о том, какие сделки можно считать честными. Но он вновь промолчал, лишь выразительно провел ножом по тарелке. И лорд Тирби скривился.

— Поймите, мне не хотелось ненужного внимания. Я искренне полагал, что проблема решена. Разбойники, конечно, случаются, но орудуй здесь банда... неужели стала бы она проявлять подобную сдержанность? Погибших караванов было бы в разы больше.

Именно это Кайдена и смущало.

Большей частью.

Глава 10

Катарина подумывала сказатьсь больной и запереться в собственных покоях, но, глянув на себя в зеркало, усмехнулась. И получится, что она сменила одну тюрьму на другую? Просто куда менее роскошную? Нет уж.

Это ее дом. И она не позволит каким-то совершенно посторонним людям вести себя так, будто бы они в нем хозяева.

Не хватало.

Она потеряла зудящие запястья — дом постепенно наполнялся силой, оживая, но этот вполне естественный процесс беспокоил скрытые плетения.

Надо потерпеть.

Катарина открыла шкатулку. Пара браслетов из белого золота, украшенных жемчугом и эмалью. Рисунок простой, но она сама наносила его, когда еще верила, что королеве позволено заниматься чем-то и вправду стоящим.

Металл коснулся кожи, успокаивая зуд.

Вот так.

Платье... пожалуй темно-лиловое, почти черное, напоминающее всем о трауре. И волосы зачесать гладко, убрав под черный бархатный чепец. Полупрозрачная вуаль упала на лицо, отделяя Катарину от мира. Впрочем, ненадолго, ибо вуаль Катарина откинула назад, закрепив парой жемчужных шпилек. Стоило бы горничной обзавестись, но сама мысль, что чьи-то руки вновь будут прикасаться к телу Катарины, к коже ее, к волосам, вызывал нервную дрожь.

Нет, она научилась управляться сама, и выходило неплохо.

Пудра?

Нет.

И помадой пользоваться Катарина не станет. Бледна? Пускай. Пусть считают, что она, Катарина, не совсем здорова. Здоровье в принципе донельзя удобный предлог.

— Правильно, лапонька, — Джио наблюдала за этими приготовлениями, не пытаясь помочь, за что Катарина была несказанно ей благодарна. — И голову выше. Выживем. Потерпи немножко. Браслетик не сняла?

Катарина подняла руку. Пусть нить с нанизанными на нее камнями несколько выбивалась из общего образа, но с ней Катарина чувствовала себя спокойней.

Сама Джио сменила одно темно-красное платье на другое, отличное от первого разве что более темным, в черноту, оттенком. И ожерелье из огненных опалов лишь подчеркивало, что темный отлив ткани, что белизну кожи. В полумраке Джио казалась куда более молодой.

И красивой?

Не в обычном смысле этого слово. Все же лицо ее было слишком узко и длинно, черты — неподобающе резки. Такие простительно иметь мужчинам. Но вот... клювастый нос. Резкие скулы. Темные глаза, которые и без подводки казались огромными...

При дворе у Джио имелось множество поклонников, до которых она порой снисходила.

А здесь?

Здесь, как подозревала Катарина, мьесс не оценят.

Обеденную залу привели в порядок. Почти. Во всяком случае, паутина с потолка не свисала, пыль исчезла, как и отсыревшие старые портьеры, и теперь солнце, пробиваясь сквозь окна, оживляло витражи.

А они были чудесными.

Вот дракон.

И горы.

Море. Корабль с парусами, которые пылают золотом. Далекий берег. И печальная дева на этом берегу. За ее спиной виднеется огромное дерево, ветви которого расстилаются по-над головой девы, и над морем, и над кораблем, будто сами держат небосвод. А где-то дальше, на самом горизонте, обожженные солнцем плывут корабли с клювастыми головами. И видится в них что-то донельзя зловещее.

Катарина поневоле залюбовалась. И пропустила появление тетушки.

— Ах, дорогая, я так рада, что тебе стало лучше... — тетушка Лу облачилась в золотую парчу, которая, может, была бы уместна при дворе, но не на семейном ужине. — Мальчики сказали, что ты приболела, и меня это очень огорчило... очень...

Перстни и кольца.

Ожерелье на шее. Тяжелые серьги, почти достающие до покатых плеч. И кружево огромного воротника. Такие были в моде лет пять тому. Или десять даже? Господи, как давно... целая вечность, а Катарина помнит собственный воротник из тяжелого кружева, которое укрепляли железными спицами, а уже их ставили на ворот платья. И она жутко боялась, что ворот не выдержит, что спицы упадут и кружево — подарок жениха — порвется. Тогда бы отец разозлился и сказал, что Катарина слишком беспечна.

Небрежна.

Она судорожно выдохнула и стиснула кулаки.

— Да, мне лучше, — Катарина слегка склонила голову. — Мы ждем гостей?

— Гости? Милая моя, какие гости в этой глуши. Не представляю, как этот дом вообще уцелел...

...чудом, не иначе. И принадлежал он, как Катарина теперь знала, бабке той, другой Катарины, которая единственная из семьи не отказалась от беглянки. И дом вот оставила.

И прилегающие земли.

— Если хочешь знать...

Знать Катарина не хотела, но тетушка Лу, потеснив Джио, взяла Катарину под руку.

— ...молодой красивой женщине здесь совершенно нечего делать. Ты должна выезжать в свет. Для начала отправиться к нам. Мой Гарольд будет рад. Он сам говорил, что не стоит бросать бедное дитя в столь сложное для него время. Мы можем отправиться уже завтра. Я займусь твоим гардеробом, представим тебя свету, сперва, конечно...

— Витражи красивые, — Катарине надоело это слушать.

— Что? — на щеках тетушки Лу сияли золотые блески.

— Витражи здесь красивые. Не знаете, кто их делал?

— Понятия не имею. Какая разница?

— Действительно... их ведь давно ставили. И тот, кто делал, давно умер. Жаль. Чудесная работа.

Катарина высвободила руку и, оглянувшись на Джио, направилась к столу. Она заняла место во главе его, вздохнула и поинтересовалась.

— Ужин подадут?

— Мальчики еще не вернулись.

— Это их проблемы. Джио...

— Конечно, дорогая, — Джио хлопнула в ладоши, и огненные камни засияли чуть раньше.

— Это не очень вежливо, — тетушка Лу устроилась по левую руку Катарины.

— Не очень вежливо заставлять себя ждать, — Катарина расправила салфетку. — Я привыкла, что ужин подают к семи. Если в вашем доме иные порядки...

Ответом были поджатые губы.

— ...то мне жаль, но вам придется привыкнуть к нынешним.

— Деточка, послушай доброго совета, — тетушка Лу тщательно разглаживала полотняную салфетку. — Женщине следует проявлять большую гибкость, большее понимание... к мужским слабостям.

— Я уверена, — Катарина чуть склонила голову. — Что жены моих дорогих кузенов с удовольствием примут от вас советы. И помощь. И проявят должное понимание... к мужским слабостям.

Ужин все-таки подали, и пусть был он далеко не столь роскошен, как во дворце, но Катарина почти наслаждалась тишиной и возможностью просто есть.

Есть и не думать о том, как она выглядит со стороны.

Прилично ли брать второй кусок мяса. И отказаться от рыбы, которая сегодня чересчур остра. Не давиться вареной фасолью, ибо целители решили, что именно фасоли не хватает, чтобы Катарина, наконец, исполнила свой долг перед королем и государством.

Фасоль с тех пор она ненавидела.

— И все-таки, девонька, — тетушка Лу то ли не умела обижаться долго, то ли обладала теми удивительными способностями к притворству, которых самой Катарине не хватало, но она улыбнулась и погрозила вилок. — Я не представляю, как ты собираешься жить здесь... одна...

— Я не одна, — Катарина разрешила мясо, приказав себе всецело сосредоточиться на процессе. — Со мной мьесс Джио.

— Ужасная женщина.

— Почему?

— Она магиня!

Джио хмыкнула.

— Это неприлично... женщина не должна вот так явно выставлять свои способности!

— Почему? — Катарине удалось изобразить улыбку.

— Что подумают мужчины?

— А какая разница, что подумают мужчины?! — ей было действительно интересно. И тетушка Лу раздраженно смяла салфетку.

— Я не знаю, о чем думала моя сестра. Ей следовало бы выписать приличную гувернантку, которая бы объяснила тебе эти элементарные вещи...

— Мне жаль, — Катарина с трудом сдержала улыбку. — Но в колониях не так просто найти приличную гувернантку...

— Я вижу. Но она могла отправить тебя сюда! Я бы позаботилась о твоём воспитании, а теперь... девочка, женщина не может быть в чем-то лучше мужчины! Женщина создана Господом, чтобы быть надежной опорой и только. Ее главная задача — семья, а все остальное... это пустая трата сил. Вот зачем женщине магия?

— А если даром наделил Господь?

— Он сделал это, чтобы женщина могла передать дар детям и только!

— Он сам вам сказал?

— Катарина!

— Что? Мне просто интересно. У нас... в колониях... люди как-то не рискуют говорить, что в полной мере постигли замысел Господень. И мне подумалось, что здесь все должно быть иначе, — сдерживать улыбку становилось все сложнее.

А тетушка Лу раздраженно отбросила салфетку. Она явно разрывалась между желанием немедленно уйти, демонстрируя свою обиду, и подозрением, что никому-то здесь до этой обиды не будет дела.

— Тебе следует найти приличную компаньонку, — наконец, произнесла она. — Зачем тебе мьесс?

— Защищать?

— От кого?!

— Мало ли, — Катарина пожала плечами. — Вы же сами сказали, что здесь глушь невероятная, вдруг да разбойники водятся?

— Разбойники? Что, вправду? — от дверей раздался веселый голос. — Матушка, а ты молчала!

— Кевин! — в голосе тетушки Лу послышался легкий упрек. — Нет здесь никаких разбойников. У нас приличная страна, все разбойники повешены.

— Совсем все? — уточнила Катарина. — Совсем-совсем?

А Кевин к ужину приоделся. И... не только приоделся. Он словно сиял изнутри, и это сияние завораживало настолько, что Катарина моргнула, силясь избавиться от наваждения. А потом нащупала под столом браслет и сжала нужный камень.

Ее пытаются приворожить?

Это незаконно!

С другой стороны, если никто не узнает... она посмотрела на Джо, а та кивнула. Тоже чувствует?

— Понимаете, — Катарина захлопала ресницами. — У нас... в колониях... разбойники — это серьезная проблема. Только одних повесишь, так другие появляются. И папенька, помнится, говорил, что сделать с этим ничего нельзя, что необходимо проявлять осторожность.

К слову, отец и вправду такое говорил, пусть и не Катарине. А еще добавлял, что одной осторожности недостаточно, нужно больше войск.

Стражи.

И виселиц.

— Ах, дорогая, — с появлением сына тетушка Лу ожила. — У вас в колониях дикие места, и очевидно, что жить там опасно. А здесь... не буду спорить, что порой случаются некоторые неприятности, но вас не тронут!

— Кто?

— Никто, — уверенно заявил Кевин, обходя стол по кругу, и сияние вокруг него стало вовсе нестерпимым, а руки опять зачесались, несмотря на браслеты.

Сказать им, что ли?

Или нет?

Катарина тайком поскребла запястье.

— Пока мы здесь, мы не позволим, чтобы с вами что-нибудь случилось, — он коснулся руки Катарины и поднес к губам. И взглядом одарил таким, что у Катарины уши покраснели.

От злости.

Даже во дворце ее не считали настолько душой.

— Как мило с вашей стороны, — руку она забрала и вытерла о платье, что не осталось незамеченным. — Но вы же не собираетесь оставаться здесь вечно?

Судя по взглядам, которыми Кевин обменялся с матушкой, они собирались.

— А потому мне уже сейчас следует подумать о своей безопасности.

— Сели бы вы куда, молодой человек, — меж пальцев Джо блеснул огонек. — У нас... в колониях... неприлично так над девушками нависать.

— Прошу прощения... — от следующего взгляда полыхали уже не только уши. — Я многое слышал о порядках, введенных в колониях...

Катарина поскребла вторую руку и велела себе сидеть смирно, а то ведь и до крови разодрать недолго. Надо вернуться к альбому.

К узорам.

Понять, как от них избавиться.

— А ваш брат где? — она вымучила улыбку и потянулась за вилкой, потому как беседа беседой, а ужин ужином.

— Понятия не имею. Скорее всего, в город отправился.

— Зачем?

Кевин остановился за спиной матушки, положив руки на спинку ее стула.

— По делам...

— Какие у него могут быть дела в городе, куда он только сегодня приехал? — поинтересовалась Джио, перекатывая огонек в пальцах, и Кевин следил за ним неотрывно.

— Помилуйте, это просто неприлично! — вспыхнула тетушка Лу. — Вот так спрашивать мужчину о делах... если он уехал, значит так надо.

— Кому?

— Ему!

— Что ж, надеюсь, он вернется до одиннадцати, — Джио позволила огоньку вырасти, чтобы затем собрать в горсть и впитать в ладонь. — В противном случае, ночевать он будет тоже в городе. Охранный периметр можно считать законченным, а мы в колониях привыкли рано отходить ко сну.

Тетушка Лу открыла рот.

И закрыла.

А вот Кевин рассмеялся и смеялся долго, слишком долго, чтобы Катарина поверила, будто этот смех и вправду означает веселье.

Глава 11

Мальчишка в ливрее был горд оказанным ему доверием. Он крутился в седле, волнуясь, как бы не отстал господин королевский дознаватель, как бы не затерялся он в густом лесу, где было и темно, и сыро, и комарье звенело на разные голоса.

Мальчишку дал градоправитель, пусть и без особой охоты, ибо искренне полагал дело закрытым, а пропавший наемный караван — досадной случайностью. Но королевским дознавателям отказывать не принято. Вот и выдали, кого не жалко. Причем, как Кайден подозревал, не жалко было не только мальчишку, но и солового старого мерина, что и по хорошей-то дороге шел медленно, что уж говорить о лесной тропе, которая вскорости и вовсе в чаще растворилась.

А лес, который давно уже у стен городских извели, что на хворост, что на доски, что на иные важные нужды, становился все гуще, все темнее. Этот лес выставял острые пики орешника, переплетая их с темными кустами бузины и крушины. Здесь не пахло цветами, а ноги проваливались во влажный мох.

Лошадей пришлось оставить на тропе, и Кайден заключил их в круг. Волками не пахло, но мало ли. Мальчишка же подпрыгивал от нетерпения. Он ловко перескакивал через ямы, ящеркой нырял в мелкие овражки, почти не тревожа кустов. И даже птицы лесные не видели в нем угрозы.

Кайден шел по следу.

А вот Дуглас лесов недолюбливал. Он потерялся где-то сзади, и из зарослей доносился лишь раздраженный голос, на который сойки отвечали возмущенным мяуканьем.

— Вот туточки, господин, их и побили, — сказал мальчишка, перескочив через узкий ручей, который почти исчез в темной подстилке. — Прямо туточки.

Место было... укрытым.

Удобным.

Поляна, окруженная молодыми дубками. Уже не хлысты, но еще и не гиганты, в ветвях которых город построить можно. Сама поляна — шагов двадцати в поперечнике, с одной стороны начинается болотце, которое, хоть и выглядит мелким, но, как и прочие болота, натуру имеет препаскуднейшую. Наверняка чуть дальше расползаются топи со скрытыми тропами, по которым так удобно уходить от погони.

Точно топи.

Пахло на поляне гнилью.

Кайден обошел старое кострище, почти исчезнувшее в траве. Остановился у ямины, которая некогда была землянкой, но крышу разломали, а содержимое растащило зверье или подобрали люди лорда. Теперь не понять.

Он присел у нее. Вдохнул.

— Кто вас сюда привел?

— Чегой?

Мальчишка хлопнул светлыми ресницами.

— Привел кто? Или сами нашли? — в этом Кайден сомневался. Уж больно долго идти пришлось, и местечко упрятано хитро, и болото имеется. Если бы люди Тирби шли тропой, разбойники не стали бы связываться, просто убрались бы вглубь топи, чтобы позже вернуться.

Мальчишка поскреб шею.

— Так это... старшой... не знаю... велел собираться. И мне тоже. Чтоб, значит, при конях. Я как побивали, не видел. Уже потом помогал вещи собирать, да... и кровищи туточки было! Страх!

Правда, сказано это было отнюдь не со страхом, скорее с восторгом.

— Твою ж мать... — Дуглас вывалился-таки из кустов и огляделся. — Да уж...

И пару слов покрепче добавил. А сам говорил, что благородные люди не матерятся. Он отряхнулся, отцепил от плаща репейник и, оглядевшись, произнес:

— Занятно.

И Кайден согласился, что да, весьма занятно. Он обошел поляну по кругу дважды, остановился у болотной тропы, запах которой еще ощущался, хотя времени прошло изрядно. Впрочем, не стоило обманываться, вряд ли этот запах продержится больше пары шагов. Он ногой попробовал мягкий дерн, выглядевший достаточно прочным, чтобы выдержать вес тела.

И заманчиво было бы пройти дальше, но... нет.

Обернувшись, Кайден убедился, что давешний мальчишка внимательно следит за каждым его шагом. И не стоило обманываться, не собственное его любопытство было тому причиной.

Кайден отошел к центру поляны. Крутанулся. И присел. Пальцы вошли в жесткую траву, а Кайден закрыл глаза. Вряд ли он вытащит хоть что-то, но почему бы не попробовать.

Гудели пчелы.

Муравьи спешили, касаясь пальцев. Им не было дела до забот людских. А вот корни... корни помнят многое.

Огонь.

И кровь.

Много-много крови... пролилось. Давно? Давно. Восприятие времени растений отлично от человеческого, и Кайден поморщился, чувствуя, как сознание затягивает в извечный круговорот жизни.

Снег.

Вода. И вода со снегом. Солнце, которого становится мало. Тяжелая листва, не способная удержаться на ветвях. Она ложится под корни, укрывая их и тех, кто обретает внизу.

Разбойников побили осенью, и листва только-только начинала осыпаться, а деревья еще не погрузились в долгий зимний сон.

Что ж, это совпадало.

А раньше?

Тоже кровь? Мало. Редко. Стало быть, банда и вправду заслужила виселицу. Люди... много. Огонь. Тоже много. Топор. И хруст ломающихся веток. Снова кровь. И опять кровь. И душный тяжелый запах наступающего болота. Вода, которая поднимается выше, отгрызая кусок берега за куском. Она заливает корни, заставляя те задыхаться, и потом, позже, поглощает мертвые тела деревьев. Они становятся частью болота, порастая мхом и ряской, покрываясь пленкой мертвой силы.

Чуждой силы.

Противной всему живому.

Кайден вытащил руку и вытер пальцы о штаны. Голова кружилась. И он сел на траву, а потом лег, сунул руки под голову и просто лежал, уставившись пустым взглядом на солнце. И солнце не ослепляло. Напротив, его тепло пробивало кожу, согревая кровь, позволяя вновь дышать.

Да, самое главное, не забывать дышать.

Вот так.

Вдох. И выдох. Ребра ходят, грозя разворотить грудную клетку. Но Кайден терпит. Вдох. И выдох. И снова вдох, чтобы потом выдох. Сила успокаивается, возвращаясь в хрупкий сосуд человеческого тела. А Дуглас, усевшись рядом, протягивает флягу с заговоренной водой.

Он молчит, но в глазах видится упрек. И вопрос. Неужели оно того стоило?

— Стоило, — говорит Кайден, когда к нему возвращается способность говорить. — Еще как... теперь я знаю, куда они ушли.

— Куда?

— Туда, — он вскинул руку, указывая на болото. — По мертвой тропе.

И Дугласу не надо растолковывать очевидное.

— Твою ж мать... извини.

— Ничего, — когда солнце стало невыносимо ярким, Кайден закрыл глаза.

Катарина разложила альбомные листы, состыковав края узора. И на этом желание работать иссякло. Точнее желание было, но где-то глубоко внутри, оно тлело под пеплом надежд и пустых мечтаний, а разум нашептывал, что стоит ли бороться с ветром?

Узор составляли опытные мастера.

Ученые.

И он совершенен в каждом изгибе своем. Так на что Катарина надеется? Думает, что она умнее королевских целителей?

Не думает.

Она сидит, разглядывая листы, заставляя себя смотреть, потому что заняться больше нечем.

Стук в дверь стал почти спасением, и поэтому должно быть Катарина вскочила, бросилась к двери и открыла, не спросив, кто за ней.

— Ах, дорогая, — тетушка Лу вновь сменила наряд на бледно-розовый. И цвет ей шел, как и розовый камень в светлой оправе.

Турмалин.

И серебро. Позолоченное для солидности, но все одно серебро. А в камне заклятье свернулось ящеркой. Оно живо и пульсирует, наполняя тетушку силой, придавая сияние увядающей коже и избавляя от морщин. Наверное, стоит предупредить, что, как только заряд иссякнет, кожа вновь начнет стареть и весьма стремительно.

Или не стоит? Вряд ли тетушка не понимает, что за все приходится платить. В том числе и за затянувшуюся молодость.

— Я подумала, что нам стоит поговорить наедине. По-родственному, — тетушка решительно переступила через порог и дверь прикрыла. — Пока твоя... мьесс занята.

Да.

Точно.

Джио говорила, что отлучится, что ей нужно проконтролировать мага, который завтра собирается заняться реконструкцией ведущих каналов, а это дело такое, непростое. И Джио велела сидеть в комнате.

Никого не впускать.

А Катарина забыла. И впустила.

Тетушка Лу вплыла в покои Катарини, огляделась, поморщилась. И платочек к носу прижала, хотя комнаты хорошо проветрили, а на столике появился букет лаванды.

— Если хочешь знать мое мнение, эта женщина совершенно ужасна.

— Не хочу.

— Что? — тетушка обернулась.

— Я не хочу знать ваше мнение. И не хочу говорить по-родственному. И буду весьма благодарна, если вы уйдете. Я занята.

— Да чем ты можешь быть занята? — отмахнулась тетушка Лу, сбросив с кресла книгу.

Катарини.

Давно начатую, но так и не дочитанную. Генрих вот любил, когда жены читали ему вслух. И Катарина читала, но почему-то при этом совершенно не запоминала, о чем именно читает.

— Что это за глупости? — тетушка подняла лист и поднесла к глазам. Поморщилась. — Ты вышиваешь?

— И вышиваю тоже, — Катарина лист вытащила. — Это руны. Заклятье.

Надо силовые потоки разметить, тогда станет понятна очередность узлов, да и точки наивысшего

напряжения силы выявить следует.

Именно.

А дальше выбрать те, которые находятся на критическом или подкритическом уровне нагрузки. Полностью убрать заклятье нельзя, это Катарина уже поняла. Но почему бы не попробовать его преобразить? Доработать? Перенаправить силовые потоки...

Мысль заставила задуматься.

— Ты меня совсем не слушаешь, — с немалым раздражением произнесла тетушка Лу, и платочек исчез в рукаве, сменившись крупным круглым камнем на веревке.

— Не слушаю, — Катарина устроилась в кресле напротив и сложила листы аккуратной стопкой.

Сейчас она была почти счастлива и даже немного благодарна незваной гостье, которая взяла и своим появлением натолкнула Катарину на мысль. Пусть и совершенно очевидную, но... предыдущие пять лет ее голову не посещали даже очевидные мысли.

— Деточка, — тетушка сжала камень, над которым замерцал полог силы. — Ты должна понять, что здесь иные порядки.

Марево зыбкое, и пальцы окутывает, будто ластится.

— И то, что позволено в колониях, просто-напросто недопустимо в цивилизованном мире!

— Что именно? — уточнила Катарина, мизинцем коснувшись запястья.

И пусть узоры почти невидны, но она изучила их, она научилась видеть пальцами каждый завиток, каждую руну, выжженную на коже.

— Эта женщина... отошли ее!

— Зачем?

— Подумай о своей репутации!

— Мне казалось, что присутствие компаньонки как раз свидетельствует о том, что я забочусь о своей репутации.

— Но не такой же, — тетушку было сложно смутить. — Если тебе нужна компаньонка, я порекомендую тебе достойную женщину...

— Нет, — Катарина позволила себе улыбнуться. — Мне не нужна компаньонка. А что касается мьесс... поверьте, все не так просто...

— Если эта женщина тебя... пугает.

— Мьесс? — Катарина фыркнула. — Когда-то да... определенно... она меня пугала. Но теперь мы связаны. Клятвой крови.

Палец очертил круг на ладони.

— Клятвой жизни. Такова была воля... отца.

Почти правда.

Он привел Джио. Он взял клинок и, зажав ладонь Катарины, велел:

— Стой и не дергайся, и повторяй за мной. Надеюсь, у тебя хватит ума просто произнести клятву?

— Он всегда был странным человеком...

— А вы... были знакомы? — Катарина с интересом наблюдала за женщиной, которая пыталась направить силу весьма капризного артефакта.

— Увы... да... и не знаю, что тебе рассказала матушка... — напомаженные губы коснулись друг друга.

— Ничего. Она... не любила вспоминать прошлое.

...да и вообще разговаривала мало, и редко покидала собственные покои, пусть обставленные весьма роскошно — а как иначе, ведь она супруга самого Годдарда — но все же невыносимо тесные.

В них всегда пахло резко, неприятно.

Дымили курительницы. И старуха в красном одеянии сыпала в них листву. Матушка вдыхала дым и улыбалась, радовалась, так казалось Катарине. И радостная, встречала мужа, чтобы подарить ему очередного ребенка. Правда, о детях она забывала сразу после того, как выталкивала их из собственного тела, но все благородные дамы передавали младенцев прислуге.

И не младенцев.

— Конечно... понимаю... она, пожалуй, была на меня обижена, а я на нее. Я ведь ей завидовала. Ее красоте. Ее положению. И тому, что на нее обратил внимание сам герцог. Я тоже не отказалась бы стать герцогиней. Она же твердила о любви. И это казалось глупостью, будто недостаточно ей было того, что случилось с Эвелиной Гленстон.

Тетушка вздохнула и отвернулась к окну.

— Я бы с радостью поменялась с ней местами, но увы, и в половину не была столь хороша, как она, да... а потому, узнав, что она собирается бежать, я промолчала. Мне следовало бы обратиться к родителям, и отец сумел бы найти способ... удержать ее.

О да, способов много.

Катарина тронула щеку, которая вновь заныла от пощечины. Катарине хватило одной, а вот Луизу отец отправил в монастырь, откуда она вернулась спустя два месяца тихой, молчаливой и невыносимо похожей на матушку в равнодушии ее.

— Но я... я была молода и глупа. Я решила, что если ее не станет, то я займу ее место. Это... было неправильно.

Катарина кивнула.

— И я не сразу поняла, насколько моя глупость ударила по семье. Я могла бы найти себе мужа, хорошего мужа... многие бы захотели породниться с сестрой герцогини.

Только герцогиня не состоялась.

— Потом... позже... я винила во всем ее. И была права. Ей следовало бы думать не только о собственных удовольствиях, но и о семье, которой пришлось сложно. И признаюсь, в письмах своих я позволила себе некоторую... резкость. И теперь жалею. Мне стоило помириться с Бетти раньше, но я вновь опоздала. И теперь все, что осталось от моей семьи, это ты. И я искренне хочу помочь.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Катарина.

Правда, потом вспомнила, что в той, прошлой жизни, желающих помочь тоже было немало. И помогали они зачастую, не спрашивая, желает ли Катарина принимать эту вот помощь, а после требовали благодарности.

Услуги.

Внимания.

И всего сразу, искренне обижаясь, когда Катарина отказывала в этакой-то малости.

— Я так много думала... я так переживала... когда пришло то письмо от Бетти, в котором она искренне просила прощения, я... я понадеялась, что мы помиримся. А потом мне сообщили, что моей сестры больше нет.

По розовой щеке скользнула слеза.

...интересно, а если горный хрусталь взять за основу? Он, конечно, более хрупок, нежели алмазы, и обладает куда меньшим сродством к силе, но и обрабатывать его легче. Почему тогда его, если и применяют, то крайне редко?

— И тут я узнаю, что ты возвращаешься. Заметь, узнаю не от тебя, но от нашего поверенного... — тетушка выставила палец. — И конечно, я рада... я не просто рада... это как мой шанс все исправить!

Надо будет сказать Джио о поверенном.

А еще спросить, почему тогда, десять лет тому, она согласилась разделить свою жизнь с испуганной девчонкой. У Катарина выбора не было. А Джио?

Или она тоже задолжала отцу?

Но что?

И может ли Катарина как-то помочь? Хотя... чем она может помочь? Она и королевой была на редкость бестолковой, а сейчас она просто вдова... чья-то там.

— Дай мне шанс, дорогая, и ты увидишь, как все изменится. Этот дом... он давно вышел из моды. Его стоит продать, пусть много и не дадут, но у нас есть свое поместье, оно куда больше и современной этого. И дом в столице, конечно, не в старом городе, но почти... я познакомлю тебя с чудесными людьми.

— Я не хочу.

— Чего?

— Наверное, — Катарина задумалась, — ничего из того, что вы перечислили. Я не хочу продавать дом. Он мне нравится. И уединенность его тоже. Я не хочу переезжать в ваше поместье. Или в ваш дом. Я не хочу в столицу...

Она вовремя прикусила язык, и не сказала, что нет в старом городе ничего-то хорошего, лишь темные стены, узкие улочки, которые летом раскаляются, а осенью и весной заполняются потоками грязной воды. Там воняет, несмотря на усилия магов и новые законы.

А еще там слишком много людей.

— Я не хочу знакомиться с чудесными людьми. Мне и без того достаточно знакомств. Я хочу тихо жить здесь и заниматься делом, которое мне действительно интересно.

— Здесь ты не найдешь себе мужа.

— А как же ваши сыновья? — поинтересовалась Катарина, склонив голову набок. — Они не подойдут?

Тетушка отвернулась к окну и вздохнула.

— Я надеялась, что вы понравитесь друг другу, — наконец, сказала она. — Однако, я вижу, что ошибалась. Пойми, дорогая, я не стану принуждать тебя к браку. Мальчики... достойные молодые люди. И возможно, вам нужно больше времени, чтобы привыкнуть друг к другу. Или осознать, что, несмотря на все твои потери, жизнь продолжается...

Она убрала камень в складки платья.

— Я, конечно, понимаю, что тебе пришлось тяжело, что сейчас ты растеряна, а потому предлагаю просто дружеское плечо...

Тетушка Лу поднялась.

— И еще... — у дверей она остановилась, окинув Катарину внимательным взглядом. — Я несказанно рада узнать, что кого-то из нашей семьи Боги наделили даром... странно только, что Бетти об этом упомянуть не удосужилась.

— Может, не считала, что это важно? — Катарина тоже поднялась. — В конце концов, к чему женщинам магия?

— Действительно.

Глава 12

Кайден мрачно жевал мясо. Он взял кусок руками, поставив локти на стол, но в таверне никто, кроме Дугласа, не оценил по достоинству мятежный порыв его души. Заведение было из простых, и оттого люди, если и косились на Кайдена, то вовсе не из-за его манеры есть.

Пальцы он облизывал.

— Болотники, стало быть, — Дуглас вот вяленую говядину нарезал тонюсенькими ломтями, которые макал в темный острый соус и заедал хлебною коркой. — Уверен?

— Тропа старая. И для людей проложена, — Кайден поморщился. — Пользовались часто, потому и не заросла, но если дальше сунуться, думаю, выйдем на открытую воду.

А там и за топью дело не станет.

Топи здесь имеются.

Местные болота, появившиеся в незапамятные времена, некогда простирались от Бристона до подножия Сизых холмов, с которых они и питались, поглощая воду осенних дождей. Но пришли люди, и часть болот осушили, а другие высохли сами, лишившись хозяев. И огромная некогда топь распалась на куски, притихла.

— Может, все-таки...

Дуглас мясо и не жевал, медленно рассасывал с видом презадумчивым.

— Нет. Все сходится. Теперь понятно, почему не нашли ни людей, ни животных. Почему сама их смерть не потревожила струны мира.

Кайден сыто икнул и бросил на тарелку обглоданную кость. Облизал губы. Тронул языком выступающие клыки, которые бабушка некогда искренне надеялась подпилить. Благо, она вовремя поняла, что ничего-то из этой затеи не выйдет.

— А вот если их тихонько притопили... — кивнул Дуглас.

— Если притопили, — Кайден потер руку о руку, теперь ему и здесь чудился гниловатый запах болота. — Хуже, если царица вызрела и расширяет улей.

Вот тут Дугласа передернуло. Он с упреком взглянул на подопечного и сказал:

— Не за столом же.

— Я поел. Но будь это улей, людей пропадало бы куда больше. Думаю, она готовится войти в силу, вот и делает запасы. И стало быть, люди еще живы...

...и жизнь эта будет длиться годами.

Да, пожалуй, за столом о таком думать не следовало.

— Что живы, это хорошо, что болота — это плохо. На болотах мы их не найдем. Вода... — Дуглас подцепил очередную пластину. — Вода силу распыляет.

— На болотах и не надо. Они среди людей. Кто-то ведь договаривался с разбойниками. Кто-то принес им голос Сирены. Кто-то научил, как остановить караван. И кто-то сдал же их лорду Тирби, зная, что дальше копать он не станет. Нет, она не так и юна, скорее наоборот. Она жила среди людей и умеет прятаться, притворяясь человеком.

Кайден задумался, прикусив щеку. Опомнился лишь от резкой боли, и рот наполнился кровью.

— Мы найдем эту тварь... а с ней и остальных. Надеюсь, успеем.

Иначе судьба их будет незавидна.

Катарине не спалось.

Постель вдруг сделалась неудобна, будто кто-то сыпанул в перину крошек, и теперь Катарина чувствовала их. И как бы она ни легла, вскоре лежать становилось неприятно, а после и невыносимо. Ныли ноги. И руки.

И шея.

И спина, кажется, тоже. Но хуже всего, что Катарине хотелось спать. Она легла на спину, скрестила руки на груди и заставила себя лежать смирно, считая руны, только раз за разом сбивалась и злилась оттого еще сильнее.

— Я оттуда слышу, как ты сопишь, — Джо убрала стул от двери и уселась на него. В ночной короткой рубашке она походила призрака. Весьма, следовало заметить, непристойного призрака, ибо пристойные не носят алых подвязок и рубашек, отделанных французским кружевом. — Не спишься?

— Не спишься, — Катарина вынуждена была признать очевидное. — А тебе?

— И мне, как видишь.

Джо натирала ногти замшевой тряпочкой.

— Нервы? — осведомилась она.

— Не знаю. Наверное... тетюшка эта... мне кажется, она подозревает, что я — это...

— Не ты?

— Не я.

— Пускай подозревает.

— А если... захочет проверить?

— Как?

— Кровью?

— Через королевский артефакт? — усмехнулась Джо. — Кто ж ей даст?

Катарина мысленно обругала себя за глупость. Следовало бы догадаться. Родовые артефакты определяют лишь прямое родство, скажем, между сестрами или между родителями и детьми, но не более того. Королевский будет куда мощнее, но Джо права.

Кто ж позволит-то?

— А если она заявит о своих подозрениях?

— Кому?

— Не знаю. Судье? Или королевскому дознавателю?

— Ее выслушают. По меньшей мере. А затем поинтересуются доказательствами, — Джо забралась на стул с ногами. — Ты подумай о другом. Зачем ей это надо?

— Не знаю, — Катарина поднялась и подошла к окну. Не без труда, но ей удалось распахнуть створки, и в комнату ворвался прохладный ночной воздух. — Деньги?

— Деньги отойдут короне. А твоя тетюшка в достаточной мере здравомыслящий человек, чтобы понимать, что корона не имеет обыкновения делиться. Нет. Ты ей нужна. Живой. До определенного момента.

Катарина поежилась. И вовсе не от ветра. Тот пах черемухой и садом, и аромат этот, травы, земли, молодой листвы, которая еще не успела отяжелеть под пылью, отрезвлял.

Намек?

Пускай.

Не Катарине бояться намеков. В конце концов, Джон сказал, что поможет. И конечно, лучше не обращаться бы к нему, ибо любая помощь — это долг, а Катарине нечем отдавать подобные долги, но само понимание, что она не так уж и одинока, успокаивало.

— И вообще, деточка, если они нам слишком уж надоедать станут, то сад здесь дикий...

— В каком смысле?

— В таком, что не один труп спрятать можно.

— Шутишь?

Джио пошевелила пальцами и приступила к ногтям другой руки.

— Конечно, шучу, — неискренне сказала она. — Это чересчур легкомысленно, прятать трупы в своем саду. Нет, придется отвезти подальше. Я слышала, здесь недалеко болота начинаются. А поверь моему опыту, нет ничего безнадежней, чем искать кого-то на болотах.

Откуда-то издалека донесся протяжный вой, заставивший Катарину отступить от окна. Она тут же обругала себя за слабость и излишнюю нервозность. Подумаешь, собака воет... или это не собака?

— Надо же, — Джио тряпицу свою отложила. — Какие здесь места... интересные. Прогуляться не хочешь?

Гулять Катарина уже не хотела, вот совершенно. Но поняла, что ее нежелание Джио не остановит, в лучшем случае она просто запрет Катарину в комнате, а сама мысль, что она останется здесь, одна, внушала ужас.

— Хочу.

— Ага... дрожишь чего?

— От нетерпения, — иногда Джио злила излишней своей проницательностью, но сейчас злость помогла собраться. — А куда пойдем?

В сад.

И слезать пришлось по ветвям плюща.

Это было безумием. Полным. Королевы, даже бывшие, не карабкаются по стене, цепляясь за скользкие плети.

Плети хрустели.

Прогибались под весом Катарины, тонко намекая, что она отнюдь не так хрупка, как ей кажется. Глянцевые листья норовили шлепнуть по лицу, щекотали шею и сбрасывали за шиворот капли росы. И кажется, не только ее. Уже на земле Катарина нервно мазнула по шее, пытаясь снять что-то или кого-то, щекотавшего эту шею.

Только бы не паук, пауков она не любила.

— Надо же, а ты не совсем жить разучилась, — Джио вот прыгнула легко и в мужском костюме она смотрелась на удивление гармонично. А вот Катарина в таком же ощущала себя полной дурой. Пусть и свободные, но все одно штаны липли к коже, чулки совсем уж непристойно обрисовывали ноги. А рубаха из темного колючего полотна так и норовила съехать с плеч. Катарина то и дело ее поправляла, но стоило шелохнуться, и та снова падала. И дублет, что характерно, не спасал, тем паче, что возиться и привязывать к нему рукава Джио отказалась, отчего вид у дублета был, мягко говоря, престранный.

— Совсем, — Катарина решила, что если держать рубаху обеими руками, та точно не съедет. — Почти. Наверное. Не знаю.

Ответом было фырканье.

Джио огляделась и сказала:

— Туда, — махнув при этом в темноту. Та казалась крошечной, и редкие звезды едва-едва разбавляли ее, и Катарина подумала, что такой разбойной ночью и заблудиться недолго. Но стоило сделать пару шагов, и все изменилось. Из черной черноты проступили еще более черные деревья, от которых на темную траву ложились длинные тени, совсем уж непроницаемые.

— Иди за мной, деточка, — Джио ступала по дорожке, выстланной этими тенями. — Не отставай.

Катарина постарается.

Она идет, и страх перед темнотой постепенно отступает.

...в Королевской башне кристаллы на ночь гасили. А вот свечи оставляли. Не всем, само собой, но Катарине оставляли. Их приносил комендант, толстые, гладкие, слепленные из воска. Он сам устанавливал их на старинном канделябре, и вздыхал, сожалея то ли о свечах, то ли о самой Катарине. Именно там, в башне, она, никогда-то не боявшаяся темноты, впервые испытала этот леденящий ужас. И он, однажды проникнув в ее сердце, там и остался.

Темнота Королевской башни была полна звуков.

В ней слышался лязг цепей и тяжелые шаги палача, который, казалось, ходил и выбирал новую жертву. Ерунда, конечно, ибо палач был не более свободен в своем выборе, нежели Катарина. Но вот... мерещились стоны приговоренных и жалобы их. Тонкий плач первой казненной королевы, призрак которой, как говорили, остался в Королевской башне, ибо родные, пытаясь отвести от себя высочайший гнев, отреклись от несчастной Анны, и тело ее было похоронено на местном кладбище, среди воров, убийц и мятежников.

Тогда Катарина думала, заберет ли отец ее собственное тело.

И не находила ответа на этот вопрос.

В саду темнота шептала, что все уже позади, что нет больше ни башни с ее толстыми каменными стенами, которые не прогревались и в самую жару, ни отца, но только сад. Здесь шелестят деревья, приветствуя Катарину, и трава ластится, и малина цветет, и плачет горестно козодой, обещая скорую смерть.

Кому?

— Погоди, — рука Джио перегородила тропу. Затем Катарину развернули и подтолкнули к толстому дереву, велел: — Стой здесь.

А где-то неподалеку раздался утробный выворачивающий душу вой, от которого кровь заледенела в жилах.

— Я...

— Стой, — когда Джио говорила подобным тоном, оставалось лишь кивнуть и смириться. И Катарина прислонилась к прохладному стволу.

Что ж, она постоит.

Только недолго.

Там, в башне, Джио вела себя так, будто бы ничего не случилось, будто бы нет ни обвинения в супружеской измене, ни другого, куда более серьезного, в измене государственной. Ни суда, готового принять королевскую волю, ни отца, что заглядывал частенько, уговаривая сознаться и раскаться, и молить о прощении, ведь тогда Катарину, возможно, помилуют.

Джио исчезла.

Она умела вот так, шагнуть и стать частью темноты, и ни листочка не шелохнулось, будто вовсе ее не было. Мгновенье, и что-то тяжко заухало над головой Катарины.

Сова?

Мелькнула в ветвях птичья тень и тоже исчезла. А в траве заговорили сверчки.

Надо успокоиться. Это просто ночь. И сад. Несколько запущенный, но все же обыкновенный. Что страшное может произойти в обыкновенном саду? Сова поймает мышь? Или лакей припрятет в дупле украденные ложечки? Катарина вымученно улыбнулась.

Да и Джио никогда не оставила бы ее, если бы Катарине и вправду грозила опасность. А значит, надо просто подождать. Джио вернется...

Катарина присела на изогнутый корень. Вот так... можно слушать сверчков и дышать черемуховым ветром. Можно мечтать, как она изменит это место. Нет, Катарина не станет превращать его в подобие Виндзорского парка. Тот слишком уныл в своей геометрической правильности. Катарина лишь поправит дорожки и цветочницы обновит. Кусты слегка подрежут. А газоны? Нет, пожалуй, ей больше нравятся маргаритки с одуванчиками, чем ровная правильная зелень.

Сведенные судорогой пальцы разжались.

И дом... надо выписать каталоги. Катарина понятия не имеет, каким должен быть хороший дом, но ведь попробовать можно, так? Обои выбрать. И шпалеры. Шторы. Мебель? Почему и нет? Отец вот сам всегда решал, что нужно изменить. И во дворце Катарине даже собственную ее комнату обставить не позволили, ибо есть правила.

Порядок.

Плевать.

А вот здесь она...

— Ты где шляешься? — этот шипящий голос выдернул Катарину из раздумий и заставил плотнее прижаться к коре. — Совсем голову потерял?

— С каких пор тебе стали интересны мои дела?

— С тех самых, когда от этого стало зависеть мое состояние.

Голоса Катарина узнала.

Кевин.

И Гевин. Вот странно, братья похожи, как две капли воды, а голоса разные. У Кевина нервный звонкий, что колокол. А вот братец его спокоен и голос такой же, бархатистый и мягкий.

— Вижу, ты опять нажрался? Кевин...

— Вот только еще и ты не начинай... если хочешь знать, на девчонку не подействовало.

— Этого следовало ожидать, — это было сказано лениво, но без особого удивления. — С таким сопровождением... скажи матушке, что вряд ли у нее получится.

— Сам скажи.

— Ты же знаешь, как она относится к моим советам. А тебя, возможно, послушает. Надеюсь, что послушает.

Хрустнула ветка, но совсем в другой стороне. И братья замолчали. Молчание их длилось и длилось, и в тишине Катарина слышала, как громко колотится ее сердце.

— Завтра будут вопросы, — проворчал Кевин. — Как ты прошел сквозь периметр. Эта... редкая... выставила.

— Что ж... придется мне заночевать не дома.

Кажется, Гевина это обстоятельство несколько не смутило.

— Скажу, что встретил старого приятеля, у него и остался. К слову, почти правда... вам бы уехать.

— С чего бы?

— Здесь беспокойно.

— В этой глуши?

— Именно, что глушь, — это Гевин произнес медленно, явно раздумывая над каждым словом. — Гленстон суетится. Местный градоправитель тоже беспокоен, хотя и делает вид, что все обычно. Слухи опять же... уговори ее уехать. Я найду другой способ.

— Ты же ее знаешь, — Кевин чихнул.

— Будь здоров.

— Буду... но если матушка решила, что девица нужна, то уже не отступит. Я не готов жениться.

— Не женись.

— Тебе легко говорить. Ты сам по себе, а я... я человек. А у людей, чтоб ты знал, есть свои слабости.

— Слабости есть не только у людей, — возразил Гевин.

— Может, и так, но... тебе все равно не понять.

Кевин осекся и замолчал. И брат его тоже молчал. И это молчание длилось, длилось, и Катарина сидела, зажимая себе рот руками, заставляя застыть, не шевелиться. А потом вновь затрещали сверчки, и знакомая сова заухла в ветвях, как показалось Катарине, ободряя. И она поняла, что осталась одна.

Куда подевались братья?

Катарина не знала. И знать не желала. Она сползла, свернувшись в корнях калачиком, обняла себя, унимая нервическую дрожь. Сколько она так лежала, Катарина не знала. А очнулась от прикосновения.

— Заснула? — Джио сидела на корточках. — Извини. Помощь нужна.

Она протянула руку, и Катарина ее приняла. И поднялась, чувствуя, что все тело ее затекло, задеревенело в неудобной позе.

— Тут недалеко... что-то ты бледненькая, лапонька моя...

— Да тут... кое-что... услышала, — Катарина помотала руками, разгоняя кровь. Подпрыгнула. И поняла, что страх исчез. Нет, он не ушел совсем, не столь она наивна, но сейчас Катарина ощущала скорее гнев. И этот гнев давал силы. Она кратко пересказала разговор, свидетелем которому стала, и Джио хмыкнула:

— Вот как оно значит? Интересно... что ж, присмотрюсь я к этому умельцу, что-нибудь да придумаем. А теперь идем.

Идти пришлось недалеко.

Джио свернула с тропы, пробралась сквозь густую щетку орешника, чтобы оказаться на берегу пруда. Здесь он вплотную подходил к остаткам стены, из которых то тут, то там торчали металлические прутья. А за стеной начинался лес, правда, весьма редкий, но все же дикий. Размыв кладку, ручей перебрался на ту сторону, протянулся тонкой нитью в моховом плотном покрывале.

— А мы... нам туда?

— Туда, — Джио подала руку. — И желательно поскорее.

В лесу пахло смолой и иглицей, и еще водой, и кровью... кровью? Катарина остановилась, но Джио требовательно дернула ее за собой.

— Тут осторожно. Про болота я не просто так говорила, — она остановилась у зеленой полянки, которую ручей пересекал, чтобы исчезнуть в яме под вывернутой сосной.

И на этой же полянке лежал человек.

Мужчина.

Голый.

Катарина закрыла глаза, мысленно поинтересовавшись у себя, чем же провинилась она перед богами, что те теперь шлют ей голых мужчин. Или же это следовало считать намеком судьбы? Впрочем, если так, то намек мог бы быть поживее.

Мужчина определенно был мертв.

Он лежал, раскинув руки, уставившись в небо, и темная полоса на шее его не выглядела такой уж страшной. Длинные пряди волос закрывали лицо его, и хорошо.

Катарина не боялась мертвецов. Просто несколько недолюбливала.

— Кто это?

— Не узнаешь? — Джио присела у ног мертвеца. — Один из лакеев. Новых... и вот, что интересно...

Интересно Катарине не было. Вот совсем.

— ...оборотни редко идут в услужение. Норов не тот... а у этого, помнится, были весьма неплохие рекомендации.

Катарина заставила себя сделать шаг. Ночь? Приключение? Да лучше бы она по-прежнему бессонницей маялась.

— Вопрос — откуда?

— Откуда? — послушно спросила Катарина.

Оборотень, стало быть, но какой-то... не такой, что ли? Те, кого ей доводилось встречать, служили в королевской гвардии. Они были куда выше. Массивней. И мрачнее. Они смотрели на людей свысока, и Катарина знала, что даже Генриха они не почитают за равного.

И он знал.

Нынешний выглядел почти ребенком.

— Будем выяснять... молодой еще. Глупый... кого он так близко подпустил? Смотри, с одного удара...

— Это он выл?

— А главное, он ведь знал, что где-то враг...

— Откуда?

— Понятия не имею. Вой ведь слышала? Это предупреждение. И просьба о помощи. И выходит, кто-то на нее пришел... помог...

Джио убрала волосы с мертвого лица. И теперь Катарина вспомнила этого паренька. Он шторы снимал. И еще двигал мебель. Молчаливый. Серьезный. Спокойный.

А теперь вот еще и мертвый.

— Плохо, — Джио поднялась и обошла тело. — Бери его за ноги.

— Что?

— За руки не удержишь, хиловата, а к болоту оттащить надо.

— Зачем?

— Чтобы утопить.

— Его?!

— Можешь, конечно, и сама, но я бы не рекомендовала, — Джио и вправду подняла мертвеца. — Ну?

— А... разве мы не должны кого-нибудь вызвать? Дознавателя, к примеру.

— Должны, — согласилась Джио. — И в любом другом случае вызвали бы. Но... скажи, девонька, ты и вправду готова встретиться с человеком, который почует любую ложь? С тем, кому ты не скажешь правду, а все остальное может и будет истолковано против тебя?

Катарина сглотнула.

— Но... можно ведь просто оставить его здесь?

Она спрятала руки за спину.

— Можно, — согласилась Джио. — Пусть себе лежит, никому не мешает. Конечно, скорее всего уже завтра на него наткнутся.

— Кто?

— Кто-нибудь, — она пожала плечами. — Мало ли, кому дома не сидится. А дальше, сама понимаешь, поднимут крик, заявят, и вновь все дойдет до дознавателя. И коль попадется более-менее толковый, он снимет след, в том числе наш с тобой. Согласись, будет довольно сложно объяснить, что мы делали здесь посреди ночи.

Катарина согласилась и прокляла тот миг, когда вообще решила выйти из комнаты.

— Девонька, поверь, он появился здесь не просто так, — Джио откинула волосы и указала на клеймо в виде двух переплетенных рун. — Видишь? Это печать наемника. И стало быть, парень не так молод, каким кажется. Скорее всего опытен, раз выбрал обличье лакея. Оборотням сложно среди людей, а уж подчиняться и вовсе невозможно. И вопрос, как он оказался в твоём доме? И вправду веришь, что случайно заглянул и решил в прислугу наняться?

Катарина молчала.

Печать была знакома. Она уже видела такую. Такие...

— Он за мной пришел?

— Может, и так. А может... может, наоборот, приглядеть послали. Твой Джон не показался мне сволочью, — примиряюще сказала Джио.

— Там... никто не кажется, — Катарина старалась не смотреть на мертвеца. — Когда я попала ко двору... когда... стала... королевой...

Каждое слово приходилось вымучивать.

— Мне сперва казалось, что меня окружают удивительно добрые люди, которые готовы сделать для меня все. Потом... уже... я начала... что-то понимать. Но, похоже, не до конца.

И Джио отвернулась. Она обошла мертвеца, подняла руку, дернула на себя и поморщилась.

— Совсем я... постарела.

— Я... помогу, — Катарина заставила себя сделать шаг. Что ж, королевам порой приходится делать не самые приятные вещи. Этот труп хотя бы чистый.

От него не пахнет паленой плотью и рвотой, испражнениями, которые пропитали даже стены пыточных, а Генрих будто не замечал этой вони. Может, и вправду не замечал. От него самого пахло не слишком-то приятно. Он любил присутствовать на допросах, подозревая, что в отсутствие его палачи не проявят должного старания, а дознаватель и вовсе будет подкуплен. Катарина же... королева должна всюду сопровождать своего короля.

Мертвец был еще теплым, и тем неприятней оказалось прикосновение к нему. Катарина сделала вдох. И выдох. И не без труда, но подняла тело.

— Мы найдем ту погань, что завелась в доме, — пообещала Джио. — А вот дознаватели нам не нужны. Совершенно...

Болото с тихим всхлипом поглотило наемника. Оно было в достаточной мере глубоким, чтобы принять не один труп.

— Идем, деточка, — Джио обняла Катарину. — Тебе надо выпить.

— Я... не пью.

— А зря.

Возможно.

— У меня... — Катарина яростно царапнула кожу, хотя это было глупо. Если бы можно было избавиться от узоров вместе с кожей, Катарина рискнула бы. Но те давно уже проросли в тело.

А тело...

— У меня веская причина...

— Значит, попробуем другой способ.

Глава 13

Соседский сад манил. Он был таким близким, таким... темным. И белесая громадина дома проглядывала из этой темноты, словно приглашая Кайдена.

— Неугомонный, — проворчал Дуглас, с трудом слезая с коня. — Иди уже... и не вздумай попасться.

Сад окружала легкая пелена сторожевых заклятий, но поставленные недавно, они еще не успели разрастись должным образом. Да если и успеют, Кайден знает, как открывать особые тропы.

Пусть и не любит.

Странное дело, стоило пересечь границу, и напряжение, не отпускавшее Кайдена, исчезло. Вдруг стали неважны люди и груз, и проклятые болотники.

Пахло ночью.

И скорой грозой, которая случится, если не завтра, то точно на днях. Запах этот будоражил и заставлял ускорить шаг. И лишь у самого дома Кайден остановился. Но лишь затем, чтобы шагнуть в тень.

Вовремя.

— Может, в дом вернемся? — жалобно прозвучал голос, от которого по спине побежали мурашки.

— Там душно, — возразил второй. — И ты сама на это жаловалась.

— Больше я жаловаться не стану.

Женщины.

Две.

И первую он узнал, и восхитился, и возмутился одновременно, ибо в мужском наряде, в темной рубаше со слегка разошедшимся воротом, из которого выглядывали полупрозрачные ключицы, была она просто неприлично хороша.

А вдруг кто увидит?

Ладно, Кайден, ему можно. Но вдруг кто-то еще?

Вторая была некрасива и... неправильна? Определенно. Правда, Кайден не понял, что именно с ней не так, как она отступила в тень.

— Считай, что у нас пикник.

— В полночь?

— Вообще-то уже давно за полночь, — вторая женщина бросила на траву скомканное покрывало. — Но возвращаться и вправду не стоит. Я тебя знаю. Только ляжешь в кровать и маяться начнешь. Совестью.

— А не стоит?

— Не знаю, — она вытащила из-под полы флягу. — На вот, выпей.

— Мне плохо будет, — нерешительно сказала светловолосая, но флягу взяла. И опустилась на покрывало. Села. Вытянула длинные ноги свои, стянула туфли, оставшись босиком. И пальчиками пошевелила. Кайден подался вперед, желая получше разглядеть эти пальчики, и едва не вывалился из тени.

— Может, позже, но не сейчас... это особые травы.

— Да?

Она поднесла флягу к носу.

Катарина.

Красивое имя. Ей подходит. И это тоже удивляет, потому как люди совершенно не умеют выбирать имена, не понимая, насколько неправильное имя портит жизнь. Бабушка вот все норовила назвать Кайдена Теодором. Вот какой из него Теодор? Пришлось проявить характер и не отзываться...

...правда, в документах, которые выправил дед, проклятый Теодор все же значился, но кто их, документы, читает?

— Тогда... за нас? — Катарина подняла флягу, приложила к ней и сделала глоток. А над травой поднялся полупрозрачный купол.

Кайден нахмурился.

Не честно!

И вообще... он положил ладонь на рукоять Тьмы, и та задрожала, не спеша, правда, подчиниться. Не всяк, рожденный под Холмами, способен пройти троюю тени, не утратив разума. И уж тем паче не стоит полукровке рисковать.

Снова.

И ради чего?

— Заткнись, — почти ласково попросил Кайден, чувствуя, как меняется мир вокруг. Все будто подернула сизая пелена. Она укрывала деревья, стирая запахи и унося почти все звуки. Она забрала цвета, оставив смутное ощущение неудовлетворенности.

Она потянула дыхание.

И силы.

Тьма под ладонью Кайдена клубилась, норовя ухватить за пальцы, пробуя хозяина на прочность. Нет уж. Он не так глуп, чтобы задерживаться здесь надолго. Ему всего-то надо, что сделать пару шагов, вон до того куста шиповника, что разросся, поднялся по телу старой ивы, зацепился шипами за гибкие ветви ее. В листве белели бутоны, но здесь, на изнанке, они походили на огромных уродливых гусениц.

Изнанке верить не стоило.

Кайден обошел женщин, что все также сидели на покрывале. И та, вторая, нахмурилась. Она вдруг приподнялась на коленях и застыла, вслушиваясь в окружающий мир. Мгновенье, и Кайден замер перед самым лицом ее, острым и некрасивым, но в то же время притягательным. А ее губы растянулись в нехорошей усмешке. И блеснули из-под них острые иглы зубов.

Даже так?

Интересно... и опасно ли? Здесь, на изнанке, ее кожа казалась серой и плотной, будто из камня выточенной, а волосы поросли весьма характерной моховой зеленью. А вот Катарина светилась.

Ярко так.

И свет этот заставил Тьму замереть. Она сжалась, прильнула к Кайдену, заскулила, будто умоляя защитить...

Красивая.

Действительно красивая. И яркая такая. Теплая. Кайден протянул руку и, не удержавшись, коснулся золотых волос. А потом и щеки, украв толику волшебного тепла.

Женщина вздрогнула. А за спиной раздался характерный шелест крыльев, намекая, что не следует слишком уж задерживаться на дорогах тени. И Кайден, дотянувшись до листьев, вывалился в колючие объятия шиповника. Он успел создать кокон тени, пряча себя и от людей, и от тварей с изнанки, которые ныне метались, пытаясь понять, куда ускользнула добыча.

Слишком как-то быстро они его нашли.

Или... ждали?

Нет, они не отличались терпением, да и время там текло иначе, и существа, рожденные тенью, никогда-то не отличались долголетием. Они появлялись, чтобы пожрать друг друга, породив нечто новое, но столь же хищное.

Тогда почему?

Или...

Болотники? Они, пусть и принадлежащие этому миру, могли выглядывать на ту сторону его, а стало

быть... Кайден нахмурился, потому как мысль, какая-то явная мысль и наверняка полезная, подло ускользнула.

— ...и я пьяна, да? — голос Катарины проникал сквозь разодранный тенью полог. — О боги... я пьяна! Я действительно пьяна, и мне это нравится!

— Не сомневаюсь.

— Что это? — Катарина потрясла флягой. — Этот... чудесный... напиток...

— Которого тебе уже хватит, — женщина, чье имя Кайдену наверняка называли, но он вновь не запомнил, ибо не привык тратить память на ненужных людей, попыталась отнять флягу, но Катарина спрянула ее за спину.

— Нет, — она мотнула головой и несколько светлых прядей, выбившихся из косы, упали на ее лицо. — я... хочу напиться! Если бы ты знала, как я хочу напиться!

— Тогда поздравляю, ты своего добила.

— И раньше... я порой просыпалась с мыслью, что если нажрись, то день пройдет и неплохо. А мне нельзя пить. Думаешь, они это специально? Чтобы я не спилась?

Она забавно икнула и зажала рот руками.

— Хотя... на самом деле всем было плевать. Вот почему люди думают, что если титул, так сразу и власть у нее? Какая власть, если я даже белье себе не могла выбрать? И туфли... если бы ты знала, как я ненавидела те каблукы... и ненавижу. Ой, я действительно напилась. Но как хорошо...

Раскинув руки, Катарина рухнула на покрывало.

— Звезды... какие звезды красивые. И луна. Почти полная, да? Она убывающая или прибывающая?

— Убывающая.

— Значит, самое время создавать деструктивные артефакты. Я в одной книге прочитала. Хотя на самом деле особой разницы нет. Лунные приливы не оказывают существенного влияния на истонные свойства материалов, и важно лишь умение самого мастера. И талант... вот скажи, у меня есть талант?

— Есть.

— Я хотела бы создавать... — она нелепо взмахнула рукой. А Кайден посмотрел на небо. То было и вправду чистым, и значит, грозу следовало ждать к вечеру. А звезды обыкновенные. Звезды как звезды. Белые пятна, что горох рассыпали. И луна убывающая, с характерной желтизной. — Вещи... чудесные... нужные людям. А вместо этого что? Задышаться в правильных нарядах. Говорить правильным людям правильные речи. Следить за каждым своим словом, за каждым жестом, зная, что все равно не уследишь, и отец будет недоволен. Ненавижу его!

— Бывает, — та, вторая, все-таки вытащила флягу из ослабевших пальцев, но Катарина этого, кажется, не заметила.

— Действительно ненавижу... и боюсь. Даже сейчас боюсь, что завтра он постучит в дверь и скажет, что мне пора собираться, что он нашел, где и как меня использовать. Он ведь так и выразился... он всех и всегда использует. Не только меня.

Она опять икнула.

— Я надеюсь, что хотя бы Маргарет будет счастлива... с Джоном... он ведь неплохой... пока... но что потом? Вдруг она ему надоест? Вдруг он станет таким, как Генрих... или как мой отец, которому всегда мало... всего мало... жадный... ненасытный.

— Дракон.

— Что? Точно... дракон... жаль, что они только в сказках, я была бы не против, если бы дракон появился и сожрал его... да... — она улыбнулась, и лицо ее было таким счастливым, что Кайдену захотелось найти для нее дракона.

...если спросить у бабушки...

...у той, другой, что редко покидала берег Мертвой реки, но в отражении ее видела больше, нежели дано людям и нелюдям. Неужели отказала бы тому, кого приняла однажды? Кому сама поднесла чашу, сделанную из черепа короля фоморов и наполненную до краев темной земляной кровью?

Кому позволила коснуться тени.

И научила, как одолеть ее?

...она точно знает, остались ли в мире драконы.

— Нельзя без спроса брать драконье золото... — та, вторая женщина, к фляге не прикоснулась. — Он знал, но решил, что стоит выше закона.

— Это да... выше... всегда выше... — Катарина поднялась и протянула руку. — Дай. Пожалуйста. Не знаю, что это...

— Подгорный мед.

Кайден приподнял бровь. Даже так?

— Никогда не слышала...

— Люди о многом не слышали.

— А ты ведь не человек, да? То есть... я и вправду напилась, если говорю о таком... нет, ты очень похожа... совсем как человек. Никто бы и не заметил. И я... я сперва тебя боялась до жути.

— Почему? — женщина склонила голову набок.

— Потому что ты была страшной. И сильной. А я слабой.

— Это тебе лишь казалось.

— Да ну... я всего боюсь... и сейчас тоже. Темноты. Пауков... их не совсем, чтобы боюсь, просто неприятны. Людей вот...

— Людей стоит бояться.

— Это да, но... иногда... ты же знаешь. Кто-то просто взглянет, а на меня накатывает... или не глянет, но просто накатывает. Без причины. И хочется сжаться, спрятаться и сидеть, сидеть. А лучше умереть, чтобы никто не понял, где меня найти. Это так смешно! Они меня хотят убить, а я уже... сама...

— Глупости.

— Да, я понимаю...

Кайден погладил рукоять Тьмы. Хорошо бы узнать имена, но что-то подсказывало, Провидение не будет столь предупредительно. Ничего, Кайден сам выяснит.

Даром что ли он королевский дознаватель?

— Я хочу жить... просто жить... завести вот кошек.

— Кошек?

— Одну. Или две. Я знаю, что ты их не особо жалуешь...

Еще бы, эти четвероногие твари видели куда больше людей. Помнится, бабушкина любимица так и норовила вцепиться Кайдену в лицо. Чем несказанно огорчала хозяйку. Тварь пришлось проучить. И до конца жизни ее — а прожила она куда дольше, чем следовало бы, но уж очень бабушка к ней привязалась — они оба хранили нейтралитет.

— Но может как-нибудь потом... м-а-аленькую, — Катарина показала, насколько маленькую. — Рыженькую. Или беленькую, чтобы мурлыкала и спала со мной.

Кайден моментально отказался от мысли о подобном подарке. Если дом он был готов разделить с кошкой, то в постель не собирался впускать никого.

Кроме себя.

— И потом еще одну... и еще... буду выходить по утрам и пить чай. Без сливок. Без церемоний. Ненавижу церемонии... вот... но с кошками. Гладить стану. А они мурлыкать...

— И таскать тебе дохлых мышей.

— Зачем?

— Для порядка.

— А... если так, то ладно, — Катарина поморщилась. — Дохлые мыши всяко лучше дохлых мужиков.

Кайденом насторожился.

— Не то, чтобы... я не понимала... хуже всего, что я понимаю, но ведь все равно противно! Вода бульк и все... и получается, что так любого можно?

— А есть кого?

— Кузенов...

Каких еще, мать его, кузенов?

— Они меня делят, как... как отец... тот тоже... будто у меня своей головы нет... хотя сейчас нет, кружится со страшной силой. Это из-за меда твоего?

— Да.

— Завтра еще дашь?

— Нет.

— Почему?

— Закончился, — соврала женщина, убирая флягу. — А на кузенов твоих мы управу найдем. Если надо, то болото глубокое.

— Я не хочу за них замуж. Ни за одного. Ни за второго. И вообще... ни за кого!

Кайденом погладил теплый бутон, дав себе слово, что завтра заглянет в гости. Где-нибудь ближе к вечеру. Там ведь гроза, а какой воспитанный человек погонит гостя в грозу?

Заглянет.

И посмотрит на этих самых кузенов. Болото и вправду глубокое.

— И трупы таскать больше не хочу... не королевское это дело, посторонние трупы в болоте топить.

Женщина обернулась и посмотрела на Кайдена. А он понял, что ему просто позволено было стоять здесь и слушать. И слегка наклонил голову.

— Совершенно не королевское... какое счастье, что я не королева... — Катарина хихикнула и с трудом поднялась. — Но чтобы... больше никаких... трупов... а то ведь... и привыкнуть можно. Что-то мне подсказывает, что к трупам привыкать — плохо... да... ты поможешь? А то, кажется, я прямо здесь усну...

Цветок медленно раскрывался.

А стоило раскрыться, как белоснежные лепестки побурели и осыпались пухлым пеплом. И это было нехорошо. Очень нехорошо.

Много хуже, чем посторонний труп в болоте.

Трупы, если подумать, дело житейское. В отличие от тварей с изнанки, что с несвойственным им прежде упрямством пытались прорваться в мир яви.

Глава 14

Дуглас спать любил.

И Кайдену было даже несколько неловко, что этот сон, такой глубокий и сладкий, если Дуглас так и не ощутил постороннего присутствия, придется нарушить. Некоторое время он просто сидел в окне, покачиваясь, раздумывая над тем, так ли ему в самом деле нужен человек, или же Кайден вполне сам справиться. Но Дуглас скинул подушку на пол и, не открывая глаз, поинтересовался:

— Что теперь?

— Труп.

— Чей?

— Понятия не имею.

— Где?

— В болоте.

— Ага... — он все-таки перевернулся на бок. — И за что ты его?

— Это не я, — сказал Кайден и слегка покраснел.

— А кто тогда?

— Не знаю.

— Тогда зачем он нам нужен? — встать Дугласу определенно не хотелось, и он, перевернувшись на другой бок, попытался нашарить подушку.

— Не уверен, но... если ты не хочешь...

— Я не хочу, — пальцы смяли наволочку. — Но придется.

Поднимался он тяжело, с кряхтением.

— Вот скажи мне, Кайден, почему стоит тебя ненадолго из поля зрения выпустить, и сразу труп появляется?

— Так это не мой!

— Я до глубины души рад, что не твой, — Дуглас потер красную шею. — Но все равно... ты понимаешь, что люди в большинстве своем весьма предвзято относятся к тем, кто плодит трупы.

— Говорю же, я про него случайно узнал. Теперь проверить надо.

— Ага... — произнесено это было с легким упреком. — Место хоть покажешь?

Место Кайден нашел. Всего-то и понадобилось, что пройти по следу, оставленному Катариной. Дурманящий запах ее ложился на ночные травы, мешался с ароматами их, становясь еще более привлекательным. Кайден шел по этой тропе, ненадолго задержался возле дерева, где запах был особенно силен, а еще к нему примешивались иные, весьма раздражающие.

Тьме они тоже не понравились.

Далее тропа вывела за границу поместья, через редкий пролесок к началу старого ольшаника, в котором начиналось болото. И уже в самом ольшанике все иные запахи перебивались одним — крови. Пусть она уже прошла сквозь зеленую подушку мха и впиталась в землю, став частью ее, но запах... да, он будет держаться долго.

Как и широкая полоса, что протянулась к краю болота.

— Мда... а такие приличные с виду дамочки, — задумчиво произнес Дуглас, эту полосу едва ли не обнюхивал. Зачем ему это, Кайден не знал, ибо при многочисленных своих достоинствах нюхом наставник, как и большинство людей, обладал весьма посредственным.

Но он ковырнул моховую кочку.

Поднес пальцы к носу и скривился.

— Могли бы и поаккуратней.

— Может, — предположил Кайдено, которому стало несколько обидно за такую критику. — Им опыта не хватает?

— Ничего, с тобой поднаберутся.

Почему-то прозвучало опять же обидно. Дуглас, подкравшись к самому краю болота, уставился на черную воду его, будто и она могла сохранить какой-никакой след. Но вода оставалась гладкой, щедро припорошенной зеленью ряски, меж которой сновали вялые водомерки.

— Доставать как будешь?

— Нырну? — предложил Кайдено без особой уверенности.

— Я тебе нырну, так нырну, что не вынырнешь, — Дуглас вытер ладони о штаны и вернулся к сумке, из которой достал толстый моток веревки и крюк. — Вот... скажи, когда у тебя в голове что-то помимо баб появится?

Крюк был толстым, изрезанным рунами и покрытым толстым слоем серебра. На острие оно слегка стерлось, что, впрочем, на свойства крюка никак не повлияло.

— Думаешь, зацепим?

— Здесь не так и глубоко, смотри, — Дуглас топнул, и нога с чавканьем ушла в мягкий берег. — Я точно помню, что полгода тому здесь вообще никакого болота не было.

— Подвели?

— Может, и так. А может, весна дождливой случилась. Или старое русло перекрыло. Или...

— Подвели.

Дуглас покачал головой, явно сетуя на некоторое упрямство воспитанника, но ни слова не произнес, а лишь забросил крюк в темную воду. Брызнули водомерки, обретая прыть, и темная тень метнулась к поверхности, чтобы тотчас исчезнуть.

Отступив от края, на котором сохранились остатки травы, Дуглас потянул веревку. И та пошла легко. Значит, пусто. Второй бросок был чуть дальше и левее.

Третий.

— Может, за граблями сходить? Или вилами? — Кайдено невыносимо было просто стоять и ждать. Он пританцовывал на месте, понимая, что в принципе бессилен.

Но это и раздражало.

Меж тем Дуглас раз за разом вытаскивал свой крюк, чтобы размахнуться и забросить вновь. Левее. Правее. Дальше. Ближе. А если...

— Сходи, — не оборачиваясь, сказал он. — Вернешься и спинку почешешь...

Он хотел добавить еще что-то, но веревка натянулась. И Дуглас велел:

— Тяни. Только, мать его... аккуратно, а то порвешь.

Это он, конечно, преувеличивал. Веревка была добротной, конопляной и вываренной в отваре разрыв-травы, а потому так просто не порвется. Но вот если крюк вошел неглубоко, то покойник соскользнет. А тяжелый, однако. И Дуглас, уверившись, что его поняли правильно, отошел в сторонку. Стоит, кивает с одобрением, мол, хорошо тянешь...

Хорошо.

Только тяжело идет.

Слишком уж тяжело, будто налипло на него вся муть дна болотного... когда темное покрывало воды расплзлось, Кайдено понял, что так оно и есть.

Вся не вся, но большей частью.

— Домой его сам потащишь, — сказал Дуглас, сматывая веревку. — И мыть тоже тебе... что? Тебе ж он нужен был, вот и возись.

Кайдено лишь вздохнул.

Придется.

Хотя бы для того, чтобы понять: зачем его вообще топили?

Утром Катарине было плохо.

Нет, не так. Ей в жизни не было так плохо, как этим утром. Она открыла глаза и тут же закрыла, ибо солнечный свет показался вдруг нестерпимо ярким. Катарина попробовала зарыться в подушки, но от них пахло пером, и запах этот вызывал приступы тошноты.

Голова болела.

Тело ломило.

А узоры на запястьях налились красным цветом. И Катарине вдруг показалось, что выведенные чужой силой руны на самом желе не руны вовсе, это черви, которые ее, Катарину, жрут изнутри.

До туалетной комнаты она добежала. Но выворачивало ее долго. Вот, значит, что чувствуют мужчины по утрам... как они вообще живут? И почему пьют снова?

Хотя... вчера было хорошо.

— Жива? — с немалым интересом спросила Джо, которая выглядела так, будто ничего-то и не было, ни ночной прогулки, ни мертвеца, ни полуночного пикника.

— Н-не з-наю, — Катарина прополоскала рот холодной водой. — Может... я заболела?

— Заболела, — Джо распахнула двери гардеробной, которая казалась полупустой. — И тебе нужно подлечиться.

— Дашь?

— Рассолом капустным.

— Ненавижу капустный рассол.

— Ты ж его не пробовала, — она перебирала немногочисленные платья Катарины и морщилась, чем-то были они ей не по нраву.

— Я его так... как это... заочно, вот, — после умывания стало легче. А после ванны — почти хорошо. Если, конечно, не делать слишком резких движений. — Знаешь... кажется, я понимаю, почему узор сделали таким... поговаривали, что Кэтрин, которая была до меня... что она слишком любила вино. И наверное, будь у меня шанс, я бы тоже его полюбила.

Катарина икнула и зажала рот руками.

Отец пришел бы в ярость... плевать. Что ни делай, он приходит в ярость. Но теперь он далеко, а Катарина взяла себе чужое имя, с которым ей досталась чужая же жизнь с чужими проблемами.

Но кто мог знать?

— Зеленое, — сказала она, ткнув пальцем в простой наряд из плотного муслина.

— Под цвет лица?

— Будет гармонично, — платье украшало два ряда крохотных малахитовых пуговиц, протянувшихся от воротничка до самого подола. — И вообще... какое им дело?

Им дело было.

Катарину ждали. Тетушка Лу обрядилась в легкий наряд для прогулок, дополнив его соломенной шляпкой. На полях ее нашлось место дюжине тряпичных роз, меж которых выглядывали темно-зеленые листья и тонкие веточки аспарагуса. Широкие лены шляпки несколько ужимали тетушкины щеки, отчего пухлые ее губки вытягивались вперед.

— Какой чудесный день, девочка моя, — воскликнула тетушка, заставив Катарину поморщиться. — Просто удивительный!

— Солнечный, — поддержал Гевин.

— И ветра нет, — согласился с ним Кевин. А сегодня у них и голоса одинаковые. И сами они...

только цветом костюмов и отличаются.

— Рада, — получилось не слишком вежливо. — За день.

— Мы подумали, что ты захочешь прогуляться, — тетушка подхватила Катарину под руку.

— Не захочу.

— Но почему?!

— Дурно себя чувствую...

— Это пустяки, — тетушка отмахнулась от возражений. — Какое дурное самочувствие в твой-то годы? Девонька моя, это все хандра, обыкновенная хандра, поверь моему опыту. А лучшее средство от хандры — развлечься... я велела собрать корзинку для пикника.

Комок тошноты подкатил к горлу.

— Подумай сама, дом будут переделывать, а значит, шум и грязь, и людишки, которые везде снуют... нет, ангел мой, тебе категорически нельзя здесь оставаться...

Тетушка потащила Катарину к дверям.

— Твоя мьесс сама справится со всем. А тебе следует отдохнуть. Расслабиться. Познакомиться с родней. Ты же нам не чужая.

В этом вся беда.

— Иди, — тихо сказала Джио и коснулась браслета. — Я и вправду домом займусь.

— А мы прокатимся... здесь неподалеку есть отличное место... помнится, мы с твоей матушкой, когда нам случалось здесь гостить, любили устраивать пикники... мы и Эвелина Гленстон. Ах, молодость... сейчас обо всем вспоминаешь с усмешкой, а тогда нам казалось, что нет дела, более важного... но там и вправду красиво. Старое озеро. Обрыв... матушка твоя писала чудесные акварели, а вот у меня всегда какая-то чепуха получалась. Ты не пишешь?

— Нет.

Коляска ждала у дома.

— Мне бы шляпку... — спохватилась Катарина.

— Гевин, сходи за шляпкой. И перчатки возьми. Дорогая, тебе нужно больше внимания уделять себе. Здесь не принято ходить без перчаток. Нет, мы, конечно, свои люди и не подумаем дурного, но ты же понимаешь, что если кто-то увидит...

— С вами?

— Господь с тобой, со мной можно... мальчики вот сопровождают.

Гевин принес и шляпку, и перчатки, и кружевной зонт, который — Катарина точно была уверена — ей не принадлежал.

— Тебе с твоей кожей стоит прятаться от солнца, — сказала тетушка Лу, устраиваясь в коляске. — Напомни, и я передам тебе крем, чтобы это вот свести...

Она коснулась пальчиком своей щеки.

— Я не хочу сводить.

— Я понимаю, что в колониях, возможно, иное... восприятие, но веснушки... это слишком по-плебейски. Как и загар.

Щелкнул кнут над головами караковой четверки. И та полетела, понеслась по дороге. Захрустел щебень под колесами, а вот дорогие кузены, решившие путешествовать верхом, несколько поотстали.

— Откуда лошади? — поинтересовалась Катарина, не желая и дальше обсуждать свою внешность.

— Эти? А... у мальчиков... они привыкли верхами, но уже в Бристоне я настояла, чтобы они сели в экипаж. Не хватало явиться к тебе запыленными. Потом распорядились жеребцов доставить... красивые?

— Жеребцы? — головная боль не ушла, она сидела иглой в затылке, мешая Катарине наслаждаться прогулкой. — О да, согласна, жеребцы весьма хороши.

Тетушка почему-то рассмеялась.

А меж тем вдаль показался город. Редкие пока дома вытянулись вдоль дороги. Они стояли тесно, и издали казалось, будто одни спешат вскарабкаться на крыши другим. За ними виднелись третьи. И Катарина подумала, что в город стоит заглянуть.

Потом.

Просто пройти по мостовой. Посмотреть на людей. Быть может, посетить ресторацию или навестить пару лавок. Ей ведь нужны платья.

Новые.

Соответствующие нынешнему ее положению. И к ним туфли. Ботинки... это, пожалуй, было смешнее всего. Там, во дворце, у Катаринины имелась целая комната для обуви. Туфельки атласные. Туфельки парчовые. Туфельки, расшитые золотом. С подошвой столь тонкой, что сквозь нее ощущались крошки на паркете. Но ведь это так изысканно... а вот башмаки дорожные Джо принесла. И с ними другие туфли, из прочной козлиной кожи, пусть и не столь изысканные, как все те, что остались, но удобные.

Да, с обувью надо что-то решать.

И с гардеробом.

Меж тем коляска свернула с дороги, взяв выше, к темному холму, на гребне которого вытянулась полоса леса.

— Уже скоро, дорогая... знаешь, как по мне, Бристон на редкость унылый городишко. Я помню Лондиниум, его вечное движение, жизнь, которая не останавливалась ни днем, ни ночью, — она мечтательно прикрыла глаза. — Балы, вечера... торговцы... я не знаю, есть ли в колониях такие лавки...

— В колониях есть все, — Катарина поправила шляпку, которая норовила съехать на затылок.

— Ах, дорогая, я не пытаюсь оскорбить твою... родину, просто пойми, там и здесь — разные миры... и я хочу, чтобы ты открыла для себя нынешний.

Холм приближался. Он наплывал зеленой громадиной, и деревья уже не казались хрупкими. Они вытягивались, обретая плотность и размер. Коляска меж тем замедлила ход.

— Дальше дороги нет. И эта почти заросла. Матушка рассказывала, что когда-то на этом холме жил священник. И была у него дочь столь прекрасная, что перед красотой ее не устоял сам король альвов...

— А у них разве не королева?

— Это не важно, — тетушка дождалась, пока сыновья ее спешиться. И приняла руку. — Он соблазнил несчастную, а после бросил, и она умерла.

— Очень романтично, — Катарина демонстративно проигнорировала протянутую руку. Прикасаюсь к кузену не хотелось. А он лишь оскалился.

— Печально, — поправила тетушка. — Она повесилась в отцовском доме, а тот умер с горя и проклял всех нелюдей. Но это было давно. И от дома-то ничего не осталось.

Камни.

Они вырастали из плотного травяного ковра то тут, то там. И были это не огромные валуны, но обыкновенные глыбины, из которых раньше и вправду строили.

...к примеру, Королевскую башню.

— Матушка нам рассказывала это, желая предупредить. С нелюдьми связываться не стоит.

— Не буду, — Катарина вспомнила вчерашнего мертвеца и нервно улыбнулась.

— Я слышала, что в колониях они ведут себя много более вольно. И что порой некоторые несознательные особы отвечают на эти вольности...

Узкая тропа пробиралась на самую вершину. Мимо зарослей жимолости, в которых уже появились первые ягоды, мимо одичавшей яблони и пары рябин.

— На что вы намекаете? — Катарина обеими руками держалась за зонтик.

А вот кузены следовали рядом.

Один слева. Второй справа. Молчали. И облизывали взглядами. Во дворце быстро учишься обращать внимание на взгляды.

— Я? Помилуй, девочка... просто... у нас тут тоже беспокойно. Здесь, мальчики, доставайте корзинку.

— Какую? — поинтересовались кузены хором.

— Господи, дай мне сил... ту, что осталась в коляске. Кевин, будь добр... или ты, Гевин.

Значит, в темно-синем — Кевин, а в зеленом — Гевин. Надо будет запомнить. Или не надо? Толку-то... к вечеру опять переоденутся.

— Оба идите, — решила тетушка. — И захватите покрывала... два. Они в ящике будут. Еще шаль мою. Здесь иногда дует, но место и вправду чудесное.

— Чудесное, — согласилась Катарина.

Холм обрывался резко, будто чей-то огромный нож просто убрал его половину, оставив гладкую темную стену. Где-то внизу разливалась река, такая далекая и яркая, что Катарина зажмурилась.

— Только к краю не подходи. Твоя матушка однажды едва не упала, так увлеклась. Я в самый последний миг ухватила ее за пояс платья.

Это тетушка сказала с явным сожалением. И Катарина послушно отступила от края, который не выглядел надежным. А ведь удобное место для несчастного случая. И уж ее-то, Катарину, никто за пояс ловить не станет...

— Где они там? Мужчины порой столь беспомощны... взять моего Гарольда. Умнейший человек во всем, что дел касается, но слеп... невероятно слеп. К счастью. Вот там дом стоял, — она указала на обрыв. — А после проклятья осел... правда, матушка говорила, что, возможно, все было иначе, что девушка обратилась к отцу за благословением, а он ее убил, не желая, чтобы кровь его рода смешалась с кровью нелюдей.

Ветер гнал облака, которые отражались в синей глади реки. Тени скользили огромными рыбинами, заглатывая редкие лодчонки, чтобы спустя мгновение дать им свободу.

— И холм разрушил уже альв своей песней... впрочем, какое нам дело?

— Никакого, — согласилась Катарина.

— Именно, дорогая, именно... но вот нелюди... ты еще не знакома с соседом?

— Которым? Хотя... не знакома, — Катарина обняла себя. Ветер с реки шел и вправду пронизывающий. Да и не отпускало ощущение, что место это не просто живописно, что есть еще кое-что, из-за чего собственно Катарину и привезли сюда.

— Молодой лорд Гленстон. Королевский дознаватель, как говорят.

Сердце ухнуло. И оборвалось. Королевский дознаватель? Нет, королевские дознаватели Катарине нужны не были. Категорически.

— Все знают, что он незаконнорожденный, что бы там его бабка ни говорила... тоже печальная, но поучительная история. Я была знакома с Эвелиной. Все-таки соседи... хотя, признаюсь, это знакомство не доставляло мне удовольствия. Но мы втроем проводили много времени. Соседям не принято отказывать.

Как и родственникам.

К сожалению.

Катарина искоса взглянула на тетушку Лу, лицо которой обрело прежде несвойственное этой женщине мечтательное выражение.

— И сюда мы приходили втроем. Ее донельзя занимала эта байка, да... она все твердила, что дело в

любви, что любовь все преодолееет, что даже после смерти души возлюбленных будут вместе. Помилуйте. Какая душа может быть у нелюдя?

— Не знаю.

— Я знаю, — неожиданно жестко произнесла тетушка. — Никакой. Но мы все были юны, глупы и мечтательны. И видит Бог, если бы я знала, чем все обернется... — она опустила голову и раздраженно произнесла. — Мальчишки не пришли?

— Нет.

На тропе было пусто.

— Она встретила своего альва... прекрасного... они все прекрасны. Я узнавала. Дело не в них и не в нас, но в магии, которая влияет на людей. И Эва не устояла. Он ей сыграл свою песенку, протянул руку и она приняла ее. Она ушла с ним, а мы... мы остались вдвоем. И тогда, кажется, твоя матушка вбила себе в голову, что любовь важнее всего.

Руки тетушки сжались в кулаки.

— Леди Гленстон была вне себя от горя, которое лишь усилилось, когда она узнала, что тот альв уже имел жену из своего народа. И Эву он назвал возлюбленной. А по сути она стала содержанкой. Любовницей. Подстилкой... — с каждым словом кулачки сжимались крепче. — И когда у несчастных родителей получилось дозваться до нее, то она сказала, что не желает возвращаться. Что она счастлива. Она провела под холмами двенадцать лет. И родила своему любовнику сына, который оказался не нужен, когда Эвелины не стало. Альвы просто выкинули мальчишку. Но ему повезло, у леди Гленстон не было детей, кроме Эвы. И внука она приняла. Выправила документы. Воспитала... видела бы ты, каким он был!

— Каким?

Катарина потерла руки. Тонкая ткань платья не защищала от холода. И казалось, что ветер проникает внутрь Катарины, унося остатки тепла. Такое уже с ней случилось.

В Королевской башне, камни которой всегда были голодны.

— Чудовищем. Я не преувеличиваю. Так уж получилось, что матушка, уж не знаю, почему, винила во всем меня. И в том, что случилось с Эвой, и в побеге Бетти... я-то при чем? Но она отказала мне от дома. Сперва. Уже потом, когда появились мальчишки, мне было разрешено навещать ее... будто мне хотелось.

Кривоватая улыбка смотрелась нелепо на круглом этом лице.

— Но я приезжала. Мне было жаль ее. Одинокую. Никому-то не нужную... она так любила твою матушку, а та не удосуживалась даже писать! Но ведь мы не об этом, верно? Мы о мальчишке... я сперва жалела его. Ребенок ведь. Дети не виноваты в том, что совершают взрослые. Дети... невинны... почти все... мои мальчишки никогда не доставляли мне проблем... к счастью... а это отродье... оно ело под столом. И выло. Улюлюкало. Оно напало на Кевина и опрокинуло его на пол, чтобы потом содрать все пуговицы. Это был новый костюм, между прочим. Оно подкинуло Кевину крысу, и та его покусала. Мы потом долго ходили к целителю.

— Сочувствую...

— Я просила, чтобы на время наших визитов бабушка не брала к себе это отродье, но... она разделяла ту непонятную привязанность, которую испытывала к ублюдку леди Гленстон. Все закончилось дракой, и оказалось, что виноваты почему-то мои мальчишки. Да... после того случая наши отношения с матушкой испортились окончательно. Я ее любила, но не могла рисковать детьми.

...а та оставила свое состояние не дочери, но внучке, что тоже, должно было быть обидно.

— Ма, там нет пледов! — донеслось с тропы. — Но мы взяли попоны! Они тоже теплые и толстые.

— Господи, дай мне силы, — тетушка Лу закатила глаза. — В детстве с ними было куда как проще...

Глава 15

Мертвец оказался мало того, что издевательски тяжелым, так еще и неудобным. Он то норовил съехать с плеч, то свалиться со спины, по которой уже стекали потеки болотной воды, заставляя Кайдена нервно вздрагивать.

И ведь Дуглас слово сдержал.

Шел рядом. Помогал. Советами.

— А вот взял бы веревку, мог бы и обмотать...

— У тебя же есть.

— У меня моя. Она для дела нужна, — Дуглас держался чуть впереди, верно, чтобы вонь мертвого тела, смешанная с затхлым запахом болотной воды не оскорбляла его обоняния.

— Так и у меня дело! — Кайден мысленно проклял ту минуту, когда ему вообще вздумалось доставать этого вот покойника. Зачем, спрашивается, он понадобился?

Лежал себе в болоте.

Тихонечко.

Никому не мешал. А теперь... Кайден дернул плечом, по которому поползла щекочущая струйка воды, и едва не выронил ношу.

— Аккуратней, а то потом не поймешь, что ему при жизни сломали, а где ты сам постарался.

— Угу... думаешь, сломали?

— Не уверен. Дамочки, конечно, не из простых, но вот... не любят они кости ломать. Женщины. Грязно это. Неаккуратно. Кровь там. Матюки. Другое дело яд. Капнул в чашечку, подал с улыбочкой и жди себе...

— Думаешь, они? — Кайден с облегчением свалил тело на траву. До дома оставалось всего ничего.

— А кто еще?

— Не знаю.

— Сам по суди, зачем им посторонний труп прятать? — Дуглас тоже остановился. — Через парадный не попришь. Слуги-то свои, но все одно стоит побережься.

И здесь он был снова прав. Благо, имелись в дом всякие пути, ибо был дом стар и нужды у хозяев возникали разнообразнейшие.

— Сейчас придем, — Кайден почесал нос и скривился. Руки пахли телом. И болотом. — Помоем... его... и себя помоем... и тогда станет ясно.

Увы, помывка ясности не добавила. Грязь сходила с мертвеца тяжело, будто успела уже привыкнуть к нему, сродниться. Крупницы ее застревали в густом волосе, что покрывал торс и руки покойника, склеивали волосы, забивались в рану.

— Все ж не они, — с немалым облегчением произнес Кайден, рану раздвинув пальцами.

— С чего взял?

Дуглас пристроился тут же.

— Шел бы ты спать.

— Уже не хочу, — ответил Дуглас и широко зевнул, верно, демонстрируя искреннее свое нежелание. — Сон перебил? Терпи теперь. И вообще... любопытная находочка. Губы ему раздвинь.

Кайден подчинился, а Дуглас сполз с кресла и, обойдя покойника по дуге — мертвецов он всерьез недолюбливал, хотя эту вот нелюбовь всячески пытался скрыть — остановился между столом и окном.

— Да, любопытная...

Клыки у находки имелись.

Крупные такие. Выпирающие. Четыре пары. Передние, и сменные, чуть утопленные в нёбо. Сами же зубы были ровными, аккуратными, разве что желтый налет их портил.

— Выродок, — Дуглас все же оттянул веко, заглянув в помутневший глаз. — Точно выродок...

— Или просто старый?

— Зубы на месте? На месте. Шрамов посмотри, ни одного нет, а должны были бы. Оборотни в гон не особо друг с дружкой церемонятся. Нет, этот в стае не бегал. Зато баловался духовистой травкой. Если принимаешься...

Кайдена замутило, но он послушно наклонился над телом. И вправду, травкой пахло. Терпкий сладковатый аромат, казалось, пропитал все тело.

— И ногти, — Дуглас поднял руку. — Если хорошенько от грязи потереть, увидишь...

...тонкую лиловую полоску у самого основания ногтя.

— Ага... и клеймо на месте. Я тебе точно говорю, выродок.

И Кайден согласился. Оборотни не потерпели бы в стае того, кто слишком уж отдается грезам, которые дарит духовица, заодно ослабляя контроль над зверем.

— И смотри, — Дуглас руку вывернул, показав на толстую полосу незагоревшей крови. — Спорим, носил блокирующие браслеты? Небось, свои же и нацепили, чтоб не задрал в припадке.

Похоже на то.

Трава разрушает разум, стирая грань меж фантазиями и явью, а заодно уж порождая чудовищ, с которым всяк безумец боролся, как умел. И вопрос даже не в том, кто нацепил на него браслеты, а скорее в том, кто и когда додумался снять их.

— Думаю, ушел по молодости в наемники... — Дуглас пощупал клеймо.

Кайден и без него видел, что старое оно. Рубцы вон белые, и ныне почти сровнялись с кожей.

— А там уже остался, да... со всеми, так сказать...

Кайден молча раздвинул челюсть покойнику, убедившись, что язык его имел весьма характерный черничный оттенок. И стало быть, оставалось оборотню немного.

...странно, что пленник про травку не упомянул.

Или не знал?

— А это походило бы на несчастный случай? — язык Кайден вытянул, подумывая, стоит ли его отрезать. Можно, конечно, и целиком тело оставить, но уж больно массивный покойник попался. Да и к чему? Искать его вряд ли кто станет.

Точно не оборотни. Наемники? Тоже сомнительно.

— Обезумевший оборотень? Гм... пожалуй, что походило бы... — Дуглас потер щетинистый подбородок. — Дамочка не проявила должной разборчивости, слуг нанимая. Один свихнулся и загрыз благодетельницу. Его бы, конечно, прибили... расследовать нечего. Дело закрыто. Да... соболезнования родственникам. Похороны...

И могила в родовом склепе, куда стоило бы наведаться, ибо была покойная леди к Кайдену весьма добра. Печеньем овсяным угощала. И позволяла прятаться на чердаке, когда случались грозы. Она даже не ругалась никогда, лишь вздыхала и грозила пальцем, когда он вновь совершал какую-нибудь глупость. И от этого почему-то становилось совсем совестно.

— Интересно. Очень интересно... и самое интересное, кто ж это у нас его так. Точно не ты?

Кайден покачал головой.

— Мда...

Рана была широкой и глубокой. Края ее разошлись, позволяя разглядеть и перерванную глотку, и остатки сосудов, уходивших в шею, и даже позвоночник, который уцелел не иначе, как чудом.

— Поднимешь? — Дуглас потер руки. — Смотри. Предположим, я оборотень... которому мерещиться всякое... странно, что он вообще хоть как-то себя контролировал. Или браслеты держали? Но тогда кто их снял и когда? Или... помнишь, они про лихорадку говорили? После лихорадки он был бы

ослаблен. Обычный двуипостасный вовсе не подцепил бы, к ним такая зараза не липнет, а этот вот... как очухался, пошел в дом, заказ исполнять... нет, похоже, что браслеты с него уже в доме сняли. И главное, оборот он совершил...

— Думаешь?

— А ты думаешь, он просто так нагишом погулять вышел? Клещей хозяйством подразнить захотелось?

Покойник норовил завалиться набок, все потому, что голова его то запрокидывалась, норовя ткнуться в лицо Кайдену спутанными волосами, то падала на грудь, то перекатывалась на плечо. И сам он, даже почти отмытый, был неприятен.

— Одежду не нашли... и браслеты тоже.

Кайден кивнул.

Он искал. И возле поляны, и дальше в лесу, и сам лес спрашивал, да только тот, сонный, отвечал неохотно.

— Значит, кто-то его привел. Помог раздеться. Снял браслеты. Подтолкнул к перевороту... а потом убил?

— Не логично.

— Верно, — Дуглас схватил покойника за космы и поставил голову ровно. — Не танцуй, держи хорошо.

— Я держу!

— Держи лучше... так вот, думаю, тот, кто его вывел в лес, оставил бы ему что-то, скажем, вещь с запахом... да, определенно... или духи? Нет, это резковато, а вот запах... шепнул пару слов. Этим много не надо, главное, подтолкнуть в нужном направлении.

Дуглас черкнул по шее пальцем.

И с другой стороны.

— Человеческий разум не справился бы со зверем. А убедить зверя идти по следу несложно... умно. Да, пожалуй что так... но тот, кто это затеял, не стал бы убивать.

— Если бы оборотень и вправду пошел по следу. А если бы бросился?

— Вряд ли... сколько он носил эти браслеты? Пару лет точно, вон, весь травой пропитался. Стало быть, оборот не совершал очень давно. А это дело непростое, болезненное. И был бы он в первое время беспомощней кутенка. Его приятелю хватило бы времени убратъся на безопасное расстояние.

И унести с собой одежду и браслеты.

Или... одежду после нашли бы, скорее всего где-нибудь у дома.

— Но кому-то наш волчок...

— Думаешь, волк?

— Скорее всего. Для медведя хиловат, даже для недокормыша, а вот волки бывают и мелкие...

Кайден испытывал преогромное желание бросить мертвеца, но держал.

— Ну да ладно, это мелочи. Куда интереснее, что кому-то наш приятель крепко не по нраву пришелся. Удар был один и мощный. Ты когда-нибудь убивал оборотней? Можешь опустить.

Кайден разжал руки и тело сползло на стол.

— Нет.

— Шкура у них весьма плотная. И добавь шерсть с густым подшерстком, которая тоже себе щит. Да и сомневаюсь, что наш приятель стоял и ждал, когда горло перервут. Надо, надо наведаться в гости по-соседски... пообщаться поближе, приглядеться...

Дуглас вытер ладони платком и велел:

— Иди, собирайся. Пойдем знакомиться. Только помойся сперва, а то от тебя болотом воняет.

Приближение грозы Катарина почувствовала ближе к полудню.

Холм остался позади, как и пикник, вполне себе обыкновенный, если не считать внимания, которым Катарину окружили. Нет, никто не пытался нарушить правила приличия, напротив, братья проявляли весьма похвальную сдержанность. Но... они были рядом.

Слева.

И справа.

И сзади тоже. Они говорили. Улыбались. Кланялись. Рассказывали забавные, действительно забавные истории, которые заставляли Катарину улыбаться, отчего она чувствовала себя совершенно глупо, и это злило несказанно, как и смех тетушки.

Лимонад.

И мягкие булочки. Овечий сыр, нарезанный маленькими кубиками и щедро сдобренный приправами. Ветчина. И медовые палочки с орехами.

— А еще помню... — Гевин полулежал, опираясь на седло. — Однажды... в детстве...

— А то сейчас ты взрослый, — поддел брата Кевин.

— Взрослее тебя...

— На две минуты!

— На две с половиной...

— Мальчики, — тетушка Лу пригрозила пальцем. — Не спорьте.

А Катарина вдруг ощутила весьма характерную давящую боль в затылке, и сказала:

— Пора возвращаться.

— Ты устала, дорогая?

— Нет. Гроза будет. Скоро, — Катарина коснулась этого затылка. Грозы она чувствовала всегда, с раннего детства, и слуги, поняв, что никогда-то она в своих предчувствиях не ошибается, шептались, что виной всему ведьмина кровь. Правда, кого именно считать ведьмой, они так и не решили.

Катарина посмотрела на небо.

Чистое.

И солнце светит, слепит. Ветер и тот стих, будто затаился, сил набираясь. И все же грозе быть и сильной.

— Дорогая, — тетушка покачала головой. — Просто скажи, что ты устала.

— Хорошо, — Катарина мучительно боролась с желанием распустить волосы и коснуться тяжелого затылка, унимая эту боль. — Я устала.

Спорить желания не было. К счастью, никто не стал уговаривать ее потерпеть. Братья обменялись взглядами, и Гевин произнес:

— Действительно чувствуется в воздухе что-то этакое... беспокойное. Думаю, нам будет лучше вернуться.

Остатки еды вернулись в корзинку для пикника. Попонами занялся Кевин, а Гевин вызвался отнести их к экипажу и заодно уж запрячь лошадей. Катарина же подошла к обрыву.

Странное место.

И сейчас, в преддверие бури, странность его ощущалась особенно остро. Будто имелся здесь некий невидимый изъян.

Какой?

— Здесь она любила стоять... — тетушка подошла сзади, и Катарина вздрогнула, едва не сделала шаг вперед, спеша отступить от этой женщины.

— Кто?

— Моя дорогая сестра. Вот туда ставила этюдник, но часто даже не писала, просто становилась и смотрела, смотрела... никогда не могла этого понять.

— Здесь красиво, — примиряюще сказала Катарина.

— Красиво... но были куда более живописные места. Как-нибудь я отведу тебя на старое озеро. Оно давно уже в болото превратилось, но тебе понравится. Вода там почти черная, а на ней — белые кувшинки. Правда, днем они прячутся в глубинах озера... мне оно казалось бездонным.

Тетушка Лу прикрыла глаза и обняла себя. Она покачивалась и молчала, и кажется, забыла, где находится и с кем. Но стоило Катарине сделать шаг назад, как тетушка очнулась.

— Бабушка говорила, что в озере водятся русалки... на самом деле все много хуже. Есть твари куда более опасные. Никогда не верь нелюдям, да...

— Мама! — донеслось снизу. — Вы идете?

— Идем, — тетушка Лу нервно улыбнулась. — Конечно, идем... куда нам деваться. Правда, дорогая?

Всю дорогу до дома она молчала, чему Катарина была несказанно рада. А дома их ждали гости...

Глава 16

Кайден вымылся дважды.

И подумав, третий раз тоже, предварительно натерев себя солью, которую использовала бабушка, когда хотела приятно пахнуть. И Кайден понюхал собственную руку. Пахло от нее лавандой. И все равно болотом.

Вот же... зар-р-раза!

От бабушки остались флаконы с маслами, но те воняли похуже болота, да и не факт, что, решишь Кайден использовать эту вот розу, в которой розы была капля, запах болота исчезнет. А двойная вонь куда хуже одинарной.

Он знает.

Он арифметику учил.

Распахнув гардеробную, Кайден замер. Еще недавно ему казалось, что у него слишком уж много одежды. И он просто брал ту, на которую взгляд падал.

А теперь...

Незабудковый костюм в тонкую полоску? Он будет выглядеть в нем идиотом. Тогда черный? Нет, это почти неприлично, надевать столь откровенно темный наряд, Катарина решит, что правила приличия ему не известны.

Известны.

Кайден по ним экзамен сдавал. Сперва той толстой даме, которая даже на жаб смотрела свысока, а уж для нее Кайден расстарался, поймал самых толстых и бородавчатых, потом еще бабушке.

Бабушка бы огорчилась, надень он черный костюм в первой половине дня.

Коричневый ему не идет.

Рыжий? Нет, этот не для визитов. Охотничий. Или... определенно, было несколько странно выбирать наряд для женщины, видевшей Кайдена вовсе без одежды, но здесь он ничего не мог с собой поделать. Он вытаскивал костюм за костюмом, в каждом находя какой-то изъян, и в раздражении швырял на пол. За этим занятием и застал его Дуглас.

Вот уж кто спокойно носит черное в любое время суток.

— Мне надеть нечего! — пожаловался Кайден.

— Голым иди.

— Это неприлично!

— Ты здоров? — седая бровь приподнялась.

— Вполне, — буркнул Кайден, вытащив нечто лиловое, щедро расшитое золотом. И когда ж он купил-то такое? Или не он? Золота было столько, что ткань казалась плотной и жесткой, как броня. — Просто... подумал, что... вдруг она подумает, что я неприличный?

И подумает.

Точно подумает.

Приличные молодые люди не скажут по малиннику... как там Дуглас выразился? Нет, клещи Кайдена стороной обходили, чуяли нечеловеческую его природу. Он вздохнул и лилово-золотой наряд отправился в кучу.

— Похоже, — вздохнул Дуглас, — мне все же стоит отписать леди...

— Зачем?

— Чтобы на свадьбу успела.

— Чью?

— Твою, бестолочь.

— Я не бестолочь... стой. Я не хочу на ней жениться! Я просто хочу ей понравиться!

— Вот-вот... думаешь, кто-то по своей воле хочет жениться? Это всегда так начинается. Сперва понравиться, потом завоевать расположение. А там уж и колокола звенят. С тобой и вовсе... — Дуглас присел у кучи и, разворошив ее, вытащил платье темно-синего цвета. — На вот...

— А не слишком темный? — Кайден не стал говорить, что столь долгожданный бабушкой звон она вряд ли услышит в ближайшем будущем.

Нет, когда-нибудь он женится. Кайден уже не тот мальчишка, который желал лишь свободы. И про ответственность он понимает. И про долг. И про род, что может прерваться... но это потом.

В будущем.

А сейчас он просто хотел понравиться одной женщине. У нее волосы цвета золота, а на носу веснушки, отчего кажется, что сама она и есть золото.

— Кайден!

— Что? — он смотрел в зеркало и видел... нелюдя. Слишком тощий. Высокий. Худой, несмотря на все усилия кухарки и любовь к хорошей еде. Волосы... когда-то Кайден искренне надеялся, что они не изменят цвет. Потом так же искренне надеялся, что все же изменят.

Пытался красить.

Дважды стриг... может, и теперь? Или поздно? Она ведь видела. Все видела... и понимание этого заставило покраснеть.

— Думаешь, она не испугается?

— Не видел я такой бабы, которая бы тебя испугалась, — проворчал Дуглас и сунул костюм. — На вот, а то до вечера провозишься...

Черты лица тоже не сказать, чтобы красивы. Неправильные они. Слишком резкие. И лицо какое-то вытянутое, заостренное. Тонкие губы. Тонкие брови, почти бесцветные. Тонкие же ресницы, но кажется, что ни их, ни бровей вовсе нет. Отчего лицо становится еще более нечеловеческим. Но Дуглас прав. Женщинам это почему-то нравилось. И сам Кайден. И лицо его. И не только оно. Тем, другим женщинам, которые время от времени появлялись в его жизни. Но Катарина на них не похожа.

Наверное.

— Цветы нужны, — костюм сел отлично, даже новомодные широкие штаны не смотрелись слишком уж глупо. А к чулкам Кайден давно привык.

Почти.

Носовой платок.

Круглая луковица часов.

Цепочка.

Перчатки из тонкой ткани. Бархатный берет с пером. От последнего Кайден бы отказался с немалым удовольствием, ибо зеркало подтверждало его догадку, что в берете он смотрится наиглупейшим образом. Но правила приличия следовало соблюдать.

— Будут тебе цветы. Попросишь и будут... только, пожалуйста, постарайся вести себя прилично. И про труп помалкивай. И вообще, мы ведь просто в гости. По-соседски.

Старый дом встретил Кайдена скрипом входной двери, будто приветствовал старого друга, заодно уж упрекая того за равнодушие и забывчивость.

Столько лет...

И ступеньки парадной лестницы стали ниже, статуи в ее основании больше не казались ни чудовищными, ни красивыми. Покрытые сетью трещин звери доживали свой век, и это печалило. Да и сам дом... в нем пахло сыростью и болезнью, камнем, деревом и магией, которая пыталась воззвать к сути этого камня и дерева.

Молодой маг ползал по плитам, вытаскивая одну за другой нити силы, но не справлялся, не способный удержать больше трех за раз. И нити, вырвавшись из пальцев его, уходили вниз, а он

злился, матерился и поглядывал искоса на женщину в алом платье.

Ту самую, что поила Катарину.

Она же стояла, скрестив руки на груди, наблюдая за магом и явно не спеша ему помогать.

— Я не справлюсь! — сказал тот, поднимаясь на четвереньки. — Мне нужна помощь!

— Моя?

— Вы же мьесс!

— Огня, — женщина щелкнула пальцами, и на ладони ее вспыхнуло пламя. — Если вам понадобится сжечь этот дом, то я со всем своим удовольствием помогу, а вот это вот все...

Она обвела холл рукой.

— Зачем мне было бы нанимать вас, если бы я сама могла это сделать? — спросила она ворчливо и сделала вид, что лишь теперь заметила Кайдена. — А вы что скажете?

— Скажу, что буду рад помочь даме... — Дуглас поклонился и, сняв берет — а вот на нем дурацкое это сооружение смотрелось почти пристойно — протянул его Кайдену. Он размял пальцы и опустил на корточки. — Показывай, что делать надо.

Молодой маг — слишком уж молодой, чтобы спокойно отнестись к его присутствию в доме — поспешно заговорил.

— Добрый день, — Кайден поклонился и оглянулся, пытаясь понять, есть ли вообще в доме прислуга. Дверь им не открыли.

Встретить не встретили. И складывалось впечатление, что в этом доме им вовсе не рады.

— Добрый, — ответила женщины, и губы ее растянулись в улыбке. А Кайден вздрогнул, ибо улыбка эта вдруг показалась такой... предвкушающей.

— А мы вот... — он вдруг понял, что растерялся под ее взглядом.

Глаза холодные, что камень.

— Решили заглянуть... по-соседски...

Лакей все-таки появился. Двигался он лениво, вальяжно, видом своим показывая, что есть дела куда более важные, но поднос для перчаток подал.

— Рада, — как-то не очень радостно произнесла женщина. — Сосед, стало быть... лорд Гленстон, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — Кайден поклонился и вручил букет бледно-лиловых азалий. — Не имел чести быть представленным, однако...

— Джио, — азалии она приняла. — Мьесс...

И бровь приподняла, ожидая реакции. Но какой?

— Огонь меня всегда пугал. И манил одновременно, — признался Кайден и руки со вторым букетом убрал за спину. Чутье подсказывало, что будет вполне уместно отступить от этой мьесс на шаг, а лучше на два или на три.

— О да... огонь — сложная стихия.

— И не всякому дается.

Она продолжала разглядывать его, не скрывая собственного интереса, но был оно вовсе не обычным, женским, который принято проявлять к перспективным мужчинам.

— И тем любопытней встретить ту, что обращается с пламенем столь же легко...

— Как вы с землей? — и насмешка откровенная.

Кольнула игла. Неужели знает? Про мертвеца в болоте точно знает, ибо из-за него и позволила подслушать тот ночной разговор. А про другого? Который уже стал частью ясеня и травы.

— Все мы в чем-то талантливы, — произнес Кайден, отступая еще дальше. Рядом с этой женщиной

он чувствовал себя... да мальчишкой и чувствовал.

Бестолковым. Излишне суетливым.

Ни на что не годным.

Неприятно, однако.

— Чудесно, что вы это понимаете, — цветы она понюхала. — Прелестно... и второй букет тоже давайте. Все равно Катарина пока нет.

— Как...

— На пикник отправилась.

— С кем? — Кайдена напрягся.

— С родственниками... к нам тут родственники, понимаете, наведались, — она вытащила букет из руки Кайдена. — Любимые. Вот я и подумала, отчего бы ей и вправду не прогуляться? Воздухом подышать, осмотреться... девочка устала сидеть взаперти.

И видят Боги, в этих словах Кайдену почудился намек.

— Надеюсь, вы любите чай. Катарина скоро вернется. И будет весьма опечалена, если вы ее не дождетесь. Ей бы очень хотелось познакомиться с вами. Наконец.

Джио не сдержала смешка.

И Кайдена почувствовал, как наливаются жаром уши. Он не будет краснеть! Не будет! Наверное. Разве что немного...

— Мне тоже, — только и удалось выдавить.

Дуглас фыркнул.

А Джио спрятала лицо в азиях.

Открыв дверь, Катарина увидела трех мужчин, вполне вольготно расположившихся на полу и что-то обсуждавших. С немалой, надо заметить, страстью.

— А я тебе говорю, так не получится! — произнес маг и оглянулся.

Вскочил, поспешно оправляя одежду, которая измялась и несколько запылилась вследствие чего вид у мага был далекий от солидности.

— Не получится, если не стараться, — знакомый уже Катарине седовласый господин поднимался с немалым достоинством, несмотря на то, что пыли на его одежде было не меньше, а возможно, и больше. — Доброго дня, леди.

— И вам, — Катарина присела в реверансе изо всех сил стараясь не смотреть на третьего гостя, которого она ждала, но не так, чтобы очень.

Конечно, не так, чтобы очень.

Совсем даже почти не ждала.

Скорее знала, что встреча с ним неизбежна. И оттого, пусть и глядела в сторону, но все равно подметила, как ловко он встал, как провел по штанам, пытаясь хоть как-то сгладить пыльные следы. Как глянул на Дугласа с какою-то детской обидой.

— Буду рад представить вам моего... племянника... лорда Теодора Гленстона.

— Кайдена, — мрачно поправил лорд Гленстон.

— Он не любит свое человеческое имя...

— И не зря, — заметил Гевин, обходя гостей по широкой дуге. — Человеческого в нем... немного.

— Кто бы говорил, — проворчал Кайдена.

Пожалуй, кузен был прав.

И неправ тоже.

Катарине доводилось встречать истинных детей Дану. И были они куда более, так сказать, иными, нежели лорд Гленстон. Да, высок. И красив... определенно красив холодной зимней красотой.

А глаза у него зеленые, что листва.

И это тоже неправильно.

У людей не бывает такой яркой зелени, а у альвов зеленый не встречается. Их глаза черные, что сама ночь. И смотреться в них не стоит — затягивают. А тут... кажется, Катарина слишком уж... увлеклась. Тетушка Лу пыхтит недовольно, а Джио стену подпирает.

С цветами.

Джио и цветы — это так... странно. Она предпочитала золото, о чем во дворце все знали. И одно время даже пытались подкупить. Потом, поняв, что есть вещи сильнее золота, к примеру, кровная клятва, не то, чтобы вовсе отстали, скорее одни подарки сменились другими.

А там и третьими.

По мере того, как уходила и та призрачная власть, которая вообще была у Катарины, подарков становилось меньше, как и любовников.

А цветы... кого во дворце цветами удивить?

— Несказанно рада встрече, — Катарина запоздало протянула руку, которую приняли с величайшей осторожностью. — Надеюсь, мы будем добрыми соседями...

— Не хватало, — шепотом произнесла тетушка Лу, которая радостной вовсе не выглядела. — Деточка, дорогая, позволь заметить...

— Не позволю, — руку Катарина забрала, так и не дождавшись поцелуя. Может, и к лучшему, поскольку щеки ее пылали от стыда. — Вы ведь задержитесь до ужина? Хотя, боюсь, у нас не самая лучшая повариха...

— Я неприхотлив, — он смотрел на Катарину сверху вниз как-то так, что одновременно хотелось и спрятаться, и ответить взглядом.

Прятаться было негде. И Катарина решилась.

Только вдруг стало неудобно, что она в таком виде... платье наверняка измялось, и травинки прилипли к подолу. А прическа? У Катарины на редкость непослушные волосы, справиться с которыми не могли и придворные куаферы. Тут же она сама косу плела, и эта коса того и гляди рассыплется.

А еще сердце стучит-стучит.

И глаза у него не просто зеленые. Зелень тоже бывает разной. К краю радужки они темнели, как те изумруды, которые ей поднесли на свадьбу.

...изумруды достались отцу. Наверняка.

К зрачку же зелень светлела, и в ней появлялись проблески золота.

Малахит?

Нет, тот тяжеловат, а вот нефрит — камень редкий, переменчивый... и лежит у Катарины кусок его, из которого она собиралась чашу резать, но так и не собралась, потому что не знала, кому эту чашу дарить. А теперь поняла, что резать ее вовсе не стоило.

Что нефрит достоин большего.

Чего?

Она не знала. И просто стояла. Улыбалась. И думала, что, наверное, отец прав. Женщины глупы, слабы и в целом бестолковы. Толковая не влюбится с первого взгляда.

— Ах, — громко воскликнула тетушка Лу, разрушив магию мгновенья. И Катарина поняла, что именно мгновенье и прошло, и удивилась, как много его, этого мгновенья, было. — Мне так голова разболелась... дорогая, а ты себя нормально чувствуешь?

— Великолепно, — Катарина не сдержала улыбки. — Спасибо, тетушка. А вам, думаю, стоит прилечь. В ваши годы нужно заботиться о здоровье.

— Утром ты чувствовала себя дурно...

Уголки губ Кайдена дрогнули. Или Катарине показалось? Или все-таки действительно... нет, конечно, показалось. Он не мог знать, отчего ей было плохо утром.

— Все прошло, — Катарина отмахнулась от намека. — Благодаря вашей заботе и прогулке. Идите, тетушка... может, стоит кого отправить за целителем?

— Я могу взглянуть, — сказал Дуглас. — Мне случалось кое-кого лечить...

И покосился на племянника, который точно не был ему племянником, но смутился. И это выглядело забавно. А еще незаметно. Во всяком случае, Катарине подумалось, что никто-то кроме нее не обратил внимание на дернувшееся ухо, кончик которого покраснел.

— Не стоит, мне просто нужен отдых, — тетушка подхватила юбки. — Мальчики, надеюсь, вы не настолько устали, чтобы не занять гостя...

Прозвучало почти приказом.

Глава 17

Не золотая она.

Золото холодно. Медовая. Волосы цвета липового меда, который собирают пчелы под полуденным солнцем июня. Кожа светлая, как тот, цветочный, мед, что приносили со старой пасеки прямо в сотах. И Кайдену позволялось эти соты разламывать, и жевать, не думая о том, сколь прилично или неприлично он при том выглядит.

Веснушки — гречишный.

Темный, тягучий.

И тянет лизнуть их, убеждаясь, что они столь же сладки.

Мед, вот что, пожалуй, примирило Кайдена с этим миром, столь непохожим на тот, другой, к которому он привык, к которому, как мнилось, принадлежал. Мед и молоко.

— И чем вы занимаетесь? — поинтересовался Гевин.

Этот засранец устроился рядом и разглядывал Кайдена, не скрывая своего пренебрежения, что было оскорбительно. И будь Кайден помоложе, он бы, конечно, оскорбился, и поспешил бы отыскать пару-тройку едких слов. Или просто и незамысловато дал бы в морду, вследствие чего случилась бы драка...

— Всем, понемногу, — сказал он, представляя, как медленно и с наслаждением выкручивает голову этого засранца. И как трещит шея, рвутся связки... — Кур вот выращиваем. Поросят опять же...

— Поросят? — Кевин хмыкнул.

В отличие от братца он не скрывал своего раздражения. А вот на Катарину и вовсе поглядывал так, будто она была его собственностью.

А ведь болото хорошее.

Глубокое болото.

Если груз к телу привязать да отнести подальше, скажем, туда, где разбойников вырезали. А ведь, если напрямик, то это почти рядом.

— И как поросята?

— Растут, — Кайден мысленно представил карту.

Бристон.

Поместье.

Дороги... дороги огибали болото, которое аккуратно пролегло между Бристоном, помещьем и старыми холмами, куда Кайдену тоже стоит заглянуть. И вспомнился призатоленный берег.

— Видишь, дорогая кузина... — Кевин покачал на пальце серебряную вилку. — Какая насыщенная здесь жизнь. Цыплята, поросята... хозяйство.

— Что плохого в хозяйстве?

— Ничего. Если ты смерд. А человеку благородному следует уделять внимание делам иным.

— Выпивке, картам и шлюхам? — поинтересовалась Катарина, и тут же мило покраснела. — Простите. Следовало, наверное, сказать «падшим женщинам»? Но у нас в колониях привыкли выражаться прямо.

Тихо звякнула вилка.

— Клубам, дорогая...

— В которых все в конечном итоге сводится к той же выпивке, картам и шлюхам. Простите, падшим женщинам, — сказала Джио.

— Мне не кажется, что эта тема подходит для беседы, — Гевин от братца отличался немалой выдержкой. И сейчас осадил близнеца взглядом. Тот лишь скривился, но промолчал. — Лучше расскажите нам о колониях. Всегда хотелось узнать, каково там.

— Колониально, — сухо ответила Катарина.

— Жарко, — Джио глянула на подопечную едва ли не с умилением. — Весьма жарко. И душно. В сезон засух воздух такой, что кажется, будто вот-вот вспыхнешь изнутри. И от жара этого не спасают ни артефакты, ни холодные напитки. Еще пыль, насекомые и змеи. Последние умудряются преодолевать любую защиту, и потому в богатых домах часто держат специального слугу, задача которого перетряхнуть постель хозяина перед сном. На всякий случай. А то бывает, что меж простыней затеряется королевская кобра.

— Ужас какой...

— В сезон дождей не лучше. Вода льет и днем, и ночью, и все, что еще недавно было сухим, становится мокрым. Порой кажется, что ты живешь в воде и под водой, что еще немного и отрастут жабры, будто у рыбы. Там тепло и в то же время зябко. Огонь почти не горит, а змей и скорпионов становится больше. Они ищут тепла, лучше живого...

За столом ненадолго воцарилась тишина, которую не нарушало гудение мух под потолком.

— Это... очень... впечатляет, — Гевин склонил голову. — Дорогая кузина, я поражен вашим мужеством. Столько лет провести в подобном месте.

— Поверьте, бывают места и хуже, — Катарина ему улыбнулась, и у Кайдена возникла острое желание прямо сейчас голову и оторвать. Правда, он себя сдержал.

Он ведь куда взрослее, чем представляется Дугласу, и понимает, что нельзя убивать людей. При свидетелях.

— А я слышал, что там столько золота, что даже самый последний бедняк имеет золотые браслеты, — оживился Кевин.

— Золота там хватает. Но не у бедняков. Бедняки там мрут, впрочем, как и здесь, — Джио откинулась на стуле и прикрыла глаза. — От голода. И холода. От когтей хищника. От старости и истощения. От невозможности жить. Но разве кому есть до них дело? А золото... ему место во дворцах и храмах, столь великолепных, что сердце замирает, а глаза не способны поверить в существование подобного чуда. Или в мертвых стенах потерянных городов...

— Как... интересно, — Гевин покосился на Катарину, которая молчала. — И вы... тоже? Бывали?

Джио провела пальцем по столу.

— Местные избегают подобных мест, почитая их проклятыми, но верят, что проклятье не властно над белыми людьми. И потому, если возникает у кого желание собрать экспедицию, то желающие находятся. Впрочем, за пару пенсов там легко нанять и носильщиков, и охрану... которая сбежит при малейшей опасности.

— Я слышал, что вашему отцу, Катарина, удалось добраться до затерянного храма?

Но ответила опять Джио.

— И не одного. Он нашел целый город, мертвый город. В центре его стоял дворец из белого камня, окруженный двумя дюжинами храмов. И каждый из них был посвящен своему богу. Но джунгли давно поняли, что меж богами и людьми нет особой разницы. И в храмах поселились обезьяны. Маленькие хитрые твари, которые скакали и скалились, корчили рожи, а еще не брезговали нападать на отстающих. Они налетали коричневой волной, и оказывалось, что зубы у них не менее острые, чем у тигров...

Дуглас дернул себя за короткую бородку.

— А еще они довольно умны... местные считают их едва ли не равными людям. И боятся...

— Вы там были?

— Была, — Джио сцепила пальцы. — И поверьте, это не самые приятные воспоминания... Катарина тогда еще не было... точнее... получилось тогда, как в сказке, в той, где обещают отдать то, о чем не знают дома. К иным сказкам стоит прислушаться.

Оскал стал шире.

— В то время и я сама была куда моложе, самоуверенней. Мы добрались до дворца. Он оказался на удивление целым, будто люди, в нем обитавшие, просто вышли ненадолго и вот-вот вернуться. Не знаю почему, ибо магической защиты на нем не было, там ее вовсе редко ставят, из-за сезона дождей, ведь вода смывает любую силу. Так вот, джунгли держались в стороне. Они будто чуяли то,

недоброе, что затаилось внутри. И уцелевшие носильщики пали ниц, уговаривая не ходить туда. А с ними и охрана. Они даже попробовали удержать нас силой, но что такое сталь против магии?

Почему Кайден никогда не думал о колониях?

Нет, он знал, что колонии были где-то там, за краем моря. И дед вел с ними торговлю. Ему принадлежала дюжина кораблей и собственная фактория имелась. Но торговля всегда казалась Кайдену на редкость скучным занятием.

Выходит же...

Про золото ему не говорили.

И про затерянные города. Про джунгли, которые наверняка имеют своих хозяев... или имели? Кайден заерзал и получил тычок в бок. И выразительный взгляд Дугласа, который, кажется, с куда большим удовольствием поговорил бы о поросятах.

— И вы пошли туда? — Кевин подался вперед, едва не лег на стол. О Катарине он, казалось, вовсе забыл. Она же слушала рассказ внимательно.

И смотрела на свою подругу... с жалостью? Скорее с сочувствием.

— Пошли, — она погладила пальцы левой руки. — Мы пошли... мы дождались утра. И слушали, как всю ночь бесновались обезьяны. А затем стихли, испуганные ревом тигра. И мы знали, что зверь этот не обычен, что пришел он по зову тех, чей покой мы потревожили. Тогда я сказала, что нам стоит вернуться, что в храмах, пусть и разграбленных иными искателями сокровищ, найдется достаточно золота, чтобы мы вернулись богатыми. Чтобы мы вообще вернулись...

Она замолчала. И никто не рискнул поторопить.

— Утром мы спустились в сокровищницу. Мы прошли по узкому коридору, пол которого норавли провалиться, и в ямах, что скрывались под плитами, все еще стояли острейшие колья. Мы миновали аллею лучников, и стрелы забрали троих. Эти стрелы пробивали и наши щиты. Мы перебрались через ров, наполненный живыми змеями.

Острый палец Дугласа впился между ребрами.

Что?

И помечтать нельзя? Кайден ведь не дурак, он бы не сунулся в ловушку без разведки... и вообще, он куда быстрее обычного человека. И более ловок. И... третий тычок заставил оскалиться. Да этак и ребра сломать недолго.

— Мы оказались перед богиней, чье тело украшали головы... настоящие головы... их была целая гора. И те, кто шел с нами, пали ниц, называя ее имя, умоляя пощадить, говоря, что не знали, в чей дом вошли. Но... твой отец, Катарина...

Это было сказано так, что Катарина вздрогнула.

— Сказал, что сам спустится. Со мной...

— И вы не отказались?

— Не получилось, — щека Джио дернулась. — Мы вошли в дверь, которую охраняла статуя. И на двери этой не было ни замков, ни засовов. Ее защищала не магия, но лишь страх перед той, кто властвует над самой смертью.

Тишина сделалась звенящей.

Все, сидевшие за столом, казалось, позабыли, зачем вовсе собрались в этом месте.

— И... что?

— Ничего особо интересного. Золото. Много золота. Очень много золота. Пол, выстланный золотыми плитами. И золотая колесница с парой золотых жеребцов, исполненных в полный рост. Золотые статуи по стенам. Золотые воины в золотых доспехах. Сундуки, доверху наполненные монетами, на которых были выбиты лица давно сгинувших царей.

Джио улыбалась.

Снисходительно, будто знала, что все, кто здесь сидит, не отказались бы прогуляться по золотым плитам и, быть может, отковырнуть себе кусок на память. А лучше зачерпнуть горсть монет, или

две. Сколько влезет в карман.

— Золота было так много, что оно вовсе не впечатляло...

— И вы... его оставили?

— Чтобы вынести все, нам понадобилось бы привести не две дюжины носильщиков, а несколько сотен волов... хотя не факт, что хватило бы. Нет, он взял камни. Камни легче. Рубины цвета крови, самый маленький из которых был величиной с перепелиное яйцо. Изумруды. Сапфиры, темные, как море в грозу. Огненные опалы, чей цвет изменчив, что небо по весне... там было много камней. Одни в украшениях, но их мы оставили, ибо в большинстве своем те были слишком тяжелы и не особо красивы. А вот камни... два мешка драгоценных камней. И венец из желтых алмазов, огромных алмазов... никогда-то прежде мне не доводилось видеть подобных. Он украшал голову древней царицы. Или богини? Другой, не той, что стояла в зале. Та была человеком, а эта... было что-то донельзя отвратительное во всем ее облике. Но пришлось лезть на статую, чтобы снять его.

— А потом? — Кевин даже привстал. — Что было потом?

— Потом мы ушли.

— Просто взяли и ушли?

— Нет, с песнями и танцами... — рявкнула Джио, скрестив руки на груди. И тут же успокоилась, что было совсем неправильно. — Ушли... и да... путь был непростым. Сперва носильщики, сговорившись с охраной, попытались нас убить. Проводник вывел не к реке, а в места столь дикие, что и на карте-то их не было. Он подсыпал в еду яд, и лишь по чистому везению мы выжили. Друг и напарник твоего отца, который и затеял эту экспедицию, свалился с приступом лихорадки. Еще двоих наших спутников сожрал тигр... в конечном итоге он добрался и до Дживаса, и жрал того долго. Во всяком случае, тот всю ночь звал на помощь.

— Но вы... не помогли?

— Чем? Ночи там кромешные, а магия... сила там тяжела, неподатлива, и то, что дается здесь легко, там требует немалого напряжения. Мы вышли к морю. Пустынный берег, куда и пираты-то не заглядывали. Нищие деревушки, рыбаки, не знающие иной речи, кроме птичьего своего языка. Нас считали мертвыми, но мы вернулись. И твой отец получил то, что позволило ему достичь... немалых высот.

— Значит... камни...

— С большего уцелели, — Джио закрыла глаза. — Были проданы и пущены в дело, которое в итоге принесло немалый доход. Но вы об этом знаете, пожалуй.

За окном громынуло.

И звук этот заставил Кевина подскочить, а Гевина — поморщиться. Полыхнула молния, а за ней уже упала стена дождя. Гроза все-таки пришла, и Кайдэн в кои-то веки был ей рад.

— А повариху все-таки поменять стоит, — Джио отодвинула тарелку с нетронутым рагу. — Если кто-то рассчитывает на пристойный десерт, то боюсь, что вас разочарую...

— В глуши сложно отыскать приличную прислугу, — задумчиво произнес Гевин. А он к еде не прикоснулся. Сыт? Вот брат его все съел, и картофельный суп, щедро приправленный перцем, и тушеную крольчатину, довольно жесткую, и несчастное рагу.

Кайдэн облизал вилку и произнес задумчиво:

— Зато здесь тихо...

— Как на кладбище, — Гевин отодвинул тарелку.

— Это смотря на каком... — не удержался Кайдэн. — Но если хотите, пришлю сюда Дейзи. Она давно с матушкой работает, думаю, справится...

— Обойдемся без вашей любезности...

— Спасибо, буду весьма благодарна.

— Катарина, — это было сказано довольно жестко. — Не стоит принимать в доме незнакомых вам людей. Это может плохо кончиться...

...к примеру, трупом в болоте.

— Думаете? — Катарина взмахнула ресницами.

— Уверен.

— Тогда мне следует попросить вас удалиться?

Порыв ветра ударил в окно, и то задребезжало. Вода поплыла по стеклу, спеша обнаружить хоть какую-то щель в раме. Запахло сырым деревом, а на подоконнике появилась лужа. Пока небольшая, она разрастется, расползется, перевалиться через край, чтобы сползти уже известным путем.

— Нас?

— Мы с вами тоже почти не знакомы, — Катарина сложила салфетку и поднялась. — Если уж на то пошло... мы, в колониях, привыкли доверять людям.

Возможно, и зря.

Этой паре Кайдена доверять не собирался. Как и они ему.

Глава 18

Гроза не унималась. Она катала ветер по крыше, пробуя ее на прочность, и дом то вздрагивал, то скрипел, то постанывал, жалуясь на непогоду.

Стало вдруг холодно.

И сыро.

И даже постель, в которую сунули грелку, так и осталась ледяной.

— Сиди ровно, — Джио сама взялась за щетку.

— Я их обрежу. Завтра.

— И будешь душой.

— Почему?

— А зачем резать?

— Не знаю. Мешают. И тяжелые... иногда мне кажется, что еще немного, и голова просто-напросто оторвется.

На подоконнике блестела лужица воды. И к утру она разрастется, а может, даже сбежит на пол. Надо будет сказать, чтобы тряпки принесли. Или сразу таз?

Дождь Катарина не любила.

Генрих в дождливые дни становился ворчлив и как-то особенно подозрителен. Его раздражало все. И сколь бы незаметной ни старалась быть Катарина, все одно ее находили, чтобы упрекнуть. А еще в дождь узоры на руках наполнялись силой, и Катарина их чувствовала этакими колодками, от которых не избавиться при всем ее желании.

— Оторвется — прибьем, — щетка скользила по волосам. И только Джио умела разбирать их вот так, мягко, не причиняя боли, не выдирая пряди, даже когда те путались или вот попадали во что... в воск, что вдруг оказался в постели.

Или в деготь.

— А ты... и вправду была там?

— В колониях? Была.

— И... остальное тоже правда? Джунгли, город, храм...

— Правда.

— Ты не хочешь об этом говорить? Тогда зачем вообще...

— Потому что тоже дура, — Джио легонько шлепнула щеткой по голове. — Я была молода, когда встретила с твоим отцом. И наивна. Я верила, что любовь преодолет все, и главное доверие. А потом оказалось, что не следует доверять всем подряд. А любовь — это такая сказка, которая позволяет мужчине получить власть над женщиной.

— Он... обманул тебя?

— Не меня одну, — пальцы Джио застыли в волосах. Катарина видела в зеркале отражение ее лица, задумчивого, мечтательного даже. И сквозь знакомые уже черты будто проглянули другие. — Но да, и меня тоже...

— Клятва?

— И она... он забрал кое-что мое, без чего я не могу вернуться домой.

— Что?

— Флейту.

— Флейту? — как-то не увязывалось в представлении Катарина Джио и флейта. — Я не знала, что ты умеешь играть.

— Умела. Когда-то. Не важно. Моей флейты больше нет, как и многого другого. И это уже не имеет значения... — косу она плела быстро и ловко. — Твой отец всегда мечтал о власти и богатстве. Он весьма гордится древностью рода, но забывает рассказать, что в его молодые годы кроме древности этой гордиться было больше нечем. Это теперь он богатейший человек в Британии.

Это было сказано с легким оттенком презрения.

— И те камни...

— Не только они. К тому времени он имел достаточно денег, чтобы расплатиться с долгами, выкупить родовой замок и заплатить за невесту. Но ему показалось мало...

Катарину отпустили.

Она обернулась и, поймав руку Джио, прижалась к ней щекой.

— Спасибо.

— За что?

— За все... сперва ты меня пугала... и нарочно, да?

— Мне это казалось забавным.

— Понимаю, — Катарина гладила темные пальцы. — Тогда меня пугало буквально все... я совершенно не годилась на ту роль, которую он выбрал. Он ведь купил Генриха, так? Тот любил развлечения, а казна вечно была пуста. Все удивлялись, откуда он узнал обо мне. Я ведь не покидала дома, и вдруг приглашение ко двору... встреча... свадьба... все быстро, слишком быстро... дело в деньгах?

— И в них тоже.

Странно, но Катарина не испытывает обиды на мужа. Ей его даже жаль. Толстого. Запутавшегося. Некогда великого, но давно уже превратившегося в пародию на самого себя. Его боялись и в то же время презирали. А вот отца только боялись.

— Король должен был умереть много раньше, — Джио присела на край кровати. — Его рана в ноге, несмотря на все усилия целителей, то затягивалась, то вновь воспалялась. А еще он был весьма неумерен в еде и питье, что сказалось на сердце. Его печень была столь велика... впрочем, кому я рассказываю. Ты сама все знаешь.

Катарина вздохнула.

От мужа пахло. Кислым потом. Болезнью. Гноем. И еще чем-то, особенно неприятным. И запах этот вызывал тошноту, которую приходилось скрывать.

Хорошая жена должна любить мужа.

Восхищаться.

И принимать любым.

Стать хорошей женой у Катарины так и не получилось.

— Отец предложил ему не только деньги. Не обманывайся, богатых невест в Британии хватает... твой отец предложил исцеление. Не полное, нет. Но венец из желтых камней продлевал жизнь и снимал боль. Мы знали это точно, ибо именно этот венец и не позволил Дживасу продержаться три дня. Три треклятых дня. Тот зверь переломал ему хребет и вскрыл живот, вывалил внутренности. Он отступил перед моим огнем, но недалеко. И тогда Дживас, поняв, что умирает, попросил поддержать венец. Примерить перед смертью. Сказал, что, коль подыхать, то по-королевски. И твой отец не отказал. Тогда он еще думал, что умеет быть другом. Хотя это и не помешало ему переспать с женой Дживаса. Сказал, что если друг не знает, то и возражать не станет. Да...

Джио откинула одеяло и похлопала по кровати.

— Ложись давай, а то утро завтра будет ранним.

И Катарина послушно забралась в постель.

— Стоило его примерить, и Дживас перестал умирать. Отступила бледность. И он сказал, что ему больше не больно. Чудовищная рана на животе стала затягиваться. И даже черные кишки не были

тому помехой. Дживас запихал их внутрь... и на третий день поднялся. Понимаешь?

— Невозможно.

— Я бы тоже сказала, если бы сама не увидела. А на четвертый твой отец проломил ему голову камнем.

Джио поправила одеяло.

— Закрывай глаза...

— После всего?

— Можно подумать, ты ничего страшнее в жизни не слышала.

— Слышала, — вынуждена была согласиться Катарина. — И видела. К сожалению.

— Вот и я о том. Мне он приказал молчать. Думаю, если бы он не понимал, что без меня не выберется, он бы и мне. Потом приказ стал строже. Я не могла говорить о том путешествии... ни с кем, кроме него.

— Но...

— Он смешал нашу кровь. И связал жизни. А ты не давала ему никаких клятв. Да и кровь твоя... ты ведь его дочь, плоть от плоти... разница есть, но не столь и велика.

— Этот венец...

— Должен был исцелить Генриха.

— Но не исцелил, — Катарина нахмурилась. — Если ты говоришь, что он... а вместо этого...

Джио развела руками.

— Я не слишком хорошо разбираюсь в теории. Скорее всего дело в расстоянии. Мы не так далеко отошли от храма, когда Дживас попался тому тигру. Или изначальных сил хватало лишь на одно исцеление. Или в том, что камней вдруг осталась лишь половина?

— А...

— Другую он оставил безутешной вдове. И вовсе не из доброты, — Джио коснулась шеи, показывая, что клятва все-таки осталась, хотя и поизносилась изрядно. — Правда в том, что этому ублюдку снова повезло. Пусть Генрих не исцелился полностью, но боли перестали его беспокоить. До свадьбы он маялся подагрой так, что никто-то из целителей не мог облегчить его страдания. Да и мужскую силу он, поговаривали, утратил полностью, как и интерес к жизни. Все полагали, что ты станешь вдовой много раньше.

Но Генрих прожил пять лет.

Пять проклятых долгих лет, которые в памяти Катарины слились в один бесконечный день.

— Он зависел от отца... и поэтому... даже когда я оказалась в башне... его не казнили... — Катарина обняла себя, с трудом сдерживая дрожь. — И мой муж... отец понял, что от него наследника не дождется... и договорился с Джоном, так?

— Думаю, ты права.

— И Джон взял в жены мою сестру, но не сразу... нет... отец умеет планировать, верно?

Джио склонила голову.

— Думаешь, он... знает, где я?

— Не знаю. Действительно, не знаю, девочка моя. Но не бойся. Я не позволю ему тебя обидеть.

Катарине очень хотелось бы верить.

Очень. И она послушно закрыла глаза. Возможно, ей повезет с ночью без снов. Они не слишком-то жалуют грозы.

В гостевых комнатах было сыро, прохладно и пахло болотом. И главное, Кайдэн не мог понять, появился ли этот запах в силу общей неустроенности дома, или же его принесли те, кому в доме человеческом делать было нечего. Он трижды обошел комнату, не поленился отодвинуть

массивный комод, заглянул под кровать, потревожив крупные клубки пыли, сунулся в старый шкаф, дверцы которого отчаянно заскрежетали.

— Успокойся, — Дугласу досталась соседняя комната, стену которой помимо пары батальных полотен украшали весьма живописные разводы плесени.

— Пахнет!

— Еще как пахнет, — он слегка оперся на комод, но вовремя убрал руку.

Почти вовремя.

Комод все-таки хрустнул, покачнулся и медленно, не теряя достоинства, поехал влево. Правда, тут же был остановлен Дугласом.

— Что смотришь? Помогай.

— Чем? — Кайден заглянул под комод, отметив, что две из четырех ножек отломались и не факт, что сейчас. — Погоди...

Он обломал оставшиеся, и комод грохнулся на пол.

— Нехорошо, — Дуглас вытер ладони о шторы, ни ладони, ни шторы не стали чище, впрочем, как и грязнее. — Имущество чужое портить.

— Нехорошо, — согласился Кайден. — Но мне здесь не нравится.

— Домой вернемся?

— Гроза же.

— Это ты своей златовласке рассказывай, как гроз боишься, — Дуглас отодвинул тяжеленную портьеру и чихнул. — Воняет здесь и вправду изрядно. Дом лет десять как не проветривали, если не больше...

Кровать он сперва рукой проверил, после все-таки решился присесть.

— Я тут с магом побеседовал. Молодой, но из простых, сила есть, а связей не хватает, вот и не нашлось места в столице. Да и тут к нему приглаждаются пока. Очень нашей хозяйкой восхищался.

Кайден застыл, пытаясь вспомнить, как выглядит этот самый маг.

— И красива, и робка, и тиха, и в магии понимает.

Ветер попробовал на прочность окно. Стекла в нем потемнели от времени, а рамы давно уж рассохлись, и потому окно это не выглядело хоть сколько бы надежной преградой.

— Что-то она ему присоветовала по рунным потокам, да... — Дуглас наблюдал за подопечным, который, опустившись на четвереньки, старательно обнюхивал стену. — А вот тетушка ее магу не понравилась.

— Мне тоже. Ни она... ни эти...

Кайден прижался щекой к полу. Доски. Паркет был дубовым, а потому сохранился вполне себе неплохо. Его бы отчистить, отполировать и снова оживет. А что поскрипывает слегка, так это характер такой.

— Верю. Ты им тоже не больно по душе.

Кайден фыркнул.

Еще бы.

Он тогда хорошо Кевина в дерьмо макнул. От всей широты души. И братцу его досталось, хотя тот всегда проявлял похвальную сдержанность, под руку не лез, но в тот раз не удержался.

— Сами виноваты.

— Никто не спорит. Но ты же понимаешь, что люди в целом более склонны верить другим людям.

— Я тоже теперь людь. Иногда.

— Вот именно, что иногда, — тяжело вздохнул Дуглас. — По всему у парней к кухне интерес весьма определенного склада. И с полного одобрения их матушки.

Интерес Кайден тоже заметил. Он выполз из-под кровати, где пахло уже не столько болотом, сколько пылью, и запах был едким, раздражающим.

— Руки переломаю.

— Верю. Но надеюсь, что ты сдержишься. Подумай хорошо.

— О чем?

Кайден сел на пол, по которому тянуло холодным ветром. Сквозняк крался к двери, которая закрывалась весьма неплотно.

— Не сделаешь ли ты хуже.

— Кому?

— Девочке этой.

— Чем? — Кайден нахмурился. Он никому не делал хуже. Он вообще не обижал своих женщин. И подарки им дарил.

И ей тоже подарит.

Когда найдет подходящий.

Дуглас же вздохнул, потер щеку и сказал:

— Ты ведь не собираешься на ней жениться, так? Как обычно, поиграешь, а потом любовь пройдет и все, отыщешь себе новую игрушку. А с ней что будет?

— Что?

— Понятия не имею. Я у тебя спрашиваю. Чтобы ты подумал. Она чужая здесь. Ни друзей, ни знакомых, ни связей, которые закроют рты. О вашем романе скоро станет известно в городе. И будь уверен, ее в отличие от других, щадить не станут. Обсудят и осудят со всех сторон.

Кайден заерзал.

— И эта стервочка Луиза, если я хоть что-то в людях понимаю, все силы приложит. Нет, пока ты с ней, будут помалкивать, дураков нет. А потом?

— Я...

— Каждого не заткнешь.

Может и так, но если постараться...

— Нельзя убивать людей из-за слов. И калечить тоже нельзя. Тем более, если говорят правду и не о тебе. Так что пойми для начала, репутацию девочке ты изрядно подпортишь. А значит, нормального мужа она не найдет.

— Зачем ей вообще муж? — Кайден нахмурился и встал-таки, потому как на полу воняло уже не столько болотом, сколько кошачьей мочой. И кажется, этот вот ковер, несколько протертый и местами даже слегка поеденный молью, хранили вовсе не в сундуках.

— Семьи ради. Дети там. Жизнь тихая. Не дуйся, — Дуглас примиряюще поднял ладони. — За штаны я тебя держать не стану. Но раньше твои приключения и вправду были не во вред. А с ней нам жить рядом.

Стук в дверь избавил от необходимости отвечать, и потому Кайден эту дверь открыл с немалой радостью, чтобы нос к носу столкнуться с человеком, которого он видеть не желал.

— Вечера доброго, — Гевин изобразил поклон. — Мне вот подумалось, может, посидим, выпьем, выкурим сигару-другую?

— Со мной?

— Кевина матушка призвала, а одному как-то не так, что ли... заодно поговорим. Вспомним прошлое.

И Кайден оскалился во все зубы. То прошлое, в котором он совал Гевина в бочку, где бродило конское дерьмо, он был готов вспоминать с немалым наслаждением.

Глава 19

В курительной комнате было темно, сыро и холодно. Влажно хлюпнул ковер под ногами. Заскрежетало старое кресло, отодвигаемое Гевинем. И единственный огненный камень задрожал, намекая, что сил в нем осталось не так и много.

Кайден коснулся поверхности его и поморщился: камень покрывала тонкая липкая пленка пыли.

— Я помню этот дом другим, — Гевин развернул и столик, так, чтобы видеть и окно, и дверь. — Более живым, что ли...

— Вы давно здесь не появлялись.

— А с чего бы? — он покачал столешницу и, убедившись, что столик не собирается рассыпаться, водрузил на него бутыл. — Нас здесь не особо жаловали.

— Может, потому что вы вели себя как два засранца.

К бутылки прибавились бокалы и плоская коробка с сигарами.

— А то ты лучше был.

— Не лучше, — вынужден был признать Кайден. — Что вам здесь нужно?

— Деньги, — Гевин сам наполнил бокалы. — Мой братец нервничает. Ему кажется, что все кончено, что ты заморочишь нашей сиротке голову и увезешь в закат, и ладно бы только ее, но ведь и наследство тоже...

Бренди. Темный. Выдержанный. Неплохой, судя по тонкому букету ароматов, но Кайден все одно не притронулся.

— Думаешь, отравлю?

— Думаю, что на меня алкоголь дурно влияет, — а вот нюхать его Кайдену нравилось.

— Тогда да...

— А наследство большое?

— Несколько миллионов.

— Изрядно, — оценил Кайден. — И ты не боишься... вот так...

— Не боюсь, — Гевин вытащил тонкую темную сигару. — Нам уже не по десять лет, ума прибавилось. Надеюсь.

— И я надеюсь.

Дым поднимался к потолку, который казался темным, почти черным.

— Значит, вы хотите жениться на Катарине?

— Не сказать, чтобы особо, но последние годы были не так, чтобы удачны для торговли. Я предупреждал отца, что не стоит покупать те акции, но... увы, увы... потом связался не с теми людьми и стало совсем плохо. Корона готова простить дурака, только, сам понимаешь, стоит прощение немало. Ко всему матушка не желает сокращать расходы. Привыкла считать себя первой дамой нашего захолустья, а теперь и на столицу нацелилась. Братец просто бестолочь. Ему интересны лишь карты и скачки.

Терпкий запах дыма заполнял комнату.

И теплее стало.

И кристалл, напоенный силой Кайдена, разгорелся. В бледном свете его лицо Гевина казалось тоньше, изящней. Женщинам такие лица нравятся.

— А ты, выходит, без греха?

— Кто здесь без греха? — хмыкнул Гевин. — Я люблю удобную жизнь. Тех же лошадей. Или вот своего портного... хорошего портного найти ничуть не проще, чем толкового сапожника. Мне нравится интересное оружие. А еще искусство... ты не представляешь, сколько всего интересного привозят из колоний. У меня неплохая репутация сложилась, да...

Он прикрыл глаза.

— И я подумал, что в целом вариант неплохой. Она не так молода, чтобы в голове осталось место для всякого рода любовной ерунды. Но и не так стара, чтобы не выносить ребенка. Не уродлива, пусть и не совсем в моем вкусе.

Кайден заставил себя вернуть стакан на стол.

И руки за спину убрал.

Так оно надежней. Нельзя убивать людей просто так... или не просто так, но всяко повод должен быть более веским, чем обыкновенный разговор.

— Сдержана. Неплохо воспитана. И в столицу, что характерно, не рвется.

— А это плюс?

— Мне в столице делать нечего. Но матушка огорчится, да... хотя я не собираюсь позволить ей лезть в мою жизнь.

— Ты уже все решил?

— Кому-то надо, — Гевин пожал плечами. — Я многое о тебе слышал. Ты в чем-то похож на моего брата. Не способен усидеть на одном месте. Сегодня здесь, завтра там... контрабандные тропы перекрыл к огорчению многих достойных людей.

— Сейчас расскажешь.

— Не стоит. Но во многом благодаря тебе стало спокойней. И за это другие достойные люди тебе благодарны. Но дело не в том. Ты не женишься в ближайшем будущем. Такой уж характер. И деньги тебя не соблазнят. У тебя собственных хватает. Да и... сколько тебе в позапрошлом году предлагали за малую услугу? С четверть миллиона...

— Не такую уж малую.

История была... неприятной. И закончилась кровью, отчасти даже его, Кайдена. Рана в плече, помнится, затягивалась долго, чем несказанно злила.

— Да ладно, всего-то нужно было не совать свой излишне длинный нос на чужие корабли... но мы ведь не о том, верно? Мы о Катарине, которая для тебя интерес представляет, но отнюдь не матримониальный, — Гевин покачал бокал, и бренди расплзлось по дну его желтоватой лужицей. — Она достаточно ярка, чтобы привлечь твое внимание, но вот удержать... и нас ждет роман.

— Нас?

— Кевин придет в ярость, что мне на пользу. Ничто так не обнажает истинный характер мужчины, как ревность, — он поднял бокал. — Матушка оскорбится. А я пойму... и не только пойму. Я отступлю, чтобы вернуться, когда она тебе надоест. И когда поймет, что свадьбы ждать не стоит, что существа, подобные тебе, для семейной жизни не созданы.

Кайден сцепил пальцы, и заставил себя улыбаться.

Улыбаться и думать о хорошем.

О том, что в его поместье до сих пор стоят бочки, в которые собирают конское дерьмо, чтобы, залив водой, оставить его бродить. Хорошие бочки. Крепкие. И достаточно большие, чтобы влез этот напыщенный индюк.

— Злишься? Поверь, ты мне будешь благодарен. И она тоже. Я умею утешать несчастных женщин. Возможно, мы даже будем счастливы.

А если не в бочку?

Болото ведь рядом... и вряд ли кто найдет, если завести подальше и притопить поглубже.

— Полегче, — со смешком произнес Гевин. — Мы ведь сошлись на том, что выросли.

— Зачем ты мне все это... рассказываешь?

— Чтобы ты знал. Я не собираюсь тебе мешать. И ей тоже.

— А если я захочу жениться?

— Назло мне? — тонкая бровь приподнялась. — Поверь, нет мотива хуже. Да, наследство ты получишь, а с ним и жену, которая вряд ли будет снисходительно смотреть на твои приключения. Особенно те, которые с другими прелестными дамами. А значит, неизбежны слезы, скандалы, упреки. Ты станешь сбегать из дома. Она злиться. Кому это надо?

Самое поганое, что и он, и Дуглас были правы. И от этого в душе кипела обида. Неужели он, Кайдэн, в самом деле настолько предсказуем?

Бестолков?

— Она будет жаловаться твоей бабушке, та упрекать тебя, а заодно выговаривать, что следовало бы найти другую жену, поговорчивей. И более родовитую, да...

Он вернул бокал на стол. И сигару погасил. Убрал остатки, смахнул пепел на пол. Потянулся.

— И еще. Я попытаюсь удержать матушку и брата, но, боюсь, в данном случае мои советы могут быть не восприняты. Кевин всегда отличался несдержанностью. Но он мне все-таки брат. И надеюсь, ты вспомнишь об этом, когда решишь от него избавиться.

Камень мигнул, и на долю мгновенья воцарилась темнота, такая невероятно хрупкая, какая бывает лишь на границе миров. Прислушайся, и услышишь, как тихо шелестит мертвый песок, а затем, к этому звуку, едва уловимому, но все же явному, добавляются иные.

Скрежет когтя по стеклу.

Хруст этого самого стекла, которое того и гляди рассыплется, выпуская тварей с той стороны. Скрип конечностей и влажноватое чавканье.

Пахнуло... той стороной.

И все вдруг оборвалось.

— Конечно, — Кайдэн закрыл глаза, пряча тьму, что готова была выплеснуться, то ли затем, чтобы защитить, то ли для того, чтобы сожрать. — Я буду помнить...

Почудилось, что ноги коснулось что-то твердое.

Панцирь?

Хвост?

Или...

— Вот и хорошо. Твое здоровье, — Гевин поднял бокал. — И что бы ты себе там ни надумал. Я действительно могу стать неплохим мужем.

Кайдэн ему поверил.

Почти.

Утро после грозы выдалось солнечным, ярким. Блестела зелень плюща, который, казалось, за ночь подрос и того и гляди перевалится в комнату, пустит тонкие побеги по стенам, укрывая жалкие их под нарядным глянцем листвы.

Пахло весной.

И черемухой. И кажется, самую малость сиренью, хотя ее-то Катарина в саду и не видела. Она села на кровати и потянулась, и рассмеялась, до того вдруг легко и хорошо стало на сердце. И тотчас замолчала, напомнив себе, что столь открытое проявление чувств неприлично.

И отбросила эту глупость.

Правда, тут же вспомнился труп, и тетушка, и гости, и... в общем, солнце поблекло, чудо исчезло, как и желание выбираться из теплой кровати. Катарина даже легла и подтянула одеяло под самые глаза. Правда, хватило ее ненадолго: под одеялом было жарко и влажно, и пахло оно так себе. Вот странность. Во дворце перины и пуховые одеяла постоянно проветривали, порой оставляя на день жариться под солнцем, чистили артефактами, перетряхивали и перебирали, зашивали в уголки лаванду, но от запаха это все одно не спасало.

— С добрым утром, — ныне мьесс Джио выбрала платье алое, как огонь. Цвет, если подумать, совершенно неприличный для женщины ее возраста и положения, но ей платье шло. Оно подчеркивало и удобу, и отсутствие груди, что, как ни странно, недостатком не казалось, и

смуглость кожи. На шее сияли алым рубины.

Высокую прическу украшало перо.

А на щеке появилась мушка.

— Зачем? — поинтересовалась Катарина, тронув собственную щеку. Мушки еще до ее появления во дворе вышли из моды. Хотя Генрих упорно продолжал их использовать, то ли надеясь таким образом стать краше, то ли просто по привычке.

— Не идет?

— Идет, — вынуждена была признать Катарина. — А чулки опять черные?

— Обижаешь, — Джио задрала юбки. — Золотые. И тебе рекомендую.

И подала, что эти самые золотые чулки, которым место во дворце, и подвязки, расшитые мелкими топазами.

— Я не собираюсь... — Катарина покраснела, потому что подобного рода повязки надевала лишь для мужа.

— Ты, может, и нет, — Джио повертела подвязку, позволяя разглядеть вышитых на ней пчел. — Но за других я не поручусь.

Еще были с маками.

И с колокольчиками, которые шли в паре с такими же чулками из голубого шелка.

— Это... это... — Катарина выхватила подвязки. — Это непозволительно. Вот. И нельзя обо всех думать... так думать!

— Хорошо, буду думать этак, — согласилась Джио. — А цветок от кого?

И только сейчас Катарина заметила на подоконнике розу. Молочно-белую, столь совершенную, что казалась она ненастоящей. Но стоило коснуться теплых лепестков, и роза раскрылась.

— Мило. Но решетку в перспективе мы поставим. На всякий случай.

— Ваза нужна... — Катарина вдохнула чуть тяжеловатый сладкий аромат. — Это ведь не из нашего сада?

Конечно.

У них шиповник есть, красный и белый, но одичавший, а вот розы, если когда и имелись, давно исчезли. За розами ухаживать надо. И... и Катарина не сказать, чтобы их любила, ей скорее было жаль роз, как жаль и крохотных райских птиц, не способных жить вне клетки.

Она прижала цветок к груди. А Джио вздохнула.

— В другой раз дождись, пока я проверю. А то мало ли...

Катарина кивнула.

Мало ли... как-то ее пытались отравить. Нет, пытались ее отравить не один раз, но именно тогда едва не получилось. Ткани прислали.

Шелка.

И атлас. И тяжелый муар, что меняет цвет в зависимости от освещения. Расшитая золотом парча. Великолепный бархат, прикосновение к которому завораживало. И Катарина заворожилась. Она сидела, гладила эту ткань, восхищаясь ею, удивляясь тому, что та меняет цвет, становясь ярче и ярче. И последнее, что она запомнила — собственное желание узнать, получится ли сделать цвет алым.

Джио успела.

И была рядом, когда Катарина очнулась. Она не стала выговаривать или упрекать, как отец, не хмурилась, как Генрих, всем видом показывая, что от своей избранницы он ждал большего ума. Она просто дождалась, когда уйдут все, и, забравшись в постель к Катарине, обняла ее. Так они и лежали целый день.

— Извини, — Катарина не без сожаления вернула розу на столик.

— Магии в ней нет, но и без нее хватает всякой дряни, — Джио погладила цветок, закрыла глаза и ноздри ее чуть дрогнули. — Но это не тот случай. Владей на здоровье...

Розу Катарина оставила на своем туалетном столике. Подумала, что, будь она посмелее, пристроила бы в прическу. Но... это было слишком уж вызывающе.

Глава 20

Тетушка Лу мрачно рассказывала в холле, а Кевин — определенно, Кевин, уж больно растерянное у него выражение лица, — ходил следом за ней. Держался он в паре шагов, но все одно ходил.

Влево.

И вправо.

— Доброго утра, — сказала Катарина почти искренне, потому что утро и вправду казалось добрым.

— Как ваше здоровье?

— Уже много лучше, — тетушка коснулась лба и болезненно скривилась. — Я с трудом переношу перемены погоды...

— Понимаю, — согласилась Джо. — Возраст. От него не уйти.

На щеках тетушки Лу вспыхнули алые пятна.

— Может, все-таки целителя пригласить? — спросила Катарина больше для порядка.

— Не стоит, — отмахнулась тетушка. — Дорогая... я должна серьезно с тобой поговорить. Безотлагательно...

Говорить с тетушкой не хотелось совершенно, но ведь не отстанет. Жаль, что нельзя просто отписать им часть наследства. Правда, Катарина подозревала, что часть их не устроит.

Ей уже встречались люди, которым всегда было мало.

В ближайшей гостиной было... мокро. Вода, пробравшись за стекло, расползлась по подоконнику, чтобы спуститься тонкими струями. Лужа растянулась вдоль стены, добравшись и до старенького ковра.

— Дорогая... это приватный разговор, — тетушка Лу покосилась на Джо, которая делала вид, что больше всего на свете ее интересует темное пятно под потолком. А ведь и вправду интересует. Крыша-то ладно, крышу отремонтировать еще предстоит, но вот это пятно говорит, что дело не только в крыше.

Трещины в стенах не затянулись.

— Джо останется, — Катарина не без опаски опустилась в кресло. — Поэтому говорите смело.

— Господи, дай мне сил... — тетушка сложила руки в молитве. — Деточка... некоторые вопросы должны решаться внутри семьи.

— Джо мне как сестра.

Тетушка Лу фыркнула, показывая, что она думает по поводу подобного родства, но все же сдалась.

— Это... касается нашего соседа... конечно, Теодор может показаться весьма достойным молодым человеком...

Катарина сперва не поняла, о каком Теодоре идет речь.

— Но ты же помнишь, что я рассказывала тебе... — тетушка Лу мяла кружевной платочек, и движения пальцев ее были столь нервны, что казалось: она того и гляди растерзает этот несчастный клочок ткани. — Его мать... повела себя недостойно. Его отец и вовсе был нелюдем.

— Не понимаю.

— Милая, — она порывисто вскочила. — Я видела, как ты на него смотрела...

Когда, интересно? За ужином тетушка отсутствовала, зато... присутствовал Кевин? Он у двери встал, к стене прислонился, что сделал, конечно, зря, ибо стена была грязновата и мокровата, а дублет у него светлый.

— Он совершенно неподходящая компания для юной девушки...

— Не столь уж я юна.

— Ах, оставь. Ты молода и хороша собой. Состоятельна. Ты легкая добыча для любого мерзавца.

— Думаете? — Катарина старательно округлила глаза, подражая Лорелии, которая имела обыкновение выражать подобным образом восторг.

Испуг.

Восхищение.

Обществу нравилось. И тетушка тоже подалась вперед, выдохнув почти в лицо.

— Конечно!

— И полагаете, что он тоже... — Катарина дважды взмахнула ресницами и округлила глаза еще больше. А оказывается, это не так и просто. Левый моментально зачесался, а правый заслезился.

— Естественно! Ах, милая, ты так еще наивна... — тетушка завладела ладонью Катарины. — Пусть он и богат, но... мужчинам его толка от женщин нужно лишь одно.

— Что?!

— Невинность, — громким шепотом произнесла тетушка. И тут же сама сообразила, что ляпнула глупость. Я имею в виду... невинность души... разума... репутации.

— А это как?

Катарине даже не пришлось изображать любопытство. Ей и вправду было интересно.

— Это... это... это очень сложно. Просто поверь мне, он уничтожит твою репутацию. И ты никогда не найдешь себе мужа, — это тетушка произнесла с горестным вздохом, долженствовавшим обозначить всю глубину трагедии.

— Ужас какой, — сказала Катарина, впрочем, весьма спокойно. Перспектива провести остаток жизни без мужа ее не то, чтобы не пугала, скорее даже вдохновляла.

— Именно, дорогая... именно... я не представляю, как это существо вообще допустили к людям! — истерзанный платочек прижался к левому глазу тетушки Лу. Правый же смотрел внимательно, оценивающе.

— Думаете, стоит подать жалобу?

— Кому? — удивилась тетушка.

— Не знаю... королю? — предположила Катарина.

— Зачем?

— Но ведь, если все обстоит так, как вы говорите, мы должны что-то сделать... защитить невинность... репутаций.

— Чьих?

— Всех, — решительно сказала Катарина. И поднялась. — Думаю, вечером мы с вами составим петицию. У нас, в колониях, очень любят составлять петиции. Главное, изложить все факты. Имена опять же...

— Чьи?

Тетушка смотрела снизу вверх и казалась растерянной.

— Опороченных дев. И свидетельства. Всенепременно понадобятся свидетельства. И свидетели. У вас они есть?

Фыркнула Джио, явно сдерживая смех.

— Но... это же невозможно!

— Почему? — Катарина чувствовала себя замечательно. — Нет ничего невозможного, я вас уверяю. Нужно просто постараться и понять, что значит для вас гражданский долг.

— Хватит, — тетушка поднялась. — Я вижу, тебе все это кажется смешным, но попомни мои слова. Когда ты останешься совершенно одна... лишенная семейной поддержки, отвергнутая обществом...

...Катарина вздохнет с немалым облегчением.

Одиночество давно уже перестало ее пугать.

Завтрак проходил в сосредоточенном молчании.

Луиза, которая за прошедшие годы изменилась мало, разве что стала несколько толще, мучила пудинг. Кевин, усаженный по правую руку матери, сердито буравил Кайдена взглядом, правда, не забывая есть. А ел он слишком уж много для человека, казалось, вовсе не замечал того, что находится на тарелке.

Гевин вот держался отстраненно, он и место-то выбрал в конце стола, откуда и наблюдал за происходящим. И судя по улыбке, увиденное ему доставляло немалое удовольствие.

Маг склонился над тарелкой, соусом вырисовывая одному ему понятную схему. А если и голову поднимал, то лишь затем, чтобы обвести комнату рассеянным взглядом. Дуглас рассматривал мьесс, которая тоже делала вид, что все-то ей не интересно и даже скучно. Разве что не зевала. А вот сама Катарина улыбалась.

Кому?

Не Кайдену. И это злило. Несказанно злило.

— К слову, не хотите ли рассказать, чем на самом деле занимаетесь? — Кевин, наконец, соизволил открыть рот. — Помимо поросят...

— Да так... всем понемногу.

— Королевский дознаватель он, — лениво произнес Гевин.

— Ужас какой! — живо воскликнула Луиза.

— Почему ужас? — Дуглас удивился.

А вот Катарина перестала улыбаться. И посмотрела... со страхом? Это она из-за трупа переживает? Кайден заерзал. И вот как быть? Прямо не скажешь, что труп ее волнений не стоит, потому что Кайден вообще об этом трупе знать не должен.

— Я слышала, что королевские дознаватели — кошмарные люди!

— Только если вы закон нарушаете.

В пухлых руках раскрылось полотнище веера, который затрепетал, тревожа тонкие веточки петрушки, что торчали по-над серыми комками мяса. Блюдо это было столь странно, что никто из сидящих за столом не рискнул его попробовать.

Луиза воздела очи к потолку.

— Ах... они творят такое... такое... грубы, невоспитанны... и всецело преданы короне.

— А кому еще? — поинтересовался Кайден и, дотянувшись до петрушки, которой украсили только эти вот серые комки неаппетитного вида, вытащил веточку.

Катарина прикусила губу.

— Мы служим короне. И закону.

— Но что, если интересы короны расходятся с законом? — тихо поинтересовалась Джо и голову склонила, а огненное перо, торчавшее из темных ее волос — ощущение, что в прическе похоронили птицу — качнулось.

— Тогда приходится выбирать.

— И что лично выбрали бы вы?

— Понятия не имею, — Кайден сунул петрушку в рот. — Я не могу судить о том, с чем не сталкивался. Это было бы весьма опрометчиво. Но думаю, все зависело бы от ситуации.

— То есть, ваша верность не абсолютна? — поинтересовался Гевин, не скрывая насмешки.

— Ничья верность не абсолютна, — Кайден петрушку разжевывал тщательно, как бабушка учила. — Даже кровная клятва оставляет... вариации. Скажем так.

Луиза сложила веер и посмотрела на него новым взглядом. Нехорошим взглядом. Будто впервые увидела и поняла, что именно этот, прежде казавшийся ничтожным человек, может быть ей

интересен.

— И что вы делаете в этой глуши?

— Здесь не такая и глушь, — Дуглас подвинул блюдо с серым мясом и решительно ткнул в ближайший комок вилок. Не проткнул. Нахмурился. — Это лишь кажется, что мы находимся далеко от крупных городов, а на самом деле Бристон лежит на пересечении торговых путей. Здесь до побережья пара десятков миль. А при том, что само побережье на редкость своенравно, то широкое русло Тайры выглядит весьма удобным убежищем. Корабли спускаются до Бристона, перегружаются и отправляют товары дальше по всей Британии. Кто морем, кто сушей.

— Интересно, — Луиза наблюдала за попытками Дугласа распилить мясо. Если это было мясом.

— А где торговля, там и деньги. В Бристоне хватает посредников, перекупщиков. Множество торгового люда вершит свои дела. Скажем, та же «Британо-индская компания» держит свое представительство, пусть небольшое, но сделки там проворачиваются весьма серьезные.

Гевин слегка склонил голову.

Слушает.

И Катарина тоже. Она сидит ровно и неподвижно, отчего кажется неживой, и Кайденом испытывает огромное желание дотянуться до медовой ее косы и дернуть. Просто так.

А потом улыбнуться.

И сказать, что все хорошо, что он никому и никогда не позволит Катарину обидеть.

— И вы наблюдаете? — уточнила Луиза мягким вдруг голосом.

— Присматривает, — ответил за Кайденом Дуглас. — Сами понимаете, искушение велико. Всегда найдется человек, которому покажется, что жизнь его обделяет и что следует пользоваться возможностями, да... и получается, что пропадают порой грузы. Или вот разбойники появляются. Впрочем, разбойники — это так, мелочи.

Луиза наклонилась, почти легла на стол, и веер слегка прикрыл пухлую ее грудь.

— А вам... доводилось убивать.

— Да, — вопрос был неприятен.

Женщины — существа парадоксальные. Они любят победы и победителей, но почему-то огорчаются, когда кто-то умирает, пусть даже этот «кто-то» и заслуживает смерти.

— И... как это?

— В каком смысле? — уточнил Кайденом. — Когда как. Часто — грязно. В людях много крови.

— И мяса не меньше, — Джио дотянулась до блюда, впиалась острыми когтями в мясной ком и сунула его в рот. Ненадолго пасть ее растянулась, затем губы сжались, а щеки надулись.

Один глоток.

И улыбка, от которой у Кайденом мурашки поползли по спине. Кажется, не только у него.

— Что? — Джио облизнулась. — Редко кто умеет готовить настоящий черный пудинг[1]... а уж чтобы выдержанный, так и вовсе... чудесно. Не возражаете?

— А в вас влезет? — поинтересовалась Луиза осторожно.

— Не сомневайтесь, — Джио подвинула блюдо еще ближе и закинула в рот второй комок. И вновь проглотила, не пережевывая. — Мне не так часто удается побаловать себя. Так чем вы сейчас занимаетесь, позволено будет узнать?

Кайденом вздрогнул и отвел-таки взгляд.

— Разбойниками, — сказал он, пытаясь понять, кто же все-таки прячется в теле хрупкой с виду женщины. И собственные догадки категорически ему не нравились. — Несколько караванов пропали. И грузы. И люди. Бесследно.

— А так бывает?

— Как видите, бывает.

Блюдо перед мьесс Джио стремительно пустело, а ведь она худощава даже для женщины.

— Уж не делом ли русского купца занялись? — прищурился Гевин. — Если у вас получится узнать, что с ним произошло, некоторые весьма уважаемые люди будут благодарны.

— И им в том числе.

— В том числе... — Гевин провел пальцем по скатерти, которая пусть и выглаженная, хранила на себе следы предыдущих пиров. — В том числе, стало быть...

— А вам что-либо известно?

Близнецы не нравились Кайдену оба, особенно старший, что, откинувшись на кресле, разглядывал Кайдена весьма задумчиво, явно решая, стоит ли с ним делиться информацией.

— Думаю, — все же произнес он. — Это не та тема, которую следует обсуждать за завтраком. Если не возражаете, я загляну к вам в гости.

— Буду счастлив, — получилось почти искренне.

[1] Национальное ирландское блюдо, основным компонентом которого является свежая кровь.

Глава 21

В саду пели птицы.

Как-то уж очень интенсивно пели, будто желая отвлечь Катарину от скорбных мыслей ее, но не получалось. Она отмахнулась от излишне назойливой пчелы и спросила:

— Что за представление ты устроила?

Джио, которая шла сзади, в двух шагах, чтобы не слишком близко, но и не далеко, пожала плечами.

— Тебе не понравилось? Ты же сама сказала, что я не человек.

— Сказала. Но ведь остальные...

— Некоторым стоило дать понять.

— Кому?

— Мальчишке этому, который на тебя пялился. И тетушке твоей. Она нелюдей недолюбливает.

— Может, у нее есть на то причины, — Катарина тронула ветку, усыпанную мелкими розовыми цветами.

— Может, — согласилась Джио.

— Так зачем это надо было?

— А не думаешь, что я просто... баловалась.

Катарина вздохнула и переступила через толстую корягу, что преградила путь. Та была темной и блестящей, напоминающей змею.

— Не думаю. Я давно поняла, что все твои поступки имеют какой-то смысл, пусть мне и не всегда удастся понять сходу, какой именно...

— Я люблю черный пудинг.

— Ты никогда не говорила.

— Зачем? — Джио пожала плечами. — Все одно при дворце его не умеют готовить правильно. А тут... считай, это было предупреждение.

— Для кого?

— Для всех. Для мальчишки, что решил, будто он здесь самый умный, для остальных тоже...

— Они ведь не в полной мере люди? Близнецы?

— Один. Второй человеческой крови.

— А Гевин?

— Почему не Кевин? — Джио остановилась у пруда, поверхность которого была затянута темной плотной ряской.

— Не знаю. Просто подумалось...

Над прудом плясали стрекозы. Они то спускались, касаясь черной воды, то поднимались выше, отпустив собственное отражение. Метались водомерки. Пахло тинной и землей.

— Но ты угадала. И у его матери действительно есть причины не любить тех, кто не принадлежит роду людскому, хотя, скорее всего, она просто не понимала, с чем связывается, да...

— Мне стоит его опасаться?

— Его? Нет. Он... не из тех, в ком кипит кровь. Скорее наоборот. Спокоен. Хладнокровен. Расчетлив. Но поэтому связываться не стоит.

Джио опустилась на траву и похлопала рядом.

— Платье вымажется.

— Постирают.

И верно. Земля не была холодной. Она словно очнулась после грозы и, напившись воды допьяна, дышала теперь летним теплом.

Парило.

И к вечеру опять след ждать дождя.

— Почему не стоит? Может, и вправду принять его предложение, если так, мы договоримся и этот брак не будет в тягость.

— Как и в радость.

— Я давно уже в радость не верю, — Катарина сорвала маргаритку. Когда-то она на них гадала. Любит, не любит... забудет... хорошо бы, если о ней все забудут.

— И глупая. Но нет, он заключит сделку. А потом новую, более выгодную. Конечно, он не бросит тебя, если сочтет, что ты больше не представляешь интереса и не приносишь выгоду, его племя славится тем, что держит слово. Но он с легкостью тебя убьет, если решит, что это проще, чем решать твои проблемы. Змей, что еще сказать. И потому даже родная мать... та, которую он полагает родной, его боится. Не заметила?

— Нет, — лепесток за лепестком Катарина отпускала на траву, пока в руках ее не остался голый стебелек с пушистым донцем.

— Вернее побаивается. И борется между своей жадностью и страхом. Здесь куда интересней, чем можно было надеяться.

— Рада, что тебе интересно, — и Катарина упала в траву. Она лежала, закинув руки за голову, разглядывая редкие облака, что ползли по высокому синему небу.

На стрекоз.

На Джио, которая задумчиво и сосредоточенно жевала стебелек.

— И что мне делать?

— А что ты хочешь?

— Не знаю. Наверное, ничего...

— Тогда ничего не делай.

— А может... мы в колонии уедем? Нет, серьезно? — Катарина повернулась на бок. — Смотри, если предположить, что отец все-таки знает, где я, то рано или поздно он заявится. Он не привык отпускать тех, кто может принести хоть какую-то пользу.

Джио величественно кивнула.

— А там ему всяко дотянуться сложнее будет...

— Ты не выживешь в колониях.

— Почему?

— Слишком красивая. И свободная. Или женятся силой, или продадут. Второй вариант вернее. А там... торговля красивыми светлокжими женщинами — весьма выгодное занятие.

Катарина вздохнула и призналась.

— Иногда мне хочется взять нож и срезать это лицо, — она провела пальцем от линии лба, по щеке и ниже. — Вот так. Тогда я буду страшна и никому не интересна.

— И мертва. Так, на всякий случай.

Разговор определенно свернул куда-то не туда. А все равно было хорошо. Тепло. Спокойно. И никто не спешил шептать, что королевам никак невозможно вот так валяться у пруда... и Катарина села, пораженная внезапной мыслью.

Она скинула туфли.

Стянула чулки, те самые, золотые. И подвязки тоже сняла. Юбки подняла и, подобравшись на

цыпочках к воде, коснулась ее пальцем. Холодная!

И просто ледяная.

Катарина отступила. И вновь коснулась. И рассмеялась, когда водомерки брызнули в стороны. Шаг. И еще один. И теперь она обеими ногами в воду влезла. И кажется, что ног у нее нет. Собственное отражение, несколько размытое, пляшется на Катарину из черноты, и вовсе не кажется сколь бы то ни было красивым.

— Простудишься, — заметила Джо.

— Она теплая.

Первый холод прошел, сменившись тем самым томным теплом хорошо прогретой воды. А дно оказалось мягким, что ковер. И даже мягче ковра. Ноги в нем вязли, но не сильно.

— Там может быть глубоко... — Джо села.

— Я... попробую... — Катарина вытянула ногу и попыталась нащупать дно. Получилось. И вряд ли пруд в саду стали бы делать глубоким. Напротив, он столько лет зарастал, что почти уже и зарос.

И значит, Катарина может его пересечь.

Вот так.

Босиком.

И с задранными юбками. Безобразие какое! Какое великолепное безобразие. Катарина перехватила юбки, подняв их еще выше, кажется, колени и те обнажились, благо, местным стрекозам не было никакого дела до колен Катарини. Они металась вокруг, будто пытаясь отогнать наглую человечку.

Пруд становился глубже.

И глубже.

И наверное, стоило отступить, но Катарина столько раз отступала и уступала, что вдруг совершенно по-детски заупрямилась. Она задрала юбки еще выше и, как обычно, попыталась нащупать дно, чтобы сделать следующий шаг.

— Катарина! — этот громкий голос заставил вздрогнуть.

Метнулись стрекозы.

Что-то несильно ударило в лоб, и Катарина вскинула руку, пытаясь защититься, но вместе с тем вдруг потеряла равновесие. Она попыталась устоять, чувствуя, что заваливается набок, и ногу поставила, только дно, еще недавно бывшее пологим, гладким, куда-то подевалось. Нога провалилась в яму, и Катарина с коротким писком рухнула в воду.

Она ушла с головой. И темная жижа полилась в рот и нос, залепила глаза, уши. На долю мгновенья Катарина растерялась, всполошенно забилась, пытаясь вырваться из водяного плена. Юбки миглом пропитались влагой, спеленали, грозя уволочь на дно.

А воздух закончился.

Почти.

Катарина распрямилась и сделала вдох.

Закашлялась и снова рухнула, потеряв с трудом обретенное равновесие. И уже со злости мысленно прошипела пару слов. Как ни странно, паника отступила. И у нее получилось опереться на дно руками и ногами. Вот так... пальцы, правда, запутались в каких-то водорослях, но ничего, на берегу Катарина от них избавиться. Она поднялась, чихнула и ладонью стерла с лица грязную воду.

— Ужас какой... — привычно сказала тетюшка Лу перед тем, как лишиться чувств. Кевин едва успел подхватить матушку. А Гевин, шагнувший в сторону, будто не желал он иметь дела ни с обмороком, ни с родственниками, задумчиво произнес:

— Позволю себе заметить, что для купания еще немного рановато...

— Я тренируюсь, — сквозь зубы процедила Катарина.

Выглядела она... и думать нечего. Выглядела она отвратительно. Волосы мокрые и грязные. Лицо... тоже грязное. Одежда висит тряпьем и, кажется, в декольте что-то трепыхается, то ли рыба, то ли

жаба. А треклятые водоросли тянут руку Катарины ко дну.

Она тряхнула, пытаясь избавиться от них, но не вышло.

— Да что за...

Не водоросли.

Точнее на первый взгляд это на них и походило, тонкие темные нити, что оплели пальцы Катарины, будто цеплялись за них, как за последнюю надежду. Нити тянулись ниже, прирастая к комку чего-то грязного и уродливого настолько, что Катарина не сразу поняла, что именно вытащила.

А поняв, сглотнула.

И выпрямив спину — голова, подумаешь, всего-навсего голова, пусть и слегка объединенная рыбами, но совершенно безопасная — шагнула вперед.

— Кажется, — она даже нашла в себе силы улыбнуться Гевину, который стоял, скрестив руки, и наблюдал за Катариной. И как-то сразу становилось очевидно, что помогать он не станет. Нет, если Катарина попросит, то и не откажет... — Нам все-таки не помешает королевский дознаватель.

Голова держалась за руку прочно, и только остатки зубов поблескивали.

Они и камни в волосах.

Ярко-желтые до боли знакомые алмазы, которым в этом захолустье делать было совершенно нечего.

— Не помешает, — Гевин слегка наклонил голову и подал-таки руку. — Если вы не возражаете, я пошлю кого-нибудь...

— Что вы, это будет весьма любезно с вашей стороны.

А пальцы у него все-таки теплые, живые. И смотрит с насмешечкой, но не обидно.

— Рад оказать вам услугу, пусть и столь незначительную...

— Весьма обяжете, если... — Катарина протянула руку, с которой свисала голова. — Мне несколько неудобно просить вас о подобном, однако самой мне не справиться...

— Пустяки. Рад буду помочь. Но пока позвольте...

Гевин снял джеркин и небрежно набросил его на плечи Катарины.

— Здесь несколько прохладно.

— Благодарю за заботу.

— Не стоит.

Тетушка Лу приоткрыла один глаз и, убедившись, что ни Катарина, ни голова никуда не пропали, вернулась в обморок. Кевин же, уложив матушку на берегу, отряхнулся и спросил:

— Что это такое?

— Голова, — Гевин весьма ловко распутывал волосы, проявляя при этом немалую осторожность. И было не понятно, что именно он опасается повредить — пальцы Катарины или голову.

— Я вижу. Чья?

Голову все же бережно положили на траву, и Гевин присел рядом.

— Судя по зубам, человеческая. Женская. Обратите внимание на надбровные дуги. Определенно человеческая, уж больно форма характерная.

Он повернул ее боком и провел пальцем по темной плоти.

— Лежит довольно давно, но воды здесь... да, слишком кислые, вот разложение и замедлилось. Бывает в болотах тела вовсе мумифицируются. Презанятнейший процесс. Джио, не будет ли наглостью с моей стороны просить вас проводить Катарину к дому? Ей явно следует согреться.

Катарина поняла, что ее трясет, и отнюдь не от страха. Мокрая одежда прилипла к телу, и теперь весьма активно тянула тепло. Отчего Катарину сотрясала мелкая дрожь.

Джио поднялась.

— Будет, — сказала она. — Но я тебя прощаю.

Гевин отвесил низкий поклон. И в нем не было и тени насмешки.

— Брат, тебе не кажется...

— Заткнись, — это было сказано холодно. — И будь добр, загляни к нашему соседу...

...уже «нашему»? С каких это пор?

— Знаешь, — Джио подхватила Катарину под руку и потащила за собой. — А ведь я могу и ошибаться... немного усилий, и муж из засранца получится неплохой. Правда, не уверена, что его хватит надолго.

Катарина поплотнее запахла джеркин.

Как она может говорить о мужьях, когда Катарина в пруду нашла чью-то голову? Женскую. И с алмазной тиарой в волосах. Пожалуй, это и было самым странным, если подумать.

Что это?

Несчастный случай?

Или убийство? И если так, то кого убили? Когда. И главное, почему не забрали алмазы? Катарина вздохнула и велела себе успокоиться. Какая разница, кто и за что там утонул? Она здесь совершенно не при чем...

Глава 22

Голова лежала на покрывале. С нее успела стечь вода, и Гевин бережно убрал редкие нити водорослей, отчего голова стала лишь более уродливой. Плоть частью ссохлась, а частью сползла, и сквозь разрывы ее проглядывала темная кость.

Поблескивали крупные камни в грязных волосах.

Охала Луиза, то и дело закрывая лицо веером, но не уходила. Кевин стоял посреди пруда, вооружившись длинной палкой, и вид имел весьма мрачный.

— Я подумал, что стоит поискать остальное, — заметил Гевин, встретив Кайдена вежливым кивком.

— И загнал меня.

— Я не люблю воду, — Гевин пожал плечами.

— Можно подумать, я люблю.

— Я очень сильно ее не люблю.

— Позвольте? — Дуглас попробовал ногой берег, прежде чем шагнуть в пруд. И проворчал. — А все же трупы надо лучше прятать...

Кому он это сказал, Кайден не понял. Но покраснел. И не он один. Уши у Гевина тоже приобрели весьма характерный оттенок.

— Я не имею привычки мусорить в чужих поместьях, — сказал он шепотом. И Кайден склонил голову, соглашаясь и подтверждая, что и он воспитан не хуже.

А потом присел у покрывала.

Человек.

Определенно, человек. Чистой крови, уж больно мелкие зубы и характерные черты. И возвращаясь к зубам, стоит отметить, что все они целы, ровны и белы, а стало быть, без вмешательства целителей не обошлось.

Он слегка повернул голову и пальцами раздвинул челюсть.

Зубы почти все... не хватает верхней пары крайних, тогда как нижние уже присутствовали, стало быть, женщина старше двадцати, но моложе тридцати лет.

Интересно.

Жаль, лица не сохранилась.

— Кстати, не думаю, что лежит она так уж давно, — Гевин наблюдал и за братом, что бестолково ворошил палкой дно, и за Кайденом. — С ранней весны, полагаю.

— Отчего?

— Обратите внимание на степень разложения. За лето плоть бы окончательно расползлась, все же пруд далеко не болото...

С этим Кайден мог бы и поспорить, ибо местному пруду до болота оставалось не так и много.

— А здесь процессы замедлены, но все же идут. Глубина небольшая, и зимой пруд промерзает до дна.

— А осень? Поздняя?

— Тоже возможно, — кивнул Гевин. — Но она в этом году была на редкость теплой, да и зима наступила далеко не сразу. Все же скорее весна...

Дуглас входил в воду осторожно, прощупывая дно палкой с железным крюком. Она поднимала клубы ила и грязи, которые расползались по поверхности воды жирными кляксами.

Добравшись до середины, он махнул на Кевина, чтобы тот выметался. Уговаривать, что характерно, не пришлось.

— Боже мой, какая гадость, — сказал Кевин, глядя грязные туфли, которые вряд ли подлежали

восстановлению.

— А я тебе говорил, что стоит разуться.

— А я тебе говорил, что вообще не хочу туда лезть! — Кевина передернуло. — Я ведь не дознаватель и вообще...

Он стянул ботинок, из которого вылилась темная жижа.

— Мальчики, не ссорьтесь, — дрожащим голосом произнесла Луиза.

— Проводи матушку. Ей дурно...

— А ты?

— А мне не дурно, — в голосе скользнули ноты, заставившие Кайдена напрячься. — Но вам и вправду здесь нечего делать. Поверь, если я что-то понимаю, остальное будет в куда более печальном состоянии. Да и Катарине поддержка не помешает.

— Мне кажется, ты ее уже достаточно поддержал, — буркнул Кевин с немалым раздражением, но убрался все же, с матушкой и грязными туфлями.

— Мой брат бестолков, суетлив, но он не злой, — Гевин опустил на колени. — Не более злой, чем большинство людей.

— Ты мне его сватаешь?

— Я не хочу, чтобы он пострадал, — Гевин раздвинул слипшиеся волосы, и камни в них плеснули светом. — Катарина тебе симпатична, а он нет. Выдержки и ума держаться в стороне у него не хватит, вот и надеюсь, что ты сумеешь понять: он тебе не соперник.

— А тебе?

— Мне и подавно.

Камни были крупными и, сколь мог судить Кайден, довольно чистыми. Алмазы? Или разноцветная шпинель? В любом случае диадема выглядела неоправданно роскошной. Подобные не принято носить без веского на то повода.

— То есть, ты не боишься, что он женится на Катарине и приберет состояние к рукам?

— Нет.

Дуглас сосредоточенно водил крюком по дну.

Камней шесть. Одинаково крупные. Одинаково ограненные. Основа... золото? Не похоже. И не серебро. Платина? Не самый часто используемый металл. Алмазы окружены россыпью мелких камней, которые затянуло грязью. Да и сам венец, казалось, прирос к голове.

— Он вяжется в противостояние с тобой и проиграет.

— Ты так уверен?

— Он ей не нравится, а ты наоборот, — Гевин осторожно высвободил корону. — И шансов у тебя больше. Ко всему Кевин не привык к отказам. Он оскорбится. Наговорит больше, чем следовало бы, а она это запомнит. И когда он все же решится переступить через себя, он не сумеет не обидеть ее снова. Брошенные женщины становятся весьма подозрительными. И чувствительными. Взгляни, какая удивительно тонкая работа...

Венец, освобожденный из плена мертвых волос лежал на его ладони и казался до того хрупким, что и тронуть страшно.

— Как ни странно, это не южные колонии. Скорее наоборот, север, — Гевин мизинцем стирал капли грязи, высвобождая камни и металл во всем их великолепии. И желтые алмазы полыхнули светом. — Уж больно характерный стиль... и тематика... эта слегка неправильная форма.

И змеи.

Много змей, что сплетались друг с другом в удивительный узор. Алмазы украшали головы их, а вот тела, сделанные столь искусно, что змеи казались живыми, были усыпаны мелкими камнями.

— Я ведь не ошибусь. Камни настоящие?

Кайден протянул руки и венец в них вложили.

— Поверь, более чем настоящие... давно не видел столь крупных. И ярких, — Гевин хмыкнул и произнес. — Прямо в тему получилось.

— В каком смысле?

— Вчера нам рассказали чудную историю про затерянный город и украденный венец, а сегодня... нарочно не придумашь, правда?

Венец был полон силой. Чуждой. Затаившейся. Она свернулась в камнях, она застыла в платиновых телах змей, готовая в любой момент развернуться и...

Проклятье?

Благословение? Кайден никоим боком не артефактор, точно не скажет. Но держать венец было неприятно.

— Эй вы, может поможете? — Дуглас стоял, опираясь на древко крюка. — Тяжелая...

Это из-за юбок.

Множества юбок, которые слиплись, склеились, опутали останки, пропитались илом и глиной, сделавшись не просто тяжелы — неподъемны. И от крюка пришлось отказаться. Кайден разделся, оставшись в подштанниках, которые — тут и гадать нечего — тоже сменить придется. Он вошел в воду, замер ненадолго свыкаясь с чужой стихией и позволяя ей принять себя.

Эта вода хранила отпечаток чужой силы, и не той, которая пряталась в венце.

— Не вздумай утащить, — предупредил Кайден, ибо у нечаянного союзника — временного, конечно, — к венцу виднелся немалый интерес. — Это улика...

— И тысяч сто золотых дублонов...

Венец Гевин держал бережно.

А вода поторапливала. Вода устала хранить свою тайну. Пруд — все же еще не болото и становиться им не желал. Он бережно хранил родники на дне своем, пусть и запечатанные, заросшие тиной, но готовые отозваться, если у кого-то дойдут руки вычистить пруд.

Надо будет сказать Катарине, чтобы занялась.

Или лучше самому нанять рабочих? В знак добрососедских отношений? И расположения. И просто, чтобы разбудить это место, которое помнила Кайдена хитрым мальчишкой, которое играло с ним, давало тень и прохладу, позволяло исследовать свои глубины... когда получалось сбежать от воспитателей.

И теперь дно было знакомо.

Вот там, левее, неглубокая яма, на дне которой притаился ключ. И если наступить на него, ногу обожжет ледяной водой. А правее медленно гниет старый ствол. Или сгнил уже? Там, ближе к берегу, прятались в тени ивы кувшинки и кубышки, которые ныне застыли, ожидая, что же будет дальше.

Ничего.

— Там, — указал Дуглас. И Кайден, кивнув, сделал вдох. Он наклонился, пытаясь разглядеть хоть что-то в темной-темной горькой воде. Перед глазами плясала то ли пыль, то ли водная мошкара, руки бестолково шарили, перебирая рыхлый ил, пока не нащупали что-то большое, мягкое.

Тяжелое.

Тело Кайден все же вытащил, не растеряв по дороге. Он нес его бережно, не испытывая отвращения, скорее жалость к той, которая могла бы жить.

Он не знал ее имени.

Пока.

Он не знал, была ли она красива или же напротив. Зато знал, что женщина эта, кем бы ни была она, не заслужила такой смерти.

— Что это? — тихо поинтересовался Гевин, отступая. И повинувшись порыву, он все же задержался,

чтобы расправить покрывало.

— Дерьмо это, — Кайден осторожно уложил несчастную.

Расправил темные бархатные юбки. Убрал руки, прикрывавшие дыру в животе, и тихо произнес:

— Болотники.

Тихий свист стал ответом. Он перешел в шипение, от которого волосы зашевелились.

— Чешуей покроешься, — Кайден опустился на колени.

Тонкие руки покойницы приподнялись, будто она и после смерти не желала, чтобы кто-то видел ее в положении столь удивительно беспомощном.

— За меня не волнуйся, — Гевин побледнел. И оглянулся. — К тебе уносить надо. Матушка моя не станет молчать, а эти твари...

Он вновь издал низкий вибрирующий звук.

— Если Катарина на змею здесь наступит, я тебе голову сверну...

— Не о том... бес-с-спокоиш-ш-шься... — Гевин вывернул шею и, сунув пальцы под узел галстука, ослабил его. — Ес-с-ли эти твари здес-с-сь...

Он замолчал.

И повернулся к Кайдену.

— Ты з-снал.

— Знал.

— И молчал?

— Молчал.

Кайден покосился на Дугласа, который не спешил выходить, но тщательно обшаривал пруд крюком. Вряд ли он найдет хоть что-то, но пускай.

— Кто ты такой, чтобы тебе говорить?

— И верно, — Гевин расплылся в жутковатой улыбке. — Как давно?

— Подозреваю, что давно. Караваны три года как пропадают. Не часто, тварь осторожная, думаю, старая...

— Очень старая, — согласился Гевин. — Значит, руссов они?

— Вероятнее всего.

— И если в округе тихо, то люди скорее всего живы, — Гевин прикрыл глаза, окончательно возвращая себе человеческое обличье. — Живы... эти отродья фоморов убивают не сразу. Личинки вылупятся к середине июня. Время у нас есть.

— У нас?

— Эти люди шли по моему приглашению. И я обещал им безопасность. И когда они ис-с-счез-с-ли... я был з-сол. Мне выдали раз-с-бойников. И часть груза.

— Что за он?

Гевин ответил не сразу. Он стоял, глядя на останки, с которых в пруд сползали нити воды. И молчал. Молчал. Но затем вздохнул и признался:

— Пыльца эйнио.

— И у тебя?

Ответом был быстрый настороженный взгляд.

— Мой караван тоже сгинул, — Кайден поднял сведенную судорогой руку, с которой кожа частично сползла, а вот браслет остался. — И везли они как раз двадцать унций пыльцы.

— Тебе?

— Родичам. Моя сестра решила, что пришла пора выбрать мужа. На осенних кострах хотела. Думал подарок сделать.

Осторожный кивок показал, что ответ принят и понят. И Кайдэн задал свой вопрос:

— А ты?

— Еще пару лет и неженатый мужчина моего возраста будет вызывать подозрения. А сам понимаешь, нам с людьми сложнее. Мне бы не хотелось убивать свою жену.

Почти похвальная забота.

— Думаешь, совпадение? — озвучил мучавшую его мысль Кайдэн. И Гевин покачал головой.

— Твои двадцать. У меня десятка. Знаю, и людям ее возили. Некоторым. Тем, кто хотел быть уверенным, что потомство получится правильным, — между губ его мелькнул кончик раздвоенного языка. Показался и сгинул. — Она всем нужна... особенно тварям... лето станет жарким.

Катарина долго отмокала в ванной, пускай и больше всего на свете ей хотелось немедленно выбраться, одеться и вернуться на берег пруда. Но она заставляла себя лежать.

Терла кожу жесткой щеткой.

Выполаскивала волосы, пытаясь избавиться от запаха.

— Ты там не утопла еще? — вежливо осведомилась Джио.

— Почему я такая невезучая? — Катарина понюхала собственную ладонь. — Я ведь просто... просто баловалась.

— И нашла труп.

— Да.

От руки пахло ароматным мылом, но все равно нет-нет, да чудился характерный запах гнили. И Катарина решительно взялась за щетку.

— Может, это и неплохо...

— Думаешь?

— Он всех несколько отвлечет, — Джио сидела по ту сторону двери. Если бы Катарина ее позвала, она бы помогла. — Во всяком случае, двоих. И не вздыхай. Выбирайся уже, будем волосы сушить. И постарайся вечером быть любезной.

— С кем?

— Со всеми. Авансов не давай, но любопытство прояви. Это неправильно, когда хозяйка дома не очень интересуется подобными находками. А дознаватели чувствуют неправильное.

Катарину передернуло.

— Я ж говорила, что я везучая, — она выбралась из ванны и прошлепала к порогу, оставляя на камне цепочку мокрых следов. — То труп, то дознаватель...

— Смотри на это иначе, — Джио накинула полотенце на голову Катарины. — Стой смирно... одно к одному складывается. Одно и к одному...

Волна тепла прокатилась по коже, и Катарина блаженно зажмурилась.

— Как ты думаешь, — спросила она, когда тепло истаяло. — Кем она была?

— Понятия не имею. Главное, что кем бы ни была... ей не стоило здесь появляться.

Спорить с этим было сложно.

Глава 23

Кевин нервно расхаживал по холлу. Он переоделся, сменив один светлый костюм на другой, и Катарина подумала, что багажа при карете было не так и много. Так откуда взялись костюмы?

И тросточка.

Шляпа с загнутыми краями. Яркий жилет. Бутон в петлице.

— Дорогая кузина, — Кевин поспешно поклонился. — Я уже думал, не стоит ли отправиться в город за целителем.

— Вам дурно?

— Мне? Отнюдь. Но вы... такой кошмар, ужас просто! Невообразимый ужас, — он попытался взять Катарину под руку, но та коварно спрятала руки за спиной.

И отступила.

Кевин сделал шаг вперед. Катарина отступила снова. И повторила отступление, пока не оказалась прижата к стене.

— Что вы делаете? — мрачно поинтересовалась она.

А ведь они не так, чтобы и похожи. Нет, на первый взгляд близнецы — истинная копия друг друга, на второй тоже, а вот если хорошенько присмотреться, то становятся заметны и отличия. Вот пухлые губы капризно изогнулись. Чуть дернулся кадык на шее, перехваченной разноцветным платком.

Мешки под глазами, пусть и припудренные, но все равно заметные.

Легкая одутловатость щек.

Он копия брата, но дурная.

— Что я делаю? — бровь приподнялась.

— Вот и я вас о том спрашиваю, — Катарина шагнула в сторону. — Будьте любезны, держите руки при себе...

— Иначе? — его палец коснулся щеки. — Ты такая забавная... такая милая... теплая... а Гевин — холоден. Что поделаешь, змеюка, она змеюка и есть.

От прикосновения Катарину передернуло. И она потерла щеку, на которой будто остался грязный след. А ведь только-только умылась.

— Я же знаю, как сделать женщине хорошо...

Он дыхнул смесью горечи сигарет и спирта.

— Вы пьяны.

— Брось, — Кевин поймал ее за руку и притянул к себе, прижал, вдавив к стену. — Я тебе нравлюсь. Может, меньше, чем эта белокрылая скотина, но все одно... нравлюсь.

— Нет.

— Я всем нравлюсь.

— Это ничего не значит, — Катарина попробовала оттолкнуть урода, который не нашел ничего лучше, как тереться носом о ее шею. Боже, если он вздумает шею облизать, как иногда делал Генрих, Катарину просто-напросто стошнит. — Да уйдите же...

В ухо дохнули то же дымно-алкогольной смесью, а наглые руки полезли в корсаж. Не хватало... она вывернулась, чтобы дотянуться до подвески и сдавить ее. А в следующее мгновение Кевина отбросило.

Как отбросило... опрокинуло на спину, протянуло по полу, чтобы грохнуть о двери.

— Ах ты... — он поднялся на четвереньки. И глаза налились кровью. — Ты...

Кевин выразился вовсе не так, как надлежало выражаться джентльменам, особенно, если речь

заходила о дамах. И поднявшись на четвереньки, качнулся. Вставал он медленно, всем видом своим показывая, что, как только поднимется...

Второй удар сбил его с ног, закружил и, кажется, припечатал к стене.

— Убирайтесь, — сухо произнесла Катарина. — Я не желаю видеть вас в своем доме.

— Ты...

Ругаться Кевин умел. Не так, конечно, как иные, кто думал, что ругань придает сил и помогает выдержать пытки, но все же... все же неплохо. Бодро. С немалой выдумкой.

— Я вас всех, — он все же встал, опираясь на стену. — Я всех вас... пожалеете...

Сухо щелкнула молния, пробираясь по камням, заставляя Кевина отступить. И еще на шаг. И еще... Джио забавлялась, выпуская один огненный побег за другим. Она позволяла им коснуться человека, вцепиться в его одежду, слегка взобраться по ней, и гасила прежде, чем будет причинен вред.

Джио хорошо знала законы.

— Ты... и твоя... тварь... еще пожалеете...

Огненный цветок распустился перед самым лицом Кевина, заставив шархнуться и вывалиться за дверь.

— Так-то лучше, — произнесла Джио, послав последнюю молнию, которая, судя по вскрику, достигла-таки цели.

— А раньше ты не могла вмешаться? — Катарина отчаянно терла щеку.

— Могла, но зачем?

— То есть, незачем? Этот... эта... с-скотина...

— Была пьяна, судя по тому, что мне донесли.

— И что? Это его оправдывает?

— Нет, это позволяет взглянуть на него со стороны, — Джио явно не чувствовала себя виноватой. — А то мало ли, вдруг он и вправду тебе понравится.

Еще чего.

Катарину била мелкая дрожь. И ей пришлось обнять себя, чтобы хоть как-то успокоиться.

— Это... ты... подстроила?

— Если о том, что бренди ему отнесли вместо бокала бутылку, то да, моя вина. А все остальное — его собственная фантазия.

— А я?

— А тебе пора научиться защищать себя. И ты справишься.

Наверное.

Но почему Катарине так плохо? Она закрыла глаза, коснулась стены, говоря себе, что она в своем доме. Что эта стена надежна. И дом тоже надежен. И собственной волей Катарина вполне может выставить из него любого... именно так. Она хозяйка. Она и только она.

— Вот так, дыши глубже.

— Терпеть не могу пьяных. Генрих в последние годы... ты помнишь.

— Помню, — щеки Катарины коснулся платок. — Вот так лучше. И улыбнись. Генриха больше нет. Джон... его тоже нет. К счастью.

Верно, к счастью.

Там, во дворце, он бы в конце концов не сдержался. Их неслучайные встречи, раздражавшие столь многих. Беседы о вещах, что понятны лишь тем, кому довелось смотреть, как выглядит эшафот, кто знает, о ком плачет первая королева и слышал, как вздыхают в Королевской башне призраки.

Его доброта.

Ее слабость.

Плохое сочетание. Очень плохое. И Катарина ушла вовремя.

— Отец тоже остался позади. И тебе нужно учиться жить самой. А это не так и просто и далеко не всегда приятно.

— А если бы он... если бы попытался...

— Тогда я бы его убила. И в этом конкретном трупe не было бы ничего тайного или загадочного.

Катарина вяло улыбнулась.

— Как думаешь, мне стоит вернуться к пруду?

— Думаю, что этого от тебя ждут. Женщинам положено быть любопытными.

— Тогда... — она вздохнула. — Я поднимусь к себе. Если кто спросит, скажи, что я расстроена, больна или вообще при смерти. Просто не хочу никого видеть и вообще.

Джио кивнула. И руку подала. Правильно. Оказывается, если отпустить стену, то сил у Катарины не останется. А вот в комнатах хорошо.

Там, за чертой подоконника, горит весна. И зеленеет сад. В нем черемуха, малина и сирень — где-то она есть, ведь ветер приносит тонкий ее аромат, понять бы где еще. И Катарина, забравшись на подоконник, погладила темную ладонь плюща.

Вздохнула.

Закрыла глаза.

Тетушка Лу устроит скандал? Или наоборот будет рыдать и вымаливать прощение? И как поступить? Простить? Нет, это глупо. Кевин не показался Катарине человеком, способным переступить через обиду, пусть и вымышленную. Он не забудет того, что полагает унижением, а значит оставлять его в доме просто неразумно. Тетушка... если ей так хочется быть с сыном, пусть и убирается с ним же. И Гевин следом, ибо одинокому мужчине не следует задерживаться в доме молодой вдовы.

Катарина улыбнулась.

А ведь неплохо выходит. Сугубо теоретически. И артефакт сработал. Катарина коснулась невзрачной с виду капельки. А потом решительно слезла с подоконника и открыла альбом.

Хватит бездельничать.

Она перелистнула страницы с рунными узорами, вид которых не вызывал ничего, кроме головной боли, и потерла виски. Нет, с этим Катарина пока не готова работать. Может, позже? Тогда с чем? Она вытащила свой ящик, в котором хранился инструмент, кое-какие заготовки, изрядно запылившиеся за годы бездействия, и камни.

Вот он.

Кусок молочно-белого нефрита, теплый и с виду, и наощупь. Длинный и узкий, и оттого формой своей некогда казавшийся неудобным. Катарина, помнится, долго маялась, не решаясь распилить камень. Все ее нутро протестовало против этого, в общем-то весьма логичного поступка.

И выходит, она знала наперед?

Или высшие силы подсказали? Или скорее просто совпало одно к одному.

Она смахнула легкий налет пыли.

Флейта... кто делает флейты из камня? В них не будет ни жизни, ни звука, но почему-то Катарину данное обстоятельство ничуть не смущало. Она подвинула к себе альбом, положила на лист камень и парой штрихов отметила края.

Вот так.

И нужно... да, нужно, чтобы эта флейта была красивой. Как Джио. Никто не понимает, насколько она на самом деле чудесна. А Катарина видит. Она закрыла глаза, представляя будущее творение, в котором не останется места магии иной, помимо созидательной, но это тоже было неважно.

Вдох.

И выдох.

Кусочек угля касается белого листа, оставив легкий штрих. И второй. И третий... и руки Катарина, оказывается, скучали по этому нехитрому действию. Они спешили восполнить потерянные годы, создавая образ будущего... артефакта?

Нет.

Никаких расчетов, никаких схем. И рун тоже не будет, ибо руны придуманы людьми, а Джио... она просто инструмент потеряла.

Хрупкий, как зимние узоры на стекле.

Невозможный.

И спрятанный в камне. Теперь, когда будущая флейта обрела плоть, Катарина видела ее. И взяв камень в руки, прижала к сердцу. Вся ее суть трепетала, предвкушая работу, и Катарине приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы сдержаться.

Не сейчас.

За окном уже темнеет, а ночь — не лучшее время. Да и голова ныла. Руки стали черны, пусть на камне эта чернота и не оставалась. Угольная пыль попала и на юбку, и на рукава, и кажется, так уже случалось, давно, в той, прошлой жизни, когда Катарина слишком увлекалась работой.

Выходит, снова...

Она прижала камень к щеке.

— Скоро, — пообещала ему Катарина. — Скоро я тебя отпущу, если не забыла, как это делается.

Разум молчал. А тело шептало, что ничего-то оно не забыло, и если Катарина решится, если готова потерпеть боль, самую малость, то нужно лишь начать.

— Нет, — она ответила самой себе, возвращая нефрит на место. — Завтра. Или послезавтра. Но сейчас уже поздно. И ужин, наверное, подали.

Останки, освобожденные из плена одежды, которой нашлось место на соседнем столе, выглядели донельзя жалко. Голову Кайдена уложил рядом. Он аккуратно отмыл волосы, стер с лица остатки плоти, которая скорее мешала, высвободив чистую светлую кость.

— Позволишь? — Гевин в чужом доме держался подчеркнуто вежливо. И Кайдена склонил голову и отступил от стола.

Он наблюдал за тем, как Гевин снял дублет, закатал кипенно-белые рукава рубахи, выставляя гладкую безволосую кожу рук. По ней узором чешуи расплзались родимые пятна.

— Да, матушку они несказанно раздражали. Она все пыталась вывести, то мази прикладывала, то сок чистотела. Как-то даже известью пыталась прижигать, — Гевин взмахнул руками, пошевелил пальцами. — Именно тогда я понял, что быть нелюдью — так себе удовольствие.

Сейчас он выглядел спокойно и даже расслабленно. Руки скользили над телом, и разбухшая плоть сжималась, чтобы осыпаться прахом.

— Что-то оставлять? — Гевин дошел до колен.

— Нет, чисти все.

— А это?

— Я запечатлел, — Кайдена вытащил из шкатулки кристалл. — Да и свидетельства будет достаточно. Хотя... просто высушить сможешь?

Гевин кивнул.

— И как оно... вышло?

— Про меня? Точно не знаю. Матушка долго и старательно делала вид, что я обыкновенен. Я и сам так думал до... одного происшествия. Но это личное.

Иссыхая, плоть становилась серой и хрупкой, она походила на бумагу, которой обернули кости. И

теперь дыра в животе больше не гляделась страшной. А вот кое-что необычное Кайден заметил.

Он осторожно прикоснулся к хрупким краям.

Раздвинул их — сухая ткань трещала — и сунул руку внутрь.

— Это выглядит отвратительно, — соизволил сказать Гевин.

— Это изначально отвратительно, — согласился Кайден, ощупывая сухую камеру. Плохо, что тело столько пролежало, и внутренние органы его расплзлись, растворились в воде, а потому сложно оценить степень повреждений. — Но и еще немного странно.

— Что именно?

— Слишком маленькое отверстие. И само тело... если взглянуть отстраненно, оно почти не изменилось. Ты когда-нибудь видел коконы болотников?

— Нет. И не горю желанием.

— А мне доводилось. Лет этак десять тому. На зачистке. Небольшая деревенька к северу от Бристона. Углежогги, рыбаки... углежогов больше. Уж не помню, чем они на себя внимание обратили, там матка была молодой, жадной, не умела сдерживаться, вот и взяла людей больше нужного.

Он ощупывал опустевший кокон изнутри, прикидывая, сумеет ли извлечь его, хрупкого, и сохранить.

— Меня Дуглас взял. Посмотреть. Опыта набраться. И вообще... делом занять.

Под пальцами ощущались тонкие волосяные стены. И Кайден, подцепив когтем нить, потянул на себя, медленно и осторожно. Пусть болотники и плели на диво крепкие нити, но все же пролежала она долго, да и кокон был старым.

Оттого ли и нить была похожей, но слегка иной. На солнце она поблескивала металлом, точь-в-точь как та самая платина, из которой был сделан венец.

— Магов вызвали после того, как исчезла деревня... не та, соседняя... полностью... и люди, и скот крупный... тогда-то и заподозрили, что дело вовсе не в разбойниках. Имущество-то осталось.

Гевин наблюдал, склонив голову набок.

— Окружили. Выставили стену. И пошли. Мы на них, они на нас. Болотники — твари быстрые. А главное, до последнего не скажешь, человек перед тобой или тварь подменная.

Нить тянулась. Медленно, осторожно, но все же.

— Я девицу встретил. Сидит вся в слезах, заливается... мол, сестрицу младшую в воду утащили. Я спиной повернулся, а она как прыгнет... еле успел, — Кайден дернулся от неприятного воспоминания, вновь почудилось прикосновение ледяных пальцев к шее. — И сильные, главное, еле стряхнул.

Нить впилась в пальцы.

— Я ей шею свернул, а она все равно продолжала дергаться... потом брюхо лопнуло и вылезло это... таких с полсотни положили. Маги сразу жгли, не особо разбираясь. Дуглас сказал, что, когда заражение идет, то велика вероятность выпустить кого-то, в ком болотник затаился. А там уж вызреет до матки. И по новой все... из болота поднимали коконы.

...сизые, влажно поблескивающие, будто в шелковых саванах. Один за другим. И снова, и снова... саваны вытаскивают на зеленую траву, которая кажется слишком уж яркой, и целители мечутся между ними. Водят руками. Замирают, вслушиваясь в то, что творится внутри.

А после отступают.

Один за другим. И тогда за дело берутся огневики.

— А если там кто живой? — тогда Кайдену было и любопытно, и страшно, и еще странно, что люди вот так не попытаются даже вскрыть эти шелковые комки.

— Живой, — согласился Дуглас. — Ясное дело, живой... только помочь им можно, пока кокон внутри не прорвался. А как личинка дозреет, пойдет жрать плоть, то уже все. Им-то даже облегчение выйдет. Они ж чувствуют все. Шелохнуться не могут, а чувствуют...

Кайден судорожно выдохнул.

Надо спешить.

Яйца, отложенные в конце весны, уже начали вызревать, а стало быть, в запасе не так много времени.

— Погоди, — Гевин встал рядом и пальцы его, покрывшись мелкой чешуей, легли под нить.

— Не порви только.

— Я с золотом руками работаю, а это попрочнее... ты знаешь, что за такую нить можно выручить и весьма неплохо.

— Не знаю.

— Если не нужна будет, то выкуплю.

— Посмотрим... странно то, что камера мелкая... слишком мелкая. И тело не выглядит истощенным. Его не упаковали, как должно... почему?

— Не было, кому?

— Возможно, — согласился Кайден. — То есть, теоретически, девушка сохранила способность двигаться. Говорить. Скорее всего ее мучили боли. Если обращалась к обыкновенному целителю, ей бы прописали травяной настой, или средство от кишечных колик. Человек одаренный сразу бы понял, в чем дело... хотя... есть мнение, что некоторые особи, причем именно старые особи, обладают способностью менять носителя. Более того, делают это довольно-таки легко.

Нить казалась бесконечной.

Она ложилась виток за витком, укрывая чешую сизым шелком. И гляделся тот вполне себе мирно. Безопасно даже.

— Правда, подобное убежище является все одно временным, поскольку тварь продолжает поглощать и жизненные силы, и соки тела. В «Большой книге тварей водных» Чарльстона подробно описан случай...

— А у тебя она есть?

— В библиотеке.

— Позволишь заказать список? — Гевин поскреб палец и пожаловался. — Жжется... так должно быть?

— Нет, — вынужден был признать Кайден и, отпустив нить, посмотрел на собственные пальцы. По белой коже проступили длинные алые полосы, будто ожогов. — Скидывай!

Повторять не пришлось.

Комок шелка, упав на плоть, вяло зашипел и расползся серой массой.

— Твою ж... — Гевин потянул руку ко рту, но получил по пальцам. — Спасибо.

— Не за что, — Кайден снял с полки банку с жемчужным порошком. — Возьми. Будет неприятно.

— Сталкивался уже?

— Нет, но... Чарльстон пишет, что со временем паутина тварей становится весьма ядовита. И чем старше, тем ядовитей.

Порошок слегка унял боль, хотя полосы на коже потемнели и набрякли. Гевин тоже поморщился, его ожоги были глубже, а стало быть, и болело сильнее.

— То есть, старая?

— И опытная, — согласился Кайден. — Вот только... не понятно, что она здесь забыла. Девушка ведь не из бедных. Где она подцепила погань, мы не поймем, пока не установим, кем она была...

Тело на столе молчало, только высушенная плоть медленно истлевала под действием яда.

— Но тварь заставила ее приехать сюда. Довела до пруда. И сбросила тело...

Мелькнул раздвоенный язык, правда, пальцев так и не коснулся.

— Караваны стали пропадать раньше... — заметил Гевин.

— Да. И это тоже не понятно. Совпадение?

— Сомневаюсь.

— Тогда... тварь просто возвращалась к своим? Сперва здесь поселился кто-то... мы мало знаем о болотниках. Но Чарльстон утверждает, что отродья фоморов довольно умны, с чем я всецело согласен. Но вот способны ли разные ульи действовать сообща...

От тела исходил крайне неприятный запах, заставивший Кайдена отступить. И не только его.

— В любом случае, я вынужден буду доложить, — Кайден все же поскреб палец. — Все это кажется слишком... неправильным, чтобы рисковать.

Глава 24

Тетушка Лу смотрела хмуро. И взгляд этот раздраженный несколько не вязался с пышным ее платьем. Сияло золотом кружево, поблескивали мелкие камушки на крыльях райских птиц, что поселились на подоле и рукавах столь объемных, что сама тетушка казалась неожиданно хрупкой. Хуже всего, что по правую ее руку устроился Кевин, который даже соизволил переодеться к ужину. И вовсе держался так, будто бы ничего-то и не произошло.

— Мне казалось, — Катарина остановилась на пороге столовой. — Я выразилась предельно ясно...

— Деточка, не понимаю, о чем ты... — встрепенулась тетушка Лу. — Произошло какое-то недоразумение...

— Джио...

На ладони Джио развернулся огненный шар. И Кевин приподнялся.

— Я готов извиниться.

— Если вам будет угодно, — Катарина слегка наклонила голову. — Однако данное обстоятельство ничего не изменит. Я не намерена и дальше терпеть вас в моем доме.

Огненный шар поднялся над ладонью и завис в воздухе. Бледно-желтый, он дрожал, то выпуская на поверхность мелкие искры, то поглощая их. Медленно, словно красуясь, шар начал поворачиваться, подниматься выше и выше...

— Вы можете уйти сами. Или же вас выставят.

— Это... это ерунда какая-то! — тетушка Лу скомкала салфетку и бросила на пол. — Я понимаю, что вы поругались. С кем не бывает. Но выгонять, право слово, чересчур...

— Вас я тоже не держу, — холодно отозвалась Катарина.

Шар завертелся быстрее.

И еще быстрее.

— Да она не посмеет... — Кевин вскочил, а спустя мгновение шар метнулся к нему, чтобы замереть перед лицом.

— Посмеет, — спокойно ответила Катарина. — Она должна защищать мою жизнь, а еще честь и достоинство, на которые вы покусились.

Шар лопнул, обдав Кевина водопадом злых искр.

Безобидно, хотя и болезненно.

— Боже мой! — тетушка Лу бросилась к сыну. — Кевин, мальчик мой... что происходит... целителя...

— В городе найдется. Если поспешите, успеете затемно, — Катарина развернулась. — Джио, проследишь, чтобы он действительно убрался?

— Всенепременно.

Она не удержалась от улыбки. И улыбка эта, слегка издевательская, насмешливая, не осталась незамеченной.

— Катарина... — тетушка Лу бросилась следом. Она старалась сохранить достоинство, но все же торопилась, и выглядела глупо. — Катарина, стой...

А вот Кевин проявил благоразумие и убрался. Дверью, правда, хлопнул напоследок и так, что весь дом содрогнулся. Катарина закрыла глаза и позволила себя догнать.

Схватить за руку.

Развернуть.

— Катарина, ты не можешь так поступить с мальчиком!

— Почему? — главное, говорить спокойно, отстраненно даже.

Этому ей пришлось учиться в первую очередь — холодной отстраненности, за которой удобно

прятать и обиды, и негодование, и прочие, недостойные королевские эмоции.

Вот так.

Легкая улыбка, ничего не означающая, кроме готовности слушать собеседника. До определенного момента. Взгляд рассеянный. И руку высвободить из цепких пальцев.

— Потому... потому... что это... просто нелепо.

— Почему нелепо?

Наклон головы.

Сквозь жемчужную пудру проступают пятна. И сама тетушка смотрится нездоровой. Ее глаза красны, а веки припухли, будто совсем недавно женщина эта плакала. Шея слегка обвисла, наметился зоб, украшенный сетью морщин. И ни пудра, ни масла, ни золото не способны скрыть его.

— Потому что всем свойственно ошибаться, — тетушка, кажется, успокоилась. Решила, что сумеет уговорить Катарину?

Пожалуй, ту, юную и наивную, верящую, что люди в массе своей весьма себе добрые создания, у которых просто жизнь не задалась, она и сумела бы.

— Я понимаю, что Кевин нахамил, но это от волнения.

— Он был пьян.

— С мужчинами случается, — тетушка отмахнулась от этого, как от сущей мелочи. — Мужчины, если ты понимаешь, о чем я, те еще дети, которые нуждаются в ежедневной заботе и наставлении.

— Он приставал ко мне, — Катарине было просто любопытно, сколь далеко способна зайти эта женщина в своих оправданиях. — С весьма однозначными намерениями...

— Мальчик просто подумал, что его ухаживания...

— Это меньше всего походило на ухаживания.

А в спальне, в старой вазе стояла роза.

Белая.

Раскрывшаяся и застывшая украденным мгновением. Она источала тонкий аромат и притворялась совершенством. И главное, что не пыталась хватать Катарину за руки.

— Понимаю, что ты обиделась, но ведь можно и простить.

Наверное.

В прошлой жизни Катарине часто приходилось прощать. Или делать вид, что она не слышит. Или притворяться, что ей совсем безразличен вот тот шепоток за спиной, откровенные намеки на ее бездетность, беспомощность, неспособность воспользоваться положением.

Хватит.

— Зачем?

— Что? — тетушка хлопнула ресницами.

— Зачем мне его прощать? Ваш сын мне неприятен. И как человек, и как мужчина. Если вы рассчитывали, что, узнав его получше, я проникнусь симпатией, — и тон в разговорах подобных следует держать ровным, благожелательным, — то зря. Я не желаю видеть его в своем доме.

Тетушка вскинула руки к лицу.

И опустила. Задрапа подбородок так, что на шее стали видны мелкие складочки. И произнесла.

— Что ты себе позволяешь?

— Ничего, чего не могла бы позволить хозяйка. А потому прошу вас хорошенько подумать, решить, так ли велико ваше желание помочь, чтобы и дальше оставаться в моем доме. Возможно, вам захочется присоединиться к сыну. Или вообще проведать своего мужа.

— Ты... — тетушка откровенно побледнела. — Ты не посмеешь.

— Что именно? — и улыбка.

Улыбка располагает людей. А потому стоит улыбаться, даже когда говоришь неприятные вещи. Особенно, когда говоришь неприятные вещи.

Отец вот улыбался всегда.

На свадьбе.

Напутствуя вечером. Позже, когда руки резали, втирая в них особый порошок, и даже тогда, в Королевской башне, зачитывая обвинение.

— Ты пожалеешь, — тетушка Лу быстро взяла себя в руки. — Возможно, там, в колониях, тебе было позволено многое, но здесь другой мир. И ошибка может стоить дорого. Будь осторожна, Катарина.

— Буду, — пообещала она.

А вечером она, переодевшись в тонкую сорочку — не шелк, он до сих пор вызывал неприятные воспоминания, но обыкновенный батист — Катарина забралась на подоконник. Она просто сидела, разглядывая розу, и думая... обо всем и сразу.

О том, что было.

Та жизнь вдруг стала казаться какой-то ненастоящей, будто все происходило не с ней, не с Катариной. Она закрыла глаза, прислонилась спиной к камню и пропустила момент, когда стала вдруг не одна.

— Замерзнешь, — произнес кто-то весьма ворчливо, а когда Катарина дернулась, ее удержали. — Или свалишься.

Кайден подтянулся и забрался на подоконник, сел, свесив ноги над пустотой, и протянул Катарине еще одну розу.

Красную.

— Мне кажется... — Катарина розу приняла, потому как та выглядела удивительно хрупкой. Темные, почти черные лепестки, от прикосновения дрогнули и разошлись, обнажив более светлую сердцевину. — Это не совсем прилично.

— Что именно? — Кайден поерзал, устраиваясь поудобней, и вытащил из-за пазухи сверток, который положил между собой и Катариной.

— Заявляться вот так...

И странно, что защита его пропустила. И надо бы позвать кого, хотя бы ту же Джио, которая должна быть рядом, но как всегда исчезла, предоставив Катарине право решать самой. И за это право Катарина была одновременно и зла, и благодарна.

Она... она никогда и ничего не решала сама.

А Кайден меж тем сверток развернул.

— Извини, сегодня с твоим трупом без ужина остался, — сказал он вполне светским тоном, будто бы и не сидели они вдвоем на подоконнике, будто и не простиралась под ногами темное море плюща, будто солнце не догорало, расцвечивая небо алым и желтым, и самую малость — розовым.

Стыдливый.

— Я тоже, — сказала Катарина, решив, что если он начнет приставать, то она Джио позовет. А если не начнет... они ведь не делают ничего дурного.

Сидят вот.

Беседуют.

— Почему?

— Appetit испортили.

Ужин подали в комнату, но аппетит и вправду исчез, а с ним и желание делать что-либо сменившись столь знакомой уже апатией.

— Кто? — Кайден поправил полупрозрачные ломтики копченой рыбы, которые пахли так одуряюще, что перешибали аромат обеих роз.

— Да... не важно.

— Хочешь, я его убью?

— Его?

— Могу и ее, но женщин все же предпочитаю не трогать.

Под рыбой виднелось масло, а ниже — крупные куски свежего хлеба. И Кайден раскладывал веточки петрушки нехитрым украшением. Он протянул бутерброд, и Катарина приняла, осторожно.

— Не надо убивать. Его я выставила из дома, но боюсь, тетушке моей не понравилось. Почему-то она решила, что я просто обязана выйти замуж за кого-то из кузенов. А я вообще замуж не хочу.

— Почему?

— Уже случалось бывать, — Катарина натянула рукава домашнего халата, прикрывая узоры. Пусть в спокойном состоянии они и не были видны, но все равно Катарина стеснялась. Пожалуй, стеснялась больше, нежели нынешнего своего домашнего обличья. — Ничего там хорошего нет.

— Чай будешь? Правда, сладкий очень. Я сладкий люблю. А Дуглас ругается, говорит, что мужчины должны пить горький.

— Буду, — хлеб пах хлебом, крошки посыпались на ладонь, и Катарина втянула их, как любила делать в детстве, которое вдруг взяло и ожило, ибо только в детстве возможна столь вопиющая беспечность. — Я тоже сладкий люблю.

— Тебе можно.

— Спасибо, — она подвинулась и нерешительно спустила ногу, коснулась тугой лозы, и листья щекотнули кожу. — Если упаду, ты меня поймаешь?

— Непременно.

Листья шелестели.

А во фляге булькал чай, темный и горький, щедро приправленный медом, и оттого ароматный. Пить приходилось из фляги, передавая ее друг другу. И было в этом что-то донельзя неправильное. Куда более неправильное, чем просто это вот сидение на подоконнике.

И тишина слушала их.

И Катарина наслаждалась, что тишиной, что чаем, что бутербродами, которые сейчас были куда вкуснее перепелов и гусяного паштета. Но все хорошее имеет обыкновение заканчиваться. И Катарина вздохнула, слизала с пальцев последние крошки, и попросила.

— Расскажи мне.

— О чем?

— Не знаю. О чем-нибудь... о доме. Тебе ведь доводилось бывать здесь раньше?

И Кайден кивнул.

— О хозяйке его. О своих родителях. Или о детстве... мое вот было таким... не знаю. Никаким. Вспоминать не хочется.

Катарина обняла себя и вовсе не потому, что стало вдруг холодно. Но на плечи вдруг упал теплый дублет, от которого опять же пахло медом.

И молоком?

Определенно.

— Тогда не вспоминай, — разрешили Катарине, а еще дотянулись, потрогали волосы. — Они такие мягкие... извини.

— Ничего. Я думаю обрезать.

— Зачем?

— Так... возни много. И мыть тяжело, и расчесывать. И вообще...

Опустевшую флягу она вернула хозяину. А тот вдруг сказал:

— Когда-то там, у пруда, росла земляника... нет, в лесу ее и без того полно, но здешняя была особенно крупной. Каждая ягода с соперен. И невероятно сладкой...

Катарина слушала. Она подтянула ноги к груди, положила руки на них, а голову на руки. И золотые косы спустились на подоконник, маня близостью своей. Она вся была здесь и рядом.

Такая...

Неправильная.

Ни с одной женщиной он не разговаривал про землянику. В сущности, глупость невероятная, если подумать, лучше было бы говорить о Катарине. Женщинам нравится слушать о том, какие они чудесные, а Кайден вот про землянику.

Крупную.

Круглую. Такую близкую и далекую, потому что забор стоит, да и бабушка запретила ему заглядывать к соседям. Впрочем, он тогда не слишком был готов к запретам. И ушел бы, если бы не данное слово. Слово держало в доме куда надежнее оков, но вот спасти соседей от Кайдена способно не было. И через ограду он перемахнул, и до пруда добрался. И плескался прямо в одежде, а потом, валяясь на берегу, собирал ягоды.

Тогда он начал примиряться с новой этой жизнью.

— Твоя бабушка меня нашла... грязного. Весьма грязного, — он улыбнулся сам себе, и Катарина тоже, хотя вряд ли действительно представляла, насколько он был чудовищен. Помнится, в пруду водились и жирные лягушки, которых Кайден ловил, исключительно в исследовательских целях. Как раз подсмотрел, как деревенские мальчишки этих лягушек надували через соломинку...

Нет, такие подробности Катарине, пожалуй, знать не стоит.

— Я думал, она будет ругать. Меня тогда часто ругали. А она сказала, что моя бабушка огорчится, если я вернусь домой в подобном виде. И предложила сопроводить ее...

Она была очень высокой.

И светлой.

Светлая кожа. Светлые волосы, убранные в простую прическу. Светлое платье, на котором грязь оставляла следы, но леди будто не замечала их. Она приняла руку Кайдена, который в свои одиннадцать был куда выше обычных детей, а он вдруг понял, что должен вести себя соответствующе.

И даже шкурой ощутил, что на самом деле означает странное это слово.

— Она отмыла меня. Нашла одежду. А потом мы пили чай, и впервые это не казалось пыткой...

— Чаепитие?

— Ага, — Кайден качнул ногой, распугивая мелкую мошкарку. — Эти все чайнички, кофейнички, чашечки, которые в руках ломались. Правила... жуть.

Она хихикнула.

— Я был настоящим бедствием, но... у них как-то получилось. У моей бабушки и вашей.

— Я ее не знала.

Показалось, что Катарина хотела добавить что-то еще, но в последнее мгновение сдержала себя. И вытянув ногу, коснулась темного листа. Нога была длинной. Узкой. И белой. С аккуратной стопой и крохотными пальчиками. Катарина покачивала ей, и плющ шелестел, а Кайден совершенно позорным образом не способен был отвести взгляд от этой ноги.

И что в ней, если подумать, особенного?

Он видал куда более длинные.

Изящные.

Интересные.

Но до этого момента особых чувств в нем чужие ноги, сколь бы прелестными они ни были, не вызывали. А вот тут...

— Я стал довольно частым гостем. Почему-то, в отличие от учителей, которых нанимала бабушка, у леди Норрингем выходило объяснять мне вещи, казавшиеся до того невероятно сложными. Я умел читать руны, составлять плетения и второго, и третьего порядка, но при том не способен был прочесть собственное имя.

— А я руны сама учила, — Катарина вытянула ногу и пошевелила пальчиками, а потом замерла, позволив тяжелому бражнику опуститься на мизинец. — Точнее учили брата, а я пробиралась в классную комнату и делала вид, что играю. Когда пытались выгнать, начинала плакать. Учителя не любили беспокоить отца, вот и оставляли. Я ведь не мешала.

— Брата?

У нее не было братьев. Катарина обняла себя и сказала:

— Он... скажем так, моя мать не смогла подарить сына.

И это было ложью. Той маленькой ложью, которая все испортила. И Кайден даже проклял свой дар, саму способность слышать эту ложь. И чересчур длинный язык.

Прав Дуглас. Выдержки ему не хватает. Сидел бы, слушал... узнал бы больше.

— Я начала заниматься... дар не сказать, чтобы яркий, но мне было интересно.

— А что случилось потом? — Кайден задал вопрос осторожно, понимая, что еще немного, и хрупкое это равновесие окончательно нарушится.

— Потом... — Катарина потерла руку о руку. — Потом... зачем женщине магия?

И на ладонях ее вспыхнули нити силы, которые потянулись через запястья, ложась поверх кровеносных сосудов. Они пронизывали кожу, уходя под нее, протягиваясь сквозь мышцы, связывая кости, сплетаясь в непонятный Кайдену, но смутно знакомый узор.

Он видел такой.

Определенно.

Но где?

— Извини. Извините, — Катарина стряхнула бражника, который медленно пополз выше. — Наверное... мне нравятся цветы, которые вы приносите, но я вынуждена просить вас...

Ночь затрещала голосами сверчков, уговаривая женщину не спешить. Но когда женщины слушали кого-то, помимо себя?

— ...потому что это и вправду может скверно отразиться на моей репутации, — Катарина слезла с подоконника и поплотнее запахнула полы халата.

— Конечно, — пообещал Кайден.

А она покачала головой.

— Вы все равно придете.

— Приду.

— Вы не привыкли никого слушать.

— Увы... говорят, дело в дурной наследственности, — наверное, ее бы стоило поймать, обнять и притянуть к себе. Согреть. Утешить словами и не только. А потом, ближе к утру, оставить, потому что люди все-таки слишком много значения придают этой самой репутации. Но Кайден просто сидел, разглядывая женщину, которая была так притягательна и хороша, что сердце обмирало.

И понимал, что придет завтра.

И она будет ждать. Несмотря на все сказанное. И на то, что ныне держится горделиво. Брови вот хмурит, но окно оставит открытым. И огорчится, если зря...

Лилия.

Он принесет для Катарины водную лилию, из тех, что днем прячутся на дне пруда, поскольку солнце чересчур жестоко. А на закате поднимаются, чтобы раскрыться ближе к полночи.

Они хрупки.

Застенчивы.

И надежно хранят маленькие лилейные тайны. Катарине понравится.

Глава 25

Внизу Кайдена ждали. Гевин устроился прямо на траве, лег на живот, сложил руки под подбородком, глаза прикрыл. Он казался спящим, но в тот момент, когда тень Кайдена легла на него, сказал:

— Это было мило.

— Подслушивал?

— Кое-что... мне тоже интересно, что за женщину я собираюсь взять в жены.

Эти слова Кайдену категорически не понравились.

— Моя матушка опознала венец. Как-то ее дорогая сестра, сколь понимаю, желавшая позлить родственников, которых она никогда-то не любила, что понятно, — Гевин наблюдал за темной жужелицей, что выползла на дорожку в поисках добычи. Насекомое застыло, лишь усики его шевелились, показывая, что жужелица прислушивается ко всему вокруг. — Так вот, она прислала портрет... парадный...

Жужелица медленно двинулась к зарослям травы, в которой мелькали огоньки светляков. Она то и дело останавливалась, чтобы после продолжить движение.

— И помнится, на портрете этом имелось множество интересного. В частности, гарнитур из желтых алмазов. Я бы и сам вспомнил со временем. Но матушка, как понимаешь, не слишком была рада чужому успеху. Думаю, она бы молчала, если бы Катарина не выгнала моего брата.

Он приподнялся на руках, как-то совершенно по-змеиному подался вперед и дунул на жужелицу, заставив ее поспешно нырнуть в травяные заросли.

— Но тут она крепко обиделась. Требовала от меня, чтобы я подал официальное заявление... на расследование...

— Подашь?

— Зачем? — Гевин поднялся. — Во-первых, мне нужно более... внимательно изучить венец. Во-вторых, в начальном варианте имелись еще ожерелье, серьги, парные браслеты и подвески в количестве дюжины. На них, если верить портрету, камни особенно крупные. И возникает вопрос, куда подевалось остальное?

Он медленно поднялся и потянулся.

— Можно, конечно, спросить у Катарины, но подозреваю, она ответит, что комплект этот в числе иных украшений ныне хранится... где-нибудь... в колониях. Или в банке, ибо представляет собой немалую ценность. Сможешь достать список ее драгоценностей?

— Постараюсь.

Гевин кивнул.

— И вместе с тем, возникает вопрос, откуда взялся алмазный венец? И чью голову он украшал?

— И кем является Катарина на самом деле?

— Тоже верно, — его улыбка напрочь выдавала нечеловеческую природу. — Будь с ней осторожен.

— С чего такая забота?

— Не знаю. Ты полезен. Ты найдешь моего человека. Он будет благодарен, если, конечно, найдешь его вовремя. А его благодарность распространится и на меня. И не только его. А это хорошо.

Гевин собирал травинки, что прилипли к костюму. Одну за другой. Сосредоточенно. Аккуратно. И не оставалось сомнений, что снимет все, сколько бы их ни было.

— А кроме того, оказывается, с тобой куда легче, чем с моим братом.

— Мне хочется его убить, — Кайден задрал голову. — Но я пока сдерживаюсь.

— Я уже не первый год сдерживаюсь. Раньше мне казалось, что это нормально. С другими людьми меня связывают в основном деловые отношения. А матушка утверждала, что родственников нужно принимать такими, каковы они есть.

Травы почти не осталось.

— Я велел ей молчать. Но не уверен, что ее терпения хватит надолго. Она не самый сдержанный человек, как и не самый умный. Как только она поймет, что состояние Катарины уходит, она сделает все, чтобы уничтожить саму Катарину.

Что ж, Кайден хлопнул по шее, прибав особо наглого комара, женщин, конечно, нехорошо убивать, но иногда иного не остается.

Катарина боялась, что не уснет. С ней бывало такое прежде, особенно в те проклятые дни, когда стало очевидно, что у Генриха появилась новая симпатия, и что сама Катарина не оправдала его надежд.

Он сделался угрюм.

Недружелюбен.

Порой откровенно высмеивал ее, заставляя ощущать себя еще более жалкой, нежели обычно. И толпа придворных, чуткая к изменению его настроения, подхватывала насмешки. А Катарина... она умела слушать.

Улыбаться.

Кивать.

Притворяться, что слова вовсе не задевают ее. Она играла привычную роль, а по вечерам, падая в пустую постель, просто лежала, пялилась в темную ткань балдахина. Она слышала дыхание фрейлин, что спали рядом, на полу. Они больше не пытались быть услужливыми, но и откровенно нарушать правила не смели, заняв привычную уже позицию ожидания.

В Королевской башне бессонница усилилась. Особенно поначалу. Уже потом, позже, Катарина научилась не слышать вздохов и стонов, привыкла к холоду и сырости, к виду из окна, и даже виселица, которую не разбирали, перестала пугать ее. В конце концов, виселица — для простых разбойников. А удел королев — меч.

Вот и сейчас она легла, натянула сыроватое одеяло по самый подбородок, вздохнула и велела себе: спи. И себя же ослушалась.

Брат... господа, нужно следить за тем, что говоришь. И конечно, у нее получилось придумать оправдание, возможно, вполне и правдивое, ибо многие люди имели незаконнорожденных детей, но вот... Кайден не поверил. Он дознаватель. А королевские псы умеют чують ложь. И... и надо бы сказать ему... правду? Невозможно. Если он узнает, то... то будет молчать?

Не будет?

Что подумает? Что сделает? И не стоит ли Катарине уехать? Собрать драгоценности, приказать Джо... если та подчиниться приказу.

До Бристона.

И дальше. Порт... договориться с каким-нибудь капитаном. В колонии ведь многие ходят. Заплатить. И рискнуть. Конечно, может статься, что ее путешествие и вправду закончится на невольничьем рынке, и там Катарина пожалеет о глупости своей.

Или... нет?

Она закрыла глаза, пытаясь представить себе, каково это, жить в месте, где всегда жарко. И сухо. И змеи. Скорпионы. Звери, которых Катарина видела в королевском зверинце, но обитающие отнюдь не в клетках. Ее воображение рисовало одну картину за другой, вот только все они были слишком уж фантастичны, чтобы поверить. И незаметно для себя самой Катарина уснула.

Она знала, что спит, но и во сне продолжала мечтать, пока кто-то не сказал:

— Дура. Ты могла бы получить все.

Отец.

Он снова в черном. Он любит черный цвет и кто-то полагает, что это знак памяти о матушке, а отец не отрицает. Ему выгодна эта сказка о его большой любви. Но Катарина знала: никакой любви не было и в помине. Просто отцу нравится черный цвет. И золотая цепь канцлера на нем хорошо видна, как и массивный орден, дарованный королем.

Королями.

Он сумел остаться при обоих, не утратив ни толики власти.

— Будь в твоей хорошенькой головке хоть капля ума, хоть толика силы, ты бы стала настоящей королевой, а не этим... посмешищем.

Отец скривился.

— Даже теперь... сбежала и сидишь тихо, дрожишь, что мышь под веником, надеясь, что этого хватит, что тебя не заметят, обойдут стороной, позволив продолжить никчемное твое существование. Но ведь не позволят. Всегда найдется кто-то, кто захочет получить от тебя... неважно, твое ли тело, твои ли деньги, твои возможности. И что ты будешь делать, крошка Кати?

Он смотрел на Катарину и кривился.

Немолодой, но красивый. Катарина знала, что многие женщины при дворе искали его благосклонности, и отнюдь не потому, что отец был щедр и снисходителен к своим любовницам. Да, кому-то нужны были деньги, кто-то искал выгоды, для себя ли, для семьи ли, но изрядно было и тех, кому он просто нравился.

Их влекла его сила.

Власть.

Их не отталкивали ни седина, ни расчерченное шрамом лицо, ни его неготовность жениться вновь, о которой он заявлял сразу...

— Снова бежать? И снова... и опять? До каких пор, Кати?

Так он называл Катарину в детстве, когда находил еще время заглянуть в детскую комнату. И даже порой брал их всех на прогулку, пусть всего-навсего в сад.

— А помнишь качели? Те, что я велел поставить в саду? Я сажал вас и катал... до самого неба. Луиза, помнится, расплакалась. Элоиза и вовсе отказалась садиться. Твой брат умолял остановиться, хотя не так уж высоко они и поднялись. А ты, Катарина, ты смеялась. Я толкал их выше и выше, до самого неба, и мне самому было не по себе смотреть, как они взлетают. Но ты лишь смеялась и просила ещё. И тогда мне подумалось, что из всего моего выводка лишь ты унаследовала истинную силу рода. Но куда она подевалась после?

— Ты знаешь, — во сне ему противостоять куда проще.

Там, в жизни, Катарина терялась. Она готовилась к каждой встрече, и репетировала перед зеркалом, что позы, что слова, однако стоило появиться отцу, и они исчезали.

— Ты отдал меня ему...

— Королю.

— Старику. Грязному. Ужасному старику.

— Королю, — с нажимом повторил отец. — Думаешь, мне было просто устроить эту свадьбу? Поверь, смазливых девиц в Британии полно. И папаша любой готов был наизнанку вывернуться, чтобы дочь примерила корону.

— Но ты отдал меня, — Катарина стиснула кулаки.

Она по-прежнему ясно осознавала, что все происходит во сне, и это понимание придавало ей сил.

— Я надеялся, что ты-то поймешь, какая удивительная возможность тебе открывается. И что нужно было? Родить ребенка... просто родить ребенка...

— Сложно родить ребенка от мужчины, который не способен его подарить.

— К тебе возвращается дерзость? — отец скрестил руки. — Что ж, возможно, я поспешил. Следовало бы нанять учителей. И подождать немного, пока ты войдешь в должный возраст. Но у нас не было времени ждать...

— И я в этом виновата?

— Нет, — спокойно согласился отец. — Ты виновата в том, что, имея шанс, ты им не воспользовалась.

— Как?!

— Джон. Думаешь, я зря тратил силы, знакомя вас? Он сын своего отца. Одна кровь. Одна сила. И любой артефакт признал бы твоего ребенка...

— Ты... — Катарина отступила. — Ты хотел...

— Я надеялся, что ты догадаешься. Ты казалась мне несколько более сообразительной, чем твои сестры. Всего-то и нужно было... особенно после того, как на тебя потратили двадцать унций пылицы. Да ты бы и от мертвеца понесла!

— Генрих, выходит, был хуже мертвеца...

— Куда хуже. Но одна ночь с Джоном, и ты стала бы неприкосновенна. А что вместо этого? Скулеж? Жалобы на жизнь? Слезы?

Сон.

Просто сон.

Игра разума, в которой Катарина пытается найти смысл. А его, возможно, и вовсе нет. И беседует она не с отцом, сколь бы реальным он ни казался.

— Я был разочарован...

— И потому обрек меня на смерть?

— Если бы мне была нужна твоя смерть, тебя казнили бы спустя неделю после того, как ты переступила порог башни. Вспомни, Катарина, никто из них, кроме Анны, не продержался больше месяца... никто... кроме Анны и тебя, Катарина.

— Генрих заболел...

...как ей потом сказали, а Джон, появившийся донельзя вовремя, обрел вдруг поддержку в Совете.

— Заболел, — согласился отец и сцепил руки за спиной. — Своевременно, верно? Но болезнь не помешала бы ему выступить на суде. А Совет... эти трусы сделали бы все сами. Ты не представляешь, чего мне стоило сдержать эту свору.

Не представляет.

И представлять не хочет. Катарина хочет просто уснуть и спать, без снов и откровенных разговоров, без воспоминаний. Но все же...

— Зачем? — она задает вопрос, которого от нее ждут, как и подобает послушной дочери.

И сердце сжимается.

Нет, Катарина не настолько наивна, чтобы полагать, будто отец сделал это из любви к ней. Что он вообще способен кого-то любить, ведь даже к себе он был строг. Но вдруг...

— Ты была симпатична мальчишке. А мне он не доверял. Он и сейчас не сказать, чтобы доверяет, что правильно. Это во-первых. А во-вторых, разве мог я допустить, чтобы возвысились Эббероты? Дункан — напыщенный индюк, решивший, что ухватил удачу за хвост... его дочурка крутила задом, вот уж у кого ни совести, ни стеснения... не то, что у некоторых. А Генрих готов был платить, но не готов был отказаться от малой моей помощи.

— Венец, да?

— Рассказала? Не верь нелюдям.

— И людям тоже.

— И людям, — согласился отец. Он шел, слегка прихрамывая на левую ногу, и теперь эта хромота была особенно заметна. — Правильно. Никому не верь. Детям тоже... я так надеялся, что если не вышло с отцом, то у тебя хватит сил хотя бы сына удержать.

— Вправду надеялся? — во сне позволительно быть дерзкой. И Катарина прибавляет шаг, то ли догоняя отца, то ли пытаясь обогнать его. — Или просто держал рядом, используя его чувство благодарности? А когда она стала иссякать, подsunул младшенькую... удачная сделка, верно? Что еще предложил? Венец?

Отец улыбнулся.

— Или нет, скорее ты о нем промолчал, оставил про запас, ведь мало ли как оно в будущем повернется...

Слегка наклоненная голова.

Седая. А ведь он не так уж и молод. Он старше Генриха, и пусть выглядит сильным, может статься, что и он покинет этот мир. Что тогда Катарина ощутит? Печаль? Или облегчение.

— Уходи, — попросила она. — Уходи и дай мне, наконец, свободу...

— Свобода — это еще и ответственность, — сказал отец. — А ты к ней не готова. Ты глупая девочка, которой кажется, что нет ничего страшнее жизни во дворце. Знаешь, сколько бы над тобой посмеялись? А сколько с радостью готовы были бы поменяться? В этом мире, Катарина, люди умирают. И убивают.

— Знаю. Случалось... видеть.

Отец поморщился и, словно извиняясь, произнес:

— Я говорил Генриху, что ты слишком чувствительна, чтобы принимать участие в подобных забавах. Но сама знаешь, порой он бывал слишком упрям.

— Уходи.

— Хорошо, — отец отступил в туман. — Я уйду. Но я вернусь, когда ты станешь мне нужна. Возможно, тебе и вправду стоит слегка побыть одной. Женщинам, я слышал, это нужно. Но не увлекайся, Катарина. Помни. Ты королева, пусть и бывшая.

Глава 26

В дом змееныша Кайден звать не стал. А тот не стал напрашиваться, соврав, что должен присмотреть за братом, да и в городе у него дела. И Кайден сделал вид, что поверил, будто Гевину и вправду интересен брат.

— Передай ему, что если будет мешаться, утоплю в болоте.

— Передам, — Гевин склонил голову.

— И до матушки своей доведи, что не во всякие дела лезть стоит...

Вновь кивок.

Короткое прощание, без которого можно было бы обойтись. И тихая ночь. Сверчки и те примолкли. Ветер притаился в ветвях, и лишь в траве суетились светляки.

Кайден дважды обошел вокруг дома.

Заглянул в конюшни, где пахло сеном и конским дерьмом. Взобрался по стене, застыл, прислушиваясь к дыханию мальчишек, что спали на чердаке, закопавшись в солому.

Он нашел пару фляг и украденный окорок.

Послушал, как сопит старый конюх. Человек улыбался во сне и причмокивал губами, и выглядел при том отвратительно счастливым.

Он ли?

Или та экономка в сером платье и с серым же лицом, столь невыразительным, что Кайден, как ни силился, не способен был вспомнить черты его.

Те лакеи, чей разговор он подслушал в прошлый раз? В доме они держались с должной долей незаметности, что характерно для опытных слуг. И тем не менее именно это качество теперь и казалось подозрительным.

Что было делать слугам в мертвом доме?

В том, что опустел и стоял пустым лет пять? Поддерживать его? Хватило бы куда меньшего количества... или...

Кайден взломал неприметную дверь и, потянув на себя, поморщился: скрипит. Дерево разбухло, а петли покрылись толстым слоем ржавчины. Этой дверью и в прежние-то времена не часто пользовались, ныне же о ней и вовсе забыли.

И хорошо.

Три ступеньки.

И поворот. Узенький коридорчик, в который приходится протискиваться боком. И мир настораживается, он чувствует интерес Кайдена и готов откликнуться, если, конечно, хватит духу заглянуть на ту сторону.

Нет.

Еще рано.

И стоило бы вернуться, захватить клинки, а заодно и Дугласа предупредить на всякий случай, но Кайден упрямо шагнул по темному сонному дому.

Он поднялся на четвертый этаж, где разместились комнаты для прислуги.

Застыл.

Принюхался. Но знакомого запаха не уловил. Нет, пахло обыкновенно — людьми и их слабостями. Вино. Копченое мясо. Чеснок? Нанизанные на нить зубчики висели над дверью. И Кайден почти решился заглянуть, но отступил, услышав весьма характерный звук. Он успел прижаться к стене, и почти сроднился с нею, позволяя ночи спрятать себя. Граница мира задрожала, но Кайден сумел удержаться на краю.

На ту сторону он заглянет позже.

— Не спится? — этот женский голос заставил его еще сильнее вжиматься в стену. — Я ведь говорила, сидите смирно...

В белой рубаше до пола женщина казалась призраком. Полупрозрачная ткань не скрывала, скорее напротив подчеркивала оплывшие формы ее, давно утратившие красоту, если и вовсе когда-либо ею отличавшиеся.

— Эни... иди к нам... — пьяный голос был ей ответом. — Мы же просто... сидим вот, по-дружески...

— Завтра даже не приходи за зельем.

— Не дашь?

— Не дам.

— Ну ты и дрянь, — почти с восторгом произнес мужчина. — А я, может, за тебя пил... за твое здоровье... ты же здорова?

— Здоровее многих.

Женщина была боса. А вот на плечи накинула белоснежную шаль, слишком красивую, чтобы принадлежала она прислуге. Она вошла в комнату, и мужчина, что стоял на пороге, попятился, пропуская ее. А потом заканючил.

— Эни... ну чего ты... ну мы ж понимаем... все понимаем... только душе невмочь! Душа, она ж горит... просит...

— Скажи своей душе, что тело вполне может на суку оказаться, если хозяина подведешь, — холодно произнесла Эни. А Кайден с ней согласился. Правда, мысленно.

— Ой, да... что ты трясешься! Девки испугалась... да эта девка сама трясется, что хвост заячий...

— Слышал, что в пруду нашли?

— А то... правда, что ль?

— Правда.

— Твоих рук...

— Нет.

— Эни...

— Меньше трепись, и дольше проживешь, — изрекла Эни. — Хозяину я написала.

Кайден слегка сместился левее, он не отказался бы и в комнату заглянуть, но там, пусть и слабо, горели свечи. В коридоре же жила тьма, которая с удовольствием помогала тому, кто умел с ней говорить.

Кайден умел.

— И что нам делать? — спросил другой голос, тоже мужской, но тонкий, высокий. И в этом чудились нервические ноты.

— Ничего. Служить верой и правдой.

— А...

— Мы девку не трогали. Сама утонула. Стало быть, спросу никакого.

— А если спрашивать начнут?

— Правду отвечать, — Эни говорила жестко. — Нас для чего наняли? Следить за домом. Мы и следили. А девка... да, была такая... прибыла. Заявила, что она тут хозяйка. Остановилась на день, а потом исчезла... и серебряные ложки с ней.

— Ложки?

— Ложки, вилки. Утварь... вот и решили, что мошенница. Управляющему не отписали из страха.

— А не почует? — поинтересовался второй. — Дознаватели же вранье... они ж того... чувят.

— Почует, — Эни не казалась взволнованной. — Но вспомни, кто мы? Прислуга. Наемная. Не родовая. А стало быть, сами по себе мелки и ничтожны. И если врем, то от этой ничтожности. Все они так думают. Главное, вести себя правильно. Если вдруг, то хозяин поможет.

Кайден почесал ладонь, раздумывая, не стоит ли поближе познакомиться, что с этой женщиной, от которой пахло так неприятно, но знакомо, что с тем, кого избрала она в хозяева. Он пошевелил пальцами и прижался к стене.

Если крысу взять за горло, она хозяина выдаст, но... что дальше?

— А это точно не ты... девку... того?

— Точно.

— Эни...

— Что? — Кайдену по голосу было ясно, что женщина улыбается. — Больше знаешь, хуже спишь.

И в этом была своя правда.

У стены пришлось стоять еще с час. Пока Эни вышла. Пока уgomонились и лакеи, которые после ухода экономки не стали обсуждать ни ее, ни труп, чем несказанно Кайдена огорчили. Мысль о допросе он отложил, ибо и вправду предъявить прислуге было нечего, а излишняя поспешность была бы во вред. Кайден повесил над дверью паутинку силы, и еще одну — над второй дверью, за которой скрылась Эни. И третьей не пожалел. Паутинка была полупрозрачной и до того тонкой, что и крысы с обостренным их нюхом не почуют. Зато Кайден будет знать, где твари находятся.

Пусть трусоваты.

Пусть слабы, но... наставник говорил, что хорошего воина отличает предусмотрительность. В том числе. Заодно, глядишь, и хозяин отметится.

Он еще некоторое время постоял на опустевшем этаже, чтобы после спуститься ниже.

И еще ниже.

Кайден обошел весь дом, не поленившись заглянуть в каждую комнату, раз за разом убеждаясь, что многие из них сохранились в прежнем виде. Правда, исчезли фарфоровые безделушки, которые весьма любила леди Норрингем. И серебряные часы с драконом, украшавшие некогда Салатовую гостиную. Ушли картины.

Два гобелена.

Хрупкие стулья. И та музыкальная шкатулка, которую Кайден едва не разломал. Жаль. Красивой была. И дорогой. Или не очень?

Он не знал.

Быть может, вещи убрали по приказу управляющего, оставив в доме то, что не представляло особой ценности, но теперь Кайден ощущал себя обворованным.

А это было нехорошо.

Очень нехорошо.

В подвалах было столь же пусто, уныло и сыро, как когда-то. В общем... никаких тайн дом не скрывал, и это тоже раздражало. А заодно заставляло усомниться в собственных способностях. Кайден почти решился выглянуть на ту сторону, уж больно странно все было, но не стал.

Безоружному на границе делать нечего.

Пробуждение принесло хорошо знакомую головную боль. Катарина открыла глаза и поморщилась, понимая, что первую половину дня — и повезет, если только ее — обречена провести в постели.

Она велела задернуть шторы, ибо солнечный свет боль лишь усиливал.

Отослала завтрак — от запаха еды начинало мутить. И забралась в ванную. В теплой воде становилось легче, а если добавить пару капель ароматного масла...

...во дворце ванну готовили долго.

Это была отдельная церемония, каждый участник которой всецело отдавал себе отчет в важности возложенной на него задачи, будь то представление полотенца или же поднесение гребня для

волос.

Катарина даже улыбнулась.

Господи, как это ее когда-то злило... разоблачение... переодевание в рубашку для омовений, которая от прочих отличалась лишь тем, что была расшита морскими лилиями. Восхождение на постамент под внимательными взглядами, в которых помимо почтения и восторга много чего таилась.

Нет, дома лучше.

Она легла, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Почти хорошо... вода теплая и ласковая, обнимает, утешает...

Поднимается выше.

И еще выше.

И в какой-то момент Катарина всецело оказывается во власти воды. Она с удивлением осознает, что вода коснулась шеи.

И щек.

Тронула губы, уговаривая открыть их. Нужно всего-то сделать вдох. Это не страшно. Жить страшнее. И разве Катарина не готовилась умирать? А если так, то должна сдержать слово. Нехорошо, когда кто-то не держит...

Нет.

Катарина выжила и не собирается...

...уснуть. Закрыть глаза. Позволить воде унести печали, погрузиться в полудрему. Не этого ли она желала еще недавно? И вода готова помочь, сколько раз она избавляла Катарину от боли. И теперь поможет. Навсегда.

Нет.

Нельзя поддаваться. И дышать водой тоже не стоит. Катарина вцепилась в край ванны, пытаясь подняться, но вода, еще недавно столь ласковая, вдруг будто остекленела. И она, Катарина, стала мошкой, попавшей в это стекло.

Ни шелохнуться.

Ни вздохнуть.

— Помогите... — слабый шепот растворился в тишине ванной комнаты. Надо сильнее... или до амулетов... она сняла все, потому что вода коварна, она стирает магию.

Дышать. Медленно и без паники. Осторожно. И также медленно подниматься. Что бы это ни было, Катарина сумеет противостоять. Она пошевелила пальцами и покрепче вцепилась в края ванны, которые вдруг стали гладкими, словно... то же стекло.

А теперь вверх. Осторожно, по толике дюйма... потихоньку...

— Джио, — это было сказано шепотом, но вода, словно ощутив, что жертва вот-вот выскользнет, заволновалась. Она вздыбилась, свилась тугой плетью, которая захлестнула шею Катарины и потянула вниз, к ставшей невозмутимой глади.

От нее явственно пахло болотом.

— Джио! — Катарина закричала, но из горла вырвался сдавленный писк.

Джио! Они же кровью связаны... Джио всегда была рядом... и сейчас должно... она не ушла бы, не удостоверившись, то Катарине ничего не угрожает... далеко не ушла бы.

И стало быть, шанс есть.

Катарина закрыла глаза. Руки ее дрожали от напряжения. Шея ныла, и кажется, по плечу поползла капля крови, но...

Вдохнуть.

Сосредоточиться. Воззвать к крови, умоляя помочь. Плеть дернулась, и Катарина, согнувшись

пополам, ушла под воду. Темная, тухлая, та заполнила рот и нос, спеша забраться внутрь такого упрямого тела. Плеть растворилась, но лишь потому, что теперь Катарину держала вся вода. Она стала густой и тяжелой.

Неподатливой.

И горькой. Горче собственных слез.

Катарина рванулась и... и чьи-то когти впились в ее плечи, потянули, извлекая из водного плена, швырнули на пол, а потом что-то тяжелое, неимоверно тяжелое, упало на грудь. Катарина ощутила, как трещат ребра, но рот ее открылся сам собой, выплюнув черную жижу. Кажется, она закашлялась. А потом ее вовсе вырвало, на роскошное платье Джио. Бархатное. Яркое. Цвета утреннего пламени. И Катарина расплакалась от расстройства. А Джио, с легкостью подхватив ее, сказала:

— Вот же... ни на минуту тебя без присмотра не оставишь...

Она отнесла Катарину к кровати и, сдернув простыню, растерла. А потом наклонилась и на что-то нажала, отчего тело вновь свело судорогой, и изо рта хлынула очередная порция воды. Но после стало легче. И Катарина, свернувшись в клубок, закутавшись в ту же мокрую и холодную простыню, наблюдала, как мечется по комнате Джио.

— Извини, — выдавила Катарина. И потрогала горло. Голос был сиплым, чужим. — За платье...

— К демонам платье, — Джио остановилась. — Жива?

— Как видишь.

— Не уверена, что вижу, — проворчала она и, подойдя к Катарине, положила руку на ее голову. — Целителя приглашать станем?

— А надо?

— Смотри сама. Только учти, целители вовсе не так молчаливы, как любят о том говорить. А твои... особенности от него не скроешь.

Верно.

И узоры он увидит, а потом с кем-нибудь поделится. Люди склонны делиться тем странным, свидетелями чему становятся.

— Мне страшно.

— Понимаю, — Джио стянула простыню и велела. — Вставай. Кое-что у меня есть... внутри как? Не давит? Не жжет?

Горло пекло, а еще каждое движение доставляло боль, особенно слева. И Катарина прижала локоть к груди.

— Ничего, — выдавила она. — Как-нибудь... потерплю.

Мазь была прохладной, но, впитываясь, разогревала тело, и Катарина зашипела от боли.

— Скоро пройдет, — Джио развернула ее и, окинув скептическим взглядом, заметила. — Подкормить тебя стоит, а то кожа да кости. Руки поднять сможешь?

С трудом.

— Ребра не сломаны, но пару дней поноют. Расскажешь, что случилось?

Она достала другую банку, содержимое которой весьма напоминало забытую на солнце овсянку. С одной стороны она засохла, а с другой покрылась плесенью.

И запах был соответствующий.

— Я не поняла. Утром болела голова. Я... просто болела. И сон такой странный был, — Катарина повела плечами и поморщилась. — Но вряд ли оно связано. Просто... я забралась в ванну. И сперва было хорошо. Мигрень и та прошла, а потом... потом я поняла, что меня хотят утопить. Нет.

Она закусила губу, подбирая подходящее слово.

— Скорее она хочет, чтобы я утонула.

— Кто?

— Вода. Не знаю, как правильно. Она уговаривала меня открыть рот, сделать глоток, а когда я отказалась, то поняла, что не могу пошевелиться. Это ведь неправильно! Это же основы основ. Вода рассеивает магию. Слишком большая масса, высокая плотность... я и сама, когда... — Катарина вытянула руки, разглядывая узоры, что проступили на коже. — Концентрация чересчур возрастала... да... вода отличное средство, чтобы мягко скинуть излишек силы. Но управлять ею... создать водный жгут? Разве такое возможно?

Джио хмыкнула.

И ушла. А вернулась с огромной своей сумкой, из которой достала широкие ленты полотна.

— Выдохни. И стой смирно. Люди не ладят с водой. Мало кто ладит с водой. Твоя правда. Даже среди иных ее... опасаются, скажем так. Но мир — штука сложная, а вода... воды слишком много, чтобы ее вовсе не использовать.

Она наматывала полотно, сдавливая ноющие ребра, но странное дело, от этого становилось легче.

— Далеко на юге, где море, говорят, кипит от солнца, водятся сирены. Сама не видела, но моряки их бояться больше, чем акул. Акулы что? Рыбины, хоть и зубастые...

— А акул видела?

— Видела. Не перебивай. Мерзкие твари. Мы одну загарпунили, размером с лодку. Человека могла бы пополам перекусить, да... сирены поменьше будут. Но и норовом погаже. Одни говорят, что они наполовину женщины, наполовину рыбы. Другие, что женщины и змеи, третьи вообще бают, что женского в истинном их обличье немного. Им я верю. Твари эти поют. И от пения их люди теряют разум. Их обуревают страх, заставляя прыгать в море, а там уже человеку с сиреной не справиться. Кого-то они топят, кого-то живьем жрут...

— В моей ванной сирен не было.

— На севере водятся ундины. Эти зимой впадают в спячку, а летом поднимаются вверх по течению, часто в рыбьих косяках скрываясь. Им для того, чтоб икру выметнуть, кровь нужна, горячая, свежая... в общем, летом на севере никто не рискует рыбачить в одиночку.

— Жуть какая.

Джио затянула повязку и подала рубашку.

— А то. Есть еще водники, что предпочитают глубокие омуты. В целом твари довольно безобидные, если, конечно, не имеешь обыкновения придремать на берегу.

— А если имеешь?

— Лучше не иметь. Утянут. Они все, сколь бы малы и немощны ни были, не побрезгуют ни кровью, ни силой.

— Почему?

— А что в твоих книгах пишут? — Джио помогла натянуть рубашку.

— Смотря кто. Многоуважаемый архижрец Кентррби уверен, что это свойство происходит от естественного желания тварей бездушных прикоснуться к творению богов нашего. И насытить голод душой. А кровь уже сопутствующее. А вот Аарон Баттрби уверен, что первична сила, именно потому существа... иные предпочитают одаренных.

— Ясно. Хрень.

— А на самом деле?

— На самом деле... сложно. Без красной крови ундина не жиреет, а значит, и икру не выметет, сколько бы рыбы она ни сожрала.

— Значит, — Катарина стояла, обняв себя. В огромном зеркале она отражалась, до невозможности жалкая, ничтожная. — У меня в ванной завелась ундина?

Получилось улыбнуться.

— Хуже. Из всех тварей водных только одни с силой ладят. И... придется с дознавателем говорить.

— О чем?

— Обо всем, — Джио скомкала влажную простынь. — Болотники — это не шутка... болотники — это такая беда, что всем бедам беда... кровь от крови фоморов, а уж те выродки не нашего мира. А потому помалкивай, будь добра. И к завтраку спустись. Не хватало, чтобы слухи пошли. Люди, они боятся, а со страху на многое способны.

Глава 27

Дуглас устроился в низком кресле. Ноги вытянул, поставил на живот кружку с горячим медом, к которому прихватил кусок ржаного хлеба. И вид его, весьма умиротворенный, вызывал у Кайдена острое желание кого-нибудь убить.

Причем не столь и важно, кого...

Но вместо этого он вежливо сказал:

— Доброго утра.

И занял место во главе стола.

— Уже полдень скоро, — возразил Дуглас.

— Как проснулся, так и утро, — Кайден подтянул к себе блюдо с яйцом-бенедикт.

Кукурузные лепешки.

Зеленый соус.

Вино. И ветчина, нарезанная тончайшими ломтиками. Запахи будили куда лучше солнечного света, который казался чересчур уж ярким.

— Тоже верно, — Дуглас понюхал мед и сказал. — Тут леди Гленстон письмо прислала. Кое-что из последних новостей.

— Полезное?

— Как посмотреть. Его величество изволят жениться.

Кайден пожал плечами. Его это совершенно не касалось.

— Вдовствующая королева удалилась в монастырь...

— Сочувствую.

— Кому?

— Всем, — Кайден решительно разрезал яйцо, из которого на кукурузную лепешку потекла желтковая лава. — Так, а полезного?

— Полезного... не так давно на имя Его королевского Величества, да славится в веках его мудрость, поступила нижайшая просьба от некого лорда Терринтон об опеке над племянницей его супруги, которая в силу возраста и пережитых испытаний явно нуждается в родственной заботе.

— И?

— Прощение пока затерялось в канцелярии, но знающие люди утверждают, что за лордом стоят некие силы, обладающие немалым влиянием.

Это Кайдену не понравилось.

Категорически.

— Хуже всего, что прошение исходит не только от него. К лорду присоединился весьма уважаемый целитель, имевший возможность беседовать с несчастной. И он полагает, что перенесенные несчастья сильно повлияли на ясность мышления женщины.

— Несчастья?

Катарина не выглядела несчастной.

Совершенно.

Задумчивой. Печальной, но не несчастной.

— Смерть родителей, — Дуглас загнул палец. — Смерть мужа. Переезд в другую страну. Обычно этого достаточно, чтобы человек почувствовал себя несчастным.

Он смотрел на Кайдена едва ли не с жалостью. И это оскорбляло.

— Хочешь сказать...

— Она лжет, — Дуглас потянулся и с сожалением отставил недопитый мед. — Это очевидно. Но только в чем?

Лгала Катарина или нет, но сейчас она выглядела совсем не столь спокойной, как обычно. Она была бледна до серости, и щеки запали, обрисовав резкие скулы. Нос ее заострился, а под глазами залегли тени.

— Спасибо, — сказала она очень тихо, и тонкие пальцы коснулись шарфа, что укрывал шею. — Я... не знаю, к кому обратиться... и что случилось, тоже не знаю. Джио уверена, что я должна...

На бледной длинной шее след выделялся ярко.

Синий.

Нарядный.

Узкий. Один вид его заставил Кайдена закрыть глаза, в попытке совладать со взбунтовавшейся вдруг силой. Хотелось... убивать. Не так, как утром, но по-настоящему.

И клинки согласно взвыли.

Желание хозяина они понимали и разделяли всецело.

— Откуда это? — голос Дугласа пробился сквозь пелену ярости, и Кайден сделал глубокий вдох. И выдох. И снова вдох, заставляя себя всецело сосредоточиться на нехитром этом процессе.

— Едва не утонула в ванной, — Катарина сидела на низкой софе, и на коленях ее лежала раскрытая книга. — Утром... почувствовала себя дурно. Со мной случаются мигрени. А ванна помогает. Я порой и соли добавляю ароматные, но сегодня просто теплая вода и покой. Сначала было хорошо, а потом...

Она обняла себя, и Кайден отстраненно отметил, как подрагивают хрупкие ее пальцы. И ногти на них приобрели неправильный синеватый оттенок.

— Я испугалась. Когда она стала плотной. И когда потянуло вниз. А потом словно петля. Из воды. Я думала, что уже все...

Отчаянно захотелось шагнуть к ней.

Присесть рядом.

Обнять.

И сказать, что больше подобное не повторится, что Кайден не допустит, что разнесет по камням треклятый дом и доберется-таки до тварей, позволивших себе поднять руку на ту, кто, пусть пока не принадлежит Кайдену, но это дело времени...

Но вместо этого он сделал вдох и спросил:

— Кто вы?

А Катарина едва слышно вздохнула и тоже спросила:

— Почему мне настолько не везет? Почему из всех возможных городов я оказалась именно в этом? Почему моим соседом стал человек, который видит больше других? Да и вообще...

Она коснулась шеи и доверительно произнесла:

— Не потому ли, что срок моей жизни давно уже вышел?

— Глупости не говори, — Джио встала за спиной своей... кто она?

Подруга?

Наперстница? Компаньонка? Нечто большее, поскольку, стоило ей приблизиться, и Катарина задышала легче. Она подняла голову, а Джио едва заметно кивнула. Разрешая говорить?

— Итак, кто вы? — повторил вопрос Дуглас.

— Королева, — тихо ответила Катарина. — Вдовствующая. Восьмая Её Величество Катарина I, Божией Милостью Великобритании, Ирландии, и Британских Доминионов Заморских Королева,

Защитница Скорбящих, Утешительница Обездоленных, Хранительница Первозданного Пламени.

И она не лгала.

Ни словом не лгала.

Правда, сказанная ею, была терпкой и горькой. И заставила отступить. А Катарина виновато опустила взгляд, будто...

— Даже так... — Дуглас, кажется, растерялся. — Но...

— Я устала, — просто сказала она. — Давно устала, но шанс вырваться появился только теперь.

Ее ладони скользили по серой ткани платья. Вверх, сминая расшитые тонкой нитью рукава, и вниз. От плеч к локтям и обратно. Она отвернулась, будто не желая видеть Кайдена, и солнце, пробивавшееся сквозь запыленное стекло, окружило ее облаком золотого света.

— Мне предложили чужое имя. Сказали, что эта женщина давно желает служить Богам. А я... после женитьбы Джона меня рано или поздно отправили бы в монастырь. В Гринвиче не может быть двух королев. И я согласилась.

Джио склонила голову.

— А вы...

— Она мой друг, — ответила за нее Катарина. — И компаньон. И охрана. И наверное, единственный человек, которому я верю.

А вот это было обидно.

Выходит, Кайден не заслужил доверия? Не заслужил. Они-то и знакомы пару дней.

— Кому было бы выгодно от вас избавиться? — продолжил Дуглас.

Этот вопрос не вызвал удивления, скорее вялую улыбку.

— Боюсь, что многим. Во-первых, отцу. Он готовит брак моей сестры и Джона, а я уже отработанная фигура, которую проще убрать, чем тратить на нее время и силы. Он не любит оставлять за спиной забытых людей, полагая, что рано или поздно, но любой человек способен доставить неприятности.

— Вижу, у вас теплые взаимоотношения.

— Невероятно, — тон-в-тон ответила она и все-таки посмотрела на Кайдена.

Темные глаза. Не мед, но вишня, дикая, вошедшая в пору высшей спелости, когда сладость ее почти равняется с горечью.

Яркие. И в них одновременно уживаются отчаяние и надежда.

— Он еще тот собачий сын, — заметила Джио. Она ласково провела пальцами по щеке Катарины. — И поверьте, собственные дети для него значат ничуть не больше, чем чужие. А что до Катарины... она была коронована короной Святого Эдуарда, что даст возможность некоторым не самым дальновидным людям говорить о неких ее правах на престол.

— А они есть?

— По закону — да, — Катарина выпрямилась и, когда Кайден подал руку, повинувшись молчаливому ее требованию, оперлась на нее. — Корона Святого Эдуарда наделяет меня титулом полноправной владычицы, а не королевы-консорты, как это было до меня.

Она шла медленно, гордо вскинув голову, и каждое движение ее было преисполнено урожденного изящества. И даже странно теперь было, как Кайден сам не понял.

Только королева может быть... такой.

— Помимо того существует завещание, о котором широкой публике не известно. Мой муж знал, что осталось ему недолго. Он весьма надеялся получить от меня наследника.

По лицу Катарины пробежала тень.

— И в то же время опасался, что после его смерти старший сын может предъявить свои права на престол, пусть даже и законность его рождения после аннулирования того брака Генриха весьма сомнительна, но...

Она остановилась перед лестницей, которая выглядела слишком уж высокой.

— Поэтому Генрих и рискнул пойти на такой шаг. Завещание представлялось ему гарантией того, что воля его будет исполнена. Я назначалась регентом и соправителем, хотя все понимали, что правил бы мой отец. К этому он и готовился.

— Но наследника... не получилось?

— Не получилось, — пальцы на руке Кайдена слегка сжались. — И если бы мой муж прожил немного дольше, думаю, появилась бы и девятая королева. Но мне повезло. Он умер. А я осталась жива. С Джоном же... он пока мягче отца.

— Пока?

— Корона — не та ноша, которая позволяет людям оставаться добрыми. Но когда-то я помогла ему, вот и он проявил милосердие.

А ведь новый король молод. И бабушка писала, что весьма собой хорош. И еще писала, что он немалое внимание оказывает королеве... а она? Устояла ли?

Или...

Ревность обжигала, что холод, исходивший от вод Мертвой реки.

— Милосердие ли, — тихо поинтересовался Дуглас, сбив с мысли.

К счастью.

— Не знаю. Тогда мне казалось, что да, что я, наконец-то, уйду из-под опеки отца, от власти его. Что начнется совсем-совсем другая жизнь...

— И как?

— Совсем другая, — она улыбнулась и впервые светло и искренне. — Во всяком случае, здесь никто не будит меня в шесть утра, чтобы я успела принять ванну, сделать прическу и выбрать правильный наряд к утренней молитве. Никто не указывает, где я должна сидеть, что есть, что пить и с кем беседовать. По саду опять же гулять можно. А утренние прогулки, как оказалось, весьма благотворно влияют на настроение.

Кайдена и сам расплылся в улыбке.

Ночью он ее украдет.

Пусть она вновь скажет, чтобы он не приходил, но лилию примет. И луну примет, ту, что отражается на темной глади пруда. А с ней — и ночной хор сверчков, соловьиные трели и просто тишину, наполненную жизнью.

И быть может, дышать ей станет немного легче.

— Хорошо... — Дуглас открыл дверь и поморщился. — Жарковато сегодня. Стоит ли выходить в сад?

— Стоит, — Катарина произнесла это тоном, не терпящим возражений. — Знаете, я поняла, что чем больше лежу, прячусь, убегаю, тем слабее становлюсь. И мне это надоело. Но вы ведь не о том спросить хотели?

И вправду было жарко.

Полуденное солнце разошлось не на шутку. Оно будто опустилось ниже, навалившись всей своей тяжестью на небосвод. И ветер притих. И деревья поникли, опустили пропыленную листву.

— И все же...

— Я не хочу в дом. Считайте это капризом, глупостью женской, но... я не хочу там оставаться. Это пройдет, я справлюсь с собой.

И Кайдена поверил, что справится.

Она ведь королева.

А Катарина спустилась на ступеньку.

— Сейчас я почти уверена, что Джону помогал отец, что, возможно, он и подсказал это... вариант... вполне безобидный на первый взгляд. И выгодный.

— Чем?

— Я исчезаю. Добровольно ухажу в монастырь. Это было обставлено весьма помпезно, чтобы народ убедился, что желание это добровольное. Нет, при отсутствии его тоже нашелся бы способ убрать меня, но пошли бы слухи. С ними, конечно, справились бы, но...

Еще шаг.

И пыльный воздух окутывает ее, он касается бледных щек, возвращая им краски, пробуждает к жизни веснушки. Даже волосы будто ярче становятся.

— То же самое со смертью. Если бы я умерла, не важно, от чего, нашлись бы люди, приписавшие эту смерть рукам Джона. Или отца. Правда, не могу сказать, чтобы это так уж задело, но... когда есть возможность поступить иначе?

Отправить ставшую ненужной королеву в добровольное изгнание, а там и несчастный случай устроить. Несчастные случаи и с королевами происходят, что уж говорить о бедной женщине, которая прибыла с самого края мира?

— Вижу, вы поняли, — Катарина остановилась, чтобы погладит мраморного льва. — Мне одно хотелось бы понять. Джон знает?

— О болотниках вряд ли. Слишком опасная зараза, чтобы с нею связываться, — сказала Джо.

И Кайден с ней согласился.

— Да и об остальном... он еще не настолько король.

— Тогда отец.

— Или приятели твоего Джона. Или все вместе.

Катарина кивнула. Вдохнула. И коснулась шеи.

— А вот эту дурь из головы выбрось... — проворчала Джо, щурясь. Она остановилась на самом солнцепеке, и на лице ее вдруг появилось выражение высшей степени довольства. Узкие губы растянулись в улыбке, черты слегка сгладились, а темно-вишневые глаза будто поволокой подернуло. — Идите... гуляйте, а я постою. Погреюсь. Редко такой хороший день случается.

Гуляли молча.

Катарина шла, думая о своем, а Кайден не мешал, хотя его раздирали многие вопросы. Ему хотелось знать о ней все. И в то же время не хотелось, ибо подозревал он, что некоторые знания пойдут не на пользу. Его сжигали и любопытство.

И ревность.

И обида на то, что она оказалась королевой. Пусть и восьмой. И вдовствующей. Но... королевой. А он кто? Бастард? Бабушка столько сил потратила, пытаясь стереть это клеймо, хотя все понимали, что некоторые факты не изменить.

Бастард и королева.

Хоть балладу заказывай из тех, слезливых, где к финалу все трагично помирают. Только Кайден умирать не собирался. И Призрак под ладонью заурчал, соглашаясь.

— Я бы хотела уйти, — наконец, заговорила она, не глядя ни на Кайдена, ни на Дугласа. И руку свою убрала, словно отказываясь от опоры. — Уехать на край мира. Только, боюсь, не позволят. Лучше расскажите мне о болотниках. Что это за твари?

Твари и есть.

Лучше не скажешь.

Но... лучше говорить о болотниках, чем о короле, которого не стало, и его жене, которой не должно было оказаться в этом доме, в этом месте.

Глава 28

Катарина ощущала, как на нее смотрят.

Тот старик.

Он не так уж и стар, с толку сбивают седина и морщины, но вот глаза у него молодые и в них читается крайняя степень неодобрения. Он явно не рад, что Катарина заговорила, ибо теперь не получится оградиться чудесным незнанием.

Он думает, верно, что лучше было бы ей утонуть.

От мертвецов пользы, если подумать, много больше, чем от сомнительного свойства королев. Кайдэн, конечно, расстроился бы, но вряд ли стал бы горевать слишком долго. Он чересчур живой, на ветер похож, столь же непоседливый. Сегодня юг, а завтра север. И у юбки Катарины он точно не задержится, разве что ненадолго, пока не утолит собственное любопытство.

Мысли были чужими.

И правильными.

А потому Катарина отвернулась, чтобы не видеть этого человека и его взгляд. Великое умение, крайне полезное при жизни во дворце. Она присела, благо, в саду имелась лавка, и сосредоточила внимание на пыльном цветке шиповника. Белые опаленные солнцем лепестки почти исчерпали срок своей жизни. Достаточно дохнуть посильнее и они облетят. Но Катарина прикоснулась к цветку осторожно. Она знала цену мгновения.

— Когда-то давно, когда мир принадлежал богам, Гоибниу только-только разжигал свой волшебный горн, а юный Луг собирал солнечный свет, чтобы сплести сети и небесную лодку. Тогда земли были необъятны, леса и реки обильны...

Катарина прикрыла глаза. Пусть это будет сказкой. Далекой. Страшной. Но главное, что речь в ней не будет идти о Катарине.

— ...и так возникли Туата де Даннан, дети богини Дану, столь же свирепой, сколь и милостивой. Были изгнаны они после поражения Иаборна, сына Немеда, и не осталось им места за столом, среди Богов и героев. И ушел он, обиженный несправедливостью, ибо лживыми словами опорочен был Иаборн, и обманом лишен той силы, что горела в его крови. А следом ушли и те, кто клялся ему своей жизнью и душой. Оказавшись за порогом дома Богов, взял Иаборн меч Нуаду, и взмахнул им, и сказал слова, которые не должны были быть произнесены, но гнев его был столь велик, что не сумел сын Немеда совладать с ним. Тогда-то и отделился мир нижний от верхнего. И верхний остался богам, а нижний — иным созданиям, во многих из которых текла божественная кровь. Так боги отделились от людей.

Она слышала эту историю. Или другую, но весьма похожую, отличную лишь именами людей ли, нелюдей... не так важно. Но голос Кайдэна успокаивал.

— Иаборн привел детей Дану на далекий берег, где жили люди, но люди эти были дики. Они не знали огня и ели сырое мясо. Они выносили детей к морю, ибо скудные земли не способны были прокормить всех. Туата де Дананн научили их всему. Они делились знаниями столь щедро, что вскоре люди превзошли наставников и в искусстве волхования, и в языках, и в знаниях имен предвечных.

И ни к чему хорошему это не привело. Катарина знает. И позволяет себе слегка склонить голову. А на ладонь падает первый лепесток. Вот так... время уходит. Для всех. Для цветов ли, для людей, боги и те не вечны...

— Долго правили Туата де Дананн, и были те времена славны, ибо не осталось на благословенных землях никого, кто был бы голоден — всех кормил чудесный котел Дагды. Копье Луга поражало холод, и зима не смела подступить к берегам вечной Благодати. Меч Нуаду хранил покой, ибо даже демоны-фоморы в ярости своей, напрочь лишаящей разума, не решались напасть на тех, кто хранил божественную силу. Но важнее всего было четвертое сокровище, похищенное сыном Немеда, камень Фаль, который начинал кричать, когда его брал в руки истинный король.

Он рядом стоит, почти непозволительно близко. И кажется отрешенным, будто сам увлекся древней этой историей.

— Однако не всем была по душе сила, что обрели Туата де Дананн. Не единожды люди обманом ли, силой ли, пытались сокрушить их, но всякий раз терпели поражение. Пока не пришли с края мира лодки фоморов, в которых сидели люди, назвавшие себя сыновьями Миля. Они поведали

удивительные вещи о том, что извечная война между богами и фоморами завершена, что ныне наступил мир, и древние враги славят друг друга, поднимая кубки с вересковым медом. И прекрасная Эйне невозбранно гуляет по всем землям. Они сказали, что лишь дети богини Дану, укрыв себя от мира, остались глухи и слепы к переменам.

Тяжелый шмель опустился на цветок, чтобы тотчас подняться с разочарованным гудением. А на юбку Катарину посыпались иссыхающие лепестки.

— И тогда велел король собрать всех на пир во славу богов и великого примирения, — Кайден положил руки на рукояти клинков. — И каждому гости поднесли чашу, что была украшена желтыми камнями, яркими, будто само солнце. Мед в ней не иссякал. И вскоре хмель затуманил разум. Люди уснули, а когда проснулись, вновь праздновали... и вновь... и праздник длился девять дней и девять ночей, пока не закричал юный сын короля, падая на колени, а из разодранного его живота хлынули твари вида столь отвратительного, что многие герои застыли в ужасе. Гости же вскочили и обнажили мечи, а люди... люди подчинились вдруг воле их, будто и не было кровных уз, что связывали их с племенем детей Дану.

Лепестки наощупь казались сухими и совершенно лишенными жизни.

— Тогда-то и зарыдал камень Фаль, ибо один за другим, словно стебли сухой осоки, падали те, в ком текла королевская кровь, а тела их становились пищей для тварей. Сыновья же Миля воздели над головой руки и призвали воду. Но та вода не была живой водой ручьев или соленой кровью моря. Эта была мертвая вода, отравленная многими душами, которых пожирали твари фоморов, и послушная лишь им. И понял тогда Последний из рода Королей, что не выиграть ему этой битвы, ибо с водой поднимались новые и новые сыновья Миля. И казалось, что несть им числа. Тогда поднял он очи к небесам и взмолился той, которую всегда почитал, умоляя спасти последних из детей своих, укрыть их незримым пологом. А чтобы исполнить клятву, взял он меч Нуаду и пронзил свое сердце.

Красиво, наверное. Во всяком случае, героично.

— Столь велики были гнев и отчаяние его, что вновь вырвались на свободу запертые слова, пусть и не были произнесены они, но все одно прозвучали, разделяя миры. Твари остались в мире яви, а дети Дану ушли в иной, который некоторые называют миром тени, хотя это и не совсем верно.

— А болотники?

— Порождения фоморов, демонов иного мира, сожравшего в своем все живое и мучимых голодом, который невозможно утолить. К счастью, мир, многожды разделенный, стал недоступен им. В нем, пусть и магическом, но излишне тварном, плотном, сложно оставаться, как богам, так и фоморам. Им нужно вместилище, но их присутствие разрушает это вместилище.

— А... дети Дану?

— Они иногда возвращаются.

— Чтобы найти дурочку, которая поверит в сказку о большой любви и спустится в мир Теней. Она и вправду будет любить, согревая их этой любовью и своей душой. Только надолго ее не хватит, — сказала Джио, и эти слова заставили Катарину очнуться.

Своевременное предупреждение.

— В твоих словах есть правда, — согласился Кайден. — Моя мать ушла за моим отцом. И он берег ее, как берегут редкостный цветок, ибо любовь ее позволяла ощутить себя живым. Там, внизу, все немного иначе. Я и сам не понимал этого, пока мне не позволено было подняться. Когда моя мать ушла, отец отослал меня. Он оставил людям богатые дары, чтобы приняла меня. Он... таким как он сложно оставаться здесь надолго, также как и людям невыносимо быть в мире нижнем. Но мы ведь не о том, верно? На деле никто точно не знает, откуда появились болотники, ибо возникали они то в одном, то в другом месте, и всякий раз, стоило пропустить заразу, место это превращалось в пустыню. Они хуже чумы, ибо и после чумы остаются выжившие, не говоря уже о животных и травах, а после болотников остается лишь болото. Мертвое. Гнилое.

Чудесно.

Катарина вспомнила про то болото, в котором исчез труп. И вздрогнула. Показалось ненадолго, что по ногам потянуло ледяным ветром. Правда, холод тотчас сменился жарой.

— Их пытались изучать, надеясь, что, как со многими иными, которые выходят в мир людей, получится заключить договор. Однако, несмотря на весь свой разум, болотники не желали ограничивать себя какими-либо правилами. Они полагают именно себя потомками истинных богов, а весь мир — охотничьими угодами.

— Какие они?

— Этого никто не знает, — Кайден развел руками. — Многие сходятся на том, что истинного обличья болотники в мире тварном не имеют.

— Как это? — Катарине доводилось читать многие книги, о существах реальных и вымышленных, удивительных, пугающих, отталкивающих, но о болотниках в них не было ни слова.

— Дело в том, что народ их, если можно выразиться подобным образом, имеет весьма интересное устройство.

Кайден убрал руки с клинков, чтобы сцепить их за спиной. Он приподнялся на цыпочки, и опустил, и вновь приподнялся, будто намереваясь совершить прыжок и примеряясь к нему.

— На вершине стоит Королева... не такая, как вы, — он слегка склонил голову. — Иные называют ее Маткой, наподобие той, что правит пчелиным ульем или же муравьями. В целом, сходство имеется и немалое. Именно матка плодит сущности, которые подселяет в человеческие тела, позволяя им развиваться, и решая, во что именно они разовьются. Кому-то будет позволено сохранить тело внешне нетронутым, и личинка просто сожрет душу, а кто-то лишится и плоти, выпуская в мир чудовище столь же сильное, сколь и неуязвимое. Недаром легенда утверждает, что кожу сыновей Миля не способны пронзить ни стрелы, ни копья, ни даже пращи. Лишь магия огня способна заставить их отступить. Но к счастью, подобные твари, именуемые воинами, не отличаются умом. Они способны нападать, убивать, много жрут и тянут немало силы, но при всем том весьма ограничены. И королеве приходится держать их под плотным контролем, а это далеко не всегда получается.

Звучало донельзя... мерзко.

Настолько мерзко, что Катарину передернуло.

— И вы полагаете, что они... здесь?

— Я почти уверен, что они здесь.

— В доме, — уточнила она.

— Возможно, — Кайден вновь перетек на цыпочки и так замер. — Болот стало больше. Они расплозились и появились даже там, где еще недавно о них и не слышали. А болота нужны для нормального развития личинок. Это с одной стороны. С другой, люди пропадали и раньше.

— Совпадение?

Катарина огляделась.

Сад был тихим и каким-то... изменившимся? Или это изменилось отношение Катарины к нему? И теперь заросли шиповника и терна не вдохновляли. Она видела не цветы, а их угасание, пыль на зеленой листве, неряшливость травы.

Неустроенность места.

— Возможно. Ей пришлось связываться с разбойниками, а болотники, пусть и умеют договариваться с людьми, но крайне того не любят.

Из-за зарослей выглядывал дом, далекий, белый и мрачный.

— Будь у нее свои големы, она использовала бы их.

— Или нет, — Дуглас отмахнулся от осы, кружившейся над его головой. — Они ведь и вправду туповаты. Кто-то из каравана мог бы и уйти. Или след бы оставили. С разбойниками проще, заодно нашлось кого повесить, когда вопросы задавать стли.

Катарина согласилась, что и вправду это неплохой аргумент.

А Кайден перетек на пятки и сказал:

— Есть еще тело той женщины. Из пруда. Оно и вправду лежит с осени, стало быть, прибыла она не так давно... если считать, что королева здесь одна.

Кайден смотрел на женщину, которая задумалась, и ему нестерпимо хотелось заглянуть в мысли ее, убедиться, что нашлось в них место и самому Кайдену.

Дуглас неодобрительно нахмурился.

А Катарина поднялась и спросила.

— Хорошо. Что делать нам?

И ответ у Кайдена имелся:

— Оставаться здесь. И вести себя так, будто ничего особого не происходит.

Он сам себя ненавидел за эти слова, ибо вся его сущность кричала, что Катарине стоит уехать. Возможно, на самый край мира. Возможно, еще дальше. Он увел бы ее в мир теней, позволил бы спуститься на самое дно его, туда, где у вод Мертвой реки горят костры заблудших душ. Он напоил бы черной водой, что дала бы сил оставаться внизу, куда болотникам точно нет хода.

А потом...

Потом, возможно, и сам остался бы.

И глядишь, им нашлось бы место за столом, который столь велик, что стоит на семи радугах, и волшебный котел Дагды наполняет полупрозрачные блюда яствами, вкус которых похож на пепел.

Там играет музыка, которая человеческому уху кажется скрипом старых досок под ногой.

Там танцуют безумные танцы, сиюсь в вечном кружении избавиться от треклятой памяти, что говорит, будто прежде все было иначе. Но там ей не верят, ибо тогда благословенные холмы из места вечных грез станут тюрьмой.

Нет.

Кайден тряхнул головой. Он сумеет защитить ее и здесь. У него хватило сил посмотреть в глаза Катарине и сказать:

— Королева молода, но при том осторожна. Или не молода, и имеет уже опыт, и оттого вдвойне осторожна. Заподозрив, что мы догадываемся о ее присутствии, она уйдет. Возможно, если войны все-таки имеются, она устроит нападение, позволив уничтожить их и увериться, что проблема решена. А болотники... они и вправду хорошие воины.

И много крови прольется, ибо в некоторых местах болота подобралась вплотную к городским окраинам. Там, среди бедняков, големам хватит сладкой плоти, а противостоят им...

Кайдена передернуло от мысли, во что выльется эта схватка.

— Мы должны вычислить ее. И уничтожить. Королева не просто плодит этих тварей. Она их объединяет. Питает своей силой. И без этой силы свита просто исчезнет, а големы не сумеют подняться или же значительно ослабнут.

Катарина, подумав, кивнула. И коснулась пальцами подбородка. Она вновь думала. Согласится ли? Ни одна из тех женщин, которых Кайден знал прежде, не согласилась бы.

— А... то, что меня пытались убить, а я делаю вид, будто не пытались и ничего не произошло, это не будет выглядеть подозрительно.

— Будет, — ответила Джо. — Поэтому мы и вызвали дознавателя. Но покушение — дело такое... расследовать его сложно. Да и мало ли, у кого еще причины тебя убить.

— Действительно, — пробормотала Катарина. — Мало ли... тогда... хорошо. Я согласна, — слово было сказано, и мир едва заметно вздохнул с облегчением.

Миру тоже не нравилась проклятая кровь фоморов.

— Как ее узнать?

— Никак, — заговорил Дуглас. — В том и беда... мы не знаем, как эта погань заводится. Может, она и вправду не имеет телесного обличья. В старых книгах пишут, что не зря существовал гейс, запрещающий пить мертвую воду. Быть может, в ней и скрываются личинки? Главное, что сперва это похоже на лихорадку. Человека знобит, его мучат то холод, то жара, ему постоянно хочется пить. И эта неутолимая жажда, пожалуй, первый из признаков.

Катарина кивнула.

— Но весьма скоро больной выздоравливает и возвращается к обычной жизни. Годы могут пройти до того момента, как тварь всецело завладевает его разумом. Правда, за эти годы странная болезнь поражает других членов семьи, если она есть. Кто-то уходит, кто-то выздоравливает и тоже

меняется. Королева первым делом выстраивает свиту. Небольшое число тварей, весьма сходных с нею по свойствам, единственно, не способных самостоятельно производить тварных личинок. Впрочем, некоторые полагают, будто со временем из свиты выделяется новая королева, которая уходит в другое место, дабы там создать свой собственный улей. Но это скорее теория. На самом деле уже на этом уровне болотники обретают материальное обличье, весьма уродливое, сходное с личинкой насекомого, которое словно бы заводится в теле.

Золотой волос завитком. Полупрозрачное ухо с каплей темно-синей серьги.

— Магия воды доступна лишь самой королеве и, возможно, в меньших объемах — кому-то из свиты ее, но главное, что тварь должна быть вызревшей и осознавшей себя.

Три веснушки на шее, и четвертая выглядывает из-под белого воротничка.

— Дом пустовал...

— Прислуга оставалась, — возразил Дуглас.

И Кайден согласился, что да, оставалась и весьма странная прислуга, у которой собственные тайны имелись. До них он, безусловно, доберется.

Паутинки держались.

Но крысы вели себя тихо, даже держались с немалым почтением, как и подобает хорошей прислуге. А вот хозяин их держался в тени.

— Как вы думаете, — Катарина обняла себя. — Кем была та девушка... из пруда?

— А ты еще не догадалась, детонька? — Джо уселась на скамейку и, задрав юбки, подставила солнцу тощие свои ноги. — Настоящей Катариной Гордон... и вот вопрос, кто тогда отправился в монастырь?

Глава 29

Об этом Катарина думала остаток дня.

Странно, она не испытывала страха, преисполнившись какой-то безумной уверенности, что ее защитят. Нет, разумом Катарина вполне отдавала себе отчет, что положение, в котором она оказалась, опасно. И твари непредсказуемы. Но...

Она верила.

Снова.

И кляла себя за эту веру. И не находила ничего лучше, как спрятаться среди вещей. Джио только хмыкнула, увидев разложенные на полу листы альбома.

А потом ушла.

К себе.

Катарина ощущала ее присутствие, научилась за долгие годы, но то не мешало совершенно. Ей вновь работалось. И нефрит отозвался на первое прикосновение.

Болотники?

Пускай себе...

Предательство? Ибо тот, кто отправил ее сюда, не мог не знать, что истинная Катарина Гордон мертва? Тоже случается. Одним больше, одним меньше.

Джон... знал ли он? А если бы знал, возразил бы? Или тоже счел бы, что случай весьма удобен? Ведь болотники, если Катарина правильно поняла, рано или поздно наберут достаточно сил, чтобы напасть на людей. Ей вновь отвели роль жертвы, но и это больше не задевало.

Она ласково гладила камень, уговаривая его изменить форму.

Истинные артефакторы работали иначе. Катарина, когда только-только стала королевой, подумала, что уж теперь-то ее не откажутся учить. Они и не отказывались, но как-то выходило так, что все, что ей показывали, было слишком сложно.

Непонятно.

Инструменты не давались в руки. А руки оказывались недостаточно ловки. Пальцы лишены должной гибкости, а сама Катарина — знаний, ведь книги по сути своей ничто, а истинные знания передаются от наставника ученику.

Ее наставники взяли бы за голову.

Просить камень? Следовало изучить его. Вычертить сетку силовых полей, сообразно которой нанести метки и работать, медленно, постоянно сверяясь с этой сеткой, дабы не отсечь лишнего. А она? Сидит, гладит, пока камень не обретает мягкость глины. В какой-то момент он просто потек под руками Катарины, чтобы застыть, приняв новую форму. И для первого раза этого было более чем достаточно.

Она подождала, пока пройдет дрожь в руках. И выдохнув, отложила заготовку, в которой угадывались очертания флейты, пусть несколько странной уродливой даже, но это ведь начало.

А Катарина, смахнув пот со лба, поднялась.

Дрожали не только руки.

Подгибались колени, и голова кружилась, а в животе будто разверзлась пропасть, которую следовало бы наполнить едой. Бросив взгляд на часы, Катарина убедилась, что время шло к ужину.

Хорошо.

Она заставила себя собрать записи и уложила их в ящик. Туда же отправилась и флейта.

Вот так.

Осталось привести себя в порядок.

— Ты совсем не боишься? — Джио стояла в дверях.

— Боюсь.

— Но не бежишь?

— Наверное, я устала бегать, — призналась Катарина.

Ей шел этот костюм. Черные штаны, столь узкие, что они не просто облегали ноги, но подчеркивали их невероятную удобу. Белая рубаша с жестким стоячим воротничком, дублет цвета темного золота с более темными рукавами, которые пристегивались к дублету черным шнуром. Поблескивали драгоценные камни, казавшиеся в полутьме чешуей.

— Сейчас, к слову, было бы самое время.

— Куда? Как ты думаешь, как скоро меня вернут на место?

— Скоро, — губы Джио растянулись в улыбке. — И я рада, что ты это понимаешь, девонька.

— Путь во дворец ведь закрыт?

— Верно.

— А... мой отец... он сохранил над тобой власть?

Легкий наклон головы.

— И если он прикажет, ты убьешь меня?

— Нет. Пожалуй, что нет. Наша кровь смешалась, а это многое дает. Люди изрядно недооценивают силу крови и то, сколь добровольно она отдана, — Джио стянула темные волосы в хвост. — Но и помочь тебе я вряд ли смогу.

— Спасибо, — Катарина тронула камни, что так и висели на кожаном шнурке. Она не слишком жаловала всякого рода браслеты, особенно после тех, железных, которые надевали на суд отнюдь не потому, что в них имелась нужда, но из желания угодить Его Величеству. Но к этим камням привыкла вот настолько, что вовсе их не замечала.

— Пожалуйста. И да, моя кровь не позволит этим тварям завладеть твоим маленьким, но весьма хорошеньким тельцем, — палец Джио уперся в лоб. — Полагаю, они уже пробовали. И разочаровались.

— И решили меня убить?

— С тобой здесь стало слишком людно, полагаю...

— А ты... — вспыхнула надежда. — Ты... не знаешь, кто из них?

Джио покачала головой.

— В моем истинном обличье я бы почуяло. А это... это как будто тебе обрубили руки и ноги, и засунули в темный деревянный ящик, в котором есть пара дырок, но этого не хватит, чтобы и вправду что-то разглядеть.

— Я... не знала.

Катарина ощутила острый укол совести. Ведь это отчасти из-за нее отец не отпустил Джио, когда та перестала быть ему нужна.

— Брось, лапонька. Твой отец из той породы людей, что и дохлую лошадь сумеют пристроить с немалой выгодой, — сказала она. — Я же пока еще жива. И постараюсь живой оставаться.

Ее губы растянулись сильнее и показались острые длинные зубы.

— Да и ты постарайся.

— Постараюсь.

Джио протянула руку.

— Ужин скоро.

И Катарина ее приняла.

Кайдэн метался по зале, которая еще недавно была огромна и пуста. Пустота осталась. Она жадно

ловила звук его шагов, возвращая эхом. А вот стены, серые гладкие, слегка прикрытые лоскутками древних флагов, норовили его остановить.

Пять шагов.

Поворот. И снова пять. Призрак сам прыгает в руку, чтобы потечь, теряя свой обычный облик. Тварь, из него вышедшая, уродливая. Ее змеевидное тело толсто, а лапы тонки и кривоваты, ее шея — что ветка, на которой держится перезрелый плод головы. Поблескивает ожившей тьмой безглазая морда. И длинный язык, вывалившись из пасти, свисает едва ли не до пола. А по нему, одна за другой, стекают капли.

Призрак урчит.

И поворачивается к Дугласу, которого трогать запрещено, но ведь все течет, все меняется...

— Сидеть, — Кайдена остановился в центре тренировочного зала и позволил себе выдохнуть. — Сидеть, тварь.

Его рука сжала невидимый поводок, и Призрак заурчал.

— Ты слишком беспокоен, — заметил Дуглас.

Он устроился под скрещенными булавами, принадлежавшими, если верить семейной легенде, вождю племени вандалов, который то ли был побежден, то ли женился на дочери славного рода Гленстонов, то ли сначала был побежден, а потом женился...

Призрак дрожал.

Он пробовал на прочность и нить поводка, привязавшего его к тому, в ком слишком много человеческой горячей крови, чтобы удержать, и самого Кайдена. И в ушах вскипели голоса всех заблудших душ, которые стонали, стонали, проклинали...

— Нет, — Кайдена дернул рукой, и тварь опрокинулась на спину. Она попыталась встать, но Кайдена не позволил. Теперь он испытывал удивительное чувство, одновременно и гнева, и радости, что есть на кого этот гнев выплеснуть. Носок сапога надавил на мягкое горло, и тьма поползла, а тварь заскулила, слабо заелозила ногами.

— Ты что вздумал? — поинтересовался Кайдена, добавляя той своей силы, которую не любил выпускать. И явь задрожала, как-то слишком уж сильно, будто только и ждала предложения рассыпаться. — Бунтовать?

На той стороне призрачная гончая выглядела... логичней, что ли? Ее тело обрело должную гармонию, но и жути прибавилось.

А серая тропа сама легла под ноги.

И возникла на ней Тьма, которая была куда умнее Призрака. Она легла на тропу, и тонкий длинный хвост ее заелозил, а на хребте поднялись стеной шипы. Тьма ползла и оглядывалась, и звала за собой.

Если у Кайдена хватит смелости.

Если хватит глупости.

Доверится.

— Место, — выдохнул он, запирая границу, ибо воздух уже наполнился весьма характерным шелестом. Такой звук издают панцири мелких хищных тварей, чьи ноги быстры, а челюсти столь мощны, что нет ни плоти, ни металла, способного устоять пред ними.

Он открыл глаза и обернулся.

Призрак присмирел. Тьма... играла в обиду, но в игре этой чувствовалась нота фальши. Она, упрямая, так и не покорилась до конца. Впрочем, как и отцу.

И деду.

И кажется, лишь старуха, что мыла в водах Мертвой реки украденное золото, знала секрет, но не спешила им делиться, пусть и с единственным из внуков, которого по какой-то причине сочла годным, достойным беседы.

И некоторых умений.

— Так-то лучше, — Дуглас поднялся, едва не задев головой дубину. — И теперь, дорогой мой воспитанник, я вижу, что ты и вправду взрослеть начинаешь.

— Почему? — в горле пересохло.

А до кувшина с водой нужно было сделать пару шагов, но вдруг оказалось, что собственное тело Кайдена, в котором еще недавно клочкотала сила, вдруг сделалось слабым. Он и руку-то с трудом поднимал. Но стиснув зубы, сделал шаг.

Это кровь человеческая.

Проклятый дар. Если бы он нашел способ избавиться. Он тогда и к Мертвым водам спустился, пытаясь отыскать этот самый способ. А потом просто понравилось вот так сидеть на берегу и смотреть на реку, которая не течет, но все одно меняется.

— Потому что раньше ты бы не понял, насколько все изменилось.

— Что изменилось?

На серой глине проступили капельки воды. И Кайден слышал запах ее, и жажда сковала его горло, показалось, что он просто умрет на месте, если не найдет в себе силы добраться до кувшина.

— Все, — Дуглас не вмешивался. Он тоже не был тем самоуверенным магом, который полагал, что справиться с мальчишкой легко. — Она королева. А ты...

— Бастард. Полукровка. Ублюдок, которому среди людей не место, — злость заставляла идти.

Семь шагов.

Семь невероятно тяжелых шагов, будто и злость, и погружение, и борьба с псами высосали его.

— И бестолочь еще, — Дуглас покачал головой. — Мне не показалось, что твоя другая кровь так уж ей мешает. А вот с остальным будут проблемы. Она права в том, что легко ее бы не отпустили. А значит, за домом наблюдают.

— Ждут обещанного несчастного случая? — огрызнулся Кайден.

— И этого тоже.

Он вздохнул.

— Она и вправду... очень неудобная фигура. Но это ведь тебя не остановит?

Кайден дотянулся-таки до кувшина. Дрожащие пальцы обняли бока, смахнув капли, скользнув по шершавой глине. Показалось вдруг, что не удержат они, не справятся с этой тяжестью. Но нет... и удержали, и подняли.

И поднесли к губам.

Вода была столь холодной, что горло стянуло болью, но Кайден пил. Жадно. Стараясь не расплескать ни капли.

— Не остановит, — сам себе ответил Дуглас. — Как и тот факт, что твое вмешательство не понравится многим, очень многим серьезным людям...

Вода наполняла тело, и слабость отступала.

— Но когда тебе было дело до других людей?

— Предлагаешь, ее бросить?

— Нет.

Хорошо. Кайдену не понравилось сомневаться в том, кого он искренне полагал другом. Как-то вышло, что друзей у него было немного.

— Предлагаю хорошо подумать. Ты не сможешь защищать ее вечно. Особенно если вдруг Его Величество, которому ты приносил клятву, вдруг призовет тебя ко двору. А это наиболее простое и логичное решение.

Кайден фыркнул.

И вернул кувшин, повел головой осоловело, вдруг показалось, что в кувшине была вовсе не вода, но

Кайден понюхал влажные пальцы и успокоился.

— Откажешься? Верю. И это можно будет трактовать как мятеж, — Дуглас говорил спокойно. — Чем обязательно воспользуются враги Гленстонов. Твой дед играет в довольно опасные игры, а стало быть, врагов у него хватает. А к ним добавятся и новые, ибо никто в столице не рискнет переходить дорогу Канцлеру.

И хуже всего, он был прав.

— Что делать?

— Думать, — Дуглас постучал пальцем по голове. — И свяжись с отцом. Пока она здесь, она в опасности.

Мысль была до боли неприятна.

Но здрава.

Кайден закрыл глаза. Отец... в последний раз он видел его у Мертвой реки. Темные воды ее бережно держали ладью с телом матери. Ее укрывали драгоценные белоснежные меха, добытые отцом за краем мира. На волосах ее сиял алыми камнями драгоценный венец.

А руки сжимали каменную флейту.

И гляделась она спокойной. И когда по взмаху руки ладья вспыхнула, отец закрыл глаза. В тот день он слез не прятал. А когда река поглотила драгоценный этот дар, ушел, а Кайдена вывели к людям сестры.

Эгне.

Она не откажет.

Она знает, что Кайден оплатит добром за добро. Она сама нашла его. И позвала на свадьбу, которая состоится, когда на листьях вспыхнет пламя осени.

Она проложит тропу.

И возьмет Катарину за руку. И ни одна тварь не рискнет приблизиться к дочери Дану, которая одинаково хорошо владела силой и копьем. А куда уж тропа выведет... мир на самом деле велик. И найдется в нем место для маленькой тихой женщины с волосами цвета меда.

Кайден вздохнул.

— Ты поэтому и бесишься, что сам все понимаешь.

— Я... могу уйти следом.

— Кем? — тихо спросил Дуглас. — Ты даже в холмы ее увести сможешь. Я знаю твою силу.

Да. Наверное. Но Кайден так не поступит. Он не позволит серому миру выпить все краски, украсть ароматы меда и скорого лета, высосать жизнь до капли.

— Но что будет дальше, Кайден? Посмотри на нее. Она устала. Ей нужен кто-то надежный. Предсказуемый. Спокойный. Тот, кто способен не только защитить, но и утешить.

— А я?

— А ты? — Дуглас смотрел в глаза. — Скажи, ты сможешь остаться с ней? Чтобы на всю жизнь? Чтобы и в горе, и в радости? И в беде? Нет, в беде ты ее точно не бросишь, а вот в обыкновенной унылой человеческой жизни, где один день похож на другой? Где утром завтраки, днем обеды, а вечером ужины, и единственным развлечением — визит соседей. Или к соседям. Ты сможешь не сдохнуть от скуки? И быть счастливым в этой предсказуемости? Не притворяться, а именно быть?

Он замолчал, позволяя Кайдену подумать.

И тот ответил:

— Не знаю.

— Именно, — Дуглас оперся рукой на стену. — В тебе еще кипит кровь. А она уже почти перегорела. И если ошибешься, то убьешь ее куда вернее, чем мертвые ветра твоей земли.

— Но я не хочу...

— Я знаю.

Он неловко улыбнулся.

— Ты хороший мальчик, Кайден. Просто ты еще не вырос.

— А она?

— Она... боюсь, ей пришлось. И случилось это слишком рано.

Глава 30

Джио вытащила платье из плотного гладкого шелка. Темно-лиловое, в вечернем свете оно казалось почти черным. Бледное кружево лишь подчеркивало этот глубокий мрачный цвет.

Волосы Катарина заплела в косу.

А ее перевила длинной нитью жемчуга. Жемчуг вполне приличный камень для вдовы. Пальцы ненадолго задержались на бусинах.

Его принес Генрих.

Просто в кармане. Он был слегка пьян, впрочем, вовсе трезвым Катарина его и не помнила. А тот вечер... огонь в камине. Охотничьи псы, что норовили улечься поближе и Катарину подпускать к огню не желали. Они рычали и скалились, а у нее не хватало смелости прогнать собак.

Генрих же...

Несмотря на слабость, он охоту любил. И выезжал, пусть даже в паланкине. Так что собаки с его точки зрения были много полезней бесплодной жены.

Тогда они заволновались, бросились к хозяину, выпрашивая ласку. А он смеялся, не пытаясь увернуться. И к ней подошел, пахнувший мясом, дымом, вином и собаками.

— На вот, — Генрих швырнул горсть, которая упала на руки Катарина, чтобы едва не выскользнуть. — Купцы подарили...

Почти три сотни жемчужин, одинаково крупных, похожих друг на друга, словно родные сестры. И страшно подумать, сколько стоили они. Если продать, хватит ли этих денег, чтобы устроиться в колониях? Или даже дальше. Должно же что-то быть и за колониями?

Жемчуг следовало бы вернуть, но... Джон не принял.

Драгоценности короны забрал по описи, и это было верно, а вот жемчуг остался Катарине. И ей вдруг показалось нечестным бросать его. Тем более, что в описи эта нить не значилась, да и клейма не имела.

— Я готова, — она поднялась и бросила взгляд в зеркало, убеждаясь, что выглядит достойно.

Горели камни.

И свечи тоже. Откуда только взялись? Им нашлось место на серебре канделябров, которые сияли, будто новые. И рыжие огоньки отражались в белизне фарфора.

— Я взяла на себя смелость заняться домом, — тетушка Лу, явно оправившись от потери, заняла место по левую руку Катарина, а вот Джио привычно опустилась по правую, оказавшись аккуратно напротив тетушки. И табличку с именем Гевина подвинула.

— Благодарю, — спокойно ответила Катарина.

А если она?

Вот эта пухлая женщина, которая возила ее на странный пикник. И там, на краю обрыва, едва не показала истинное лицо. Она ведь догадывается, что Катарина вовсе не та, за кого себя выдает. Или не догадывается, а знает точно?

— Ты очень бледна. Заболела?

— Самую малость.

Высокий кружевной воротник прикрывал шею.

...там, в Королевской башне, палач, заикаясь и краснея, с трудом подбирая нужные слова, просил не надевать в тот самый день подобных платьев, ибо кружева коварны. Вязкие они. И клинок держат. А ведь так важно отсечь голову с первого удара.

Катарина тронула колючий край.

— Простыла, — тетушка всплеснула руками. — Тебе немедленно нужно возвращаться...

А ведь ей совершенно невыгодно убивать Катарину, ведь тогда и состояние ее отойдет к короне. Вот если бы она вышла замуж, тогда у мужа был бы небольшой шанс опротестовать. Совсем крохотный,

ибо королевские суды далеко не так справедливы, как это представляется народу.

А вот если бы и замуж, и ребенок...

— ...лечь в постель и лежать. Деточка, нельзя так беспечно относиться к своему здоровью.

— Это не простуда, — Катарина понюхала острый суп, который подали Джо, перехватив блюдо из рук служанки. Заметила ли та, что сперва Джо понюхала это вот варево? И если заметила, то что подумала? Впрочем, какая разница, что думают слуги. — Небольшая хандра.

— Ах, деточка, какая хандра в твои-то годы, — тетюшка откинулась на стуле. Она к супу не притронулась, а ведь тот был вовсе даже неплох, разве что несколько островат.

...в Королевскую башню доставляли еду с королевской же кухни, во всяком случае Катарине, ибо, пока фарс, названный отчего-то судом, не был завершен, она по-прежнему была королевой.

Даже там.

— Это все из-за женской слабости, — тетюшка отодвинула суп, но отдала должное перепелам в кисло-сладком соусе. Мелкие тушки украшали вяленые ягоды клюквы, которые издали казались Катарине каплями крови. — Тебе и вправду нужен муж и поскорее. А там и дети... дети — лучший способ отвлечься. Помню, когда появились мои мальчики...

Ее взгляд затуманился, и тетюшка замолчала, так и сидела, молчала, воткнув вилку в перепелиную тушку. И только когда Катарина постучала пальцем по столу, тетюшка Лу встрепенулась.

— Прости, девочка... о чем вы говорили?

— О ваших мальчиках.

Или один из них? Гевин холоден и равнодушен совершенно не по-человечески. Нет, люди тоже бывают разными, Катарина знает, но от него веет иным.

— Ах... Кевин был таким проказником, таким выдумщиком. Он очень эмоциональный, и мне порой кажется, что все от того, что Гевин равнодушен. Порой он меня саму пугает. А тебя?

— Не пугает.

Но к ужину Гевин не явился. И значит ли это хоть что-то? Катарина прислушалась к себе и была вынуждена признать, что отсутствие Гевина ее ничуть не задевает.

В отличие от...

Она не позволила себе прикусить губу. И потянулась к жаркому. Медленно наполнила тарелку, всецело сосредоточившись на нехитром этом действии. Королевский повар во все добавлял мускатный орех, верно, оттого, что мог использовать его. И использовал, не всегда удачно. Здесь же мясо приправляли можжевельными ягодами, тимьяном и розмарином.

Диким чесноком.

И тушили в темном пиве.

Генриху понравилось бы.

— Чудесно. Он будет очень хорошим мужем, — тетюшка неискренне заулыбалась. — Вот увидишь. Он сдержан. Спокоен. Именно то, что нужно женщине...

— А Кевин?

— Пожалуй, мальчик еще не готов к женитьбе, — она тяжело вздохнула.

— Кто он?

— Что?

— Гевин, — Катарина отодвинула тарелку, не найдя в себе сил прикоснуться к еде. Она видела, как нахмурилась Джо, которая не одобряла голодовок, и Катарине тоже было неудобно, что получилось так... но бездна, еще недавно жившая в ней исчезла. Зато появилось до боли знакомое безразличие, которое и толкало к разговору. — Он ведь не человек, верно? Или, правильнее будет сказать, не в полной мере человек.

— Скорее в полной мере нечеловек, — подали голос Джо. И в полутьме глаза ее сверкнули желтым.

А тетушка раздраженно поднялась.

— Я не понимаю, что за... домыслы! — ее голос вдруг утонул, будто дом сделался огромным и сожрал ее. Он готов был сожрать и саму тетушку, и Катариной тоже не побрезговал бы.

— Не домыслы, — Джо решительно подвинула к Катарине блюдо с овощами и приказала: — Ешь. Или окно на ночь так запри, что и муха не прорвется.

Салат горчил.

А капуста, верно, хранилась где-то в соломе, которая начала подпревать, и гниловатый привкус теперь привязался к капустным листам. Тонко нашинкованные, политые маслом, они совершенно не жевались.

— Твой старшенький — змееныш. Правда, не знаю, оборачивается или нет, но это племя мне знакомо, — Джо откинулась на спинку стула. И взгляд ее зацепился за взгляд тетушки. — Муж знает?

— Он... это все он... — тетушка Лу оттопырила губу, отчего выражение пухлого ее личика стало донельзя капризным. — Сделка... со змеем... он сказал, что это наш единственный шанс. Я же просто... я подумала... просто не хотела быть бедной... больше быть бедной... ты не знаешь, каково это, стирать свое белье в ледяной воде. Голодать, потому что ты должна и зеленщику, и бакалейщику, и мяснику, и вообще всем в округе. И все знают об этом, и пусть жалеют, но ничего не дадут в долг. В доме холодно. Порой так холодно, что вода для умывания замерзает. Говорят, это сейчас в моде, умываться ледяной водой. Горячей не бывает вовсе, потому что дров для камина нет. И я выхожу в парк. Гулять. Но все в округе знают, что леди Терринтон собирает хворост, что если она наберет его достаточно, быть может, не замерзнет в пустом огромном доме, который тоже вот-вот заберут за долги.

Она всхлипнула и закрыла лицо руками.

— Я выходила замуж, зная, что мой избранник не богат, но я не знала, что корабль, в который он вложил все, затонет. И что долги повиснут на нашей шее... он пил и пил, а я... я чувствовала себя настолько беспомощной, что всерьез задумывалась, не повеситься ли мне. Останавливало, пожалуй, лишь то, что я понятия не имела, достану ли до крюка, на котором люстра держится... держалась до того, как ее продали. И выдержат ли меня гнилые простыни. А потом... он пришел... такой возбужденный, такой... он привел человека, что назвался доктором. И тот был... да был таким, что... мне стало страшно.

Плечи тетушки Лу мелко вздрагивали.

А Джо смотрела.

Просто смотрела. Но и Катарине, сидевшей рядом, было неуютно от внимательного этого взгляда.

— Он... он осмотрел меня. И сказал, что я плохо питаюсь, что это неправильно, ведь для того, чтобы родились здоровые дети и женщина должна быть здорова. А я на грани истощения. Он дал какое-то зелье, от которого я уснула, когда же проснулась, то все вдруг переменялось. Наши долги исчезли. А в доме появились женщины, которые этот дом убрали. И дрова. И еда... разная еда... много мяса. И фрукты. И даже цукаты, которых я до того не пробовала. А тот человек заглянул вновь через неделю и сказал, что выгляжу я лучше, но нужно больше гулять. И я стала гулять. Со мной гуляли две девушки, которые смотрели, чтобы... — ее лицо скривилось, — я достаточно хорошо гуляла... каждый день... и в дождь, и когда ветер, ведь одежда тоже появилось... когда мой живот стал расти, тот же человек принес масло и велел втирать в кожу, чтобы не появились растяжки. Мне бы понять, что все не так просто, мне бы... — слезы поползли по белому лицу, стирая его белизну, крупные, некрасивые, как сама тетушка. — Но я... мне казалось, что все именно так, как должно. А он... мой муж... он солгал, что получил, наконец, страховку за корабль и ее хватило, чтобы купить новый. Что мне он не хотел говорить... правда, корабль у него действительно появился. И целых семь... когда родились дети. Их принимал тот самый человек. Я думала, что человек, но он... я так мучилась. Было больно и как-то не так... меня словно что-то заставляло ходить по комнате, когда живот сжимался, раз за разом, раз за... а он помогал, поддерживал, что-то напевал, и от песни этой сознание будто уплывало, но с ним и боль.

Тетушка судорожно вздохнула.

А Катарина подумала, что ей, наверное, даже жаль эту женщину.

— Я родила мальчишек. Двух. И он поднес их ко мне, спросив, которого я хочу оставить. И тогда... тогда я поняла... понимаешь?

— Нет, — тихо ответила Катарина.

— А ты нелюдь?

— Да.

— Скажи ей, — тетушка обессиленно упала на стул и закрыла глаза. — Объясни. Пожалуйста.

— Змеиный народ давно покинул земли Дану, расселившись по многим иным. Они в целом безопасны, хотя еще те засранцы. Ловко притворяются людьми, но при том лишены многих свойственных людям пороков. Хотя есть и собственные, да... так вот, беда у них одна. Дети. Змеи не терпят друг друга дольше, чем природа определила для совокупления, а когда змеиха откладывает яйцо, то судьбой его дальше занимается змей. Он и прячет бесценный этот дар в самой глубокой из подвластных ему пещер, там, где вдоволь драгоценных камней и золота. И силы, накопленной этим золотом. И яйцо зреет, а после, когда из него вылупляется змееныш, змей подкидывает его людям.

— Зачем?

— Чтобы вырастили. Суть змея такова, что ребенку с ним опасно оставаться. Родная кровь не будит в них желания защитить, наоборот, змей чувствует конкурента. И тут не каждый способен с собой справиться. Тот был, верно, молод, вот и пошел древним путем.

— Древним?

— Испокон веков змеи находили людей, что соглашались обменять своего младенца на змееныша, которого и растили, что родного. Змеи платили им за то золотом и камнями, этого добра у них в достатке, — это было произнесено, как показалось, с немалой завистью.

— А... человеческие дети?

— Оставались со змеем. К людям они относятся спокойно. И свою часть договора блюдут строго. У них вовсе к договорам особое отношение. Растили бы не сами, естественно. Нянек нанимали, потом гувернеров... в общем, твари они на редкость разумные.

— Если нянек можно, то почему...

Джио покачала головой.

— Чуют запах. А потому и выбирают дом, чтоб от себя подальше, и чтоб других змеенышей рядом не было. А те уже и приспособились, обличье крадут...

— Мой Гевин был светленький, что солнышко, — тихо произнесла тетушка Лу. — И улыбался... только-только на свет, а уже улыбался... и кулачками так смешно... а этот похож, да, только все одно не мой. Его забрали. И этого подсунули...

— Договор, — развела руками Джио. — Если вас утешит, то сын ваш вполне себе жив и здоров.

— Откуда ты знаешь?

— Змееныш при вас. Это часть договора. Гарантия своего рода, что люди не причинят приемышу вреда. Если б ваш Гевин погиб... мало ли, что да как, то и вашему бы поплохело. Как поплохело бы человеку, вздумай вы змееныша обижать.

— Обижать? — полупрозрачные затянутые пеленой слез глаза уставились на Джио.

А та развела руками.

— История знает не слишком умных людей, которые решили, что способны обойти договор на крови. А бывало, что и несчастье происходило. Дети ведь. Пусть и змеиные. Но главное, что всякий раз, не важно, что бы ни случилось, появлялся Змей.

— И убивал всех?

— Ты слишком кровожадна, девонька моя. Лучше вот скушай салатика, да... нет, не убивал. Говорю ж, на диво спокойные твари. Он дотошно выяснял, что происходило. А яды... яды всякие бывают. Одни смерть дарят, другие заставляют правду говорить. Вот и говорили, да... и если случалось, что дите погибало по несчастному случаю, то Змей уходил. А в доме появлялся другой ребенок, как две капли воды похожий на первого. Отсюда и слухи про воскресших. Если же злой умысел имелся, то... яды у них и вправду разные. Иные мучают днями и неделями, и ни один целитель с такими не справится. Даже не рискнет братья, если умный, поймет, что не стоит змеиной справедливости мешать.

Джио опустила на соседний стул и подвинула блюдо с чем-то мутным, будто лед, пруды

затянувший. Сквозь эту муть проглядывали коричневые куски то ли мяса, то ли гнили.

— Дразнят, — сказала Джо, зачерпывая содержимое горстью. — Знают, как угодить... как думаешь, если я отправлю кухарке кошель, ей понравится.

— Думаю, весьма, — Катарина старательно жевала безвкусный лист. — Значит, настоящий Гевин... жив?

— Вполне. И думаю, что неплохо себя чувствует. Змеи очень ответственны во всем, что касается данного слова.

А Гевин змей.

Странно, как Катарина сразу не поняла. В нем и вправду много змеино, такого... неприятного. И в то же время нельзя сказать, чтобы он пугал. Или отталкивал.

— Я не обижала его, — тетушка Лу смахнула слезы и повернулась ко столу. — Я честно пыталась... мне объяснили, и я... я плакала, умоляла мужа не заключать договор, оставить детей. Мы бы справились. Я бы вернулась домой, к родителям, и пусть бы случился скандал, но дети... только было поздно.

Она издала шумный вздох и подняла кубок. Пила жадно, громко, позабыв о правилах.

— Извините, — тетушка смахнула остатки слез. — Гевин... он очень спокойным ребенком был. Умненьким... учителя всегда хвалили. И Кевин тянулся. Когда стал подростком, он Кевина удерживал от многих глупостей. И они дружили... дружат... Кевин куда более человечен. И пусть он сорвался, но... он хотя бы способен испытывать эмоции.

Катарина склонила голову, показывая, что поняла.

А уже потом, оказавшись в безопасности — в весьма относительной безопасности, ибо к ванне она так и не решилась приблизиться — своих покоев она спросила:

— Если он змей, то зачем ему я?

— Ради денег, — Джо усадила Катарину на стульчик. За окном было светло, хотя и свет окрасился розовой кровью заката. — Змеи еще те собиральщики. А он молодой, небось, не до конца научился силу использовать.

Ее пальцы распутали жемчуг.

И уложили в черную шкатулку. Жемчужины вытянулись поверх колец и браслетов, легли этакой полупрозрачной змеею.

В тему весьма.

— Потом-то научится, думаю и быстро. Силен, гаденыш... очень силен.

— Деньги, значит. Но, чтобы получить их, ребенок нужен.

— Так... есть способы. Змеиц мало, и хватает не на всех, вот и приспособились твари. Выискивают женщину, чтобы молодая и здоровая. Обычно берут из какого захудалого рода, особенно любят те, которые многодетностью славятся.

Волосы рассыпались светлой волной.

И щетка скользнула по ним, мягко, успокаивая.

— Любовь — это не для них, но о женах своих заботятся, это да... как обо всем имуществе. А сами ищут пыльцу эйнио.

— И такая бывает?

— Есть цветы... они растут там, где стояли драконьи холмы, — в зеркале было видно, что Джо полуприкрыла глаза, а те все одно отсвечивали золотом. — И где земли касалось драконье дыхание, не осталось иных трав, кроме этой. Вьется она, плетется, кланяется камню. И не боится ни холода, ни зноя. А раз в год расцветает белыми цветами. Они источают аромат столь одуряющий, что человеку хватает одного вдоха, чтобы забыть и имя свое, и все, что связывало его с миром. Потому редко кто решается подойти к драконьим холмам во время новой луны. Но если решается, то может собрать бледную пыльцу, легкую, как пух... за унцию ее платят тысячи соверенов...

Пальцы ее замерли, словно запутавшись в волосах.

— Эта пыльца собирает в себе всю силу драконьей крови, а с ней мало что способно сравниться. Пары унций хватит, чтобы в самом холодном теле зародилась жизнь, и чтобы удержалась, вне зависимости от того, где развивается эта жизнь. Она одинаково уцелеет, что в призрачных Холмах, что во льдах, сковавших Предвечного зверя. Она примет морскую воду. Или поможет человеческой крови смешаться с кровью иной.

Коса получалась рыхлой, но сложного плетения, которое Катарина прежде не видела. Ей хотелось спросить, к чему эта красота на ночь, но вопрос прервал бы историю.

— Пыльца дала бы силы человеку, вздумай он спуститься в мир, где люди — случайные гости...

— И мать Кайдена...

— Принимала ее, потому и прожила так долго.

— Долго?!

— Та сторона голодна, как голодны и дети ее, но проклятые богиней Дану способны смирить свой голод, а вот завеса — нет. И она готова сожрать всякого, в ком есть хоть капля истинной жизни, если переступит он границу.

По плечам побежал ощутимый холодок.

— А она жила. И родила дитя. И видела, как растет оно. И могла бы, верно, разделить многие годы с тем, кого любила.

— Но?

— В мире никогда не было много драконов. Слишком он мал и хрупок, чтобы выдержать их силу, — Джио перевязала косу простым ремешком. — Или она просто устала? Жизнь — это одно, а душа другое. Душу пыльцой не исцелить. А теперь и вовсе...

Катарина поднялась.

И посмотрела в желтые глаза, в которых пряталось пламя. Как не замечала она его прежде? Слепа была? Выходит, что была. Наивна. Глуповата.

Труслива.

Прав отец.

Она бежала, что от своей судьбы, что от людей, ее окружавших. Она пряталась за ними в слабой надежде, что все само как-нибудь да наладится.

— Что будет, если я сделаю тебе флейту?

Когтистый палец скользнул по щеке Катарины, продавливая кожу, а Джио ответила:

— Смотря, что ты в нее вложишь.

И это был хороший ответ.

Глава 31

Она ждала.

Кайден издалека увидел окно и женщину, на нем сидящую. И сердце забилося в груди, и губы сами растянулись в улыбке. Все-таки ждала.

Его.

Он легко вскарабкался по плетям, которые стонали, но держали, и оказавшись рядом, протянул водяную лилию. А Катарина приняла и, наверное, это ничего не значило, но...

— Я тебя украду, — сказал Кайден, забираясь на подоконник.

— Только до утра, — она коснулась губами хрустальных лепестков. — Странно... почти не пахнет.

— Это потому что луна еще не показалась.

До утра.

До утра еще так далеко, и в то же время он чувствовал, как стремительно уходит время. И кровь его желала действия. Она шептала о ночи и сверчках, о том, что если Кайден желает совершить безумство, большое ли, малое, сейчас самое подходящее для того время.

И надо спешить.

— Мне переодеться? — тихо спросила Катарина.

— Зачем?

— Чтобы тебе красть удобнее было.

На ней был домашний халат, наброшенный поверх тонкой батистовой рубашки.

— Да... пожалуй.

Кайден почувствовал, что краснеет, чего с ним с детства не случалось. И надо бабушке отписать, спросить, что любит его королева. Или не стоит? Бабушка умна, она не станет задавать ненужных вопросов, но вдруг кто-то другой увидит письмо?

Катарина исчезла за ширмой, чтобы появиться вновь в мужской одежде.

— Неприлично, да? — как-то обреченно поинтересовалась она, и свет, от нее исходивший, будто ослабел.

— Красиво, — ответил Кайден и подхватил ее на руки, закружил, повинувшись порыву души. Зарылся носом в волосы, убеждаясь, что не растеряли они своего волшебного медового аромата. — Ты чудо.

— Я королева, — поправили его. — Только невезучая.

Неправда.

— Спуститься поможешь?

Она все-таки выбралась из его объятий, и Кайдену захотелось поймать ее вновь. И унести не к пруду, а в свой дом, где безопасно... как он надеялся, безопасно. А Катарина уже легла на подоконник, пытаясь нащупать подходящую ветку.

Кто же так слазит?

И пришлось ловить.

Помогать.

Отпускать и снова ловить. Касаться в темноте ее рук, белых, как лепестки лилии. И опять отпускать их, украв толику тепла. А уже на земле — он успел первым — Кайден подхватил женщину, чудесней которой во всем мире не было, и держал.

Стоял и держал.

Просто потому, что мог.

— А... мы так и будем здесь? — поинтересовалась она шепотом. — Прямо под окнами?

— Нет.

Он подготовился.

И уже сходил к пруду. Оставил под шиповником плед и корзинку, куда собрал все, что под руку подвернулось. Нет, можно было и кухарку попросить, но она бы не стала молчать. А слухи... Кайден не хотел обидеть ту, что так доверчиво прижималась к его плечу, пусть даже слухами.

И перехватив тонкие пальцы ее, Кайден сказал:

— Идем.

— Глаза закрывать?

— Тогда я тебя понесу, а то ведь споткнешься.

— Не надо, я сама...

Она шла.

И не отставала. И в какой-то момент сорвалась на бег, словно сбросив разом все путы приличий, ее окутывавшие, и уже почти добралась до пруда, когда все-таки споткнулась и упала. Правда, тотчас перевернулась на спину и раскинула руки, уставилась на небо. А звезды смотрели на нее.

И верно, тоже думали, что другой такой нет.

Были правы.

— Земля холодная, — предупредил Кайден, опускаясь рядом.

— И трава мокрая. Но пускай... я хочу, чтобы так... я ни разу вот так... в жизни ни разу, представляешь? Не лежала на холодной земле. И на мокрой траве тоже. И на звезды не смотрела. То есть, смотрела... Генрих как-то решил сам составить собственный гороскоп.

— А он верил в гороскопы?

Небо нависало хрустальным куполом, в котором горели искры-звезды. И они были так близки, что, казалось, протяни руку и сорвешь. Кайден протянул, но не дотянулся.

— Верил. Гороскопы ему обещали долгую жизнь, славные победы и достойного наследника.

Звезды дразнили.

А женщина, головы которой он касался макушкой, тоже руку вытянула.

— Насчет последнего не солгали...

Застрекотали сверчки.

— Какой он?

— Кто?

— Король?

— Который?

— Прошлый. И нынешний?

Наверное, не стоило задавать такие вопросы. Она не любила вспоминать о прошлом и теперь вот руку опустила, оставив звездам небо. Сама же села, обняла себя за колени.

— Знаешь, все меняется... там я была другой. Совсем-совсем другой. Тихой. Незаметной. Особенно после возвращения. Думалось, что если я никому не стану мешать, про меня забудут. И на всех смотрела... тоже будто сквозь мутное стекло. Мне казалось, что он другой. Джон... совсем-совсем другой, ничуть не похожий на отца, а теперь я понимаю, что я все это придумала.

— Тебе он был неприятен?

— Кто? Генрих? Пожалуй, да... он казался мне не просто старым. Древним. Знаешь, на портретах его рисовали... так рисовали, что он казался молодым и сильным. Здоровым. Но от него пахло потом

и болезнью. Он много ел. Очень много. И руками. Он полагал, что вилки и ножи — это глупости, и в его присутствии есть руками приходилось всем.

Катарина вскочила и велела:

— Догоняй, — она полетела по траве, и венчики ночных цветов тревожно закачались, зазвенели, будто подстегивая Кайдена.

Догоняй-догоняй-догоняй... скорее, пока есть силы. Пока еще можешь

Лови.

А поймав, спрячь, чтобы никто не нашел.

Он и догнал ее, и обнял, прижимая к себе, слыша, как судорожно стучит ее сердце, такое маленькое и горячее. А она рассмеялась и, встав на цыпочки, потянулась к губам.

Коснулась.

И отпрянула.

— Я глупости творю, да?

— Ночь — самое подходящее для того время, — он наклонился и сам дотянулся до нее. Губы Катарина имели вкус меда. И она ответила на поцелуй, неловко, словно стесняясь и себя, и чувства этого, которое полагала запретным. А Кайден не позволил ей отступить. И лишь когда разжал объятия, Катарина сделала шаг к воде.

— В детстве я была очень послушным ребенком, — она села на край берега, и ноги почти коснулись темной воды, в которой колыхались лилейные звезды. — Мне так хотелось порадовать маму. И отца... и...

Она махнула рукой.

— Генриха я, если честно, боялась. И наверное, он чувствовал что-то такое, хотя искренне был убежден, что я его люблю. Что все его жены его любили. И не только жены. При дворе... много женщин. И далеко не все так уж озабочены вопросами морали.

Катарина потерла запястье о запястье, и кожа вспыхнула темными искрами, которые, правда, исчезли прежде, чем удалось разглядеть их.

— Джон... пожалуй, он красивый. Раньше я не слишком задумывалась. Мы встретились впервые на свадьбе. Тогда он еще был любимым сыном короля, единственным наследником.

...Катарине было совсем не стыдно за украденный этот поцелуй.

Всего один.

Один поцелуй — это ведь немного? Ей просто хотелось проверить, и вправду ли целоваться так приятно, как о том шептались фрейлины, полагая, что она слишком безразлична, чтобы прислушиваться к их разговорам.

Что ж, следовало признать, фрейлины были правы.

— Он был старше меня. На пару лет всего, но многие говорили, что именно Джону следовало бы жениться на мне, а не Генриху. И муж мой слышал.

...еще фрейлины говорили об иных поцелуях, куда более постыдных, и Катарина поспешно отогнала и призрак мысли, уцепившись за рассказ.

Странно, что никогда-то и никому не рассказывала она о своей той жизни. А теперь вот... Кайден рядом, сел осторожно, точно опасаясь спугнуть ее, точно она, Катарина, птица, которая улетит от неосторожного одного движения.

И руку ее нашел.

Накрыл своей.

— Генрих многое слышал и сам, но куда больше доносили до него люди, стремясь выслужиться. Именно тогда в голове его и возникла мысль, что Джон желает большего, чем титул наследника.

Это не было любовью с первого взгляда.

И со второго тоже.

Для такой любви Катарина, кажется, чересчур практична и слишком хорошо воспитана. Но... наверное, если бы... если бы они просто встретились, к примеру, на Зимнем балу... или на репетиции балета, которые так любил Генрих.

Если бы она не была невестой короля.

А Джон не был бы наследником престола. Слишком много условий, но быть может, где-то в другом мире, пусть и воображаемом, все бы сложилось. А так...

— Мы редко встречались. Я вообще покидала отведенные мне покои лишь тогда, когда этого желал Генрих, или требовал этикет. Но и тогда меня окружали люди... много людей. И все следили за каждым моим шагом.

Стрекотали сверчки.

Подпевали, не иначе. И Катарина слушала их, наслаждаясь каждой минутой украденной ночи.

— С Джоном проще. Ему было разрешено навещать меня. Мы ведь как-никак родственники, — темнота спрятала кривую усмешку. — Во всяком случае, были ими, пока он не связался с Гледстонами и не вляпался в тот заговор.

Тогда Катарине все казалось невероятной глупостью.

Ошибкой.

Разве мог Джон поступить подобным образом? Подвести отца, задумать дурное? Конечно, нет. Его обманули. Втянули. Одурманили...

— Однажды... уже ночью... он появился в моих покоях. Да. Раненый.

Темнота закружила.

Тогда горели свечи. Генрих недолюбливал кристаллы, и поэтому в покоях Катарины всегда ставили множество свечей, чтобы, если вдруг мужу вздумается навестить ее, уже утратившую, как поговаривали, привлекательность, она могла бы погасить кристаллы и не остаться при этом в темноте.

Робкий стук.

Хриплый голос.

— Он спросил, одна ли я... а я как раз отослала фрейлин. Случайность, не более того. Они меня очень раздражали. Особенно одна, которая вела себя так, будто уже стала следующей королевой. Джон ввалился в комнаты, просто упал за порогом. Весь в крови. И попросил о помощи. И еще — никого не звать... просто перевязать его и он бы ушел. Собирался.

— Не вышло?

— Не вышло. Я остановила кровь, — Катарина прижала запястье свободной руки к щеке. — Тогда у меня еще оставались кое-какие амулеты. И силы. Перевязала. И убрала горячку. И яд тоже... простой, но довольно эффективный.

Катарина надеялась, что у нее получается говорить спокойно, с должной долей отрешенности. Вот только не отпускало ощущение, что Кайдэн слышит куда больше, чем она хочет сказать. И потому сжимает ее пальцы, нежно, будто успокаивая.

А она и успокаивается.

— Он потерял сознание. И когда пришли, я не нашла ничего лучше, чем спрятать его под кроватью. Конечно, нашли сразу. Достаточно сложно солгать, что ты ничего не видела и не слышала, когда на ковре расплывается пятно крови. А я поняла, что его убьют. И сказала, что желаю сопровождать. Что решать судьбу Джона должен только король... он остался недоволен.

— Король?

— Одно дело, если бы Джон погиб в схватке. Его бы объявили заговорщиком, отрешили от титулов и так далее... за мертвого никто не стал бы драться. И совсем другое — суд над живым. Над единственным наследником.

Генрих кричал.

Катарина никогда прежде не видела его столь разъяренным, пусть и гнев его был направлен вовсе не на Катарину: стоит ли гневаться на женщин, которые слишком глупы, чтобы понимать, как нужно действовать правильно?

— Джона отправили в Королевскую башню ждать суда. С ним — пяток целителей, и наблюдателя от Совета. Совет и не позволил ему умереть. Да, они все боялись Генриха, но и остаться без короля им тоже было страшно. А Генрих... было понятно, что осталось ему недолго.

— А ты?

— Я? Мне просто запретили выходить из комнат, а потом, где-то через год или полтора, когда стало понятно, что, несмотря на все усилия, я не способна зачать, объявили виновной в преступной связи. Джон к этому времени как раз сбежал, укрывшись где-то на Севере... думаю, не без помощи моего отца. Слишком уж быстро и вовремя Джон появился потом. Да и поддержали его многие, почти все. А так не бывает, если никто не готовится к возвращению. И к поддержке.

Катарина обняла себя.

— Тебя судили?

— Нет. Собирались. Если бы дело дошло до суда, я бы здесь не сидела, — она потерла плечи ладонями, прогоняя холод. — К делу готовились. На мое счастье Генрих желал, чтобы все было по закону. А значит, нужно было найти свидетелей. И обвинителей. Доказать, что я и вправду была виновна. Пока искали, Генрих заболел, и стало не до меня. Он болел долго, а я ждала... каждый день ждала, что он просто отдаст приказ, что... и все длилось и длилось... день за днем, месяц за месяцем.

Она не станет рассказывать о первых днях, когда искренне полагала, что все произошедшее — недоразумение. Что Генрих поймет, что он просто не дал труда себе разобраться с обвинениями, ведь очевидно же, сколь нелепы они!

И о вере в отца, который не мог бросить Катарину, но бросил.

О бессоннице.

О кошмарах. О плаче за каменной стеной, очевидно, слишком толстой, чтобы сквозь нее проникали звуки. Или о печальной колыбельной, которую пели... кому?

Об ужинах, что доставляли с королевской кухни и служанках, приходивших каждое утро, ведь королева и в заключении должна выглядеть соответствующе высокому своему положению. О черточках на сыром шелке, которыми Катарина пыталась считать дни. О вещах... их принесли по первой же просьбе, и это испугало, пожалуй, больше визита палача.

Будто она, Катарина, взяла и бездумно потратила последнее свое желание.

Нет, об этом она промолчит.

— Потом... когда Генриха не стало... я знаю, были те, кто все же требовал моей казни. Не потому, что верил в мою вину, но лишь желая избавиться от... сложностей в наследовании. Но тут уж отец запретил. А потом появился Джон. Он пришел ко мне и сказал, что я могу быть свободна. Что суд состоялся. И клеветники наказаны, а я... я могу взять и вернуться во дворец. Правда, придется носить траур.

Кайдэн обнял ее.

И коснулся губами шеи, осторожно подул, что было и щекотно, и приятно. И не спросил, стала ли она любовницей Джона, хотя вопрос этот явно его мучил.

Не только его.

— Нам предстояло продемонстрировать единство. Мы оба шли за гробом короля. И рука об руку стояли в часовне. Мы появлялись вместе на Совете. И я во всем поддерживала Джона, потому что ему нужна была поддержка, как и мне. Союз слабых.

— Разве королем может стать слабый?

— Выходит, может, — Катарина никогда не задумывалась над таким вопросом. — Но Джон быстро завоевывал людей. Он как-то сумел примирить и давних врагов, и разрушить слишком опасные союзы. Он подмял Совет, а тот и не заметил... это заняло время. Но он стал настоящим королем.

— А ты?

— А я... я вновь всем мешала.

И наверное, сложно объяснить, чем именно, потому что Катарина сама не до конца понимает. Просто... так сложилось.

— Мы не были любовниками, — Катарина потянулась к воде и, преодолевая безотчетный страх свой перед коварством этой стихии, коснулась ее пальцами. — Могли бы стать, пожалуй. Определенно, могли бы... в других обстоятельствах. Но Джон достаточно осторожен, чтобы не плодить бастардов.

Это просто вечер такой.

И возможно, Катарине нужно кому-то рассказать, кому-то, кто умеет слушать и не пытается выразить ни сочувствие, ни осуждение. Она коснулась запястья левой руки, позволяя силе проснуться, а с ней и узорам, которые проступили сложными завитками. Сперва вспыхнул рунный браслет, за ним потянулись тонкие цепочки вторичных структур, переплетаясь между собой. И темно-синий, будто вдавленный, рисунок больше не казался уродливым.

Кайден подался вперед.

И пальцы его стиснули руку чуть ниже локтя, развернули.

— Кто это? Сделал?

— Придворный маг...

Ноздри Кайдена дрогнули. Он смотрел на узоры и с таким выражением лица, что...

— Отец придумал. Генрих поддержал. Он полагал, что я слишком слаба и поэтому не способна зачать ребенка.

Кайден коснулся руки губами и отпустил.

— Никто не осмелился сказать ему правду, что дело не во мне... а Джон... Джон понимал, что против этого, — Катарина высвободила руку. — Любые способы бессильны, что... если я забеременею, случится скандал. И ему придется жениться на мне... или признать ребенка, а потом... потом, когда появятся другие, от законной жены и королевы, может возникнуть нехорошая ситуация.

— Убрать? — тихо спросил Кайден.

— Не знаю. Я пыталась разобраться... я училась, пусть и без учителей, но как могла... но придворный маг был хорошим мастером.

— Был?

— Его казнили. Когда Генрих слег, он решил, что отравлен. Генрих был довольно мнительным человеком. А маг не виноват, он лишь делал, что приказано.

Но кажется, у Кайдена было свое мнение на этот счет. А на плечи Катарины упал теплый плащ, в который ее завернули, и притянули, обняли, лишив возможности двигаться.

— Я тебя поймал.

— Поймал, — согласилась она. — И... что мы будем делать дальше?

— Не знаю, — Кайден поднял ее на руки, а затем усадил на колени. — Сидеть?

— И только?

— И только.

— Ты тоже не хочешь плодить бастардов? — наверное, не стоило бы говорить, но в кои-то веки Катарина ощущала себя в достаточной мере свободной. Кайден ответил не сразу. Но все же ответил.

— Я не хочу тебя оскорбить.

Глава 32

Наверное, Дуглас был прав. Он становится старше. Еще пару лет тому Кайдена вовсе бы не задумался о последствиях. А теперь он держал в руках женщину, которая явно согласилась бы на большее, чем просто разговор, и не знал, как поступить ему. Она, эта женщина, была слишком хрупкой, чтобы Кайден рискнул.

Как бабочка на ладони.

Треклятая бабочка, из тех, что порой залетали на изнанку мира искрой жизни, такой манящей, такой беспокойной. И они, дети, спешили поймать эту искру, чтобы поднести к губам и выпить.

А когда получалось, чувствовали себя обманутыми.

Дураки.

Сами себя лишали чуда.

Кайден так не хотел. Он держал Катарину и слушал песню ее крови, к которой примешивался такой знакомый шепот силы, что ее собственной, что чужой.

Попросить Дугласа?

Он наверняка смыслит в магии куда больше, чем Кайден и Катарина, а если не сам, то найдет кого-нибудь знакомого. У него прорва знакомых, и неужели не найдется среди них человека, который разрушит эту сеть?

— Тебе больно? — ее хотелось спрятать.

От прошлого. И от будущего. От всего мира. Взять и возвести незримую стену, которую когда-то поднял дед Кайдена, сиюсь защитить остатки своей крови.

— Сперва было. Казалось, что собственная сила раздирает изнутри. Стоило к ней прикоснуться, и рисунок обжигал. Будто руки в кипяток сунула, да... — Катарина прикрыла глаза. — Но постепенно они притерпелись друг к другу. Теперь он питается моей силой, и ее же сдерживает. Я кое-что, конечно, могу, но очень и очень мало. Отчасти поэтому и боюсь трогать его. Моя сила выросла в него...

На белом запястье руны гляделись черными ранами.

— И как знать, что с ней произойдет, если нарушить равновесие?

— И ты не хочешь попробовать?

— Хочу. И попробую. Когда-нибудь. Когда наберусь решимости, — Катарина оперлась на него. — Каким ты был в детстве? Я почему-то совсем не могу представить тебя ребенком.

— Ужасным.

— Да?

— Абсолютным чудовищем, ко всему обиженным.

— На кого?

— На всех. На мать. Она взяла и умерла, хотя отец сделал все, чтобы она жила. А она все равно умерла. На отца. Он не оставил меня. Он сказал, что у меня есть шанс на нормальную жизнь, но тогда именно та, что внизу, и казалась мне нормальной. Я не знал другой и не желал знать. К этому времени я уже спускался к водам Мертвой реки. И пил ее воду из черепа короля фоморов, который дала мне моя бабушка...

Кайден помнил и страх.

И ярость, сжигающую его. И слова, что летели в спину. Полукровка... дети жестоки, особенно вечные дети, застрявшие во времени, а там, под холмами, оно течет иначе. Оно не властно над Туата де Даннан. И теперь Кайден понимал истинную причину их ярости.

— Какая она?

— Она... красивая. Такая красивая, что ни одна женщина не способна сравниться с ней красотой. Но в то же время она столь ужасна, что даже мой отец избегал смотреть ей в глаза.

— А ты?

— А я посмотрел. Я был глупым и бесстрашным. Я приручил Тьму и одолел Призрака, и тогда она сплела для них тела.

— Покажешь?

Кайден молча снял клинок и провел над ним ладонью, выпуская создание, которое любому человеку внушило бы страх.

Но Катарина лишь вздохнула.

— Ему больно.

— Да. Мир тварный плохо подходит для созданий, рожденных на изнанке, — Кайден позволил твари воплотиться в клинок. — После всего... даже среди детей Дану заговорили о том, что я стану великим воином. Возможно, настолько великим, что сумею объединить некогда разделенное. И я слышал эти речи. Я сидел за пиршественным столом. Я ел пищу, рожденную котлом Дагды, и поднимал кубок, наполненный горькой морской водой, которая должна бы пьянить. Я мечтал о славе и видел корону из золотых рогов на своей голове. Я был королем. В мечтах. И тут меня забирают и уводят. К людям. В мир, где солнце настолько яркое, что кожа вскипает, где луна жжет глаза, а еда... в первые месяцы мне варили овсянку на воде, но и ее вкус для меня был до невозможности насыщенным. Это потом уже я немного привык.

— Ты... мне жаль.

И ей действительно было жаль. И странно, что эта жалость не оскорбляла.

— Отец знал, что я попытаюсь вернуться, а потому... — Кайден вытянул руки, позволяя проснуться собственным узорам, пусть изрядно поблекшим. — Он отсек мое имя от древа имен рода, и закрыл силу, оставив лишь ту, что досталась мне от матери. Потом-то вернул, но все равно...

Прохладные пальцы скользнули по прохудившейся ткани заклатья, которое осталось, пусть и лишилось сил.

— Я пытался. Я убегал раз за разом. Я резал руки...

— Здесь? — она нашла и бледные нити шрамов.

— Да. Злился очень. Думал, если звать напрямую к крови, то поможет. А только сил лишился... тогда ко мне Дугласа и приставили. Присматривать. Уговаривать. Учить... я же... я назло все делал. Дважды дом подпалил, думал, если все сгорят, то я получу свободу, отцу не останется ничего, кроме как забрать к себе. Дугласа... не знаю даже, сколько раз я пытался от него избавиться.

Она покачала головой, то ли сокрушаясь о его, Кайдена, глупости, то ли все еще сочувствуя.

— А потом как-то бабушка принесла молока с медом. И я попробовал. И тогда понял, что ничего вкуснее в жизни не ел. Она же сказала, что ей очень жаль, что так получилось. И что воином можно стать не только наизнанке...

А Кайден понял, что больше не способен ненавидеть эту женщину, которая неуловимо походила на ту, другую, его бабушку. И пусть лишена она была той красоты, которой боги проклинали дочь Феанора, но все одно было в них что-то общее.

Взгляд ли?

Мягкость голоса?

Терпение, с которым она сносила все его выходки.

— Я смирился с тем, что вынужден оставаться здесь, но и только, — Кайден перехватил свою женщину поудобней, а она пристроила голову на его плечо. — Я не хотел учиться. Одежда... там, внизу, одежда не нужна. Она — скорее память о прошлом, которую не все готовы хранить. Там нет морозов, как нет жары, нет ветра, кроме того серого и мертвого. А от него одежда не защитит. И я никак не мог понять, к чему она. Неудобная. Стесняющая движения. Я срывал одежду. А ботинки топил в пруду. Я обмазывал волосы глиной. Да и сам извлекаться любил. Кожа, к солнцу не привычная, вечно обгорала, зудела, вот я и приноровился... ел руками. Их же вытирал о скатерть.

Катарина фыркнула.

— Не верю.

— Правда, правда... бабушка перестала принимать гостей. Совсем перестала. Как-то я забрался в ее гардеробную комнату и порвал все платья. Мне хотелось, чтобы она тоже избавилась от ненужной одежды. Я утопил в пруду любимые сапоги деда... и не только их. Мне нравилось смотреть, как тонут предметы, да... потом долго не давал себя мыть. И еще дольше — расчесывать волосы. Они сбились комом, и когда их срезали, я обиделся и ушел из дому. Правда, недалеко. Меня поймали торговцы людьми...

Катарина обернулась. И нахмурилась.

— Дед меня быстро нашел. Оказывается, отец отдал одну вещь, которая помогала ему видеть, где я и что со мной. Но сутки меня продержали в яме. Я очень разозлился. И когда эти уроды меня вытащили, чтобы в клетку перегнать, я их убил. Дед потом сказал, что не нужно было всех, что следовало оставить кого-то для допросной, но я же был маленьким, не понимал очевидных вещей.

Прозвучало так, будто Кайдена оправдывается за ту давнюю историю.

— Потом дед все же разыскал остаток банды, и тех, кто им помогал. И мне позволил искать... и стал учить. Тогда я понял, чем хочу заниматься. Охота на людей мне понравилась.

Наверное, не стоило рассказывать правду.

Люди боятся тех, в ком есть иная кровь. И в страхе своем горазды выдумывать глупости. А уж знай они, что Кайдена и вправду нравится...

Рассвет.

И туман над лугом, в котором стремительно тает след. Мятые травы, чей сок будоражит и ведет, будто сама земля подсказывает, куда идти. Бег. И чужой страх.

Иногда — кровь.

Или вот стрелы.

Порой ловушки, чаще всего неумелые, но случалось и по-всякому.

— И у тебя получается?

— Теперь — да. Чаще всего...

— Но ты не хотел бы большего?

— Чего?

— Не знаю, — она легко пожала плечами. — Все хотят большего. Больше власти. Больше славы. Больше денег. Больше почестей...

— Больше охоты.

Катарина почему-то легонько рассмеялась. И ночные легкие бабочки закружились над ее макушкой. Они, рожденные сумерками, до конца не принадлежащие миру яви, чуяли спутанную ее силу и стремились к ней. Но не рисковали опуститься, лишь волновались, осыпая светлые волосы пылью.

Впрочем, людям она не вредит.

— Отец как-то сказал, что лучше всего охотится там, где много добычи. А подле трона всегда хватает людей... разных людей.

— Но ведь не на всех разрешат охотиться? — уточнил Кайдена и сдул одну самую наглую бабочку, которая приблизилась настолько, что потянула-таки силу. Бледные крылья ее засветились, а пыльца приобрела насыщенный серебристый оттенок.

— Не на всех, — согласилась Катарина, как показалось, весьма печально.

— Поэтому предпочитаю оставаться здесь. Здесь мне разрешение не нужно.

— Но ты все равно служишь королю.

— Короне, — поправил Кайдена. — Прежде всего я служу короне. А она далеко не каждого, кто ее напаялит, признать готова. Что-то не слышал я, чтобы в последние пару сотен лет камни пели.

Проснулась Катарина с трудом.

И проснувшись, долго лежала в постели, разглядывая потолок. Потолок был самым обычным, белым и несколько неровно покрашенным. То тут, то там через белизну проступали пятна самых удивительных форм и размеров. И воображение Катарины спешило отыскать в этих формах скрытый смысл.

Смысла не было.

Зато была тишина. И солнце переползло через подоконник, а за ним поднялся и плющ, расправил ветки, будто и не лазали по нему вчера.

Губы сами собой растянулись в улыбке, и Катарина потрогала их, пытаясь найти след поцелуя. Но он, как и смысл пятен, жил лишь в ее воображении.

И в памяти.

Потом, что бы ни случилось, — а ей почему-то начинало казаться, что весьма скоро что-то да произойдет, — память никуда не исчезнет. Она — то сокровище, которое останется Катарине и только ей.

— Вижу, вчера неплохо погуляла, — Джо сидела на столе.

Сегодня она примерила бархатный колет ярко-оранжевого цвета, и узкие брюки, украшенные по шву перламутровыми пуговицами. Волосы Джо заплела в две косы, а косы украсила алыми перьями. Вид у нее был куда более дикий, чем обычно.

— Неплохо, — согласилась Катарина.

— Твоя тетюшка пыталась с тобой побеседовать.

Сердце екнуло.

А если... и тут же Катарина сердито велела себе успокоиться. Во-первых, эта женщина определенно не является родственницей Катарины, а во-вторых, какая разница, что она подумает или скажет?

— Когда?

— А вот сразу после полуночи.

— Странно, — Катарина уселась перед туалетным столиком и осмотрела себя.

Ничего не изменилось.

На лбу не возникла клейма, которым в древности метили распутных женщин, губы не распухли, в глазах ни тени стыда.

— Она сказала, что услышала крик.

— Я не кричала.

— Ты нет, — почти миролюбиво согласилась Джо и, тронув косу, сказала: — Надо же... утерпел.

Это она про Кайдена?

И что не так?

Волосы он трогал, и это было приятно. А еще гладил шею Катарины. Щеки. И руки. Касался узоров, и они, будто теряя силу свою, исчезали, возвращая Катарине давно позабытую свободу, ощущение той силы, что скрывалась в теле.

Правда, теперь узоры вернулись на свое место.

Сетью?

Замком?

— Кто кричал?

— А вот то и интересно, что я не поняла, кто кричит и где, — Джо сама разобрала косу и, вооружившись щеткой из свиной щетины, принялась за пряди. — А у меня слух получше вашего будет.

Щетка больно дергала за пряди, а Джо выглядела задумчивой.

— Я сказала, что это кому-то из служанок мышь дорогу перебежала. И что не стоит волновать тебя. Что ты приняла снотворное.

— Почти, — Катарина улыбнулась, и отражение в зеркале ответило ей улыбкой. Это отражение ничуть не походило на парадный портрет, который придворный живописец начал создавать еще до свадьбы.

На том портрете Катарина прилично бледна.

И волосы у нее зачесаны гладко. Их почти не видно под жемчужным венцом, как не видно и самой Катарины, ибо платье ее настолько роскошно и выписано столь умело, что хочется разглядывать лишь его.

Тот портрет так и остался в Большой зале, сменив собой предыдущий. Интересно, снимут ли его потом, после свадьбы Джона? Или ему и его королеве положены новые места, а нарисованная Катарина так и останется подле царственного Генриха, который тоже на портрете был совсем иным, чем в жизни: моложе, красивей и благородней.

Пальцы Джио выплетали новую косу.

Простую.

— Она очень настаивала. Пришлось ее усыпить.

— А ты...

— Могу. На человека, на которого влияли, повлиять несложно, — Джио перехватила косу синей шелковой лентой. — Ее разум давно запутался. Я отнесла ее в комнату. А затем отправилась по этажам. И клянусь тварями с изнанки, в доме было тихо.

— Может, и вправду кто-то мышь увидел?

— Может, — легко согласилась Джио и, наклонившись к самому уху Катарины, тихо-тихо произнесла: — В этом доме нет ни мышей, ни крыс. Как нет и пауков. И никого-то, кому положено обретаться в подобного рода домах. Это плохое место, девонька...

Катарина почувствовала, как по спине побежал холодок.

— И... нам стоит уехать?

— Сама решай, — Джио вернула щетку на туалетный столик. — Все дело в доверии... но людям опасно верить.

— А нелюдям?

— Тем паче, — губы растянулись, обнажая острые длинные клыки. — Но если вдруг... просто позови, лапонька. Если я и ослабла, это еще не значит, что вовсе ни на что не способна.

По тонким перышкам поползли нити огня, которые Джио собрала в ладонь и, поднеся ко рту, просто-напросто вдохнула.

— Почему ты мне помогаешь? — этот вопрос показался Катарине невероятно важным. — Мой отец... я правильно поняла, что он обманул тебя когда-то?

Джио слегка склонила голову.

Это согласие?

Или она просто слушает.

— И ты его ненавидишь.

— Ты даже не представляешь, насколько.

— Однако если бы ты могла причинить ему вред, ты бы это сделала. Стало быть, не можешь.

Ее кивок был едва заметен.

— Но я... ты принесла клятву, что опять же исключает возможность причинить вред. В какой-то мере. Однако это не значит, что ты должна мне помогать. А ты помогала. С самого первого дня.

— С самого первого дня я представляла, как забавно было бы, если бы ты лишилась головы, — Джио сощурилась, и проглоченный огонь блеснул из-под ресниц. — А лучше, чтобы я тебя лишила головы.

Это ведь не так и сложно. Чуть повернуть, чуть поднажать, приложить малую толику силы, что у меня еще осталось. Но клятва мешала... изрядно мешала. Он всегда умел их составлять. Знаешь, как его зовут наши?

— Как?

— Словопутем.

— Ты не первая, кого он...

— Первая. Но не последняя. Он забрал часть моей силы, и тогда собственные его возросли. Думаешь, его друг так уж желал делиться добычей? Знанием? Нет, он обратился к отцу за помощью. Попросил побеседовать с одним безумным дервишем. Их там много... порой мне кажется, что от вечной жары в колониях каждый второй становится безумцем. А каждого первого лишает разума бесконечный дождь.

Джио мелко отряхнулась, как это делают собаки.

— До сих пор неудобно... а ты не сиди, к завтраку собирайся, пока твоя тетка сюда не приперлась.

— Не моя.

— Нехорошо рушить игру, особенно чужую.

И Катарина с ней согласилась.

Из платьев, которых осталось не так и много, она вытянула темное, цвета ночного неба, украшенного лишь простой вышивкой по рукавам и подолу.

— Твой отец умеет красть чужие тайны. И тот дервиш вдруг уверился, что перед ним сидит самый надежный, самый верный друг, которому можно довериться. Он нарисовал карту. А когда наваждение схлынуло, попытался убить Словопутя.

Странно.

И главное, похоже на правду. Никто и не помнил, чтобы отец брался за оружие. А еще никто не понимал, как получается у него делать то, что он делает.

Без угроз.

Без подкупа. Просто беседуя с людьми. С разными людьми. И многие из них отца втайне ненавидели, верно, были правы, но и ненависти оказывалось недостаточно, чтобы устоять перед его речами.

Платье легло муслиновой броней.

И сама Катарина... перед свадьбой он наведася и говорил. В кои-то веки не отдавал приказы, но именно говорил, так, как ей когда-то мечталось. Доверительно. Как с равной. Он рассказывал о роде и важности этого брака, о терпении, которое Катарине понадобится, чтобы исполнить свой долг, о... о многом. И она поверила.

— Но убить его тоже непросто.

— Из-за крови?

— Эта была отдана не добровольно, что бы он ни думал. Магия умеет различать подобные вещи. И пусть мне пришлось платить за глупость, но и он рано или поздно ошибется. А мое счастье в том, что даже в этом теле я проживу куда дольше обыкновенного человека.

— Ты красивая.

— А ты дурочка, которая не воспользовалась своим шансом, — проворчала Джио, отворачиваясь. — Что до прочего, то... однажды я поняла, что твоя смерть не принесет ему боли. Что ты для него значишь ничуть не больше, чем я. И это было странно. Мой род... слишком мало осталось подобных мне. И каждое дитя для нас — это воистину сокровище. Да сокровищем ты и стала. Вряд ли когда-то у меня появятся дети.

— Я могу отписать Джону.

— И тот отнимет мою флейту, а потом, поддавшись высокому чувству, вернет ее? — Джио фыркнула. — Самой-то не смешно?

— Уже смешно, — Катарина застегнула последнюю из трех дюжин пуговиц.

Осмотрела себя в зеркале, признав, что отражение стало строже и старше. И не мешало бы воспользоваться пудрой, ибо веснушки совсем с ним не увязывались.

— Даже если и вернет... в ней уже не осталось жизни и силы. Словопут ее всю выпил.

— Мне жаль.

— Помнишь тот день, когда тебя пытались убить?

— Сложно забыть, — Катарина осторожно пристегнула воротник из черного траурного кружева. — Я до сих пор не знаю, как выжила...

— Кровь. Тогда я отдала ее. Добровольно. Во второй раз. И этого хватило. Нам обеим.

— И что теперь?

Джио встала за спиной и помогла зацепить край кружева за железный крючок.

— Ничего. Живи, пока есть возможность. Соблазни этого бестолкового теневика. Роди от него дитя. Никто не посмеет тронуть того, в ком есть хоть капля крови Дану. Даже твой отец не рискнет связываться с ушедшим народом... да...

— Но и позора не простит.

— Возможно, — Джио расправила спицы, раскрывая кружевной воротник огромным веером. — Возможно, это будет неплохая маленькая месть.

И Катарина ей улыбнулась.

Мсть и вправду получится... интересной. Вот только кому?

Глава 33

Тетушка Лу выглядела растерянной, причем настолько, что платье надела вчерашнее, а про пудру и вовсе забыла. На ее округлом личике застыло выражение удивленное. Казалось, она категорически не понимает, как оказалась в этом месте и, главное, почему.

— Доброе утро, — сказала Катарина.

— Доброе. Наверное, — тетушка Лу зябко повела плечами и пожаловалась. — Холодно тут... дует... сквозняки ужаснейшие. Разве вы не чувствуете?

— А вы чувствуете? — Джио прищурилась.

— Как их можно не почувствовать? Нет, с меня хватит, я уезжаю. Сегодня же. Кевин, мальчик мой... — она оглянулась и не обнаружив за плечом Кевина, обняла себя. Губа ее оттопырилась, а бровки сошлись над переносицей. — Куда опять подевался этот несносный мальчишка?

— С ней все в порядке? — шепотом поинтересовалась Катарина.

А Джио покачала головой.

— В город уехал, — ответила она, взяв тетушку Лу под руку. — Вы ведь сами его отправили.

— Я? — еще больше удивилась та и, нахмурившись, руку попыталась выдернуть. — Что вы себе позволяете?! Это вы моего мальчика выгнали! Как так можно? Он, бедный, так старался, так старался...

— Вы заболели, — Джио произнесла это с нажимом. И тетушка замолчала.

— Я?

— Вы.

— Заболела?

— Именно.

— Глупости, — она встрепелась. — Я никогда не болею. Я на редкость здорова. И могла бы родить много здоровых детей. И не моя вина, что мой Гарольд оказался таким... таким... — нижняя губа отвисла.

— И все-таки нам кажется, что вам стоит отдохнуть.

— В моей комнате дует, — капризно произнесла тетушка. — Сильно дует!

— Выберите другую.

— Какую?

— Любую.

— Здесь везде дует!

Катарина присмотрелась к женщине, пытаясь понять, что же с ней случилось за сегодняшнюю ночь. Но ничего не увидела.

Разве что кожа бледновата. А нос будто бы заострился. Но ведь случается при болезни.

— Я больше не желаю оставаться здесь! — воскликнула тетушка. — Кевин...

— Он в городе, мама, — устало произнес Гевин. — Ты хочешь поехать к нему?

— Хочу.

Гевин поклонился. При том показалось, что не столько Катарине, сколько Джио, которая все еще пыталась удержать тетушку Лу.

— Тогда я буду рад тебя отвезти. Но ты же понимаешь, что ты не можешь ехать в этом? — Гевин двигался с той неестественной плавностью, которая выдавала в нем ту, иную природу. — Тебе надо переодеться.

— Да? — на личике тетушки Лу вновь появилось сомнения.

— Конечно. В дорожное платье. Разве Кевин обрадуется, увидев тебя такой?

— Она меня держит!

— Она отпустит, — Гевин кивнул, и Джио разжала руки. А он коснулся матушкиного плеча. — Идем, я помогу...

— Это неприлично.

— Сумку собрать. Ты ведь не станешь сюда возвращаться?

— Нет, конечно, — она вскинула голову. — Мне нечего делать в этом доме!

— И я о том же. Поэтому вещи нужно собрать...

Он вел ее, медленно, подстраиваясь под неловкую ее походку, и Катарина, глядя на женщину, не могла отделаться от ощущения, что видит не человека, но куклу. Одну из тех, раскрашенных, обряженных в платье, которые двигались по воле кукольника.

Стало не по себе.

— Она...

— Вчера и кричала, — сказала Джио, когда тетушка Лу скрылась за дверью. — Я так думаю... только подождем змееныша. Не зря к ней напросился. Посмотрим.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как появился Гевин.

Мрачный.

И... злой? Эту злость не выдавали ни жесты, ни выражение лица, но Катарина кожей ощущала ее. И это чувство заставило попятиться.

— Прошу прощения, — Гевин остановился. — Оказывается, некоторые эмоции и я способен испытывать. Весьма... своеобразный опыт. Предлагаю вам пикник.

— Пикник? — менее всего настроение располагало к пикнику.

— В саду, — зачем-то уточнил Гевин. А Джио, глянув в окно, отстраненно заметила:

— Погода весьма для того подходящая...

Катарина ей не поверила, но все же согласилась:

— Действительно... жаль будет упустить такой случай.

Солнце светило. Трава зеленела. Бабочки опять же порхали. И мирная эта картина заставляла острее ощутить исходившую от Гевина злость.

А корзинку для пикника, что характерно, он с собой принес.

И плед.

И подушки.

И бутылку вина, которое разлил по бокалам. Причем первый подал Джио и с поклоном.

— Не налей, — бокал она приняла и сказала как-то... лениво.

— Разве это наглость, угостить красивую женщину вином?

— Ту ли угощаешь?

— Брак я тебе не предложу, хотя бы потому, что вряд ли получу согласие, — Гевин пожал плечами. — А остальное... мы ведь не станем лишать друг друга малых радостей?

Катарина благоразумно промолчала.

Вино оказалось плотным, тягучим и отвратительно сладким, но Джио, кажется, пришлось по вкусу.

— Думаешь, отравят? — она подняла бокал и посмотрела сквозь него на солнце. Прищурилась.

— Вероятность существует.

— Матушка...

— Заражена.

— Что будешь делать?

— Уже.

И как-то так это прозвучало, что Катарина поняла — не стоит уточнять, что именно он сделал. А вот Джио понимать не захотела.

— Убил?

— Спит. Это выглядит похоже на смерть, но клянусь чешуей Первого змея, это сон. Глубокий сон, который не позволит тварям завладеть ее телом. Они тоже уснули. И у меня будет время найти правильный яд.

Он нахмурился.

И сделался серьезен.

— Дитя Дану поможет. У нас общее дело.

— Поможет, — согласилась Джио. — Отчего б не помочь... здесь скоро станетлюдно, верно?

Приподнятая бровь.

— Кто из вас сообщил наместнику?

— Наместнику, думаю, никто.

— Сразу корона?

— Увы, у всех свои долги, — он развел руками и взглянул на Катарину. — Вы, дорогая моя, не берите в голову. Вами я рисковать не намерен, а потому настоятельно посоветую провести нынешнюю ночь в доме вашего любовника.

Щеки Катарины полыхнули алым цветом.

— И кушайте, — он подал блюдо с крохотными сэндвичами. — Я не большой поклонник бледности и полагаю эту моду крайне вредной.

Сэндвич она взяла.

И откусила кусок, правда, вкуса вновь не почувствовала.

— Я никуда не уйду...

— Что ж, тогда пригласите его к себе, — кажется, Гевина вопрос приличий заботил меньше всего. — В конце концов, я все же надеюсь, что вы выживете. С мертвой женщиной крайне сложно сочетаться браком.

— Я не собираюсь за вас замуж!

— Это пока.

— И потом тоже...

Наглую улыбку хотелось стереть, но вместо этого Катарина вцепилась зубами в сэндвич. Зараза чешуйчатая... и не пойдет она за него замуж.

И любовника заводить не станет.

И... и вообще.

Дуглас укоризненно покачал головой, но ничего не стал говорить, за что Кайдэн был несказанно ему благодарен. Меньше всего ему хотелось говорить о недавней ночи.

Луне.

И женщине, чей запах сохранился в памяти. О собственной то ли слабости, то ли силе. О том, до чего не хотелось отпускать ее.

Сердце мучительно сжималось.

И беспокойство не отпускало. Ни на минуту.

— Чем больше ты нервничаешь, — Дуглас налил полный кубок молока, щедро добавил свежего цветочного меда и протянул Кайдену. — Тем меньше от тебя толку.

— А он вообще есть?

— Сам решай.

Молоко было сладким. И теплым. И успокоило. Немного.

— Письма пришли. От наместника, который желает немедленно встретиться с тобой...

— Даже так?

Это было странно. Сколько себя Кайден помнил, наместник не то, что не желал встреч, напротив, всячески избегал их.

— Именно... и от деда твоего.

— А он?

Дед, в отличие от бабушки, писал редко, но всегда по делу. Дуглас молча протянул запечатанный конверт. Стоило коснуться бумаги, и пальцы укололо искрой. Стало быть, и вправду что-то важное.

Чтение заставило Кайдена нахмуриться.

Он снова налил молока и перечитал дважды. Молча протянул бумагу Дугласу, который также молча ее принял. Скользнул взглядом по строкам. Хмыкнул.

— Надо же... до чего интересно.

Интересно.

Кайден устроился на подоконнике. Облюбованный в незапамятные времена, тот успел несколько покоситься, поправиться, приобрести характерный лоск отполированного дерева. Очень старательно отполированного.

— Стало быть, уже год никто не имел чести видеть почтенного лорда Терринтона, — Дуглас устроился на стуле. — Дела он ведет через поверенного...

...нового поверенного, а вот куда делся старый деду выяснить не удалось.

— ...и дела эти были весьма успешны.

Дуглас потер подбородок.

— Совпадает?

Кайден коснулся теплого стекла. Он не любил, когда люди исчезали. Это казалось вызовом.

— ...незадолго до исчезновения появляется то самое ходатайство. А еще в столицу прибывает одна молодая вдова.

...которая обращается к одному весьма почтенному ювелиру с просьбой оценить комплект драгоценностей. Ожерелье, браслеты и подвески из желтых алмазов.

— И сопровождает ее некий господин Харли, доверенное лицо мистера Нешби...

...человек довольно известный в узких кругах, в отличие от того же мистера Нешби, о котором слышали многое, но вот, как выяснилось, найти кого-то, кто был бы знаком с ним лично, не вышло.

Драгоценности приобрел лорд Годдард для своей дочери, которая вот-вот станет королевой, а это обязывает...

Кайден потер глаза.

— Ее надо спрятать, — сказал он в пустоту. — Кажется, мы все-таки вляпались в политику.

И Дуглас кивнул.

— Поедешь?

— К наместнику? Куда мне деваться. Я ведь верный пес короны, — Кайденом оскалился, и в стекле отразилось перекошенное его лицо.

У наместника приняли сразу. И весьма спешно. И сам он, обычно спокойный, был безудержно суетлив. Он то взмахивал руками, и манжеты разлетались, обнажая тощеватые запястья, то принимался теребить пышный, по французской моде, воротник, то парик щупал, словно проверяя, на месте ли тот.

А вот говорил о погоде.

Лугах.

Овцах, которые в этом году хороший приплод дали. О торговле и кораблях, о делах многочисленных, казавшихся важными с первого взгляда, но на второй — совершенно пустых.

— Что не так? — Кайденом не выдержал первым.

Отставил хрупкую чашечку, и стол отодвинул, раз уж он разделял Кайдена и этого бестолкового человека, который замер испуганно.

— Вы сами позвали меня.

— Позвал, — из рукава появился кружевной платок. — Видят Боги... я не всегда вас понимал, но вместе с тем с вами жилось куда спокойнее, чем с вашим предшественником. При всей вашей варварской дикости, вы на редкость предсказуемы. Да и торговля вздохнула с облегчением. Простонародье вовсе вас любит. Разбойники и им докучали, да... и мне бы не хотелось, весьма не хотелось, чтобы вы пострадали.

— Как?

Страдать Кайденом не собирался.

— Не знаю. Как-нибудь... до меня дошли слухи... понимаете, просто слухи, но от людей проверенных, знающих... в столице беспокойно. И Канцлер изволит гневаться. На вас.

— С чего бы?

— Не знаю. Но настоятельно рекомендовал бы узнать и найти способ договориться с этим человеком. Он опасен. Очень и очень опасен. Его влияние на Его Величество сложно недооценить, да...

Платок коснулся лба, стирая и пот, и пудру.

— Мне будет жаль, если вас не станет.

— Мне тоже, — совершенно искренне ответил Кайденом и, спохватившись, поинтересовался. — Скажите, к вам в последнее время не обращались с просьбами по поводу старого поместья? Того, что рядом с моим?

— А какое... хотя... не важно, — наместник поднялся. — А ведь и вправду. Обращались. С просьбой... принять некую девицу. Оказать ей помощь, если понадобится, только никаких девиц не было.

Или их не заметили.

Обеих.

— Не было никаких девиц, — повторил он не слишком уверенно. Нахмурился. Потрогал переносицу. И добавил. — Кажется, не было... проклятье...

Не проклятье, скорее морок.

— Позволите? — Кайденом, преодолев брезгливость, коснулся напудренного виска. След чужой силы стремительно таял, и наместник, кажется, чувствовал это. Вот скривился. Прижал к носу свой платочек. Сделал глубокий вдох и совсем иным, деловитым тоном, поинтересовался:

— Что со мной?

— Ничего серьезного, — Кайденом руки убрал, ибо след был слишком слабым, чтобы обратить на него внимание. — А вы не могли бы попросить секретаря, чтобы нашел письмо?

— Письмо?

— То письмо, в котором вас просили позаботиться о девице.

— Девице? — легкое недоумение тотчас сменилось недовольной гримасой. — Несомненно. Одну минуту...

Колокольчик в его руке зазвенел, и от звона этого лорд Тирби скривился, верно, ныне громкие звуки причиняли ему боль. Впрочем, это не помешало ему отдать распоряжения. А когда за секретарем закрылась дверь, наместник поинтересовался.

— Вы случайно, не знаете, кто мне этот подарок... устроил?

Он крутанул пальцем у виска.

— Так не скажу. Думаю, кто-то в достаточной мере близкий, — Кайден вернулся в свое креслице, откуда открывался весьма неплохой вид на балкон.

Золотистые шторы.

Легкие занавеси. Горшки с цветами, которым в этих горшках тесно и они хотели бы оказаться на свободе, не понимая, что выжить там куда сложнее, чем им кажется.

— Кровь?

Наместник отряхнулся и, стянув парик, швырнул его в угол.

— Не думаю. Связь на крови куда тяжелее. Скорее элементарный морок. Слабый... просьба явно исходила от человека, не слишком важного. И посторонняя девица вряд ли так сильно вас беспокоила. Достаточно было слегка подтолкнуть память... — Кайден развел руками.

А наместник достал из-под стола плоскую серебряную флягу, к горлышку которой приложился.

— Проклятье, — сказал он сипловато, и голос этот надломленный, и вид нынешний, совершенно несоответствующий высокому образу, который так старательно поддерживался прежде, явственно демонстрировали, если не доверие к Кайдену, то все же некую степень расположения. — Дважды проклятье... а ведь у меня амулеты есть.

Он сунул руку под кружево воротника и вытащил простенький, но весьма надежный амулет.

— А вы всегда его...

— Почти, — наместник слегка покраснел. — Бывают... некоторые ситуации.

— Любовница?

— Не вслух же, — произнес лорд Тирби с некоторым упреком. — Одна... весьма достойная дама выказала ко мне свою расположенность. Но это не она... не может быть она... зачем ей?

— Понятия не имею, — женские мотивы оставались для Кайдена загадкой. — Кто знает, что вы... наносите визиты?

Пожатие плечами.

И снова фляга. Вдох. Наместник встал у двери, ведущей на балкон.

— Кучер. Секретарь... он порой сопровождает.

— Даже так?

— Достойный молодой человек... определенно, достойный... очень достойный, — он рванул шейный платок, а Кайден поднялся, уже зная, что опоздал.

За дверью было пусто.

Тихо.

Настолько тихо, что было слышно, как стучит о стекло толстая зеленая муха. И звук этот раздражал своей неуместностью. Кайден сделал шаг и поймал муху.

Смял толстое ее тельце.

Вытер ладонь о бархатную штору. Он закрыл глаза и вдохнул запах человека, еще недавно казавшегося ему ничтожным, неважным, а вот поди ж ты... запах жил на ковре.

И на стенах.

Он коснулся мебели, особенно массивного секретера, пристроившегося в углу этой комнаты. Он вел Кайдена прочь, к двери.

И за дверь.

К лестнице, у основания которой человек и остался. Он лежал, широко раскинув руки, задрал ноги. Кайден видел подошвы его ботинок. И задравшуюся брючину. Парик, что сбился набок. Тонкую шею. Красную лужу, что расплывалась из-под мертвеца.

— Это ведь не несчастный случай? — с какой-то обреченностью поинтересовался лорд Тирби. Он дернул воротник и сорвал его, скомкал, вымещая раздражение на кружеве, а потом и вовсе отшвырнул. Белый ком упал рядом. А лорд повторил. — Определенно, это не несчастный случай.

И Кайден с ним согласился.

Он опускался медленно, останавливаясь на каждой ступеньке. А внизу, у тела, вовсе присел. Наклонился. Почти коснулся конских волос — в отличие от лорда, его секретарь выбирал парики дешевые — и вдохнул новый запах.

— Скажите... — он сидел, закрыв глаза. — Ваша супруга... она ведь местная, верно?

— Вы хотите сказать...

— Что ей, возможно, есть что сказать.

От волос пахло духами и ароматными маслами, которые вовсе не вязались с этим человеком.

— Вы ошибаетесь, — сказал лорд, впрочем, без особой убежденности. — Она... она очень достойная женщина... и не могла... конечно, нет. Зачем ей?

— Не знаю, — Кайден перевернул тело, хотя особой нужды в том не было. А вот кровь оказалась вовсе не кровью, но алыми чернилами, что испачкали и ковер, и костюм мертвеца, и те же волосы.

Зачем ему чернила?

Хотя...

Кайден обмакнул пальцы и поднес их к губам. Слизнул осторожно. Зажмурился, свыкаясь с горьким вкусом, которому магия лишь добавляла горечи.

— Часто пользовались? — уточнил он.

— Случалось... подписи и так... он любил выделять важное, — наместник трогать чернила не стал, как и в рот совать, здраво рассудив, что человеку серьезному сие не по чину. — Значит, чернила?

— Частично...

— Он не был магом. Я бы понял.

— Значит, он лишь помогал, — легко согласился Кайден.

И вернулся к телу. На лице мертвеца застыло выражение крайней степени удивления. Ничего, потерпит... а рана нашлась не сразу. Под левой лопаткой. Крохотная, аккуратная весьма, если не искать, то и не отыщешь.

— Ударили его там, наверху, — Кайден посмотрел на лестницу и сощурился. — А потом столкнули...

Ковер сохранил и тот, другой, женский запах. И не только его — аккуратные следы каблучков, будто два пятнышка на алом поле.

— И все-таки я не верю...

— И не надо, — Кайден огляделся. Спешить смысла не было, ибо та, что убила, не могла не знать, что Кайден найдет и запах, и след. И скрыть его не потрудились. Стало быть...

Глава 34

На женской половине дома царили ароматы.

Духов.

Притираний.

Сандаля и розы. Драгоценных масел. Розовой соли. И темной густой грязи, которая, поговаривали, весьма благотворно сказывается на цвете лица.

Мягкие ковры лежали здесь плотно, часто в два слоя, надежно укрывая холод каменного пола. Тяжелые ткани укутывали стены, будто здесь вдруг самому дому стало зябко.

Цвета...

Тяжеловатые.

Темный пурпур. И позолота. Много позолоты. Она вилась под потолком, переползала на тяжелые рамы картин, обживала каминные полки, пятная, что фарфоровых пастушек, что стада их.

Плотно закрытые ставни.

Огонь в камине.

— Она всегда мерзла, — будто оправдываясь, произнес наместник. — Она всегда жаловалась, что ей холодно.

Меховые покрывала.

И манто из чернобурки, будто оброненное посреди комнаты. Здесь же — станок для вышивания, корзинки и нитки. Игла воткнута в подушечку, и от нее тянется розовый шелковый хвост. Ощущение, будто хозяйка на мгновение вышла и вернется.

Нужно лишь подождать.

Кайдэн распахнул окна, впуская свежий воздух.

— Расскажите о ней, — попросил он.

И наместник вдруг осел в ближайшее кресло.

— Так... она достойная женщина. Очень достойная. Мне повезло... наверное... не знаю.

Тонкие пальцы его уперлись в виски. Рот приоткрылся, и на нижней губе вспух пузырь слюны, на что лорд Тирби не обратил и малейшего внимания. Теперь опутывавшая его магия стала ощущаться явнее. И Кайдэн поморщился: надо же было так ошибиться. И ведь главное, что встречались они не единожды. Как можно было не заметить такое?

— Знаете, мне кажется, она и вправду очень достойная женщина, — он обошел наместника, надеясь, что никак не потревожил то создание, которое замерло, будто поджидая, совершит ли Кайдэн ошибку.

Оно походило на паука, если бы там, на изнанке, водились пауки.

— Всегда ей восхищался.

— Да, да, — поспешно согласился лорд Тирби. — Все ею восхищаются.

— Несомненно.

Паук почти воплотился.

Может, в этом и дело? Их встречи проходили на мужской половине, где магии почти нет, и тварь сидела тихо. А Кайдэн не слишком приглядывался.

Ему ведь не нравился этот человек.

Категорически.

Впрочем, он не нравился и сейчас.

— Она много делает для города... и для людей...

— Да, да... этот ее приют...

— Какой?

Лорд моргнул, а тварь зашевелилась. Осторожней, они опасны. И весьма чувствительны. И разумом обладают, пусть и совершенно иного толка.

— Я бы хотел сделать пожертвование на благое дело. Но хотелось бы знать...

— Для девочек, — наместник ожил. — Знаете, она всегда была так внимательна к сиротам... даже из простонародья, хотя этого я, честно говоря, не понимаю.

К нему возвращалась прежняя маска.

— Но если Эмилии хочется, то пускай... правда, она жаловалась, что дом, где приют разместился, стал тесен. Да и город — не лучшее место для детей.

Кайден слушал.

И кивал.

Осматривался, подмечая натянутые нити чужих заклятий. Всю комнату заплела, кружевница... и ведь хитрая тварь... но секретаря стоило убрать раньше. На день или два... ей было бы несложно. Почему промедлила?

— Признаться, она меня этими просьбами утомила. Я и сказал, мол, найдешь подходящий особняк, я и куплю...

— Нашла?

— Где там, — наместник хохотнул. — Тут же все дома более-менее приличные при хозяевах. Кроме того, который старой Норрингем принадлежал. Я подумывал его купить, но старуха постаралась составить такое завещание, что не обойти. Так я Эмилии и сказал, что хозяин нужен, что пока наследница в права не вступит, то и делать нечего.

— Расстроилась?

— Несказанно. Она очень к девочкам этим привязалась, да... а что мы здесь делаем?

— Вашу жену ждем.

— Зачем?

— Жертвовать на приют.

— А... да, конечно, глупость невероятная, но женщина должна чем-то заниматься. Ей скучно... пусть себе... я вот что подумал. Вам стоит с ней познакомиться поближе, — и на губах наместника появилась совершенно безумная улыбка. — Вы понравитесь друг другу.

В этом Кайден очень сомневался.

Катарина взяла в руки камень.

Пальцы гладили нефрит, уговаривая его поддаться, но сегодня, верно, день оказался не тем, и камень не слушался.

— Пожалуйста, — тихо попросила она, поднеся уродливый еще пока инструмент, вовсе на инструмент даже не похожий, к губам. — Мне очень надо.

Сила была, там, внутри, скованная чужими чарами, связанная, годная лишь для одного — передать ее детям. Где-то за стеной нервно расхаживала Джио, которой тоже было беспокойно. И тот факт, что Гевин остался при доме, ничуть не унимал ее беспокойства.

Она то и дело останавливалась.

Вздыхала. И мешала сосредоточиться. Или не она, но сам дом, который вдруг очнулся и заскрипел на разные голоса, жалуюсь сразу и на всех.

На мага, который не унимался.

Он спустился ниже, к самому основанию, силясь его выправить. И сила его уходила в дом, мешая

вернуться к блаженному сну.

На прислугу, которой стало больше, чем хотелось бы. И вместе с тем — на пыль и грязь, на запустение, на то, что никому-то нет до него дела.

— Девонька?

— Я здесь, — Катарина привычно устроилась на подоконнике. Она не стала брать ни альбом, ни инструмент, подозревая, что руки ее за пять лет успели отвыкнуть, но вот камень прижала к груди. — Все хорошо.

— Ясно, — Джио заглянула в комнату, но входить не стала.

— Он тебе нравится? — неправильный вопрос, но если разговор прервется, то Катарина останется одна со своей беспомощностью, от которой она устала не меньше, чем дом от пустоты.

— Кто?

— Ты знаешь.

— Змееныш... С ним не будет просто.

— Ты говорила...

— Ты человек, — Джио пожала плечами, будто этот факт что-то да объяснял. — Тебя он станет беречь.

— Почему?

— Змей же. Они знают, что не способны на чувства, на те, которые дружбы и любви, привязанности. И потому держатся правил. Станешь женой — будет беречь. В какой-то мере.

— Но если будет выгодно, откажется?

— Не сразу, но...

— Зачем мне такой ненадежный муж? — Катарина прижала камень к груди, она ощущала его холод сквозь ткань платья и нижнюю рубашку.

— Другие не лучше.

— Даже Кайдэн?

— А он тебе предлагал замужество?

— Нет, — вынуждена была признать Катарина.

— Если предложит, подумай. В нем кровь горит. Он не способен усидеть на одном месте. И это вечное движение может утомлять... но да, он тебя не бросит. Даже когда сама захочешь уйти, все одно не бросит. Он начнет войну, пожелай кто-то причинить тебе вред. Или если он решит, что тебе желают навредить. Он не остановится перед убийством, напротив, для него человеческая жизнь означает не больше, чем для Змея. Но в отличие от Змея дети Дану не признают правил.

— А любить он способен?

Не то, чтобы Катарина рассчитывала. Любовь — это, кажется, не так и хорошо. Да и слишком взрослая она, чтобы рассчитывать на ту, которая сказочная, с первого взгляда и до последнего вздоха, с сердцем поющим, и пониманием, что иначе и невозможно.

— Способен, — Джио подошла и встала рядом. А Катарина сжалась, почему-то ей категорически не хотелось показывать неготовую еще флейту. — Только эта любовь порой страшнее ненависти. Поэтому... думай, девонька. Впервые ты можешь выбрать сама. Не ошибись.

Катарина кивнула.

Прикусила губу. И повторила вопрос, на который так и не получила ответа:

— Он тебе нравится?

Почему-то прозвучало утверждением. А Джио отступила, смутилось, чего с ней не случилось прежде, даже в тот раз, когда Катарина застала ее в своей кровати с парой любовников. Тогда Джио сказала, что зимой слишком холодно, чтобы рассчитывать, что слабое пламя камина и вправду согреет.

Катарина ей даже завидовала.

Она, Катарина, была слишком благоразумна, чтобы сотворить что-то этакое.

— Пойду, проверю кое-что... а то ведь, — она погладила стену. — А ты, лапонька, думай.

Катарина кивнула.

Думать она не хотела, а вот нефрит, кажется, согревался и столь стремительно, что это было почти больно. Катарина вытащила флейту и сосредоточилась.

Еще немного и камень поплывет.

Надо сосредоточиться.

Забуть о солнце. И плюще. О божьей коровке, что, приземлившись на подоконник, медленно ползла вдоль трещины. О трещине этой.

Или... наоборот, не забывать?

Закрывать глаза.

Представить Джио... и огонь, много-много огня, без которого и вправду холодно, и Катарина, побывавшая в Королевской башне, представляет, как мучителен этот холод.

Пальцы закололо.

А потом и вовсе опалило знакомой болью, которая прежде заставляла отступить, но сейчас Катарина упрямо поджала губы.

Завтра или послезавтра придут солдаты. И тот, кто стоит над ними. И тот, кто стоит за этим человеком, тот, кто прислал Катарину в это поместье, то ли пытаясь ее убить, то ли просто желая показать, до чего непросто жить вне клетки дворца.

Пускай.

Нет, прочь из головы. Это будет завтра, а сегодня... сегодня солнце касается щек Катарины. И губ ее. И она делает глоток согретого воздуха, чтобы выдохнуть его на камень.

И еще.

И снова.

Воздух раскаляется, а руки рвет болью. Будто в кипятки опустила. Или в тот самый огонь, что менял флейту. Пусть будет она... хрупкой, как Джио, и столь же прочной.

Чудесной.

Завораживающей. Непонятной обычным людям, но удивительно волшебной. Пусть согреется, наконец, Катарине не жаль силы. Куда ей девать? Разве что поделиться с камнем.

Во рту стало солоно.

Но камень принял и кровь так, будто именно ее и не доставало. Или и вправду... сила потекла легче, она уходила сквозь сеть, словно той вдруг вовсе не стало. Но нет, она была, она рвала Катарину на части, но больше это не казалось важным.

Главное — успеть.

Пока солнце высоко. Пока жар плавит тело. Пока она, Катарина, вовсе жива. И когда из глаз-таки посыпались слезы, камень и их выпил. А затем вдруг стало легко-легко. И Катарина даже обрадовалась этой легкости, вдруг показалось, что стоит ей взобраться на подоконник, оттолкнуться и руки расправить, как она взлетит.

Правда, сил хватило лишь на то, чтобы поползти до кровати.

Катарина рухнула на покрывало и блаженно зажмурилась. Флейту она спрятала под подушкой. Она отдаст ее Джио потом. А пока... пока она посмотрит сон, тот самый, про небо бескрайнее, в котором Катарина парила свободно, ведь была птицей с огненными крылами.

Разве не чудо?

Приют прятался в той части города, в которую люди приличные старались без особой надобности

не заглядывать. Здесь пахло грязью и человеческими испражнениями, что текли по открытым канавам, а порой и не текли, стояли, кисли, наполняя окрестности зловонием.

Над канавами поднимались ядовитые миазмы.

И глиняные, слепленные наспех, стены домов не казались сколь было надежной защитой. Здесь былолюдно и суетно, а под ногами сновали крысы, вовсе не стесняясь иных обитателей этого места. Впрочем, к темному дому, что устроился близ старой городской стены, они старались не подходить.

Кайден крыс понимал.

Донельзя благоразумные животные.

Он и сам не сразу переступил незримую черту. А стоило сделать шаг, как отчетливо хрустнула граница, почти выпустив набрякшую силой изнанку.

Вот же...

И как Кайден пропустил это место?

Впрочем, кроме ощущений ничего особенного в здании не было. Не новое, но заботливо подновленное. С двускатною крышей, из которой поднимались толстые кривоватые трубы. С окнами, что тускло поблескивали настоящим стеклом. С высоким порогом и бледной девицей, заставшей на этом пороге.

Кайден поклонился девице.

А она оскалилась.

— Только попробуй, — предупредил он, коснувшись клинка, и Призрак согласно заворчал. Ему тоже не нравилось это место.

И паучиха.

— Где старшая?

В тонких пальцах девушки плясало веретено, наматывая белесую нить паутины.

— С какой стати, — она все же заговорила, слегка притапливая слова, — я должна тебе говорить?

Дверь открылась, и на пороге появилась еще одна паучиха.

И еще одна.

И... сколько их скрывалось там, внутри дома? Призрак притих, а Тьма зашевелилась, намекая, что твари опасны, пусть и молоды, пусть яд их не вошел в полную силу.

— С той, что если не скажешь, я просто спалю это место. И вас вместе с ним.

— А сумеешь? — веретено замерло в верхней точке, а девушка пригнулась, и в этот момент стало очевидно, сколь мало в ней осталось человеческого. Раздвинулись руки, натянулось платье на спине, и под тканью что-то завозилось, задвигалось.

— Попробую, — Кайден обнажил оба клинка. — Или нет. Или просто шагну и сломаю стену, а затем позову сюда тварей с изнанки. Может, и отобьетесь, но ведь многие полягут, так?

Девушка зашипела.

— Не стоит, Марьяна, — этот мягкий голос разом успокоил паучих. — Сколько раз я говорила тебе, что следует проявлять большую сдержанность. Мы рады принимать того, кто помнит вкус Мертвой воды.

Она была красива, леди Тирби, в девичестве Болрстоп, последняя из славного некогда рода.

Она была настолько красива, что Кайдену пришлось потереть глаза, избавляясь от наваждения.

— Не стоит, леди.

— Простите, — она улыбнулась, показывая, что все — не более, чем случайность. И не стоит обижаться. — Порой мне сложно это контролировать.

— До сих пор у вас неплохо получалось.

Она смотрелась чуждо в этом месте. Соболя на плечах. Жемчужная нить на шее. И перстни на пальцах.

Паучихи любят украшения, но не все, а лишь те, которые кажутся им в достаточной мере совершенными.

— Прошу войти в мой дом.

— Воздержусь.

Она покачала головой и сказала:

— Клянусь своей кровью и своей силой, что не причиню тебе вреда, сын Феанора и тот, кто был изгнан.

— Я не был изгнан.

— Разве? — губы слегка тронули. — Не важно. Ни я, ни кто бы то ни было из тех, что обитает в доме моем, не повредят тебе.

Кайден клинки убрал.

Но руки положил на пояс, показывая, что извлечь их не так и долго.

— А если какая-то из моих дочерей приглянется, мы будем только рады...

— Нет.

— Разве они недостаточно хороши?

— Они прекрасны, — подниматься по ступеням под жадными взглядами молодых паучих, которых леди Тирби благоразумно не выпускала в город, было несколько... неприятно.

Или наоборот?

Разве может быть неприятен искренний восторг? И радость. И... от этого наваждения избавила Тьма. Она была в достаточной мере ревнива, чтобы не допустить соперниц. Тьма сама желала морочить хозяину голову.

— Тогда в чем же дело?

— Я выбрал ту, с которой разделю жизнь.

— Даже так? — леди Тирби в нарушение человеческих правил вошла в дом после Кайдена. — В таком случае, пусть огонь ее души горит ярко.

Она слегка наклонилась. Да и прозвучало вполне... искренне?

Пожалуй.

Кайден отвесил ответный поклон.

А паучихи отступили, повинувшись беззвучному приказу старшей. Но все же смотрели по-прежнему заинтересованно, хотя и не рисковали приближаться.

Глава 35

В доме... в доме пахло свежестью. Такой себе аромат недавно отгремевшей грозы, когда в кудрях леса запутались ветер и вода, когда ненадолго исчезает вонь камня и города, а мир замирает, будто вот-вот очнется, оживет, как было это в незапамятные времена.

И светло.

Снаружи окна казались маленькими и мутными, но света сквозь них проникало изрядно, хватило, чтобы осветить и длинный стол, на который спешно, хоть и без суеты, выставляли угощение, и открытое жерло камина, и лавки, и девочек, что замерли на этих лавках.

— У вас... большая семья.

— Надеюсь, это не станет камнем преткновения? — осведомилась леди Тирби, роняя меха, которым, впрочем, не позволено было коснуться земли. Заботливые руки подхватили и унесли. Другие расправили косы, которых было четыре по старому обычаю. Третьи поднесли льняное полотенце с темным кругом хлеба.

— Пока не знаю.

Кайден не любил лгать, но сейчас правду приняли спокойно. Паучиха поклонилась и, протянув хлеб, сказала:

— Будь гостем в доме моем.

Хлеб оказался свежим, с темной, жесткой коркой и мякотью, в которой чувствовались травы.

— Пусть не погаснет огонь в камине дома, — ответил Кайден.

И хлеб убрали.

— Девочки, идите, погуляйте... Ниса, присмотри за младшими, за ограду не выходите, — леди Тирби, словно извиняясь, сказала. — Маленькие еще. Не всегда с силой совладать способны...

Девочки поднимались одна за другой. Набрасывали легкие накидки, под которые прятали и излишне светлые для людей волосы. Старшие помогали младшим.

Леди наблюдала.

И когда дом опустел, кивнула. А потом повернулась к Кайдену и, указав на стол, сказала:

— Воины всегда голодны.

— Сколько их?

— Двадцать семь.

Двадцать семь паучих, пусть большей частью молоденьких, но... дом ведь существует не первый год.

— Дюжина, — сказала леди Тирби, подвигая к себе горшочек с тушеной олениной. Пальцы ее вытянулись, заострились и изогнулись. На белоснежной коже руки поднялись шипы, впрочем, тотчас улеглись. — Не переживайте. Мои девочки умеют жить среди людей. Они не станут убивать без особой на то необходимости.

Перепелки на листьях салата.

Бараний бок с брусничным вареньем. Козий сыр, щедро посыпанный приправами. Сметана.

— А при необходимости?

Леди Тирби пожала плечами.

— Жизнь порой складывается весьма... удивительным образом. Вы явились из-за того ничтожного человека, который решил, что ему позволено больше чем другим?

— Если вы о секретаре своего супруга, то да. Давно голову морочите?

— Кому именно?

— Лорду Тирби.

— С первой встречи, — леди Тирби ела аккуратно, разрезая мясо острыми костяными пластинами, которыми заканчивались ее пальчики. И рот старалась не слишком раскрывать, да и вовсе держала привычное уже Кайдену вполне человеческое обличье весьма умело. — Но поверьте, я не собираюсь ему вредить.

— Тогда почему вы здесь?

— Мне подумалось, что лучше будет побеседовать в месте тихом, а то мало ли... мне бы не хотелось отмывать дом от крови.

— Чьей?

— Так ли это важно? — леди Тирби перепелку отправила в рот целиком. — Главное, что ковры от крови крайне сложно очистить, не говоря уже о стенах. Я не хочу войны.

— Мне тоже.

Он бы справился, несомненно. Пусть леди Тирби и вошла в полную силу, но Кайден справился бы. И с ней, и с выводком. Вот только мысль о том, что придется убивать беловолосых девочек, похожих друг на друга, словно сестры, была ему категорически неприятна.

— Это уже хорошо, — она осторожно промокнула губы платком. — Попробуйте зайчатину. Мои средненькие сети ставили. Паучий яд в должной концентрации не только размягчает мясо, но и придает ему удивительный вкус.

Кайден попробовал.

И согласился.

Мясо просто-таки таяло во рту.

— С чего все началось? — спросил он.

— С... моей матушки, которая не пережила роды? Или моей бабки, на воспитании у которой я оказалась? А отец просто-напросто забыл о существовании дочери. Странно, что он вовсе от меня не отрезся. Должно быть, скандала побоялся.

Она подняла руку, позволяя оценить удивительный узор костяных пластин, тонких, полупрозрачных, зазубренных. На краях их блестели капельки то ли яда, то ли молодой паутины. И коснувшись пальцем пальца, леди Тирби потянула шелковую нить.

— Он забрал матушкино приданое. И не только его. Мы с бабушкой жили в старом доме. Помню, было холодно... всегда холодно, но особенно по ночам. И я мерзла. Зимой мы спали в одной постели, куда заползали три бабушкины кошки, и это хоть как-то помогало согреться. Когда мне исполнилось шесть, я выпила первую из них. Я не поняла, что произошло, а бабушка расплакалась.

Паукам сложно сочувствовать.

Нить стремительно застывала на воздухе, приобретая характерный серебряный цвет. Прочнее стали, тоньше волоса... говорят, на ней жеребца на вершину башни поднять можно.

Кайден проверять не рискнул бы.

— Она боялась, пряталась. Она помнила времена, когда иных, отличных от них, созданий, люди жгли на кострах. Мою прабабку забросали камнями, как и старших ее дочерей, а вот бабка уцелела, но хорошо запомнила урок. Она всю жизнь пряталась. И матушку мою тому же учила.

Нить леди Тирби зацепила за тонкую косточку, которая пошла плясать, вытягивая паутину.

— Матушка любила мужа. И призналась ему. После родов. Потом... позже... я узнала, что разродилась она вполне себе легко и благополучно, но ночью уснула и не проснулась.

— Вы его убили?

— Отца? Да, — это признание сопровождалось улыбкой. — Думала и сестер, но решила, что они все-таки не виновны... да и к чему мне лишнее внимание? Бабушка и меня учила прятаться. Быть осторожной. Держаться в стороне от людей. Мы жили вдвоем. В лесу. Ставили сети. Я до сих пор ненавижу зайчатину... — косточка остановилась на мгновение, отвлекая паучиху от рассказа. — Когда мне исполнилось шестнадцать, и стало ясно, что умирать я не собираюсь, дом сожгли... к огромному моему удивлению, оказалось, что человека убить не намного сложнее, чем зайца.

— Ваша бабушка...

— Она слишком боялась, чтобы защищаться. А я не успела ей помочь, — она слегка нахмурилась и перекрестила пальцы. — Знаете, нить можно создать всякую, легкую и тонкую, из которой потом можно сделать удивительной красоты ткань. Она согреет зимой, а летом не позволит изнывать от жары. Или плотную, способную выдержать удар меча. Или еще такую, которая остановит сердце. Или заставит тело покрыться язвами.

Вот поэтому их и не любили, многоглазых дочерей Виттхе, что слишком уж непредсказуемы творения костистых рук их.

И слишком злопамятны они сами.

— Тогда я поняла, что люди вовсе не так страшны, как меня в том убеждали. И решила, что не хочу жить в лесу. Не скажу, что пришлось легко. Мой отец, сами понимаете, не слишком обрадовался появлению блудной дочери. Впрочем, здоровье его было слишком слабым, чтобы он смог что-то предпринять. А жена его и вовсе оказалась чудесной женщиной. Я до сих пор отправляю ей подарки.

Паутина становилась темнее и плотнее. А леди Тирби продолжала выпускать нить.

— Она во многом помогла бедной сиротке. Она сама учила меня, читать и писать, выбирать наряды, красить волосы, чтобы ни у кого и мысли не возникало. Она подарила мне... — леди Тирби коснулась тонкой золотой цепочки. — Надежду... и никогда не задавала лишних вопросов. Возможно, она вовсе не так и глупа, как мне представлялось? Но да... ее усилиями я познакомилась с лордом Тирби. Я и вправду была ему симпатична, потому и убедить, что лучшей партии ему не найти, оказалось несложно.

Леди Тирби положила косточку на стол.

Разгладила юбки.

И подняла руки, позволяя рукавам соскользнуть до локтей. Кожа на предплечьях медленно разошлась, выпуская острые кривоватые шипы, к которым и закрепился конец нити. А веретено замелькало, спеша создать основу узора.

— Мы неплохо жили. Он милый. Для человека.

— Но голову вы ему морочили?

— Ему хотелось наследника, а сами понимаете...

— Появилась бы девочка.

— Именно.

Кайден, сколь ни силился, не мог понять, как она это делает. Ее руки застыли, но веретено-то двигалось, оно летало, скользило меж натянутых нитей, прокладывая строчку за строчкой, на глазах создавая ткань.

— И девочка весьма странная. Мы при рождении не слишком хороши, — она чуть склонила голову. — Это сущность. Моя в достаточной степени развита, чтобы иметь вес и в мире яви.

Она прикрыла глаза.

И отступила, позволяя Кайдену разглядеть то, на что, по-хорошему, смотреть не стоило бы.

Существо было частью леди Тирби. Или, скорее, она сама являлась частью существа, столь уродливого, сколь возможно лишь для создания того, другого мира. И в то же время Кайден не мог отвести взгляда. Массивная головогрудь, увенчанная человеческой головой, волосы которое извивались то ли змеями, то ли нитями паутины. Полупрозрачные крылья удивительной мантией стекали с раздутого брюшка, опиравшегося на четыре массивные лапы. Тонкие суставчатые конечности выплетали удивительный узор, который, начинаясь в мире яви, продолжался и в ином.

— И вы решили растить потомство в другом месте.

— Именно.

— Но почему столько... или... не все ваши? Не все даже...

— Люди на удивление небрежно относятся к своим детенышам. Я лишь взяла то, что никому не нужно, — это было произнесено со спокойной уверенностью. — И сделала их чуть более сильными. Моим детям пригодятся кровные сестры. А им — защита, ибо в этом мире слишком сложно выжить одному.

Что ж, в этом имелся смысл.

— Вы их... — Кайдэн понятия не имел, как задать вопрос. — Сделали... подобными себе?

— Боюсь, что исключительно внешне. И толика обаяния, пожалуй, передалась. Как и здоровье. Человеческие детеныши слишком хрупки, чтобы выжить без помощи.

— И сколько?

— Моих по крови? Пятеро... за все время лишь пятеро.

— А отец...

— Какая разница? — она пожала плечами, а сумеречные конечности ненадолго замерли, но после заработали с еще большей скоростью. — Для нас это не важно...

— А ваш муж...

— Он хороший человек, — леди Тирби сказала это безо всякой насмешки. — Мне пришлось постараться, убеждая его, что хранить мне верность вовсе не обязательно. Со временем, полагаю, я найду подходящую женщину, которая родит ему сына. Мы умеем быть благодарными.

Призрачные конечности взмахнули, и в следующее мгновение на столе возникла тончайшая рубаха из паучьего шелка, столь тонкая, что сквозь ткань можно было разглядеть узор на скатерти.

— Но вы его заморочили.

— Он стал задавать ненужные вопросы, но, поверьте, я никак не подавляла его разум. И старалась быть полезной. Удерживала от некоторых необдуманных поступков.

Она несколько замялась.

Меж тем призрачные конечности, покрытые мириадами тончайших ворсинок, спешили украсить рубаху вышивкой.

— Убивали? — поинтересовался Кайдэн.

— Несколько лет тому... незадолго до печального известия и опущенных флагов, — она слегка склонила голову, выказывая дань уважения чужим обычаям. — К моему супругу пришел человек, который вел весьма опасные речи. И сумел вложить опасные мысли. Поймите, Дерек — неглуп, старателен и при всем том честолобив. Ему кажется, что корона недооценивает его таланты. Сколько раз я беседовала, убеждая его, что в этом городе он на своем месте, что вовсе ему не нужны чужие интриги, в которых его используют...

Ей самой без надобности большой город и двор, который отличается безмерным любопытством. Как знать, не увидит ли кто больше, чем должно.

— Но он не послушал?

— Не в этот раз, — леди Тирби слегка поморщилась, а после смахнула с призрачной лапы капли росы, что появились на волосках. Поднесла к губам, слизала и зажмурилась. — Мне показалось, что его убеждали не только словами. Он весь загорелся мыслью помочь утвердиться новому королю. Решил, что именно тогда его вознаградят по заслугам. Он просто-таки рвался немедленно отправиться в столицу. И впервые не желал меня слушать.

Ее язык стал темным и узким, более напоминающим клинок, чем плоть. Он собирал каплю за каплей, быстро втягиваясь в расщелину рта, чтобы тотчас показаться вновь. И это завораживало.

— Мне пришлось наведаться к гостю. Я желала лишь убедить его, что мой муж — не тот человек, который и вправду способен помочь. Воевать? Помилуйте, с кем? С законным королем, который вполне жив? И как знать, не пойдет ли на поправку? И пусть сына он не тронет, но прочие мятежники — дело иное.

— Он вас не послушал.

— Он был со мной груб. Сказал, что я лезу не в свои дела. Не женского ума...

Зря.

Паучихи были умны. Это признавали все, от двуликих до драконов, хотя, конечно, последнее Кайдэн полагал преувеличением, ибо драконы крайне редко снисходили до иных существ, но все же...

— Ночью он умер. Сердце не выдержало. Дерек расстроился, но я сумела убедить его, что, возможно, гость наш был вовсе не тем, за кого себя выдавал. После... был еще один визитер.

Капли вязкого паучьего то ли яда, то ли сока, стекали по запястью, и колючий язык обрел неожиданную гибкость.

— Он остановился в нашем доме, и это обрадовало Дерека. Он восхищался этим человеком, да... хотя как по мне Словоплут не достоин восхищения, но оказалось, что язык его и вправду творит чудеса. И вовсе не те, которые пришли тебе в голову, развратный мальчишка... ему даже меня удалось убедить.

В прищуренных глазах блеснула тьма.

— Он сказал, что я верно поступила, что меньше всего королевству сейчас нужна смута. И что, согласись Дерек на предложение, он бы просто погиб, навеки заклеив свой род ничтожным неудачным мятежом. И что я повела себя так, как надлежит достойной жене. Понимаешь, он знал.

Призрачные конечности исчезали где-то в теле, они покрывались дымкой и втягивались внутрь, хотя Кайден и не представлял, как подобное возможно.

— Знал, кто я. И на что способна. И что я вряд ли сумею причинить ему вред... и что боюсь. Я никогда не боялась после того дня, как мой дом сгорел. Да, я старалась вести себя осторожно, привыкала к людям и научилась жить с ними. Оказалось, это вовсе не так и сложно при соблюдении некоторых правил, да... но именно этот человек... рядом с ним я леденела и теряла способность мыслить здраво. А он говорил... и говорил... и опять говорил... убеждая, что он вовсе не опасен.

Конечности вновь вытянулись, раскрылись лепестками чудовищного цветка. Острые когти подрагивали, а массивное брюхо призрачной паучихи поднялось высоко.

— И мы оба видели, что я не верю. Тогда он сказал, что ни Дереку, ни мне, ни детям моим ничего не угрожает, если я буду вести себя благоразумно. И я согласилась. Он ведь не потребовал ничего особенного.

Ей явно пришлось сделать над собой усилие.

А серая рубаша на столе обретала плотность, что позволила бы ей существовать в мире яви.

— А что потребовал?

— Помощи. Сказал, что однажды ко мне явится девушка, которая покажет венец из желтых алмазов, и тогда я должна буду сделать то, что это девушка попросит. А потом убрать саму память о ней.

Даже так?

— И она...

— Появилась. Спустила столько лет... знаешь, дитя королей, для людей семь лет — это много. Мой муж забыл о мятеже, решив, что он всегда был верен короне. И обрадовался, когда заслуги его отметили орденом. Он уверился, что и вправду его место здесь, тем паче, что торговые дела пошли куда веселее. Я почти отучила его заниматься контрабандой...

— Пропавшие караваны — ваших рук дело?

— Старые, — паучиха сложила руки на коленях, правда, ненадолго. — Будь добр, там на полке, выбери фиал по вкусу...

Полку Кайден увидел лишь сейчас, длинную, сделанную из грубого неотесанного дерева. На ней уместились несколько дюжин склянок. Крупные, сделанные из мутного, пусть и толстого стекла, и вовсе крохотные. Эти вытачивались из хрусталя.

Или оникса.

Теплого янтаря, который казался живым. Из обычной глины, сохранившей отпечатки рук человеческих. Но все было... не то? Слишком большое. Или маленькое. Вычурное. Недостаточно изящное. Чересчур живое или напрочь лишенное тени жизни.

Кайден перебирал фиалы один за другим, пока пальцы не коснулись чего-то теплого.

Гладкого.

Лунный камень? Будто застывший лунный свет.

— Хороший выбор, — согласилась леди Тирби и протянула руку. — Надеюсь, после увиденного, ты не изменил свое мнение обо мне?

— Ничуть.

А ведь она вполне способна убить прикосновением, хватит крошечной капли яда, которой Кайден даже не ощутит, как и не поймет, что отравлен.

Поэтому их опасались.

Поэтому убивали.

Пальцы коснулись теплой ладони.

— Смелое дитя.

— Я уже не дитя.

— Вижу, — ответила она вполне серьезно. — А она была ребенком... потерявшимся ребенком, которому обещали помочь, а вместо этого принесли в жертву.

Его рука задержалась в ее руке чуть дольше, чем следовало, но Кайден убрал пальцы до того, как когти паучихи коснулись их. Они обняли фиал, спрятали его в горсти и поднесли ко рту.

Показалось острое языка.

Уперлось в горлышко, пробивая каменную крышку. И исчезла. А паучиха провела над фиалом ладонью, и остатки сока запечатали отверстие.

— Возьми.

— Что это?

— То, что будет нужно больше всего. Я не знаю. Возможно, яд, способный убить даже дракона. Или же средство, что позволит любым ранам затянуться, кроме сердечных, разве что. Над сердцем я не властна, а вот тело... ты слышал, что Мертвая река вовсе не так уж мертва? Просто не всем дано изменять свойства ее вод?

Фиал был теплым.

И от него пахло... а пожалуй, той же Мертвой рекой. И вечной куделью, которая тянулась и тянулась, повинувшись ловким пальцем нестарой старухи. И в этом движении виделось когда-то постоянство, предопределенность.

— Не только детям Дану позволено спускаться к истокам, — она откинулась на кресле. — Но это нелегко... я способна воссоздать любое вещество, которое лишь испробовала, лекарство или яд. Мед. Или горечь молотого перца. Вино. Воду... что угодно.

Воды Мертвой реки, стало быть? Кайден поднялся и, сложив руки на груди, отвесил низкий поклон. А потом попросил, ибо не вправе был больше требовать.

— Расскажи мне о той девушке.

— Девочке... если бы не данное слово, я бы взяла ее в дом, пожалуй. Она бы отогрелась. Она все время зябла и дрожала, куталась в нелепую какую-то шаль... на ней было роскошное платье, слишком пышное и тяжелое для нее. А вот венец казался совершенством...

Он несколько не утратил своего совершенства даже в том подвале, в котором ныне хранился, поскольку Кайден не представлял, что с ним делать.

— Желтые алмазы. И желтые же топазы. Несколько бериллов для равновесия, ибо камней самих по себе не хватило бы, чтобы удержать ту сущность, которая избрала тело девушки вместилищем.

— То есть, вы видели?

— Конечно, этого лишь полный слепец не заметил бы. Нет, она еще сохраняла некоторое подобие рассудка, но именно, что подобие. Она только и могла, что говорить о возвращении, о необходимости этого возвращения, о том, что я обязана помочь. Ночь, дождь. Осень на дворе, куда ехать? Но она требовала, не просила, а именно требовала, не понимая, что делает. И я поддалась. Я вдруг испугалась, что ее такую увидит Дерек. У него появятся вопросы, а далеко не на все я могу ответить.

Фиал грел руку. И Кайдэн убрал его в кошель, а кошель придержал рукой. И чувствуя близость родных вод, притихли клинки.

— Я велела заложить коляску. Сказала, что еду по делам приюта. Впрочем, прислуга давно научилась не замечать лишнего, кроме этого мелкого ублюдка, которого я сама привела в дом. Мне нужен был кто-то, кто мог бы держать дела мужа под контролем. Дерек хороший человек, но порой он отвратительно рассеян, и я нашла помощника... как мне казалось.

Но человек оказался неблагодарен. С людьми подобное случается частенько. Да и с нелюдьми тоже.

— Мы отправились втроем. Он сказал, что желает помочь, а я... признаюсь, эта девушка, то, что скрывалось в ней, пугала меня. Я довела ее до порога. Добилась, чтобы дверь открыли, и велела принять Катарину. Так ее звали. А после вернулась к себе, надеясь, что больше никогда не увижу ее.

Леди Тирби провела ладонью по рубашке, подцепила край, помяла, проверяя на прочность.

— Еще немного погодить. Хватит, чтобы завершить историю. Я отправилась к ней на следующее утро. Не хотела, говорила самой себе, что это будет лишним, но вот все же... я отправилась, чтобы узнать, что девица съехала. Мне показали пустую комнату, в которой — я готова поклясться древней кровью своей и матерью, что некогда связала паутину истинного мира — никто не ночевал. Постель не сохранила ни запаха, ни тепла, ничего...

— И вы уехали.

— Да. Я не знала, что случилось с ней. И зачем нужна она была Словоплуту, но... меня это больше не касалось. До недавнего времени, как понимаю.

Она убрала руку.

— Возьми, тот, кто заставляет камень петь. Мне кажется, что в этой игре тебе понадобится защита. Или не тебе. Решай сам. Кайдэн отвесил еще один поклон.

И попросил:

— Вернитесь домой. Лорда Тирби весьма расстроил ваш отъезд.

— А что будет... — она оглянулась на дверь. — С приютом?

— Ничего. Разве что... мне сказали, что вы ищете новый дом? У меня на примете есть пара достойных поместий. Несколько запущенных, правда, но это же не беда?

Леди Тирби улыбнулась.

Почти искренне.

Пожалуй, перемирие можно было считать заключенным.

Глава 36

Странно было ходить по дому, зная, что где-то здесь, совсем рядом, затаилось чудовище. И это чудовище знало, что Катарина догадывается о нем, а еще знало, наверное, что деваться ей некуда. И как быть? Притвориться? Снова. Она ведь так хорошо умеет притворяться.

Делать вид, что счастлива.

Улыбаться, когда больше всего хочется просто закричать.

Говорить тихо и правильные слова, приятные собеседнику, даже зная, что человек этот тебя ненавидит. Но и он, став на горло своей ненависти, ответит столь же вежливо. И мило. И быть может, выпадет удобный случай, затянет на горле удавку, но... потом... когда-нибудь.

Катарина покачала головой.

И почему ей казалось, что, стоит уйти из дворца, и все изменится? Хотя... во дворце было чище. И людей много больше. Там постоянно звенят струны, заглушая скрип старого паркета. А зеркала не подернуты толстым слоем пыли.

Странно, как они вообще уцелели здесь.

И все прочее...

Катарина подошла к ближайшему, заглянула.

...вспомнилась старая нянька с ее суеверным страхом перед такими вот зеркалами. Шепоток. Не смотришь, а то откроется тайная дверца и выглянет жених, ликом бел, душой черен. Схватит обеими руками и уволочет...

— Вы красивы, — тень, что поднялась из глубин стекла, заставила Катарину попятиться. — Прошу прощения, если напугал вас.

— Напугали, — не стала лгать она, вдруг поняв, что невероятно устала от притворства. — И вы мне не нравитесь. Я вас, если подумать, слегка боюсь, а я не хочу бояться своего мужа. Да и вам я не слишком симпатична. В отличие от Джо.

— Это ревность?

— Это факт, — она закуталась в старую шаль, которую обнаружила в глубинах шкафа. — Одно дело жить с мужчиной, которому ты по сути безразлична. И совсем другое — с мужчиной, который симпатизирует другой.

— Но ему ты по-прежнему безразлична, и в этом аспекте все по-прежнему. В чем разница?

Гевин отражался темным пятном, будто и вправду... а ликом бел, бледен, пожалуй.

— Не знаю, — Катарина попыталась справиться с дрожью. — Наверное, в самоощущениях?

— В самоощущениях я не силен, — согласился Гевин и подал руку. — Вы не желаете прогуляться по дому?

— А если не желаю?

— Все равно придется.

В этом и дело. Ему никогда не будут важны ее чувства. Впрочем, разве это что-то новое? Никому и никогда они не были важны. Отец полагал чувства глупостью, которую могут позволить себе юные девы, но никак не те, на чью голову возложен венец. Генрих просто убедил себя, что любая будет счастлива стать его женой и отнюдь не из-за титула и треклятой короны. Совет, советники... фрейлины и слуги, все те, кто окружал Катарину, кто пытался получить что-то в обмен на свою преданность, им тоже по сути было безразлично, что с ней.

И здесь.

Она приняла руку. Вдвоем не так страшно.

— А вы в самом деле...

— В большей степени да, — Гевин не спешил, он с легкостью подстроился под ее неторопливый шаг. — В детстве мне были непонятны многие вещи. Слезы, например. Или смех. Или вот еще страх... хотя его удалось почувствовать раньше всего.

А зеркал в коридоре много.

И это странно. Вообще, если подумать, сам этот дом, будто остановившийся в безвременье, в ожидании новых хозяев, странен. Но зеркала — особенно. К чему их выставили в коридор? Кому здесь смотреться? А теперь Катарину не отпускает ощущение, что из зеркал за ней следят, что это не собственное ее отражение скользит из полотна в полотно, но кто-то иной, кто уже пытается примерить ее тело.

Ее жизнь.

Страх и вправду сильная эмоция, он почти избавился от прочих.

— Мне было одиннадцать, когда отец едва меня не убил. В отличие от матушки, ему было крайне нелегко принять мою нечеловеческую сущность. Он отдалился от нас обоих, предпочитая заниматься делами. И дома бывал редко. А пил с каждым годом все больше...

Гевин открыл дверь и вошел.

Комната была большой и пустой, несмотря на мебель. Еще одна странность. Тяжелые кресла и круглый стол. Камин, прикрытый старой ширмой. Она столь грязна, что узор на ней не рассмотреть. А вот ковер почти новый, он будто прикрывает пятна на полу, но их тоже много. Некоторые желты, другие — красны, и ощущение, что расплескали краски.

— Купец из него вышел преотвратнейший... — Гевин подвел Катарину к окну, из которого открывался вид на старую часть сада. — И отчего-то в своих неудачах он винил меня. В тот день он был настолько пьян, что окончательно утратил контроль над собой. Мне следовало бы убраться с его пути, но я сам искал встречи. Я хотел объяснить ему некоторые его ошибки. Тогда я не знал, что люди не любят, когда им указывают на ошибки.

Гевин выпустил руку.

И Катарина внезапно почувствовала себя потерянной.

— Он взялся за трость, потом, когда я упал, он бил ногами. Топтал. И я понял, что он меня убьет. Испугался. А испуг был столь непривычен, что затем я удивился.

— А потом?

— Потом появилась матушка и спасла меня.

Он стоял боком, и Катарина видела левую его щеку, и тонкие нити шрамов на ней, которые, как ни странно, не замечала прежде.

— Несколько дней она ночевала в детской, выгнав и няньку, и слуг. Она поила меня с ложечки сперва бульоном, а потом и сырой куриной кровью. И плакала. А я смотрел на слезы. Я спросил, почему она плачет? Она же сказала, что больше никому не позволит обидеть меня, что, даже если я другой, я все равно ее сын.

Гевин коснулся щеки.

— А теперь она лежит там, потому что какая-то тварь решила, будто я не способен защитить свою семью.

Его пальцы сжались в кулак.

— И все-таки вы ее любите.

— Да. Пожалуй. Порой она меня раздражает безмерно. С ней сложно разговаривать, почему-то она категорически не желает понимать простых вещей. При этом она поразительно упряма во всем, что касается Кевина. Слепа в своей любви к нему. И злится на меня за то, что этой любви я не разделяю, но при всем том... сейчас мне хочется разрушить это место до основания. Найти болотницу. И вырвать ей сердце.

Сказано это было спокойным, почти светским тоном.

— А потом? — Катарина подошла к окну. — Что будет потом? С ней... с вашей матушкой. И с вашим братом?

— Она очнется и отправится на воды. Скажем, во Францию, там неплохой климат, чтобы поправить здоровье. В дороге, скорее всего, овдовеет. Я не хочу, чтобы человек, которого считают моим отцом, и дальше втягивал ее в чужие игры. Что до моего брата, то он весьма скоро начнет испытывать величайшее отвращение к спиртному. Вполне возможно, и свое отношение к азартным играм

пересмотрит. Прежде я плохо представлял размеры проблемы, слишком увлекся своей пещерой, — это Гевин произнес, будто оправдываясь. — Это особенности моей крови, да и... вы потом поймете. Как мне кажется, вы в достаточной мере взрослая, чтобы понять.

Катарина больше не хотела быть взрослой.

И понимать.

И... она закусила губу, чтобы не расплакаться.

— Вы ведь служите короне?

— В том числе.

— И... что будет со мной? — она сумела заглянуть в глаза. Катарина сама не знала, что ожидает увидеть. Но не равнодушное спокойствие.

Будто в зеркало смотришься.

— Поверьте, я смогу защитить то, что принадлежит мне.

— И вас не смутит, что...

— Ваши симпатии отданы другому? Отнюдь. Я даже не стану возражать против романа, если, конечно, вы дадите себе труд держаться в рамках. Более того, позже, когда люди, ныне не полагающие меня достойным соперникам, осознают, что не стоит причинять вред моей семье, вы вполне сможете уехать.

— Куда?

— Куда пожелаете. У меня есть недвижимость и в Британии, и в Шотландии. Шотландия мне нравится, несмотря на холод. Есть что-то свободное в тех землях. Возможно, вас привлечет Франция? Хотя... боюсь, здесь потребуется разрешение короны, но у короны свои интересы, и я ей весьма полезен.

Катарина рассеянно кивнула.

— Поверьте, подобная ситуация, — он провел ладонью по сырой стене, — не повторится. Где бы вы ни решили обосноваться, это место будет проверено и подготовлено должным образом. О разводе, конечно, и речи быть не может, но раздельное проживание никого не удивит. Что касается детей, то, чьи бы они ни были, воспитывать их придется вам.

— Вы все продумали.

— Я старался.

— А ваша симпатия...

— Та, кого вы называете человеческим именем, в истинном своем обличье вряд ли удостоит меня взглядом, не говоря уже о большем.

— И вас это расстраивает?

— Пожалуй, — Гевин обернулся и посмотрел с искренним интересом. — А вам не все равно?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю, — здесь было сыро и неприятно, и чем дольше Катарина находилась в этой гостиной, тем неприятней становилось, будто она заглянула куда-то, куда заглядывать совершенно не стоило бы. — Но мне вы кажетесь несчастным.

— Я?

— Вы.

— У меня есть деньги. И дом. И вещи, которые мне нравятся. Моя коллекция невелика, но я уверен, что весьма скоро мне удастся ее увеличить. Еще я нашел женщину, которая мне подходит. И сумеет выносить дитя даже без пыльцы...

— Вы...

— Это заметно, Катарина, — он произнес мягко, успокаивая. — И вам не стоит опасаться. Повторюсь, я буду заботливым мужем.

Почему-то это совершенно не успокаивало.

Кайдена ждали на выезде из города.

Смеркалось. И то, с какой скоростью наступала ночь, заставляло его поторапливаться. Оказавшись за городской стеной, Кайден прижался к горячей конской шее. Губы сами произнесли давно заготовленную фразу, а клинок вошел в плоть, выпуская кровь. Кайден не позволил ей упасть. Капли запутались в конской гриве, и впитались в шкуру.

Конь всхрапнул.

И тоненько заржал, принимая тьму.

Жеребца было жаль, но что-то подсказывало, что следует поспешить. И Кайден завершил заклятье. Дорога под копытами поплыла, выравниваясь. И по обе стороны ее молчаливыми стражами поднялись мертвые деревья. Белесые их стволы казались мраморными, а в наплывах коры чудились чьи-то лица, донельзя уродливые, ужасающие.

Копыта касались дороги беззвучно.

Конь летел.

— Айо, айо, — Кайден раскрутил над головой плетъ, и пусть воздух она взрезала беззвучно, но ночные птицы подхватили крик.

Потянули над дорогой.

Айо...

Он увидел, как тьма дрогнула, пропуская стрелу. И острие ее пылало зеленым пламенем, коснись такого и сам вспыхнешь.

Кайден пригнулся к коню.

— Айо! — он коснулся Тьмы, спуская ее с привязи. И тварь, кувыркнувшись в полете, опустилась на все четыре ноги.

Взвыла, счастливая близостью крови.

Полетела.

Вторая стрела уже неслась, спеша догнать первую. И обожженная мертвым огнем ткань мира расплзалась. Взревел Призрак, норовя выйти из-под власти Кайдена, но бунт его краткий был подавлен одним прикосновением. Сам Кайден, взметнувшись, перерубил стрелу.

И краткий крик ее стал музыкой.

Захрипел вдруг конь.

И плоть его подернулась черной дымкой, а хрип перешел в визг. И поднявшись на дыбы, жеребец отчаянно замолотил копытами. Его боль доносилась эхом, и Кайден сделал единственное, что мог: вонзил клинок в основание шеи.

Он успел соскочить за секунду до того, как конская туша рухнула на тропу. И крутанул клинок над головой, рассекая темный туман.

А Тьма летела.

Тьма стлалась по тропе. И встав на след, она не собиралась сворачивать. Пронзительный вопль в кустах подсказал, что кого-то она и нашла. Но этот кто-то, верно, получивший лук и стрелы, был неважен, ведь перед Кайденом возник настоящий противник.

Он был огромен.

Его плечи, казалось, подпирали небосвод, оттого и горбились, опуская уродливую голову низко. И она терялась в косматой шерсти фоморского отродья.

— Надо же, — собственный голос искажался разрывом, и звучал, казалось, со всех сторон.

Тварь дернулась.

И заревела.

Громкая какая... и кто это? Не северный йотун, они побольше будут, да и редко покидают ледяные холмы свои, в которых даже в летнюю жару вода замерзает от холода. И не южные тралле, которых люди называют троллями. Существа в целом мирные, пусть и не любящие беспокойства.

Тварь вскинула руки, норовя вцепиться в Кайдена, но тот ускользнул.

Темные когти блеснули перед самым лицом.

А быстра.

Кривые вывернутые губы существа растянулись в уродливой улыбке, обнажая и десны, и зубы. Острые. Такими удобно не только мясо рвать, такие и кости крошат. А вот клинок Кайдена увяз в косматой шерсти, что покрывало отродье фоморов с головы до кривоватых ног. И так увяз, что Кайдена едва не лишился этого клинка.

— Хр...ра!

Тварь прыгнула.

А он отступил. И когда прыгнула, то отступил опять... и вернувшись, Тьма попыталась вцепиться в ногу, но была отброшена, будто и вправду являлась, пусть уродливой, но собакой.

— Даже так? — Кайдена теперь ступал осторожно. Его явно пытались выбить с тропы, которая дрожала натянутой струной. И менялась, как менялся мир вокруг, подсовывая то одну, то другую картину.

Кто бы ни создал ловушку, он знал, что делает.

Кайдена коснулся загривка Тьмы, призывая клинок. И та подчинилась, как показалось, с немалой охотой. А тварь загудела. И пошла. Она спешила, точно знала, что безвременье продлится недолго, что тропа рухнет, и хорошо, если в мир яви, но ведь можно опуститься и ниже, туда, где на призрачных холмах цветет столь же призрачный вереск, и по нему гуляют заблудшие души, истосковавшиеся по теплу. А тварь, несмотря ни на что, была теплой. Живой.

И стало быть, смертной.

Кайдена остановился. Он зацепил взгляд ее крохотных глаз. И улыбнулся, как улыбался своему отражению в водах Мертвой реки.

— Ну же, — сказал он, протянув руку. — Ты ведь не хочешь меня убивать, верно?

Этот дар жег грудь. И когда-то Кайдена искренне думал, что он слишком мал, незначителен, чтобы была от него польза.

Тварь заурчала.

— Тебе страшно? И мне страшно, — его голос стлался над мертвой равниной, и тварь подалась чуть вперед. — Тебя привели сюда...

Голова чуть покачнулась.

Череп тяжелый. Надбровные дуги выступают вперед, а нос почти провален. И лицо покрывает мелкая белесая шерсть. Северный драугр, которого еще именуют людоежором, полагая его порождением исподнего мира, а на самом деле просто тварь, появившаяся от беззаконной связи людей с фоморами.

Тварь быстрая.

По-своему хитрая. И вечно голодная. Кривые когти ее и железный доспех взрезают, будто гнилую ткань. И пусть паучий покрепче будет, но рисковать Кайдена не собирался.

— Привели и оставили. Хочешь, я отведу тебя домой?

Договориться с ней не выйдет. И кто бы ни притащил драугра, — а ведь старый, вон какой вымахал, и в грязной шерсти, если присмотреться, виднеются иссохшие пальцы. Много пальцев. Одни совсем свежие, только слегка подернутые гнилью, другие истлевшие до костей. Большие и маленькие, порой вовсе крохотные.

Что ж, Кайдена делает доброе дело.

Правда, у него будет лишь один удар.

— Иди ко мне, — сказал он ласково, сжимая рукояти клинков, покорных, как никогда прежде. — Иди... вот так, не спеша...

Тварь подалась вперед, опускаясь на длинные руки. Полусогнутые ее пальцы стали опорой, плечи поднялись уродливым горбом, а голова вытянулась, обнажив единственное слабое место драугра — тонкую морщинистую шею.

— Ближе...

Ноздри раздались, пасть приоткрылась, и меж игловидных зубов мелькнула черная рыба языка.

— И еще ближе...

Драугр заворчал. Завороженный голосом он, казалось, позабыл, для чего явился. И выглядел спокойно. Почти безопасно. Вот тело опустилось еще ниже, будто тварь собиралась лечь на тропу. Облеглась шерсть на загривке...

— И еще... — Кайден сам шагнул к зверю, стараясь двигаться плавно, текуче. Он смотрел в темные глаза и улыбался так, как не улыбался еще никому. — Мы с тобой... ты и я...

Он почти успел.

Почти дотянулся до косматой шерсти, вонь от которой заполонила оба жира. И вспомнилась, что драугры обожают валяться в гниющих тушах своих жертв.

И что едят не сразу.

И предпочитают, чтобы жертва оставалась живой как можно дольше, чему немало способствует собственная драугров слюна, которая весьма ценится целителями.

Хороший получится подарок невесте.

Определенно.

Кайден едва не упустил мгновение, когда тварь одним легким движением перетекла вдруг, выпрямившись в полный рост. Она вскинула лапы, спеша обнять такую глупую жертву, которая не спешила спастись бегством. Когти скользнули по лицу, так нежно, ласково вспарывая кожу, но и клинки обрушились на ветку шеи.

И прошли ее насквозь.

Полетела наземь голова, покатила по тропе, а массивное тело не спешило падать. Оно стояло, покачиваясь, пока Кайден не отвесил ему пинка. Смахнув кровь, запах которой разнесся по округе, он дотянулся до головы и поднял ее.

Встряхнул.

Хмыкнул.

Или не невесте? Хороший дар требует дара ответного. А драугровым ядом паучиха потом поделится... или... клыков две пары? Надо будет подумать хорошенько.

— Ты всегда был везучим, маленький почти-брат, — этот голос пробирался сквозь сумерки, обволакивая мягким ядом. — Мне жаль.

— И мне.

На тропе стоял тот, кого Кайден, говоря по правде, не ожидал здесь увидеть.

— Ты изменился.

— А ты нет, — Кайден с удивлением отметил, что тот, на кого он некогда взирал снизу вверх, не так уж и высок.

Тонок.

Прозрачен почти, словно сделан из весеннего хрупкого льда. В прозрачных глазах его отражался Кайден и голова драугра, и больше ничего.

— Почему?

— Может, потому что я устал? — он просто стоял, и руки его были опущены, а грудь открыта для удара. — Или может потому, что мне было обещано многое? И я заслушался, поверив в эти обещания? И неосторожно дал слово, которое обязан был сдержать.

— И ты сдержал?

— Именно, — бледные губы тронула усмешка. — И я рад, что ты, маленький почти-брат, оказался и вправду великим воином.

— Откуда тварь?

— Крохотный остров, где некогда жили люди...

— Не те ли люди, с которыми связала кровь твоя дочь? Она ведь отреклась от дома и даров?

...а с ними и от той силы, которая берет начало в истоках Мертвой реки. И немногие решаются на подобное, ибо жизнь человеческая скоротечна и полна боли, тогда как на Благословенных холмах живет вечная весна.

Легкий наклон головы.

— Почему она не позвала тебя?

— Она не успела. Она попыталась справиться с тварью сама, — он поднял руки и развел их, обнажая грудь для удара. — Ей насыпали высокий холм, куда поднялись и трое ее сыновей, и сыновья их сыновей, и дочери тоже, ибо были достаточно смелы, чтобы взять в руки оружие. Когда я пришел, там не осталось никого...

— Но ты не убил ее сам?

— Я дал слово, — он поморщился. — Тот... кому я его дал, знал, где найти эту тварь, а еще...

Он осторожно убрал руку за спину, чтобы вытащить осколок чего-то, что показалось Кайдену костью.

— Он дал мне это. И я сыграл музыку, которая заставила тварь послушаться. Она пошла за мной сюда.

Не кость.

Камень.

Или кость, которая существовала так давно, что стала камнем. Желтоватая. Ноздреватая. И в то же время гладкая. Сломанная только. Кайден коснулся ее осторожно. Вещь эта никак не могла принадлежать человеку, пусть и силы в ней почти не осталось, но и капель ее хватило, чтобы заморозить чудовище.

— Я рад, что не ошибся в тебе, уже-не-маленький, но все еще почти-брат, — тихо произнес лучший охотник из тех, что еще помнили, как выглядит настоящее солнце. — Я рад. В том числе и тому, что получу свободу от твоей руки.

И улыбка, осветившее его лицо, была искренней.

— Нет, — Кайден покачал головой. И поднял повыше массивную башку драугра. А ведь такая тварь где-то должна была жить до того, как явиться на полузабытый островок. Тихий островок. Наверняка защищенный, ибо даже покинув холмы и отказавшись от силы, дочь Дану сумела бы укрыть и себя, и свою кровь. — Я не стану тебя убивать. Не сейчас.

— А когда?

— Когда-нибудь потом, когда ты вновь ощутишь желание жить. И схватка будет доброй.

Он не стал отказываться, говоря, что сердце его давно остыло. Оба знали: и старый пепел порой рождает пламя.

— Тот человек... ты думал, что он привел тварь на остров?

— Думал.

— Но ты дал слово?

— Он предложил мне лесной мед. И пыльцу, — он прикрыл глаза и не стал говорить, что приходилось ему собирать жемчуг слез второй его дочери.

Прекрасной, как может быть прекрасна луна в первый день своего рождения. У дочери Айора волосы белы, как молоко коровы, а глаза цвета ночи.

Ее кожа смугла и подобна меди.

Ее стан тонок, что игла, которой Дану вышивает звезды на небесах.

Ее голос звенит, подобен сотням колокольцев, а смех лишает разума. Он совершенно безумен, ибо дочь Айора давно забыла имя своего мужа. И в полнолуние она поднимается к людям, спеша выбрать нового. Одного за другим она приводит их к погасшему очагу в тщетной надежде зачать дитя. А когда глупцы утрачивают силы, отпускает.

— Он сказал, что знает, как найти дракона...

— Я тоже знаю, — губы Кайдена тронула улыбка. А пальцы сжали остатки флейты, запирая в ней те крупницы жизни, которые еще теплились. — И поверь, твой человек, когда встретит своего дракона, будет вовсе не рад этой встрече. А что до пылицы... скажи своей дочери, что я вырос и помню свое обещание. Но пусть простит она, я не смогу стать ее мужем. И откупом за слово, я дам пылицу. Столько, сколько понадобится, чтобы она зачала свое дитя.

— Почему?

— Когда-то она пожалела глупого влюбленного мальчишку. И не стала требовать скрепить слово кровью, как и не позволила разгореться страсти. Она не так безумна, как тебе кажется, Айор. Она просто запуталась. А я помню добро.

— Спасибо.

— Но когда-нибудь я вызову тебя в круг.

— И я приду, — Айор низко поклонился. — Я расскажу обо всем твоему отцу. В последнее время он много дел имеет с людьми... с теми людьми, с которыми вовсе не стоит иметь дел.

Кайден кивнул.

— И спасибо... за все.

— Пока не за что, — голова драугра оказалась довольно тяжелой. — Шкуру снимешь?

— Я передам тебе ее... потом.

Говорят, что нет ничего теплее хорошо выделанной шкуры драугра... пожалуй, Катарине она пригодится, вечно она босиком ходит.

Глава 37

Сумерки подбирались с запада.

Они пришли вместе с туманом, принеся с собой запах сырости и плесени. А может, и не принесли, может, запахи эти всегда жили в доме, а теперь, чувствуя близость родной стихии, просто стали острее.

Катарина стояла у окна и смотрела.

Просто смотрела.

Пальцы ее гладили камень, уже изменившийся настолько, что почти утративший право называться камнем. И нити силы уходили внутрь, отдавая нефриту, что боль, что сомнения, что само желание жить. Дышалось тяжело. Катарина буквально заставляла себя делать вдох, замирала, чувствуя, как сырой тяжелый воздух оседает в легких, а затем делала выдох. Порой она поднимала руки к лицу, и тогда чувствовала озябшими пальцами тепло своего дыхания.

Это было странно.

Она словно вновь распалась на части, как тогда, в Королевской башне, где сердце металось, душа кричала немым голосом, а разум просто отмечал происходящее.

Скрип двери.

Голоса прислуги, постепенно переходящие на шепот, будто люди тоже чувствовали опасность, пусть и не понимали, откуда она исходит.

Шелест ветра.

Или не ветра? Это старый плющ трется о стены, тянется выше, норовя оседлать и крышу дома. Он готов пробраться внутрь, защитить, если Катарина позволит. Но она просто стоит. Просто держит каменную флейту. Просто ждет.

Снова.

Где-то внизу остался маг. Катарина сегодня его не видела. Кажется, и вчера тоже... и наверное, это должно быть преподозрительно, ведь люди не исчезают просто так.

...горничная не заглядывала.

А Джио ушла.

Джио тоже не нравится туман, и она спешит заняться защитой, но в этот раз огню не устоять.

Осторожный стук в дверь отвлек Катарину.

— Я взял на себя смелость распорядиться насчет ужина.

— Прислуги стало меньше? Верно? — ей нет нужды оборачиваться. Катарина и так знает, что Гевин переоделся, что выглядит он столь же великолепно, как и в день их знакомства. Но это великолепие, совершенство его нынешнего облика не вызывает ничего, кроме глухого раздражения. И причиной тому вовсе не нечеловеческая природа того, кого она, возможно, назовет мужем.

Или нет?

Или все-таки хватит у нее смелости поступить по-своему?

Или это не смелость, а глупость? Может, прав отец в том, что женщины не способны думать, не способны сами решать, как им жить, ведь решения их ошибочны.

— Верно.

Но змей хотя бы не лгал.

— И куда они подевались?

— Сбежали, — он не переступил порог ее комнаты, и за это Катарина была ему благодарна.

— А кто остался...

— Они не совсем люди.

— Знаете, кажется, я начинаю думать, что меня в принципе окружают не совсем и люди, — ей удалось улыбнуться.

И повернуться.

Катарина спрятала флейту в широком рукаве. Почему-то не хотелось, чтобы Гевин ее увидел. А он все равно заметил. И бровь приподнял, выражая удивление, но от вопросов воздержался.

— Место такое, — сказал он, предложив руку.

И Катарина приняла.

Это ведь рука. Просто рука и ничего больше. Обыкновенная. Человеческая. Теплая даже. И тепло это ощущается сквозь перчатку.

— В каком смысле, место? — если приложить немного усилий, у Катарина получится сыграть в любезность. Это тоже несложно.

— В обыкновенном. Здесь все пропитано силой. Сам дом. Сад. И река. Спросите своего любовника, и он расскажет, что когда-то именно здесь стояли холмы, на которых танцевала Дану. И отпечаток божественной силы сохранился. Он манит тех, кто рожден на стыке миров.

Наверное, это было хорошим объяснением.

А сумерки подобрались еще ближе.

И туман с ними.

Он уже перевалил через ограду, расплзся рваным облаком, спеша улечься на траву, утопить в молочных своих глубинах редкие цветы, и кусты, и деревья. Он подобрался к мраморным ступеням и, наткнувшись на защиту, зашелестел.

Отполз.

Туман держался у окон, колыхаясь, словно собираясь с силами.

— Жутковато, — сказала Катарина, задержавшись у окна. И молчаливый спутник ее тоже задержался.

— Вам нечего бояться.

— Я бы не сказала, — Джио сидела у камина.

Она протянула ладони к огню, который извивался, пытаясь обхватить все бревна. И сырое дерево шипело, а огонь то и дело скатывался, исчезая в ворохе углей. Стоило Джио убрать руки, он и вовсе погас.

— Твою ж...

Катарина высвободила руку. От нее не укрылось ни раздражение, что мелькнуло на лице Джио, ни то, как вежливо отвернулся Гевин.

Зря он говорил, что лишен эмоций.

Еще одна маленькая чужая ложь.

— Нам нужно лишь продержаться до рассвета... — сказал он тихо. — Я послал гонца... и помощь придет. Мне обещали, что она придет.

— Продержимся, — Джио растопырила пятерню, и, повинувшись произнесенному ее слову, пламя загудело. Оно поднялось рыжим столпом, выплеснулось из камина на камни. Стало вдруг жарко, и страшно, и...

— Продержимся, — сказала Катарина, стискивая флейту.

Она была почти готова.

Почти.

Не хватало самой малости, но Катарина понятия не имела, что еще должна сделать. Но острое чувство незавершенности мешало просто подойти и отдать.

А туман... туман — это просто туман.

Катарина заняла место во главе стола.

Окинула взглядом зал, слишком большой и пустой, чтобы в нем было уютно. Пламя еще гудело, жадно пожирая дерево, но его тепло уходило в стены дома, слишком большого, чтобы хватило сил согреть его лишь одним камином.

— А где... маг? — поинтересовалась она, раскладывая салфетку на коленях.

— Исчез, — Джио отряхнула брюки.

— Давно?

Вопрос Гевина прозвучал абсолютно равнодушно.

— Еще вчера...

Гевин кивнул. А Катарина промолчала. Наверное, ей следовало бы возмутиться или ужаснуться, но сил не осталось. Зато заняли вдруг руки, кожа на пальцах сделалась непривычно чувствительной, а на ладонях вовсе покраснела. Зудели запястья, предупреждая, что Катарина еще поплатится за неосторожное свое обращение с силой.

Пускай.

Она больше не жалела. О силе — точно не жалела. Вдруг подумалось, что где-то там, в глубинах тумана, остался пруд и лилии, и луна, которая почти утонула, но не до конца. Как остались в прошлом мечты ее и наивные надежды.

А ужин подали.

Знакомая мрачная женщина в платье из черной ткани, которое казалось траурным, и белый кружевной воротничок лишь усугублял впечатление.

— Не уходите, любезная, — Гевин протянул руку и почти коснулся ее, но экономка с небывалой прытью отскочила и зашипела. Некрасивое лицо ее исказилось. — И ваших сыновей кликните... это ведь сыновья?

— Племянники.

— А девушка?

— Внучка.

В глубоко запавших глазах мелькнули алые отсветы. То ли пламя, то ли...

— Чудесно... а еще родня здесь есть?

— Одинокая я, — она глядела на Гевина искоса, отчаянно пытаясь скрыть свой страх.

— Даже так? Не думал, что среди вашего народа такое возможно, чтобы столь достойная фройляйн...

— Фрау, — экономка спрятала дрожащие руки под фартуком.

Тоже черным.

И чернота эта сливалась с чернотой платья, и казалось, стоит ей сделать шаг, коснуться одной из тех теней, которые заполнили дом, и женщина исчезнет.

— Фрау, стало быть? А где ваш... супруг?

— Сгинул, — она пожевала губу и, словно решившись, сунула пальцы в рот. Тонкий свист ударил по нервам, заставив Катарину сжать единственное доступное ей оружие — серебряную вилку.

— Спокойнее, фрау Клотц, спокойнее, — ласково произнес Гевин. — Не стоит пугать нашу хозяйку. Присаживайтесь.

Он любезно отодвинул тяжелый стул, и женщина, ступая все также бочком, неспешно, то и дело оглядываясь на дверь, присела. На самый краешек. Близость Гевина явно заставляла ее нервничать.

— Клянусь, что не трону никого из твоего племени, если он... или она... или они не умышляли против моей невесты.

— Твоей ли? — женщина сгорбилась. — Что-то не с тобой она ночами гуляет.

— Не стоит лезть в дела, которые тебя не касаются, — сказал Гевин, но как-то так, что женщина окончательно съезжилась. — А вы выходите. Я и в тени вас достану, коль желание будет.

Лакеи, выступив в круг света, поморщились. И горничная, что норовила скрыться за плечами их.

А Катарине подумалось, что эти люди категорически ей неприятны, при том, что она, сколь ни пыталась, не сумела понять, отчего же. Были они... обыкновенны. Не высокие, но и не низкие, не толстые, не худые, столь невыразительные, что и сказать-то нечего. И лишь камзолы скучного темно-синего цвета, знававшие времена и получше, придавали им хоть какие-то краски.

— Знакомся, дорогая, — Гевин разглядывал парочку с явным любопытством. — Барахольщики, более известные в народе, как крысюки. Обычно обретаются большими семьями. Очень большими. Но тут что-то не задалось, верно?

А ведь и вправду, теперь, когда Катарине сказали, она разглядела нечто донельзя крысиное в облике, что лакеев, что экономки, что внучки ее.

— Обычно, где заводится один, там вскоре и второй появляется, и третий, а там уже и продохнуть от них невозможно. Признаться, я лишь удивлен, что вас здесь лишь четверо. Почему?

— Хозяин не позволил, — тихо сказал лакей, а второй пихнул ему в бок. — Что? Все одно выведает! Змей же ж! А я не хочу, чтоб меня сожрали!

— Кто тебя жрать станет, идиот!

— Шумные. Бестолковые. Не способные в силу бестолковости существовать самостоятельно. Им всегда нужен кто-то сильный, кто удержит стаю от глупостей. И потому крысюки предпочитают селиться под боком у иных сущностей. При должной дрессировке из них получается вполне приличная прислуга... правда, ненадежная. Появись кто сильнее, мигом переметнутся.

Оба лакея стояли и сопели.

А вот экономка хмурилась. Губы ее то вытягивались, то расплзались в уродливой улыбке.

— Вас позвала старая хозяйка, так?

Молчание.

— Так? — чуть мягче поинтересовался Гевин.

— Д-да... — просипел лакей.

— Кем она была?

— Так... это... того... — он беспомощно оглянулся на брата, а тот пожал плечами. Не знают? Или не настолько бояться Змея, как того, другого человека, которому служат.

— Человеком, — экономка все же решилась. — Она была человеком, да только и ваш род, госпожа, порой непрост... ох, как непрост...

Женщина сняла чепец и провела рукой по волосам, серым, что крысиная шерсть.

— Благословенная кровь... верно, когда-то ее предок встретился с богом. И уцелел. И передал благословение своим потомкам, а с ним и право владеть этой землей. Той, где некогда на холмах танцевала Дану.

Гевин махнул, указав на стол, и лакеи, получив одобрителный кивок от экономки, решились-таки к столу приблизиться. Но сели в самом дальнем конце его.

— Она хранила это место, как и та, которая была до нее, и та, что была еще раньше. И всяк знал, что на землях ее открыты родники силы. И любой, пришедший с миром, мог бы испить ее вдоволь. Оттого в городке и много... всяких. Полукровок тоже. Сила будит притяжение. Дурманит головы. Заставляет делать то, что делать не след.

Женщина смотрела на Катарину, и от взгляда этого щеки вспыхнули. Будто... будто Катарину укоряли.

— Она надеялась, что дочери примут ключи, да только все пошло не так... да... одна решила, что сердце важнее долга, а вторая слепой родилась.

— Слепой?

— Глаза видят, — экономка коснулась глаз. — А душа слепая. И муж ей достался не лучше. Тоже по большой любви выбирала, да только, верно, ошиблась.

Гевин прикрыл глаза, вслушиваясь во что-то, а затем кивнул:

— Случается.

— То-то и оно... когда прозрела, то уж поздно было. Что она против мужа? По вашим-то законам, как сказал, так оно и должно, а что детьми своими торговать нехорошо, так это люди позабыли.

Она вздохнула.

Нижняя челюсть ее выползла вперед, а губа дрогнула, задралась.

— Как младшенькая сбежала, то хозяйка с мужем в конец разругалась. И домой вернулась. Писала, конечно. Просила вернуться. Говорила, что здесь будет безопасно, но... не поверила, да... эх, горе-то какое... — она покачала головой и тяжелые косы соскользнули, упали на плечи крысиными хвостами. — А потом... появилась... кровь от крови, плоть от плоти, да только не сама пришла, зло принесла...

— Наследница?

— Истинная, не то, что эта... — крысочиха указала на Катарину. — Лжет все. Нет в ней нужной крови, а жаль, была бы, глядишь и... эх, да что тут говорить... тварь эту приволокли да выпустили. А он велел, чтобы тут сидели, чтобы ждали, чтобы... хорошо, хоть младшие уцелеют... мы-то...

Она обреченно махнула рукой и сказала, словно сама себе удивляясь:

— Надо же, не пожалел родной крови...

Кайдэн спешил.

Он шел по тропе, которая пружинила под ногами, и псы дрожали, чувствуя, что еще немного и расползется она рваной тканью мира. Псы скулили. И умоляли убраться на ту, другую, сторону, к которой привыкли. А где-то сзади, сперва тихо, едва слышно, раздался знакомый звук. Шелестели многие ноги, терлись друг о друга панцири полуночных тварей, спешащих по следу. И звук нарастал.

Он остановился, верно, там, где твари обнаружили кровь драугра.

А Кайдэн прибавил шаг.

Он должен успеть.

Должен пройти по тропе, ибо иных путей ему не оставят. И он успел. Почти. Тропа натянулась нитью. Волосом безумной дочери Айора, которая вновь вышла на вершину холма, чтобы сплясать танец для того, кому не повезет оказаться в этом месте в неурочный час.

Лучом луны.

И словом, сказанным когда-то, разъединившим миры, но не до конца.

Он все-таки успел.

За мгновение до того, как струна разорвалась, а бездна обернулась бледным ликом, раскрыла губы, потянулась последним поцелуем.

— Айхо! — Кайдэн вывалился на влажную траву, которая пахла болотом. — Айхо!

Он крутанулся, срезая тварь, что успела втянуться в разрыв. И ошметки ее упали, чтобы запутаться в оживающих корнях. Под ногами хлюпало.

Кайдэн огляделся.

Почти.

Он стоял на берегу пруда, который расползся черной бездной, где белые лилии казались глазами фоморов. Вокруг клубился туман. Белый и плотный, он укрывал все, он подползал и к Кайдену, норовя ухватить за ноги, опутать.

Туман шептал.

И Кайден отряхнулся, стряхивая с себя липкие эти голоса.

Он дойдет.

Здесь уже недалеко. Надо просто закрыть глаза. Туман засмеялся, завыл, словно сотня двуликих, но отпрянул, стоило поднять голову драугра.

— Прочь, — сказал Кайден. — Твари...

Заворчал Призрак. А Тьма, получив свободу, обрела плоть.

— Веди.

Он снова закрыл глаза, отсекая образы, которые туман поспешил вылепить. Кайден не хотел встречать тех, кто ушел вниз по Мертвой реке. А туман... туман знает. Туман есть в обоих мирах, и от каждого он берет свое.

Всхлип раздался где-то сзади.

И стих.

А голова драугра оттягивала руки. Тяжелый, скотина этакая, матерый. И был таким задолго до того, как явился на полузабытый островок. И не для того ли растили тварь?

Ничего.

Кайден не забудет.

У детей Дану на редкость хорошая память. Даже у полукровок.

Тьма закружила. Потерялась? Кайден чувствовал ее недоумение. И страх? Пожалуй... надо же, а ведь прежде эти отродья нижнего мира казались напрочь страха лишенными. Что ж, проводника из нее не выйдет, тогда...

Кайден прислушался, пытаясь понять, где находится. А потом... потом он услышал голос. Такой до боли родной, волшебный голос, который не мог обмануть. Он звал. Умолял поспешить. Обещал дождаться. И просто был, пронзая туман. Он лег путеводной нитью.

И Кайден поспешил навстречу той, которая звала.

Катарина подошла к окну.

Туман стал будто бы плотнее, теперь он походил на стену. Тяжелую. Непроницаемую. И то, что происходило за этой стеной, пугало куда сильнее, нежели Королевская башня, палач и стенания призраков. Катарину окружила вязкая тишина, и слушать ее было невыносимо.

Потому она и запела.

Боги, она не пела так давно, должно быть вечность. А голос звучал. Нервный, неровный, почти чужой, но звенел, разбивая тьму.

Закрыв глаза Гевин.

Застыли крысюки, не смея уйти, но опасаясь приближаться. Джио вернулась к камину, и огонь, повинувшись ей, заиграл новыми красками. Стало теплее...

А песня вдруг закончилась, но Катарина начала другую. И третью. Звук собственного голоса странным образом успокаивал. Даже боль в руках отступила, а с ней и страх. Она не знала, как долго пела. Просто пела, без музыки, без сопровождения, сменяя одну балладу другой, не задумываясь ни над смыслом их, ни над формой, порой перевирая ноты, но пела, до сипоты, до сорванного голоса, страшась одного — замолчать.

А потом вдруг хлопнула дверь.

И до боли родной голос сказал:

— Спасибо...

Глава 38

Когда-то давно, когда мир был молод и силен настолько, чтобы выдержать богов, они часто покидали свои чертоги. И Дагда щедрой рукой рассыпала дары, веря, что не оскудеет волшебный котел ее, а Дану танцевала на вершинах холмов, и те, переполняясь силой, рождали источники.

Потом случилось много всякого.

И боги ушли.

А люди остались, как остались и крупницы божественной благодати, что, смешавшись с водами, поили землю...

Кайден держал женщину, которая льнула к нему и не боялась ни вида его, ни крови, ни твари, чью голову Кайден все еще сжимал, будто и вправду надеясь мертвым оскалом драугра отпугнуть туманных тварей. Он теперь слышал, как менялся мир. И шепот тумана перерастал в нечто большее. Теперь ему слышался шелест волн, что набегали на каменистый берег, одна за другой, одна за другой. Слышал, как вспарывают воду тяжелые весла, и проседает морская гладь под тяжестью костяных лодок. Они невелики, но их много, как раковин на старом меловом берегу.

Не устоять.

— Что здесь все-таки происходит? — Змей смотрел, и выражение лица его было непонятно. То ли зависть, то ли сожаление.

— Я ошибся.

Кайден терпеть не мог признавать свои ошибки. И в ином любом случае предпочел бы, если не соврать, то всяко отмолчаться. Но хлопали на мертвом ветру обессилившие паруса, и призрачное море подбиралось все ближе и ближе.

— Это не болотники, — Кайден разжал руку, позволив голове упасть на пол, и та покатилась, пока не была остановлена ногой дракона. — Все много хуже... это фоморы.

— Их же не существует?

Его женщина не испугалась.

Она стояла рядом. Гладила его щеки, не столько стирая кровь, сколько создавая из нее узоры. И Кайден ощущал раскаленные пальцы ее.

— Если бы, — Джио носком сапога повернула голову. — Здоровая тварь...

— Кто они вообще? — тихо спросила Катарина.

— Дети богов. Как и мы. Только других богов. Богов другого мира. Говорят, когда-то наш был един, и все существовали вместе в любви и согласии, — Кайден криво усмехнулся. — Пока дочь Фома не отдала свое девичество сыну Урры, а тот, получив дар, предпочел другую. И была она простой смертной. Так началась война, которая и разделила мир. Дочь Фома поклялась, что не остановится до тех пор, пока в мире есть хотя бы капля крови той, другой, которая оскорбила ее самым своим существованием...

Кайден заставил себя разжать руки.

— И сказав Слово, она ушла, чтобы за гранью мира найти себе мужа из рода демонов. И от него родила множество детей, которых после и называли фоморами.

— Это было давно, — Джио подошла к окну и застыла, прижавшись лбом к стеклу. — С тех пор мир переменялся.

— А фоморы были побеждены, — согласился Змей.

Он стоял, скрестив руки на груди, глядя куда-то в сторону. Но и он не мог не слышать. Еще немного, и лодки коснутся земли. Вспашут ее костяным плугом. И тонкими крыльями поднимутся весла.

Всхлипнет вода под сапогами воинов.

— Где он ее нашел? — этот вопрос Змей обратил к той, которая знала больше, чем могла сказать. А Кайден, вспомнив вдруг кое о чем, вытащил обломок флейты. Он хотел отдать, но его невеста успела первой.

— Это то, что нужно, — сказала она и отступила, отошла, чтобы сесть у камина, в котором все еще горел огонь. Он, чувствуя близость воды, шипел и фырчал, выгибая рыжие спины, выпуская сонмы искр, но Катарина будто и не заметила.

Что она делает?

— В том храме, — Джо отступила от окна, чтобы забраться на стол.

— С чего все началось?

— С глупости, — ее глаза отливали желтизной, а кожа сделалась не просто смуглой — бронзовой. — Однажды я услышала, как играет человек. Играет на простой тростниковой флейте, но песня его была столь пронзительной, что я не удержалась. Я ответила. И отвечала раз за разом. Он приходил каждый вечер, и мы играли. Потом разговаривали. Он рассказывал мне о войне и забытых берегах. Я о том, как плачут камни, когда обрушивается на них ледяной северный ветер. Он про людей, я про китов, что приходят к нашим берегам, год за годом повторяя древний путь. Он... о себе. И я тоже. Мы были молоды, и мне казалось, что уже этого хватит, чтобы обмануть судьбу и заставить мир прислушаться. Он ведь живой...

Катарина гладила камень, уговаривая его принять утраченную часть. Обломок, зажатый в кулачке ее, был теплым и живым, и на редкость правильным. Но сил не хватало.

Вновь не хватало сил.

Сети, сковывавшие Катарину, натянулись, и руны больно врезались в кожу, но она старалась не замечать этой боли. Не выходило.

Катарина закусила губу.

— ...когда разгорелась весна, он предложил мне обменяться клятвами и дарами. Он поднес мне флейту из тростника...

Камень молчал.

Нельзя, чтобы он молчал...

— А я отдала свою. Тогда его еще не звали Словоплутом. Он дал мне свое имя, да только сперва передал его барану, которого посвятил единому богу. И когда слово нарушилось, это несчастное животное погибло в мучениях. А я оказалась заперта в этом теле.

И связана клятвой.

Катарине жаль. Если бы Катарина могла изменить хоть что-то... она и может, она пытается, просто ей не хватает сил. Взгляд вдруг упал на огонь, который аккуратно присел, растянулся на обглоданных бревнах, будто приглашая погладить.

И Катарина решилась.

Она протянула руку, и огонь метнулся навстречу, вцепился в пальцы, пополз выше, впитываясь в руны, втягиваясь внутрь. Боль была такой, что Катарина ослепла. А из глаз брызнули слезы. На долю мгновения появилось трусливое желание отступить, ведь это не она... она не виновата... она ни за что не отвечает.

— Он хотел золота. Он получил золото. Все мое... тогда я еще надеялась откупиться. Но золота оказалось недостаточно. Он пожелал в жены женщину, когда-то ему отказавшую. И купил ее. Он захотел власти...

Боль не уходила.

И не ослабевала. Катарина стиснула зубы. Ей нужна эта сила. И она возьмет то, что должно, ибо в ином случае она погибнет.

Все погибнут.

А так неправильно.

— ...над людьми и не только. Он брал куски моей флейты, один за другим.

Кроме того, который сжимала в кулаке Катарина, надеясь, что хватит у нее выдержки расплавить этот кусок. И что сама она не сгорит до того, как вспыхнет камень.

— И речи его становились слаще хмельного меда. Не нашлось ни одного создания, которое бы

устояло перед ним. Я знаю, что он ходил к Каменным холмам в надежде встретить кого-то из моих родичей. Но другие оказались умнее меня, да... — Джио вздохнула.

Боль не то, чтобы отступила, нет, она по-прежнему была с Катариной, но теперь с ней получилось совладать. Забрать силу и, пропустив через себя, отдать камню.

Искра за искрой.

Капля за каплей. И нефрит откликнулся, а следом за ним и тот, крохотный совсем осколок, который утонул в камне, чтобы замереть.

Искра...

Из любой искры можно раздуть пламя, если постараться. И Катарина постарается. Если не ради себя, то хотя бы ради той, которая заслужила свободу. Которая еще может спастись. Которая...

— И когда он услышал о божестве, что спит в древнем храме на краю мира, он загорелся желанием подчинить и это божество. Решил, что тогда станет не просто силен, но равен ушедшим, — Катарина не видела Джио, но живо представляла себе, как кривится ее лицо, сменяя гримасу за гримасой.

И ненависти нет.

Уже нет.

А есть презрение, которое куда хуже.

— Мы отправились. И на свою беду нашли и храм, и ту, что спала в нем, — голос Джио перешел на шепот, и обернувшись, Катарина увидела, что та прислонилась к стене, схватившись руками за горло.

Клятва?

— Хватит, — Гевин шагнул к той, которой не решался прикоснуться, чтобы обнять и прижать к себе. — Я сам скажу, что было дальше... если надо.

Надо.

Катарина вовсе не так умна, чтобы понять. Катарина, если подумать, никогда-то не отличалась ни умом, ни характером, ни силой. И теперь вот она почти выпила крохи огня, но разве этого довольно, чтобы закончить начатое?

Малость осталась.

И для этой малости надо взять силы. Где? Катарина знала ответ. Жаль все-таки, что не получилось сбежать... у свободы вкус вовсе не подгоревших пирожков из придорожной таверны.

Свобода — это влажная трава.

И небо со звездами, что спускаются взглянуть на тех, кому вздумалось валяться на влажной той траве. И темная вода пруда. И лилии в нем. И быть может, любовь, которой Катарина так и не узнала.

— Он нашел нечто, в чем скрывалась сущность божества. И сумел разглядеть ее... возможно, сумел использовать? Но понял, что та слаба. Время безжалостно не только к людям.

Голос Змея звучал по-прежнему спокойно.

— Отпусти, — проворчала Джио.

— Как-нибудь потом... — он и не подумал послушаться, а она не стала вырываться, то ли сил не было, то ли желания. А огонь в камине совсем погас, он отдал последние искры своей жизни, и Катарина приняла их с благодарностью, чтобы отправить следом и свои...

Капля за каплей.

День за днем... и говорят, что маг, отдавший жизненные силы, вмиг постареет... интересно, какая из Катарин выйдут старуха? Мерзкая, вроде той, что обреталась на отцовской конюшне, раздражая всех, или же вполне благообразная?

Впрочем, не столь это и важно.

Капля...

— Он начал подкармливать... существо. Приручать ее... верно?

— Разделил. Понял, что не справится со всей разом. Из одного венца стало два, одинаковых, словно отражения друг друга.

— Вряд ли это понравилось твари.

Определенно. Катарине бы не понравилось, если бы ее разделили.

— Не понравилось. Она... сперва подчинялась, делала, как сказано... он давал ей силы. Других... при дворе множество людей. Кто удивится, если одна-другая девица вдруг сляжет? Тем паче, если из прислуги. Но ей не всякие годились... чем чище кровь, чем больше силы...

Больше.

И искра разгорается, ярче и ярче, еще немного и огня хватит, чтобы согреть весь камень изнутри. Хорошо бы... туман близко. Теперь Катарина чувствует мертвенный холод его.

— Тише, — Змей коснулся губ Джио пальцем. — Он обещал ей жертву? Кровь от крови своей? Свое дитя, отданное по доброй воле?

— Да.

Это не удивляет.

И не огорчает.

— А та... другая девушка, — Катарина поняла, что боль ушла, и силы тоже, и работа ее завершена, единственная, пожалуй, стоящая работа. И заодно уж вернулась способность говорить. — Она...

— Она дочь его близкого друга. Считалась дочерью близкого друга. И временное вместилище божественной сути. Части ее, ибо не каждое тело способно вместить ту, в ком течет кровь демонов, полностью.

Наверное, это было правильно.

Но Катарина больше не хотела думать о том, что правильно, а что нет. Ей было холодно... так холодно у погасшего камина, что она обняла себя, пытаясь согреться.

— Она выполнила свою задачу, — Джио все-таки высвободилась и подошла к Катарине, опустилась на колени. — Что с тобой, девочка?

— А с ней?

— С ней уже ничего. Она мертва. Она принесла часть короны и отдала, что свою жизнь, что свою кровь той, которую на другом краю мира звали Матерью тысячи Смертей.

Катарина кивнула.

Да, пожалуй, теперь понятно... а еще у нее хватило сил поднять руку и протянуть Джио флейту.

— Возьми.

— Это...

— Подарок...

Пальцы Джио дрожали над ладонью Катарины, но брать флейту она не спешила. Смотрела так, будто... будто Катарина собиралась ее обмануть. Глупость какая. А ведь тяжело. Флейта каменная, а сил у Катарины совсем не осталось.

— Что ты просишь взамен?

— Ничего... хотя... прошу... дай ему шанс, ладно? — Катарина указала взглядом на Змея, что замер, вслушиваясь в происходящее вокруг. И не сомневалась она, что Гевин слышит каждое слово, и понимает все прекрасно. — Просто шанс, ладно?

— Что ты натворила, глупая? — Джио взяла флейту, а еще обняла Катарину. — Что ты...

— То, что должна была. Холодно как... почему здесь так холодно?

— Потому что мир вновь готов расколоться, — ответили Катарине. — А из разломов всегда тянет холодом. Если бы ты знала, как тяжело приходится бездне в своем одиночестве.

Тетушка Лу вошла в комнату, двигаясь медленно, и казалось, что она совершенно не осознает, где находится. Облаченная в просторную тонкую рубаху, которая не скрывала очертаний ее тела, она выглядела странно и страшно.

Слегка безумно.

И лишь ярко сиял венец из желтых алмазов на голове ее.

...однажды, много лет спустя, когда мир приблизится к закату, боги вернутся, чтобы прочитать имена великих героев, высеченные на каменных опорах, что держат этот самый мир.

И быть может, среди прочих найдется место и имени Кайдена.

Он крутанул клинки.

Но Змей поднял руку.

— Не надо, — попросил он. Если бы потребовал, Кайден и слушать не стал бы... а просят змеи редко. Заскулили крысьюки, сползли на пол, распластались, попискивая, дрожа от ужаса. А Кайден ощутил, как закипает кровь.

Зашипела драконица.

— Ты слишком долго была в этом теле, рожденная пламенем, — существо растянуло губы тетушки Лу в уродливой улыбке. — Твои силы иссякли. И сейчас ты — лишь корм для моих детей. Слышишь? Они уже идут...

Шелест.

Шепот.

Скрежет... лодки, поднявшиеся со дна болот, сплетенные из костей и волос, обтянутые гниющей кожей, пристали к берегу, выпуская тех, кого не спасти.

И долг Кайдена возрос неимоверно.

— А ты, дитя королей... в тебе слишком много иной, слабой крови, — тварь медленно развернулась, уставившись пустыми глазницами на Кайдена. И по щекам человеческим бежали кровавые слезы. Они ползли на шею, и по шее, добираясь до ткани, пропитывая ее алым цветом. — Твой славный предок оказался не способен противостоять мне. Так неужели ты надеешься?

Тьма захныкала.

А Призрак прижался к ноге, чувствуя силу иную. Но Кайден оскалился:

— Я попробую.

— Ты, создание разума, скажи им, что мне не нужны жалкие их жизни. Я пришла за тем, что было обещано. Договор заключен, — она протянула дрожащую руку. — Эта смертная принадлежит мне.

— Нет, — тихо произнесла Катарина.

— Если думаешь, что огненная кровь защитит тебя, то зря. Моим детям она преграда, а для меня... так даже лучше. Чем крепче сосуд, тем больше в нем соберется силы. Иди ко мне, дитя. Не бойся. Не будет боли. Не будет сожалений. Не будет ничего, кроме мести. Ты ведь хочешь отомстить им за все обиды?

— Нет, — Катарина произнесла это громче. И слово отразилось в стенах старого дома.

— Иди, и они останутся живы...

— Нет, — Кайден произнес это слово, уже понимая, что не отступит.

И да, он слабее.

Ее.

И ее тварей, некогда бывших людьми. Следовало бы выжечь проклятые болота сразу, как возникло подозрение, но нет, понадеялся, что справится.

— Нет, — Джио распрямилась.

— К сожалению, — Змей развел руки и пошевелил плечами. — Разум — не их стихия. А я, как

оказывается, слишком долго жил среди смертных, чтобы руководствоваться лишь им.

Тварь захохотала.

И смеялась, смеялась, пока не захлебнулась криком и кровью, что хлынула из горла. В следующее мгновение тетушка Лу просто осела на пол мешком плоти. Покатился венец из желтых алмазов, исчезнув под столом, а в окно ударила первая стрела.

Глава 39

Когда-то давно, на заре мира, когда он был прочнее, он знавал множество битв. И гудели рога, призывая к оружию, и море ярилось, норовя стряхнуть с загривка корабли. Стрелы рассекали хрустальный от мороза воздух, и пламя, вцепившееся в перья, согревало его.

Стонала земля, но держала сотни и сотни бойцов.

А прибрежные скалы спешили взять свое. И часто камни становились красны от крови, а уж потом, после, на них, пропитавшихся этой кровью до самого нутра, вырастал мох.

Это было давно.

Кайден отряхнулся и закрыл глаза.

Фоморы приближались.

Твари, некогда изгнанные в Бездну, ибо мир оказался все ж не так и велик, чтобы вместить всех, спешили вернуться.

И пело сердце.

Дрожали клинки, предчувствуя славную битву. А стоило пальцам согнуться, и Кайден ощутил шероховатую поверхность рога. Поднял его, наслаждаясь тяжестью, и в полумраке кровавыми каплями блеснули рубины, что усыпали его.

Кайден поднес к губам.

Вдохнул.

И выдохнул. И рожденный рогом, что некогда принадлежал Небесному туру, звук пронесся по-над холмами. Он заставил дом содрогнуться от подвалов до крыши. А следом содрогнулась и земля.

— Думаешь, кто-то придет? — Змей присел рядом с телом женщины, которая вновь была женщиной. Она дышала, а изо рта текла кровь.

Кайден вновь поднял рог.

Придут.

Или...

Там, на той стороне мира, в Благословенных холмах, всегда спокойно. Там кипит котел Дагды, из которого на столах появляются яства, и пусть пресны они, как и полагается теням, но привычны, как привычен пир и пляска, и бой, который никогда не бывает боем.

Змей поднял ту, что приняла его в семью, на руки.

Он уложил ее на столе и приник к губам противоестественным поцелуем. Запах змеиного яда был сладок, что мед вересковый. И женщина затихла, лицо ее сделалось бело и спокойно, кровь же Змей вытер.

— Дуй же, дитя королей.

— Дуй, — та, в глазах которой горел огонь, некогда украденный из горна Гоибниу, отряхнулась. — И зови. И быть может, кто-то действительно откликнется на твой зов. Иначе нам придется тужо.

— Помощь обещали утром, но... — Змей дернул шеей. — Теперь я не уверен, что она придет.

А если и придет, то до утра дотянуть надо.

Кайден взглянул на свою женщину, что тихо сидела возле камина. Она обняла себя. И выглядела столь хрупкой, что сердце сжималось от боли. Ее сила, которая должна была стать частью обещанного дара, едва-едва теплилась, но в глазах все еще жило солнце. И Кайден как никогда прежде понимал отца, не способного расстаться с таким вот солнцем.

И не понимал.

Окна зазвенели. Древняя защита дома ожила, вспыхнула, принимая стрелы.

А Кайден взялся за рог обеими руками. Он поднял его, ставший вдруг неимоверно тяжелым, и показалось, что за спиной его встали те, кому случалось звать о помощи. Он сделал вдох.

И выдох.

И рог запел. Он потянул не только воздух, но и силу.

Пускай.

Он пел о мире.

И о войне. О том, что вновь наступил час, когда живые должны заплатить кровью за ошибки мертвых. О смелости. И слабости. О нитях, что вот-вот оборвутся, и иных...

И Кайден знал, что будет услышан.

Что остановит безумную пляску дочь Айора. И отпустит очередного любовника до того, как высосет из него все силы. Что заплетет она волосы в боевые косы и, набросив на плечи плащ из шкуры драугра, выйдет на тропу. А за ней и Айор, в сердце которого впервые за долгие годы вспыхнет огонь предвкушения. Спустится к водам Мертвой реки отец, чтобы вытащить из них потемневший, пропитавшийся темной силой, молот. И старуха впервые за многие годы отбросит белые волосы, открывая прекрасно-уродливое лицо свое, чтобы запечатлеть на лбу отца поцелуй.

И встанут братья.

И накинута тетива на луки сестры. И не останется никого, ни старого, ни малого, кто решит остаться... а рог вновь запоеет, поторапливая.

И когда первое окно разлетится стеклянными искрами, за спиной Кайдена встанут те, кого он считал уже чужими. И чья-то рука ляжет на плечо, а голос отца промолвит:

— Ты все-таки нашел свой подвиг.

А Кайден, вместо того, чтобы ответить, рассмеется, давая волю клинкам, ибо туман, белый, как молоко Предвечной коровы, уже проберется в дом. И следом за ним, по сотворенной тропе, шагнут те, кого Кайден знал людьми.

Они будут походить на людей.

Вот улыбается счастливо Али ин Исула, раскручивая над головой массивную цепь, усыпанную шипами, и та, касаясь стен, оставит на них кровоточащие белой взвесью следы.

Вот отпустит тетиву сын его и оскалится, и кожа треснет на лице, выпуская темную шкуру твари, и она, потянувшись с немалым наслаждением, выберется из человеческой шкуры. Но лишь затем, чтобы упасть под ударом клинка.

У фоморов темная кровь.

И тягучая.

Она пахнет болотом и смертью, но думать о том некогда, ибо тварей много. Откуда столько взялось? Думать некогда.

Дом дрожит.

И стекла рассыпались прахом. Стены плывут, перерождаясь.

И нет больше дома.

Нет больше сада.

Есть берег, усыпанный лодками, что осенний пруд листвою. Есть черная трава, которая пытается вцепиться в сапоги мертвецов, уговорить их прилечь, вернуться в рыхлую жирную землю. Есть холм и полуразрушенные стены древней крепости, спустя столетия очнувшейся ото сна. Она оживает, выбираясь из забытого прошлого, ибо мир стоит над временем. И камень обретает прочность, а за ним, укрытый и еще неопороченный рождением твари, бьется родник.

И смеется та, что проснулась, но на счастье, еще не вошла в полную силу. Смех ее отзывается болью в голове. И встает на колени дочь Айора, падает, зажимая уши руками сестра. И хрипят братья, захлебываясь собственной кровью.

Лишь отец держится на ногах, крепко сжимая древний молот.

— Отступите...

Этот голос отдается в стенах, этот голос требует смириться. Подчиниться. Опуститься на колени и

просить милости, ибо тогда будет дана она. Ведь та, чье имя забыто, не станет брать чужие души. Ей нужно лишь обещанное.

— Нет, — Кайденом крутанул клинки, заставляя воздух петь, и где-то рядом загудело пламя, и стало жарко, так жарко, что древние стены раскалились, как камни в горне Гоибниу.

Запахло дымом.

Но голос стих.

— И это все, на что ты способна? — смех богини пытается прорваться сквозь голос металла, и дети ее наступают.

Снова.

И мир трещит. Но Кайденом не позволит ему разорваться вновь слишком мало осталось его, слишком хрупко он сделался, слишком... а потому... Призрак взрезает туман, и Тьма спешит поделиться ядом, заставляя отступить тех, кто прячется в молочной пелене.

Это хорошая битва.

Катарина любила легенды.

Раньше.

Треск огня в камине. Поленья и угли, которые старуха ворошила ржавой кочергой. Запах пирогов. Кружка молока. Скрипящий голос, что говорил о славном прошлом, в котором все женщины были прекрасны, а мужчины — храбры. О подвигах и победах.

Предательстве.

Предателях, имен которых память не сохранила. И тогда ей, глупому ребенку, у которого хватило силы духа сбежать из комнат и спуститься по темной лестнице на кухню для слуг, казалось, что ничего-то нет в мире интересней, как стать частью такой вот легенды.

И несомненно, Катарина представляла себя великой.

Славной.

Победительницей. А теперь вот оказалось, что она только и способна, что сидеть и смотреть. На то, как рассыпаются одно за другим окна. И стрелы летят, как-то очень медленно, и потому у Кайдена получается их отбить. Как мир плывет, и из стен дома один за другим выходят люди.

Не люди.

Для людей они слишком высоки и столь прекрасны, что находиться рядом с ними просто-напросто больно, ведь земная женщина не способна сравниться с одной из этих... воительниц?

Именно.

Белые косы.

Темный металл украшений. Шкуры зверей, названия которых забыты. И золоченые рога, что поднимаются над головой мужчины, который похож и не похож на Кайдена. Смотреть на него страшно, но заметив взгляд Катарини, мужчина склонил голову.

И улыбнулся.

Вскинул огромный молот, который человеку было бы не удержать, но тот, кто стоял перед Катариной не был человеком.

— Страш-ш-шно? — руки Катарини коснулись холодные пальцы. — Все умрут. Все-все умрут.

Сейчас в лице экономки не осталось ничего человеческого. Нос ее удлинился, губы вытянулись и верхняя как-то стала коротка. Она не прикрывала узких длинных передних зубов.

— Из-за тебя...

— Нет, — Катарина попыталась было вырвать руку, но крысочиха оказалась на редкость сильной.

— Боиш-ш-ся?

— Нет.

— Лош-ш-шь, — крысочиха подобралась поближе. Теперь было видно, что тонкие ее руки покрывала шерсть, а скрюченные пальцы оканчивались острыми коготками. — Люди часто врут.

— А вы нет?

— Да. Но смотри, обещанное дитя... смотри...

И Катарина смотрела.

Она понимала, что происходящее невозможно, что не может дом просто взять и истаять, будто сделанный из тумана, будто сам ставший туманом.

— Так не бывает...

— Бывает, — крысочиха держала крепко, но вреда причинять не собиралась, что успокоило Катарину. — Здес-с-сь бывает.

— Здесь — это где?

— В памяти мира. То, что есть сейчас, ничто... он знает суть. Он возвращает. Теперь.

— С-смотри.

Катарина смотрит.

Дом?

Нет. Древняя крепость за спиной. И стены ее толсты, а камни, из которых крепость сложена, огромны. Крепость разрушена, опалена пламенем, но стена не обвалилась. Она высока, эта стена. И пока еще удерживает туман.

Молочный.

Белый.

Густой, как каша, которую варила старуха, тщательно вымешивая варево деревянной ложкой. Она и пела, и голос ее, казалось, доносился издалека.

— Слышишь? — шепчет женщина, прижимаясь к Катарине. — Зовет... тебя зовет...

Здесь нет неба.

Здесь нет солнца.

Здесь земля пахнет болотом, и холодно, до чего же холодно. Катарина и не представляла себе, что где-то может быть настолько холодно.

А песня становится ближе. И надо идти, спешить, или Катарина опоздает.

Нет. Она стиснула зубы.

Поднялась. И крысочиха встала вместе с ней, так и не выпустив руку Катарины.

— Но ты, смотри, хорошенько смотри, — шептала она на ухо, заглушая чужую песню. — Как они умирают...

Она взмахнула рукой, разгоняя туман. И Катарина увидела, все и сразу, будто обрела все-таки крылья и воспарила к небесам. Горстку воинов на вершине древнего холма, который и держал забытую крепость. Разлившуюся реку, что принесла к холму не только воды свои, но и корабли... множество уродливых кораблей.

— Что это?

— Фоморы, — крысочиха сплюнула и спешно вытерла рот ладонью. — Твари, которых не должно быть в мире.

Люди.

Они выбирались из лодок, что напоминали Катарине дохлых раздутых рыбин. Они шли. Неспешно, будто зная, что тех, кто на холме, слишком мало.

Свистят стрелы.

И одна за другой летят, раскалывая дрожащий воздух, чтобы столкнуться с другими, и вспыхивает пламя, скулит израненный ветер.

Больно.

Миру.

И Катарина чувствует его боль, и силясь хоть как-то унять ее, она запевает песню, слова которой приходят откуда-то из памяти. Надо же, ее пела та старуха, которую боялись все, даже матушкина личная горничная, а она, казалось, не боялась даже отца. А вот старуха...

Слова простые.

И Катарина теперь понимает, о чем эта песня. О прощании. С миром. С солнцем. О цене, которую пришлось заплатить детям Дану, чтобы спастись. О павших.

И уцелевших.

...она пела, и песня эта казалась бесконечной, и земля ее слушала, а воздух над крепостью вдруг налился алым цветом. И задрожал. И показалось, что еще немного и вспыхнет земля.

Всхлипнула рядом крысочиха.

Вытерла слезы кривой рукой, а потом, будто решившись вдруг, дернула Катарину.

— Идем.

Куда?

Разве не понимает она, что Катарине нужно допеть, что у нее почти получилось... что? Она не знает. Просто... все еще холодно...

— Да идем же!

Нет.

Нельзя.

Но Катарину не слушают, ее поднимают и несут. А когда она пытается вывернуться из цепких рук, на голову обрушивается удар. И песня обрывается.

Неправильно.

Нельзя оставлять подобные песни недопетыми. Но второй удар окончательно лишает Катарину сознания.

На заре времен мир отличался непостоянством. Порой он изменялся по воле богов, а порой — по собственной прихоти, но время шло. И мир старел. Он становился неподатлив, что холодное железо. И как старик подозрителен ко всему новому. Он цеплялся за прошлое, за утраченные годы, и теперь вот спешил радоваться, что хватило сил его вернуть.

Древняя крепость дышала камнем.

И пусть стены ее почти осыпались, пусть держат их лишь зыбкие плети плюща, но она была, как был и холм, и родник силы под ним, ныне чистой, не отравленной сутью твари. Была земля. И кровь, что эту землю питала. Вот упала, поднимавшаяся было дочь Айора, чтобы уснуть навек со счастливой улыбкой. Вот вспыхнул яростью отец ее, утративший последнюю ветвь своего древа. И позабыв про осторожность, бросился на тех, что шли, что наступали безумной волной, которой не было конца и края.

И тоже рухнул.

На колено.

Вскинул руку, произнося непроизносимое слово, которое хранилось родом, но рода не стало, и слово было сказано. Оно пронеслось колесницей смерти, и кто услышал его, стал прахом и пеплом. Айор погиб, так и не сдержав данное слово.

Но Кайдэн был на него не в обиде.

Охнула сестра, обеими руками схватившись за стрелу, что вошла в живот. И покачнулась, но устояла. Оскалилась. Зарычала, потянулась силой своей к тем, кто уже оборвал нить ее жизни. Но пока мир помнил...

Устали руки.

И клинки молчали, пресытившись кровью. И Кайден продолжал узор пляски, жалея лишь о том, что не успеет, что не хватит его на всех... покатилась с холма корона из рогов священного оленя Дану. И некому стало поднять ее, ибо стрелы фоморов летели роєм...

— Время, — та, что вдруг выросла за спиной, хрипела, и пламя ее билось в человеческом теле. — Мне нужно время...

— Будет.

Змей отбросил клинок и рванулся, разрушая оболочку, с которой он, верно, сроднился за многие годы. И фоморы застыли, а мир ужаснулся, ибо никогда еще не случалось ему видеть Змеев столь огромных, будто и вправду ожила кровь того, кто согревал своим телом корни древнего Ясеня.

Ослепила блеском золотая чешуя.

И поднялись кольца чудовищными арками, чтобы обрушиться на тех, кто казался рядом со змеем крохотными, ничтожными... а рядом раздалось тихое:

— Посторонись... король...

И мир вновь слегка преобразился, позволяя войти существам, которые никогда-то не воевали, ибо были слишком опасны, чтобы нашелся безумец, рискнувший связать их боем. Но когда над сестрой поднялся полог серебристой паутины, Кайден склонил голову, показывая, что понял.

Что не забудет.

Что признает за собой и этот долг. Лишь бы...

— Мы слышали твой зов, — шеи коснулись острые когти, отчего-то теплые и мягкие, словно дыхание матери. — Мы пришли.

И серебристый полог раскрылся слева. И справа... и может, получится выжить... если получится...

Вздыбилась земля, повинувшись силе Змея, признавая за ним право повелевать, накрыла волной, и ответом стал вой, столь яростный, что у Кайдена кровь из ушей хлынула, а глаза заволокло алой пеленой безумия. Он видел, как спешно собираются остатки фоморов, как сминает невидимая рука тела их, спеша слепить создание равно невозможное и чудовищное обликом своим. И мир трещит под гнетом божественной силы. А та вливается, наделяя творение свое неким подобием жизни.

Огромное существо, макушка которого поднималась выше древних деревьев, шагнуло к развалинам крепости, оскалившись улыбкой. И запах гниющей плоти накрыл Кайдена, заставив покачнуться, отпрянуть от отвращения.

А существо протянуло руку, и небеса сказали голосом проклятой девы:

— Дай.

— Нет, — Кайден крепче стиснул клинки.

— Тебе не устоять, дитя богов.

Может, и так, но он не отступит... ибо мир рухнет, когда в нем не останется героев. Кайден шагнул навстречу, но...

Тонкий голос флейты ударил плетью. А затем приласкал. Он поднялся до кривых небес, чтобы рухнуть вниз, на осколок несчастного мира. Он пронесся над лесом, успокаивая плачущий ветер, уговаривая потерпеть.

Время...

Золотом блеснули чешуи змея, встав перед тварью. И выдержали первый удар когтистой лапы. И второй, лишь золото потемнело от крови. А земля задрожала.

Флейта же пела.

Звук ее то взлетал столь высоко, что становился почти неслышен, то падал вдруг соколом, чтобы расправить крылья, чтобы плоть обрести.

Время.

И Кайден, расхотавшись, кинулся в бой. Пусть он слаб, пусть ничтожен по сравнению даже с

ослабевшим богом, но... это не значит ничего.

А флейта пела.

Все громче. Она заполняла собой весь мир. И клинки молча рвали божественную плоть, не решаясь воем своим тревожить песню.

О любви.

И боли.

Обмане. Предательстве. Возвращении и цене, которую еще придется заплатить, ведь ничто в мире не дается даром. И хрустнул Призрак, осыпаясь. А Тьма обрела свободу. Удар опрокинул Кайдена на землю. И сил, чтобы подняться, совсем не осталось. А в темном небе, заслоняя небрежную луну, раскрывал крылья зверь, прекрасней которого мир не знал.

— Правда... — раздалось сбоку. И Кайден с трудом повернул голову, чтобы увидеть того, кого еще недавно полагал, если не врагом, то всяко соперником. — Она чудесна?

Змей улыбнулся. И на губах его закипела черная кровь, которой он закашлялся и кашлял так долго, что Кайден от этого устал. А устав, протянул флакон из лунного камня.

— Н-на...

— Самому...

— Н-на, — у Кайдена получилось сунуть флакон в скользкую от крови руку Змея. И он даже не удивился, когда лунный камень стал лунным светом. И резко вдруг запахло водами мертвой реки.

Змей затих.

И Кайден приготовился тоже умереть, ибо такова судьба героев.

Но драконица выдохнула пламя, и мир загорелся.

Весь.

Из мира получился чудесный погребальный костер.

Эта мысль Кайдена обрадовала. Правда... он очень надеялся, что той, кто так и не стала его женой — дурак, нечего было время терять — не было больно. А смерть... это просто смерть.

Серый полог паутины накрыл лицо.

И кто-то с ласковым упреком произнес:

— Вам бы все геройствовать... мальчишки.

Глава 40

В глубине души Катарина всегда знала, что ей не позволено будет уйти, что когда-нибудь та, оставленная ею жизнь, призовет Катарину обратно. И у нее не хватит сил противиться этому зову, ведь она слабая.

Слабая.

Об этом скрипели доски. Об этом трещали скворцы, которые были где-то рядом, но Катарина, как ни пыталась, так и не смогла увидеть их. В карете было темно.

Тесно.

Жарко и душно. И она, эта карета, неслась по дороге, подпрыгивая и кренясь столь угрожающе, что Катарина с затаенной надеждой ждала, когда та все-таки не удержится, рухнет на дорогу. И быть может, тогда у Катарины появится шанс.

Изредка карета останавливалась, и тогда снаружи скрежетал замок, а затем узкая дверца осторожно приоткрывалась, и раздавался сиплый голос:

— Выходи. У тебя пять минут.

Снаружи ее ждали.

Крысючиха и ее отпрыски, которые оказались в достаточной мере сильны и быстры, чтобы догнать Катарину, когда та все-таки попыталась сбежать. Теперь путы на ногах ее не снимали ни днем, ни ночью. В карете они не особо мешали, а вот снаружи идти приходилось осторожно, маленькими шажочками, да и то кожаные шнурки впивались в ноги.

Не сильно, нет.

Куда бы ни везли Катарину, с ней обращались довольно-таки вежливо.

Кормили вот.

И поили.

И в самый первый день, когда она мучилась дурнотой и болью, даже целителя отыскивали, мелкого нервного человечка, который явно понимал, что происходит нечто неправильное, а потому боялся. За себя. Но от головной боли избавил.

И велел отдыхать.

Потом уже, на второй день, Катарина попробовала говорить, но ей не ответили. Попробовала угрожать, но угрозы вряд ли достигли цели, ведь экипаж все еще летел... куда? Катарина скрутилась на жесткой лавке, сунув под голову подушку.

Ее принесли раньше, вместе с толстым одеялом, ведь ночи все еще холодные, а они явно не желали, чтобы Катарина заболела.

Пускай.

Страх не было. Скорее ее мучила тоска. Стоило закрыть глаза, и перед ними вставал замковый двор. Полуразрушенные стены, которые так мучительно храбро оберегал плющ. Молочный туман. Лодки, что так похожи на раздутых дохлых рыбин. Люди, которые совсем не люди.

Стрелы.

Бой.

И шепот:

— Смотри...

Она смотрела снова и снова, стискивая кулачки, всей сутью своей желая, чтобы там, на холме, выстояли, чтобы победили, чтобы...

...остались живы.

И сама мысль о смерти была столь мучительна, что Катарина кусала губы, чтобы не закричать. А плакать она давно уже научилась молча, но впервые, пожалуй, не стыдилась собственных слез.

Экипаж остановился.

Захрапели лошади. Раздались голоса. И Катарина села. Она вдруг поняла, что путь окончен. Что вот-вот откроется дверь, и она встретится с человеком, который и затеял это все... и что вид у нее совершенно неподобающий. Это вдруг сделалось важно, едва ли не важнее всего, ибо там, на холме, Катарина не смогла ничего. А здесь... здесь она поспешно переплела косу, поморщилась — волосы запылились и стали жирны. Платье тоже оправить не выйдет, оно измято и грязно, пропахло запахами, что вечерних костров, что пота.

Ничего, королеву делает не платье.

И когда дверь все-таки открылась, не осторожно, как обычно, со щелочкой, но сразу и нараспашку, Катарина встала. Она сделала крохотный шаг, но пути стянули ноги. Полуденное солнце ослепило, но Катарина заставила себя смотреть и не морщиться.

Принять руку.

Помочь спуститься...

— И что это такое? — а голос знаком, пусть перед глазами и плывет все, но голос хорошо знаком. И стало быть, не отец... странно, ей казалось, что именно он стоит за всем.

Ошиблась.

Как же она ошиблась... и не только она.

— Так... сбежать хотела... вот мы... — крысочиха кланялась, часто и торопливо, она вдруг разом растеряла прежнюю уверенность, сделавшись суетливой и верткой, и сгорбленная спина ее, вся ее фигура выражала почтение и страх, которые она испытывала перед господином в алом камзоле королевской стражи. — Это же ж так, для порядку, добрый господин.

Зря она.

Сиддард, друг и права рука короля, никогда-то не отличался добротой.

— Эдвин, — бросил он и кивнул на Катарину. — Разберись.

Екнуло сердце. А что если... если не так она и нужна? Если везли ее лишь затем, чтобы убедиться, что она — это она, а теперь путь Катарины закончится, здесь, в этой рощице. Медленно расплылась улыбка на губах Эдвина.

Он знает?

Знает.

И про мысли эти, и про страх. Вот только Катарина не позволит ему получить удовольствие. Она молча смотрит на паренька, который приближается медленно, с явною опаской. А приблизившись, встает на колени. В руках его появляется клинок, который и разрезает пути.

Одно движение.

И Катарина заставляет себя смотреть не на белобрысую макушку, но на Сиддарда. Прямо и спокойно. С вежливой улыбкой, которая заучена давно и надо же, пригодилась. И благодарит легким кивком.

— Бесконечно рада видеть вас, — ее голос звучит ровно.

— Не могу сказать о том же, — он никогда-то не давал себе труда притворяться. И теперь раздраженно хмурится. — Ты подурнела.

— Увы, случается со всеми.

Он и прежде пытался укунить ее, уколоть, будто видел угрозу. А может, и вправду видел? Но чему? Не своей ли дружбе, столь выгодной, но в то же время хрупкой, ибо король не может позволить себе друзей.

— Полагаю, дальше мы отправимся верхом? — Катарина огляделась.

Поляна.

Обыкновенная. Светлые осины звенят молодой листвой. Трава густа. Цветы цветут. И пчелы наполняют гудением куст одичавшей черемухи. И в этом месте, столь умиротворяющем, странно

смотрятся, что вооруженные верховые, что старый экипаж с заколоченными окнами.

— Так быстрее... надеюсь, ты в своей деревне не разучилась ездить?

По тону было ясно, что, если и разучилась, это ничего не изменит. К Катарине подвели коня. Надо же, ее Листик, смирный мерин весьма почтенных уже лет, пусть и сохранивший стати. А она по нему скучала, пожалуй, лишь по нему. И погладив, сказала:

— Здравствуй. Тебя я и вправду рада видеть.

Хмыкнул Сиддарт за спиной.

— Подсадить?

— Будь так любезен, — согласилась Катарина, понимая, что тумбы для посадки в лесу все одно не найти. А седло вот дамское, и садится она сразу, находит равновесие, удивляясь тому, что и вправду не забыла. Когда Катарина в последний раз выезжала?

Давно.

Королевская охота. Кровавая шумная забава, на которой королеве полагается присутствовать. Лететь, спешить, кричать, подбадривая охотников. Смеяться, глядя как собаки рвут оленя. Восхищаться. Делать все, чтобы супруг остался доволен. У Катарини получилось не слишком хорошо. От вида кабаньих внутренностей, вываленных на траву, ее стошнило. И больше на охоту ее не брали, да...

...правда, оставались еще тихие прогулки в парке.

Листик шел мягко. А Катарина мысленно прикинула, что, если пустить коня в галоп, у нее, возможно, выйдет оторваться... или нет? Дорога широка, хватает места для четырех конников впереди.

И четырех сзади.

И несколько осталось у кареты.

— Что с ними будет?

— Беспокоишься? — Сиддарт едет рядом. Его смолистый жеребец всем хорош, кроме норова. И поговаривают, что коня этого благородный лорд Диксон ценит куда выше подаренной королем супруги. Может и так. На Катарину конь косил лиловым глазом.

— Интересуюсь.

— Твари получают по заслугам, — он стиснул кулаки, и подумалось, что он никогда не скрывал своей ненависти к иным, порой доходившей до нелепого. — Или жалеешь их?

— Нет.

Жалости и вправду не было. Скорее печаль, что Катарина была так глупа и наивна. А крысюки... они действовали согласно своей природе, если Катарина правильно поняла. Они нашли хозяина, которого посчитали сильнейшим, и служили ему верой и правдой.

Или все-таки их жаль?

— Ничего больше спросить не желаешь? — Сиддарт никогда не умел молчать. И теперь вот не выдержал долго.

— О чем?

— О том, чем все закончилось?

— И чем все закончилось? — Катарина послушно повторила вопрос.

— Твари уничтожили тварей! — ее собеседник даже привстал на стременах. — И не только их... жаль, ты не слышала, но твоего папашу давече удар хватил.

— Какая жалость.

— Да, вижу, и вправду жалеешь. А ведь он силен был, здоров... с тварями якшался, — лицо Сиддарда исказила гримаса ненависти. — И ты, как мне доложили... скажи, он хороший любовник?

— Кто?

— Тот нелюдь.

— Который? — с милой улыбкой уточнила Катарина.

— Оба!

— Сравнить затруднительно. Слишком уж разные.

Сиддард покраснел от злости.

Удар.

Стало быть, отца больше нет. Вернее, он жив, если бы умер, Катарине сказали бы, но такая жизнь немногим лучше смерти. Или наоборот, хуже? Для того, кто еще недавно держал в руках всю Британскую империю, кто был у власти, кто был в силе, кто мог заговорить любого, будь то человека или нелюдя.

— Он говорить может?

— Кто? — ответил Сиддард не сразу, но все же любопытство пересилило раздражение.

— Мой отец?

— Только мычит.

— Хорошо, — Катарина улыбнулась и вполне себе искренне. — А кто из вас выбрал это поместье?

— Твой папаша. Он все затеял. Просто не рассчитал. Думал, самый умный, самый хитрый...

Но нашлись другие, умнее и хитрее. Что ж, вполне закономерно. И Катарина похлопала коня по шее.

— Они сдохли.

— Кто?

— Оба. Твои любовнички, — теперь Сиддард улыбался столь счастливо, что не оставалось сомнений — он говорит правду.

Или думает, что говорит правду.

У Катарины получилось сидеть прямо. И смотреть она старалась перед собой, на конские уши. Или на хвост солового жеребца, третьего в ряду, благо, этот хвост заплели в косу и лентой украсили.

А Кайдэн не может погибнуть.

Он ведь воин.

И силен.

Сильнее всех, кого Катарина когда-либо встречала. Он улыбается так, что хочется улыбнуться в ответ. И совершает безумства. Он умеет смотреть на звезды.

Слушать ветер.

И говорить с цветами так, что они, и сорванные, не вянут.

— Не веришь? — Сиддард, кажется, ожидал иной реакции.

— Нет.

— Их не нашли.

— И что?

— От дома остались лишь камни. Источник и тот иссяк. А этот твой... сгинул. И его наставник понятия не имеет, где его искать.

Стало быть, просто найти не могут. Дышать стало легче, и Катарина позволила улыбнуться. Может, солнцу, может, скворцу, что спустился-таки на ветку и запел. А может, собственной надежде.

— Думаешь, он за тобой придет? — Сиддард не удержался, схватил за руку, если дернет, то Катарина просто-напросто свалится, под копыта. — Думаешь, ты ему нужна?

Быть может, да.

Или нет?

Или у него еще будет много других женщин. Более молодых. И красивых. И легких, таких, чтобы как ветер над прудом. И они согреют Кайдена своей любовью, дадут то, что не смогла и не сможет дать Катарина. И от мыслей таких больно. Только лучше эта боль, чем та, которая темная, вдовья.

— Ты всего-навсего маленькая человеческая шлюшка. Давалка, которых на его пути сотни и еще сотни будут. Он о тебе и думать забудет.

Пускай.

Но никто не отнимет у Катарина право думать самой. И память тоже не украдут.

— Даже если он жив... король призовет его ко двору. И наградит... да... тварей стало меньше, но они сильны. А Его величество еще нуждается в поддержке народа... суеверное быдло...

Пальцы на руке сжимались все сильнее, а Сиддард с мучительной надеждой вглядывался в лицо Катарина, выискивая в нем признаки страха.

Или паники?

Катарина позволила себе склонить голову.

Самую малость.

И взглядом одарила равнодушным, который взбесил.

— И ты будешь стоять за троном, глядя, как твой ублюдочный любовник принимает из рук короля награду, а потом и со свадьбой поздравить.

— Вне всяких сомнений, — она сумела произнести это правильно, с ледяным спокойствием, с притворным равнодушием.

— Значит, все-таки не так хорош, — Сиддард разжал руку. — Или ты тварь. Всегда ею была... и что он в тебе нашел?

— Мне самой интересно, — честно сказала Катарина.

Лондиниум начинался с деревень. Их становилось больше, они разрастались, соединяясь берегами, сливаясь грязными убогими домишками, связываясь дощатыми настилами. То тут, то там появлялись мастерские, сперва одиночные, но постепенно число их росло. Запахло сперва хлебом и скотом, после и людьми, что суетились, заполняли узкие улочки. Добавилась вонь тухнущих кож и красок, выгребных ям, скотомогильников, которые устраивали тут же, засыпая старой землей.

Люди кланялись.

И расходились.

Вот мелькнули слева остатки древней стены, некогда опоясывавшей город. Справа показалось полотнище реки, которая только-только зацветала под жарким солнцем, но смрад от берегов ее уже поднимался невыносимый. И Сиддард поспешно вытащил пропитанный розовым маслом платок. Катарине предлагать не стал.

А она не стала просить.

Так и ехали.

Пригород.

И ворота, оставшиеся с древних времен. Смысла в них особо не было — город внутренний давно уже обзавелся многими иными путями, соединявшими его с городом внешним — но ворота стояли.

И стража при них.

Появилось желание закричать, потребовать защиты...

Гудели колокола.

И храмы тянулись к небесам, спеша донести молитву. Дома становились выше, а публика — чище, и Катарина с восторгом удивлением разглядывала этих людей, а они — ее, грязную и некрасивую. Кто-то тыкал пальцем, кто-то свистел, уличные мальчишки попытались и грязью швырнуть, верно, приняв

Катарину за преступницу, но были остановлены.

Сиддард знал свое дело.

И границы дозволенного чувствовал лучше, чем кто бы то ни было.

Он же помог Катарине спуститься, когда они все же остановились на заднем дворе. И проделал сие с безукоризненной вежливостью. А Катарина поблагодарила. Столь же вежливо.

Она спиной ощущала взгляды.

Удивленные.

Насмешливые.

Злые. Преисполненные одновременно недоумения и непонятной прежде ненависти. Ее определенно узнали, но... что с того?

Катарина приняла предложенную руку. И со стороны казалось, что она всецело довольна, что спутником своим, что положением.

И пальцы не дрожат.

И колени больше не подгибаются. Только давит, мучит громадина королевского дворца. Он открывает двери, готовый вновь проглотить Катарину. Он расстилает сияющие паркетные, спешит блеснуть позолотой и мрамором, будто хвастаясь, что за прошедшие недели стал еще краше.

А она идет.

Она знает дорогу и могла бы сама, но разве Сиддард оставит ее, столь опасную, ненужную, без присмотра? Он хмур и зол, и, кажется, готов ударить. Однако весьма скоро справляется с собой.

— Даже не знаю, — он говорит тихо, но зеркала в галерее повторяют движение его губ, и кажется, что с Катариной разговаривает не один человек, но многие. — Стоит ли ему показывать тебя в таком виде. Он может разочароваться.

— Пускай.

— Ты не боишься?

— Чего? — Катарина позволяет себе взглянуть на этого мужчину, который великолепен и грозен, и всецело соответствует обстановке, в отличие от нее, нынешней. Однако взгляда хватает, чтобы мужчина смутился.

— Того, что он решит, будто ты ему не нужна.

— И что тогда?

— Тогда...

Очередная дверь закрывается за спиной, а голос Сиддарда падает совсем уж до неразличимого шепота.

— Тогда придется решать, что с тобой делать. А я не люблю убивать женщин.

И это правда.

Катарина склоняет голову, показывая, что поняла. И снисходит до ответа:

— Не обязательно ведь делать это самому.

И по тому, как дергается щека Сиддарда, понимает: угадала.

— Тот оборотень... мы его нашли... он от тебя?

— Грейсон, — Сиддард кривится. — Была еще пара наемников, но они пропали. Полагаю, твой любовничек постарался.

Это было не вопросом, но утверждением. И Катарина сочла возможным не отвечать. Значит, еще наемники были. Странно, Кайдэн ничего не сказал. Не захотел волновать?

— Кто... убил оборотня?

— Змей. Ему велено было защищать тебя. Крысы... — Сиддард скривился еще сильнее. — Еще те твари... исполнительные, но хитрые. И Грейсону перечить не посмели, но доложили, куда надо. Но ничего, свое они тоже получили.

Этот коридорчик узок и тесен, и двоим в нем не развернуться. Мужчина оказывается слишком близко к Катарине, и это неприятно. До того неприятно, что она почти роняет маску.

— Джон был очень зол... очень-очень зол... надеюсь, ты понимаешь, что злить его не следует?

Сиддард открыл дверь рывком и рукой махнул, предлагая войти. А когда Катарина вошла, шепнул в спину:

— От тебя воняет.

И это было правдой.

Глава 41

Когда-то давно, на заре мира, Мертвая река вовсе не была мертва. И рождаясь меж корней великого Ясеня, что ветвями своими подпирает небосвод, она пробиралась ниже, к миру сущему. Она несла свои воды сквозь холмы и к людям, питая все реки и речушки. И были воды их сладки да целебны.

Давно это было.

...кто-то пел...

Красиво пел, почти колыбельную, почти ту, которую пела матушка даже тогда, когда Кайден вырос и перестал помещаться в резной колыбели.

Когда он хмурился.

И злился.

Он ведь почти мужчина... дурак... был и остался... но песня вилась, все-таки другая, протяжная, на древнем языке, который, верно, понимали лишь драконы.

Но красиво.

Только у мамы все одно лучше выходило. И колыбель она качала мягче... колыбель? Ладонь коснулась деревянного края. И с другой стороны тоже. И это было странно, ведь Кайден понимал, что он слишком велик для колыбели.

Он вырос.

Давно.

И дом покинул, и даже привык к новому. Сумел отыскать свое место. Свое дело. Свою женщину. Голос стих. А лица коснулась влажная тряпка. Вода потекла по иссохшим губам, но сил, чтобы раскрыть их, не осталось.

— Ты решил умереть? — спросили его.

И Кайден рывком разлепил эти губы. Он пил воду, которая была горька, словно женские слезы. И глотал, глотал, не способный напиться. А она все текла, по губам, по щекам, по лицу. Лежать становилось мокро, а вода наполняла его колыбель или куда его там засунули. И когда дальше пить стало невозможно, Кайден открыл глаза.

— Я жив, — сказал он.

А старуха склонила голову, будто не поверила.

— Я жив.

Он вцепился в края лодки — все-таки не колыбель, что уже хорошо, — и попытался сесть.

— Еще рано.

— Нет.

— Рано, — ледяные руки уперлись в грудь. — Лежи. И спи, а я спою.

И она вновь запела.

— О чем эта песня?

— А ты не понимаешь? — глаза старухи были подобны лунам, лица ее белого, словно лепестки лилий, не коснулись морщины, губы ее казались синими, ледяными, а волосы, спускаясь по плечам, уходили в воду, чтобы стать водой.

— Нет.

— О любви. И о ненависти. О жизни. О смерти. О чем придется, — она умела улыбаться, и от этой улыбки кровь застывала в жилах, а заодно наваливалась усталость.

Старуха же, зачерпнув тяжелую воду, полила ее тонкой струйкой на тело. И Кайден понял, что обнажен. И испытал стыд. Потом понял, что это глупо, ибо только люди стыдятся своей наготы, а он не человек. С этой мыслью и уснул, чтобы проснуться позже, от холода.

И жажды.

И все повторилось.

Встать ему не позволили, а на грудь вылили черную воду, которая впиталась в кожу, утихомиривая боль. Вот только засыпать Кайдена не стал.

— Что... там...

Говорить, когда на груди лежали две ладони, хрупкие, полупрозрачные, было невероятно сложно.

— Там мир.

— Мы...

— Истинное пламя очистило его от заразы. Тебе повезло, сын моего сына, — она никогда не называла имен, будто опасаясь, что имена эти вновь свяжут ее с остальными. И собственное ее имя тоже было забыто, хотя все-то из народа Дану знали, кто эта старуха.

— Повезло... что... с ней?

— С дочерью Гоибниу? А что с ней станется? Огненнорожденная вернула свою силу.

— Нет...

— И змееныш жив, если тебя это волнует. Были времена, когда прях не только боялись, но и уважали, ибо не знал мир целителей лучше. Он скоро зарастит свои раны, как ты зарастишь свои.

Хорошо.

Ран Кайдена не чувствовал совершенно, как и собственного тела, но это не беспокоило. Если бы старуха хотела, чтобы он умер, он бы умер.

— А...

Волновало его совсем иное. И старуха склонила голову.

— Катарина.

— Красивое имя.

— Что с ней?

Она набрала полные ладони воды и подняла над головой Кайдена.

— Тебя так волнует судьба смертной?

— Да.

Вода потекла тонкой струйкой, и Кайдена закрыл глаза. Чтобы открыть через некоторое время. Сколько прошло? Много? Мало? Здесь, внизу, время ощущалось совсем иначе.

Оно и было другим.

И осознание того заставляло нервничать куда сильнее, чем прежде. Вцепившись руками в борта лодки, он все-таки сел. А затем и встал. Тело было слабым, куда слабее прежнего. И сила вернется не скоро.

— Она сказала, что ты скоро очнешься, — на камне сидела Эйна, сестра, рожденная от дочери Дану, далекая, чужая.

Прекрасная, как рассвет.

— Она просила передать, что устала от разговоров, что она в последнюю сотню лет не говорила столько, сколько сейчас, — сестра подала руку, помогая выбраться из лодки, и пальцы ее были столь же холодны, как руки старухи. — А еще, что смертная женщина — плохой выбор.

— Я рад, что ты жива.

— За мной долг перед... ними, — красивое лицо исказилось, но Эйна умела держать себя в руках. — И я буду помнить о нем.

Хорошо.

Кайдену еще новой войны не хватало. Он сейчас категорически не способен воевать. Слаб. И клинки пропали. Придется вновь спускаться в пещеры и искать какого-нибудь бестолкового духа, такого, что рискнет напасть и сразиться, пусть уже и не с ребенком.

Если найдется такой.

На плечи упал плащ, и Кайден покачнулся под его тяжестью. А Эйна протянула флягу из лунного серебра.

— Выпей.

— Что это?

Из фляги пахло медом.

— Твоя... знакомая велела передать. Сказала, что для тебя внизу слишком мало жизни, а это поможет. Я попробовала, — призналась Эйна, нервно облизав губы. — Оно сладкое... оно слаще меда, который варит котел Дагды. И горше этой черной воды. От него сердцу становится беспокойно и хочется плясать, но я не собираюсь расставаться со своим разумом. Я не уподоблюсь безумной дочери Айора.

— Конечно, нет, — Кайден сделал глоток.

Во фляге была вода, разве что подслащенная малость. Надо же, а он и забыл, каково это быть здесь, внизу, где обретаются тени сущего и дети Дану.

— Идем, — сестра взяла его за руку. — Тебя ждут.

Ждут.

Распахнуты узорчатые ворота, и навек застыли золотые птицы на золотых же ветвях. Глаза их изумрудные мертвы, а из раскрытых клювов не доносится ни звука. Но здесь привыкли к тишине.

Кайден идет.

Ступает по вороху мягких шкур, он видит пушистый мех, а чувствует лишь пыль, что цепляется за босые ноги. Он видит детей Дану, что собрались на славный пир. И кричат, и славят того, кто вновь подарил победу над извечным врагом.

Пылает зеленое пламя.

Кипит котел Дагды.

И прекрасная дева черпает из него хмельной мед, который разливает по рогам. Один тотчас протягивают Кайдену, и вновь кричат:

— Слава.

А он, пробуя мед, не ощущает вкуса.

— Пей же, — требует сестра. — Пей и иди...

Она указывает на место, застланное шкурой драугра. Надо же, белая, что снег. И отмыть успели и выделать. Голова вот пропала наверняка, а жаль...

Кайден садится.

И протягивает руку, чтобы взять кусок кабаньего бока, но пальцы ловят лишь пустоту.

— Это пройдет, — сестра опускается по левую руку, а по правую садится та красавица, что недавно стояла у котла.

Ее волосы белы.

А кожа темна. В ее глазах играют отблески мертвого пламени. На тонких запястьях вьются золотые змеи браслетов, а высокую грудь украшает золотая цепь. И Кайден знает, что эта женщина с радостью взойдет на ложе.

И останется на нем.

Она прольет призрачную кровь, принося клятву перед той, кто давно покинул мир. И слова ее будут подобны камню. Она подарит Кайдену сильных детей, а если он окажется так упрям, чтобы привязаться к кому-то... что ж, она поймет.

Все ведь понимают.

И не станет спорить, если Кайден приведет свою женщину вниз. Многие так делают...

Кайден отвернулся. Обвел залу взглядом. А Эйна уже подала корону из рогов священного Оленя.

— Нет, — Кайден покачал головой.

— Отец погиб, — Эйна держала ее с трудом, явно не справляясь с тяжестью венца, что казался живым.

— Уверена?

— Я сама отправила лодку с телом его вниз по реке...

И приготовила вторую, для Кайдена. Эйна отвернулась.

— Ты был очень слаб и никто не верил, что ты удержишься здесь надолго.

Кроме старухи, чье имя забыто.

— Но ты жив, и мы рады.

Сидящие за столом склонили головы. А ведь их много. На удивление много. Сотни и сотни, мужчин и женщин, равно прекрасных, ибо течет в них кровь Дану и они помнят о том, гордятся. Вот только где они были, когда Кайден позвал?

Почему пришли немногие?

Почему...

— Нет, — он поднялся и, взяв корону, поставил на шкуру драугра. — Я вернусь.

— Из-за женщины?

Лицо Эйны исказилось гневом.

— Потому что здесь нечего делать, — Кайден был честен. Почти. Он стряхнул руки девы, столь прекрасной, что это казалось невозможным. — Посмотри. Ты говоришь, что не желаешь стать безумной, как дочь Айора. Но она просто хотела жить, по-настоящему жить. А вы... вы все... вы пьете призрачный мед, закусывая призрачной едой же...

Он поднял над головой блюдо с запеченным кабаном и уронил, но то не упало, а лишь вернулось на свое место.

— Вы целуете мертвых женщин и ищете любви мертвых мужчин. Вы ушли, чтобы сохранить жизнь, но сами ее растеряли в тот миг, когда боль и сила стали слишком большой платой за возможность подняться вверх. И это не дочь Айора безумна, а ты. Ты просила меня о пыльце драконьих цветов. И я помню. Я найду ее, чтобы ты смогла родить дитя, но ты уверена, что хочешь растить его здесь?

Не понимает.

Никто не понимает. Они ведь привыкли... вечный пир, вечный праздник, и тень жизни, которая вполне устраивает своей безопасностью.

— Я говорила отцу, что не стоило тебя отпускать, — сестра спокойна. — Люди тебя испортили. Но ты вернешься. Смертные женщины живут мало, да и сами по себе слишком ветрены. Сегодня они с одним, завтра с другим. И эта твоя не лучше.

— Где она?

— Не знаю, — Эйна пожала плечами слишком быстро, чтобы это было правдой. И захрипела, когда пальцы Кайдена сдавили горло.

— Где? — повторил он вопрос.

Кто-то рассмеялся...

Кто-то пустился в пляс. И пир шел, будто ничего-то не происходило. Зазвенели в углу клинки, и унялись, поняв, что встретили равного по силе.

— Крысюки... ее... забрали, — прохрипела Эйна, цепляясь за руку. — Я просто не стала мешать... просто... я не хотела, чтобы ты страдал, когда ее не станет... я...

— Я не буду страдать, — Кайденом отпустило горло. — Ты ведь знаешь, где она?

Молчание.

— Знаешь. Кто сказал? Старуха?

— Она... велела мне не мешать. Я и не буду.

— Не будешь, — Кайденом провел ладонью по волосам, мягким, что пух. — Конечно, не будешь. Ты мне поможешь...

Эйна всегда была упряма.

И когда Кайденом поднял корону, лишь поджала губы. Нахмурилась.

— Отца и вправду не стало, — сказал он.

А она тяжела.

Почти неподъемна. И золотые рога сияют ярко, ярче, чем негасимое пламя в камине, ярче, чем глаза Эйна, что следит за каждым его движением.

— И здесь нужен кто-то, кто последит за порядком...

Венец лег на макушку Эйна, и она застонала.

— Теперь ты мне скажешь?

По лицу побежали струйки крови, а Эйна разжала губы.

— Дворец. Она вернулась к своему королю...

— Неправда, — Кайденом провел по лбу сестры, размазывая кровь, и та легла причудливым узором. — И вовсе он не король...

Он развернулся, оставив Эйну с ее короной, залой, пиром и котлом, в котором варились тени любой еды, что только существовала в верхнем мире. Но Кайдена больше не устраивали тени.

Он желал жить по-настоящему.

И вернуть свою королеву.

— Однажды... ты придешь, — Эйна стояла, обеими руками удерживая венец, пытаясь справиться с тяжестью ее и с той болью, что причиняли оленьи рога, пробившие плоть.

— Возможно, — согласился Кайденом. — И принесу тебе пыльцы. Если, конечно, ты не решишься попробовать другой способ.

— Какой?

— Скоро полная луна. Выгляни наружу. Быть может, и тебе захочется станцевать?

Неприличные слова были ответом.

— А пока я возьму кое-что... из сокровищницы...

...в которую давно уже никто не заходил, и груды золота покрылись пылью, а драгоценные камни погасли от тоски. Но Кайденом нужны были не они. Он шел по пыли и золоту, оставляя следы, что затягивались быстрее ран плоти. Он поклонился древним королям, чьи фигуры еще дышали силой, и остановившись перед первой, протянул руку. Стоило коснуться камня, что лежал на мраморной ладони, как тот закричал.

— Не сейчас, — Кайденом набросил на камень шкуру драугра. Подумалось, что неплохо было бы оказаться у дома.

Там хотя бы одежда есть.

Для начала ему хватит и одежды.

Глава 42

Джон изменился.

Или... он всегда был таким? А Катарина просто нарисовала в воображении своем человека мягкого, почти робкого, определенно не лишенного доброты и сочувствия? Пожалуй, что так. Иначе куда это сочувствие подевалось?

Он разглядывал ее и слегка морщился.

И заговаривать не спешил, как не спешил предложить присесть. Взгляд темных глаз его был холоден, и Катарина поняла, что Джон и вправду разочарован, что он тоже привык к ней иной, что нынешняя женщина не вызывает у него чувств иных, кроме безразличия, которую Джон все же дал себе труд скрыть.

— Я рад, что ты здорова, — наконец, заговорил он. — Но, думаю, тебе стоит отдохнуть и привести себя в порядок.

Это прозвучало приказом.

И Катарина склонила голову. Кто она, чтобы спорить с королем?

На зов колокольчика появился хмурый слуга из числа доверенных, который и препроводил Катарину в отведенные ей покои. Надо же... все по-прежнему, даже решетки на окнах.

И холод.

Забранные тканью стены не греют. Дворец сложен из камня, и тот не прогревается даже летом, когда к холоду добавляются вонь и просто-таки невыносимая духота. Но сейчас камин горел. И бадью с горячей водой поставили прямо перед ним, что можно было считать проявлением заботы.

Суета служанок.

И тепло, что окутывало Катарину.

Она, кажется, задремала, поскольку, очнувшись, обнаружила себя уже в кресле, облаченной в тонкую батистовую рубашку, на которую накинули халат. Волосы Катарины вымыли и расчесали, и заплели в косу, которую смутно знакомая девица — прислуги во дворце всегда хватало — уложила вокруг головы, закрепив двумя дюжинами тонких шпилек.

На вершинах шпилек поблескивали алмазы.

— Госпожа, — другая девица указала на столик, заставленный банками.

Старые?

Или новые? Джон с одной стороны щедр, порой до расточительства, а с другой подвержен приступам невероятной же скупости. Катарина потрогала крышки. Старые...

— О них заботились, госпожа, — служанки истолковали ее интерес по-своему. — Все в сохранности. К сожалению, у нас мало времени.

Здесь они неправы.

Время, похоже, единственное, что осталось у Катарины. Сейчас, правда, даже ее альбомы погибли. Она опустила взгляд на руки. Нахмурилась.

— Госпожа, не беспокойтесь, кожу мы отбелим. И веснушки уберем.

Не стоит.

Но Катарина промолчала. Она погладила запястье, на котором остался слабый след старинного узора. И прислушавшись к себе, Катарина вынуждена была признать очевидное: пути исчезли.

Растворились.

Когда?

Тогда ли, когда она создавала флейту? Или когда отдала ее Джою? Или... это не имеет никакого значения теперь.

Лица коснулась мягкая кисть.

Скользнула по векам, тронула губы. Сладкий запах пудры заставил поморщиться, и пуховку ненадолго убрали. Но после вновь вернули. Пудры потребуется много, ведь кожа успела потемнеть, а в моде нынче изысканная бледность. Впрочем, женщины знали свое дело.

Пудра.

Тени. И румяна. Липкая помада, которая будто склеивает губы.

Платье из тяжелого темно-зеленого бархата завершило образ.

Что ж, теперь Катарина похожа на себя саму, прежнюю. И в глазах Джона она прочитала одобрение. Правда, самой Катарине до боли хотелось вцепиться в эти глаза. Но она сдержалась. И ответила улыбкой на улыбку. И поклон приняла, как должное.

— Ваше Величество... позвольте выразить свой восторг. Вы, как всегда, великолепны, — Джон коснулся губами кончиков пальцев.

— Как и вы. Ваше Величество.

А ведь одно время эти поцелуи, вполне себе укладывавшиеся в рамки этикета, заставляли сердце Катарины сжиматься. И пудра хорошо скрывала не только веснушки, но и предательский румянец.

— Видите, как много у нас общего, — Джон так и не выпустил руку. — Мне сказали, что вам пришлось путешествовать в не самых приятных условиях. Я прошу прощения.

— Невзгоды закаляют.

Он все еще красив. Пожалуй, слишком красив для человека, быть может, мать его, ставшая причиной гибели второй королевы, в чем многие усмотрели высшую справедливость, и вправду была не совсем человеком.

— Что ж, рад вам сообщить, что время их минуло.

Он подвел Катарину к столу.

Личные покои.

Небольшая комната в темных тонах. За витражным стеклом — рыцарь, повергающий дракона — отгорают закаты. И драконья кровь выглядит слишком уж яркой, почти настоящей.

Катарина закрыла глаза.

Она не погибла.

Она... ведь чудо не может погибнуть. И Катарина сделала флейту, заплатив за нее ту цену, которую мир называл. А раз мир уцелел, то и Джо... вряд ли это настоящее ее имя. Но какая разница.

Катарина опустилась на стул.

Есть хотелось. Тело слабо, а запахи дразнили. Генрих тоже любил поесть. И здесь с ним у Джона много общего.

Она бросила на колени белоснежную салфетку. Налила рыбного бульона, в котором плавали полупрозрачные нити мяса. И справилась с тошнотой, что вдруг подкатила к горлу.

А вот Джон почти не притронулся к еде.

Сидел.

Смотрел. Рассматривал. Пил вот еще... пьяный Генрих делался просто невозможен. Он то требовал признаний в любви, то упрекал, то принимался говорить, насколько повезло Катарине. А Джон? Прежде он говорил, что вино не добавляет мужчине мужества. Выходит, тоже лгал?

Катарина отломала кусочек сухой лепешки, который обмакнула в густое рагу. Мясо тушили так долго, что сделалось оно не просто мягким — растворилось, как и дикий чеснок, и морковь, образовав одну темную острую массу.

Генриху такое нравилось.

Зубы болели. Но он с детским упрямством не желал менять их на фарфоровые.

— Ты ни о чем не хочешь меня спросить? — Джон отставил бокал и руки сцепил, поставил на стол локти, подался вперед.

— О чем?

— Не знаю... — он пожал плечами. — Обо всем?

— Ты отменишь свадьбу?

— Зачем?

— Не знаю...

— Катарина, ты чудесная женщина. Ради любой другой я не стал бы прикладывать и трети усилий.

Польщенной Катарина себя не чувствовала.

— Но ты понимаешь, что этот брак Совет точно не одобрит.

— А моя сестра?

— Почему бы и нет? Теперь, когда твой отец перестал мешать, она вполне себе неплохой вариант. Молода. Красива. Здорова, как утверждают все мои целители. Она родит прекрасных детей. А большего от нее и не требуется.

— Тогда зачем тебе я? — Катарина попробовала вино и отставила бокал. — Я не слишком молода, уже далеко не так красива.

— Ты умна. И добра. Ты была мне другом. Единственным, пожалуй, другом, который и вправду верил, что эта дружба возможна.

Джон поднялся и обошел стол.

— А еще ты была мечтой. Помнишь нашу первую встречу? Я удивился. Ты так разительно отличалась от тех девиц, которых обычно выбирал отец... хрупкая насмерть перепуганная девочка, которой по прихоти судьбы досталась корона. Все вокруг видели, что ты не справишься с ней. Все только и ждали, когда ты оступишься и уничтожишь себя и твоего отца. Но они ошиблись. Ты оказалась куда сильнее, чем казалось. Пять лет... целых пять лет...

...каждый день из которых был мучением. И как Катарина не понимала этого прежде? Ведь даже там, в Королевской башне, когда она сумела-таки справиться со страхом, было легче.

Джон наклонился.

Пахло от него вином и духами, женскими.

— Ты стала моим наваждением. Ты подходила по возрасту мне, но кем я был? Наследником, слишком взрослым, чтобы держать его вдали от дворца. Слишком нужным, чтобы избавиться. Слишком... опасным.

Сердце замерло.

А если... Катарина будет сопротивляться, хотя этого Джон точно не простит.

— Я пришел к тебе, думая, что умираю. Пришел, чтобы рассказать о своей любви, попросить о поцелуе... об одном лишь поцелуе... я тоже был молод и романтичен, и глуп, если подумать, да?

— Нет.

Пальцы его гладили шею, пересчитывая позвонки, они касались волос и отступали, осторожно, мягко, опускаясь до самого края ткани.

— А ты меня спасла. Конечно, это не избавило меня от заточения, но знать, что ты рискнула нарушить его приказ... что навлекла на себя высочайший гнев... не побоялась... остальные шлюхи скорее всего просто добились бы, да...

Джон наклонился ниже, и теперь горячее его дыхание опаляло кожу.

— А потом однажды меня навестил твой отец. И предложил помощь.

Катарина заставила себя сидеть.

Просто сидеть. Закрывать глаза. Унять дрожь.

— Он лучше, чем кто бы то ни было, чуял перемены... и ладил с иными. Удобное свойство...

— Те... существа...

— Он научил меня видеть больше, чем обычные люди. Ты была бы удивлена, узнай, сколько всего происходит под самым носом... Сиддард впал бы в ярость. Его ненависть к иным тем смешнее, что и сам он не в полной мере человек, — Джон отстранился и отступил. — Еще не время, дорогая... но не волнуйся, я не позволю тебе потеряться.

— Тот дом...

— Твой отец... если бы ты знала, как он мне надоед. Однажды оказавши услугу, он решил, что теперь имеет право распоряжаться моей жизнью, — Джон слегка поморщился. — И хуже всего, что его поддерживали слишком многие. И мне пришлось ждать. Довольно долго. Я уже почти потерял терпение, когда он пришел ко мне с этим нелепым планом.

Значит, все-таки и отец ошибся, недооценил короля. Впрочем, не только он.

— Сказал, что некогда, в молодости, сумел добраться до затерянного храма на краю мира, где и заключил сделку с существом столь могущественным, что даже сотни лет заточения не умалили его силы. Оно, некогда плененное, разделенное, заточенное в камнях, ослабело, но твой отец напоил его кровью...

...не того ли друга, который и привел его в храм?

— Похоже на сказку.

— Эта сказка держала жизнь в моем отце до тех пор, пока он был нужен Словоплуту. И держала бы еще годы, если бы отец был чуть более разумен и предсказуем.

Катарина подняла с блюда яблоко, румяное и наливное. Лишенное запаха. Несомненно, сладкое, ведь иных не может быть в королевском дворце.

В королевских теплицах работают знающие маги.

— Но за все надо платить. И твоему отцу в том числе. Он обещал за помощь кое-что...

— Меня?

Яблоко Катарина вернула.

— Свою плоть. Свою кровь. Свою силу. Правда, я понял далеко не все. Как я сказал, однажды он обратился ко мне с престранной просьбой. Мол, во дворце тебе тягостно, что ты хочешь уйти, и он всецело поддерживает твоё решение. Что нужда в тебе отпала, что ты скорее мешаешь, напоминая всем о временах прошлых, а потому я должен тебя отпустить.

— И ты отпустил.

— Не сразу, — Джон улыбнулся. — Знаешь, он был столь уверен в своем даре, что не допускал и мысли, что однажды встретит человека, который устоит перед этим даром.

— Ты?

— Мне говорили, что в крови моей матушки была изрядная толика иной крови. Впрочем, как я понимаю, она у всех есть, только проявляется по-разному. Это даже интересно, искать таланты... но да, я не поверил ни слову. Чтобы он и заботился о ком-то? Чтобы ему, прежде безразличному, вдруг появилось дело до тебя? И он был весьма настойчив. Он нашел поместье, которое якобы принадлежало дочери его старого друга... другого старого друга, с которым Словоплут давно уже вел торговые дела, тихо разоряя колонии. И что по странному совпадению эту дочь тоже нарекли Катариной. И что родились вы в один год, и были похожи друг на друга, если верить портретам, как две капли воды.

— Та женщина... в монастыре, кто она?

— Понятия не имею. Ее тоже он нашел. Я до поры лишь позволил ему начать игру, наблюдая. Правда, кое-кто решил, что своим неучастием я даю право принимать решения. Но я рад, что ты не пострадала. А этот человек понесет заслуженное наказание.

Катарина кивнула.

— Я никому не позволю тебя обидеть.

Возможно. И лишь до тех пор, пока она будет представлять интерес. А потом? Что ее ждет? Ссылка на край мира? Или все-таки монастырь? Или несчастный случай из числа тех, которые порой

происходят с людьми, что стали опасны?

— Благодарю, — она погладила бокал. — Все это... неожиданно. Но...

— Почему я вовсе позволил тебе уехать? — Джон переплел пальцы рук. И улыбнулся. И стал похож на себя прежнего, застенчивого и даже робкого. Неизменно вежливого. Доброго. По-настоящему доброго. И неужели Катарина была настолько слепа, что не увидела за этой добротой чего-то иного, куда более опасного? А подозрения ее супруга? Они казались ей нелепыми, но выходит, что Генрих видел то, чего не видела она?

— Почему? — послушно задала она вопрос.

— Возможно, потому чтобы ты убедилась, что не годишься для той жизни. Что мир куда более опасен, нежели тебе представляется, что он вовсе не таков, каким видишь ты в своих мечтах.

Не таков.

Лучше.

Много лучше. Катарина ведь и мечтала-то с опаской, не о любви, но лишь о свободе. О мокрой траве. И о ручье, что несет свои воды, пробирается сквозь замшелые валуны. Об овсянках, что спрятались где-то в гуще ветвей, чтобы наполнить сад щебетом.

О диких яблонях.

И плюще.

О том, как льнет он к камню, поднимаясь выше и выше, к самому окну. О звездах, ночах и возможности просто сидеть, просто дышать...

Катарина осторожно коснулась губ. И это робкое ее прикосновение не осталось незамеченным.

— Я не думал, что ты так быстро найдешь себе любовника, — раздраженно произнес Джон. — Впрочем, полагаю, до постели дело не дошло, ты всегда отличалась похвальной осторожностью. Ты бы не рискнула рожать вне брака.

Рискнула бы.

И думала ведь, пусть украдкой, в тайне от себя самой, но думала, примеряла незнакомую роль, словно служанка краденое господское платье. И жаль, что не вышло.

Или не жаль?

Он бы не пощадил ребенка. Есть ведь способы...

— И хорошо. О наших детях я позабочусь. Правда, придется еще немного потерпеть, поскольку я не могу позволить себе обзавестись бастардами раньше, чем законными сыновьями.

Катарина с трудом сдержала облегченный выдох.

Значит, время еще есть... сколько?

— Свадьба состоится через неделю. Я надеюсь, этого времени хватит, чтобы привести тебя в порядок, — Джон вновь поморщился. — Если бы я знал, что ты настолько подурнееешь, придумал бы что-то иное, но с другой стороны та тварь чувствовала кровь... К слову...

На столе, меж серебряных блюд и костяного фарфора появился до боли знакомый венец, камни которого тускло сияли, и это сияние завораживало.

— У нас получилось, — Джон положил венец на ладонь. — Тварь ослабела и вынуждена была вернуться, а неисполненная клятва ударила по твоему отцу. Жаль, что он еще жив, но с другой стороны смерть вызвала бы ненужные слухи. А так...

Он поднял венец, любясь переливами камней.

— Все получилось просто замечательно. Тварь растратила накопленные силы. Она снова слаба. И всецело зависит от меня.

— Она... здесь?

— Здесь, — Джон усмехнулся, а глаза его блеснули желтизной. Или... показалось?

Конечно, показалось.

Он ведь не настолько глуп, чтобы примерять этот венец. Не на себя...

— Она умоляет отдать то, что полагает своим. Она получила одну обещанную жертву и желает получить вторую. И все зависит от тебя, Катарина. От того, кем ты захочешь стать для своего короля.

Глава 43

Тропа открылась на вершине холма.

С реки налетел ветер, закружил, обнял, ласкаясь после долгой разлуки. Ветер был влажным и холодным, но Кайден, запрокинув голову, наслаждался и влагой этой, и дрожью, которой отозвалось тело. Его окружили запахи.

Оглушили звуки.

И солнце, почти упавшее в воды реки, ослепляло до слез. Кайден не знал, как долго стоял, наново привыкая к миру, который вдруг стал неудобен. Слишком шумный, чересчур яркий и все-таки родной. А когда солнце почти утонула в реке, и тьма поползла, ластясь диковинным зверем, он вспомнил-таки каково это, дышать.

Идти.

Бежать.

По лугу, по тропе, разбивая ноги об острые камни. И быстрее, быстрее, до боли в груди, до слабости, что накатывала, но отступала. И травы хлестали влажную кожу, и лишь у подножия холма Кайден остановился, позволив себе отдышаться.

Жив.

И стало быть, все хорошо... почти хорошо... осталось лишь добраться домой и завершить дело. Он сунул подмышку свою неудобную ношу, и решительным шагом направился туда, где стоял старый особняк. Во всяком случае, Кайден изрядно надеялся, что особняк еще стоит.

Добрался ближе к полуночи.

Хмыкнул. А ничего не изменилось. Будто бы не изменилось. Все так же шумит над головой лес, и холодными пиками уставилась в небо ограда. Вот человек в форме гвардейца прошел вдоль ограды. Он чужак. И от него пахнет вином, а еще страхом. Он знает, что случилось здесь, а потому насторожен, держится обеими руками за пищаль, вздрагивает при малейшем шорохе.

Кайден не удержался и бросил камешек в кусты. И рассмеялся беззвучно, глядя как присел этот нелепый воин, хрипло вскрикнув:

— Стой, кто идет?

Никто.

Кайден отступил. Он обошел ставшее вновь чужим поместье, и лишь очутившись на территории собственного, отряхнулся. Присмотрелся к дому и, кивнув собственным мыслям, споро вскарабкался по плетям плюща.

Окно оставили незакрытым.

И хорошо.

В комнате пахло хлебом. Губы сами собой растянулись в улыбке. Стало быть, ждали. И хлеб нашелся тут же, в корзинке, а еще кувшин с молоком.

И мед.

Кайден с урчанием вцепился в поджаристую корку. Он был голоден. Он и сам не понимал, до чего голоден был. И ел. И глотал, как когда-то прежде, не пережевывая. И запивал молоком, которое было холодным, но свежим... а главное, молока было много.

И меда.

И хлеба.

Почти счастье.

Когда отворилась дверь, Кайден спросил:

— Сколько времени прошло?

— Больше месяца, — ответил Дуглас. — Я рад, что ты жив.

— А я уж как рад... — Кайден перевернул кувшин и поймал языком последние капли. — Я пришел, как смог.

— Понимаю, — Дуглас склонил голову. — Я должен отписать леди Гленстон. Она просила, чтобы как только ты появишься, я написал.

— Она...

— Сказала, что ее внук слишком упрям, чтобы просто взять и героически погибнуть.

Хорошо.

Бабушку волновать не хотелось.

— Катарина?

— Все сложно... леди Гленстон кое-что писала, но, как я понимаю, не все слова можно доверить бумаге.

— Она жива?

— Вполне.

— Хорошо, — Кайден оскалился и, потрогав клыки языком, показалось вдруг, что те подросли, сказал. — Мне бы помыться. Для начала.

Часом позже, устроившись у камина, в котором горел огонь, Кайден с наслаждением пил теплое молоко, сдобренное медом столь обильно, что мед этот уже не растворялся, но лег золотистой липкой пленкой поверху. Но так было даже вкуснее. Кайден отламывал куски хлеба и макал в кружку, затем совал в рот, жмурился и делал глоток.

— ...солдаты появились ближе к рассвету. Два полка. С ними дюжина магов, — Дуглас, устроившись во втором кресле, наблюдал за Кайденом с каким-то совершенно непонятным выражением. Точно жалел. Зря. Жалеть нужно было вовсе не Кайдена. — Мертвецов сожгли... тех, кто остался.

— Али...

— К сожалению. Я опознал. И его, и сыновей. Они были мертвы давно. Ты не опоздал. И не стоит себя винить.

Кайден и не собирался. Почему он должен винить себя, если на самом деле виновата тварь, которую один глупый человек пробудил к жизни?

— А сама она...

— Видел я мало что, — это было сказано уже с раздражением и даже обидой, будто Кайден нарочно оставил наставника не у дел. — Но горело хорошо. И про дракона здесь еще долго говорить станут...

— Еще бы, — этот голос заставил обернуться. — Разве я не прекрасна?

— Прекрасна, госпожа, — Дуглас вскочил и поклонился.

— Вот и я о том же...

На Джио было алое платье из ткани столь тонкой, что платья могло бы и не быть. Дуглас поспешно отвел взгляд и густо покраснел.

А она и вправду изменилась. Пусть не исчезли никуда ни худоба, ни угловатость, но в движениях появилась та характерная змеиная плавность, которая завораживала.

Кайден поклонился.

И его благодарность приняли. Драконица взмахнула рукой, позволяя сесть, и сама устроилась у камина, почти у самого огня, который потянулся, чуя родную кровь. Рыжие косы выбрались, чтобы обвиться вокруг тонких запястий.

— А ты тоже думаешь, что я прекрасна? — спросила она, глядя на Кайдена рыжими глазами.

— Да. Но...

Дракона легко обидеть.

И Кайдену меньше всего хотелось.

— Тогда, может, объяснишь мне, что еще нужно этому упрямому идиоту?

— Какому?

— Тому, который сперва решил героически помереть, а теперь твердит, что недостаточно хорош, — верхняя губа дернулась, обнажив ряд острых длинных зубов. — Будто я сама не способна решить, что для меня достаточно хорошо, а что нет.

— Значит, Змей действительно жив?

— Жив, — подтвердил Дуглас, отворачиваясь от камина. В свете пламени ткань и вовсе почти растворилась. А Кайден подумал, что зря люди так опасаются чужой наготы. Красиво же. Кожа драконицы будто светилась изнутри, и если приглядеться, можно было различить удивительный узор чешуи.

— Он здесь?

— А где еще? То поместье объявили собственностью короны. Пускай себе, все одно через пару недель обвалится.

— Я счел возможным предложить наш дом, как убежище...

— Представляешь, этот идиот... не ты, Дуглас, другой идиот... то есть, я тебя считаю в достаточной мере сообразительным. Для человека ты вообще почти гениален...

Дуглас только закричал.

— ...он заявил, что я обязана вернуться и служить королю. И сунул мне под нос обломок моей флейты.

— Он хоть жив остался?

— Только руку сломала.

Похвальная сдержанность.

— Этот мальчишка и вправду решил, будто сохранит надо мной власть теперь? — огня вокруг стало больше, и короткие волосы поднялись пламенеющей короной. — Каждый день ходили. Сперва уговаривали, потом угрожать стали. А я, может, не в настроении. У меня, может, сердечная рана.

— А... та... другая?

— Огонь лишил ее плоти... всей плоти, но суть не разрушил. Все же я еще слишком слаба, — Джо успокоилась столь же быстро, как и впала в ярость. — Она ушла, обессиленная, но живая. Полагаю, вернулась к тому, с кем заключила сделку.

И оскал ее стал шире.

— Словоплут получил свое.

— Канцлера Годдарда хватил удар, — Дуглас все же поглядывал на драконицу, но украдкой, осторожно, хотя не стоило обманываться, она знала об этих взглядах. И ей льстило человеческое восхищение. — Тварь получила свое, но этого оказалось мало.

— А Катарина?

— Я нашла крыс... то, что от них осталось. Но во дворец... — Джо покачала головой. — Я слишком долго была человеком, чтобы вот так просто обрести полную силу. Мне понадобятся годы и годы...

Она обняла себя, и на коже проступили мелкие чешуйки.

— Меня хватит, чтобы местные маги держались в стороне, но... — хрупкая фигурка вдруг задрожала. — Здесь все еще холодно...

Пламя окутывало ее мягким плащом, но силы его не хватало, чтобы согреться. И прежде чем Кайден задал вопрос, драконица поднялась.

— Я ждала тебя, дитя Дану.

— И отнесешь меня к королю?

— Убивать станешь? — поинтересовалась она.

— Зачем? — Кайденом облизались сладкие пальцы. — Я уже взрослый. Я уже не убиваю людей просто потому, что они мне не нравятся. Поменяемся.

И драконица засмеялась.

День.

И снова день.

Ожидание. Время тянется медленно. И дни похожи друг на друга. В них пробуждение. И тихие шаги служанки, которая огромным крюком раздвигает шторы. Солнечный свет пробивается сквозь стекла робко, будто не до конца веря, что позволено ему коснуться дубового паркета.

Следом поднимаются крылья балдахина.

И чей-то голос говорит:

— Пора вставать, госпожа.

И Катарина встает. Позволяет себя омыть. С нее снимают ночную рубашку, промокшую за ночь от пота — сны всякий раз иные, но пробуждение всегда мучительно — и протирают кожу лимонным соком. Набрасывают другую.

Заплетают волосы.

Накладывают на лицо маску, которая должна бы избавить Катарину от веснушек, но не избавляет. И это заставляет служанок кривиться. Им не понятно, как дама благородная позволила себя так запустить. Ей правят брови.

Выравнивают цвет лица пудрой.

Рисуют губы.

Набрасывают платье, одно из многих, что подходят ее статусу. И все до одного эти платья кажутся невероятно неудобными. Но Катарина терпит.

Завтрак.

Порой ей позволено завтракать здесь же, в отведенных ей покоях, и тогда Катарина получает немного тишины. Но чаще всего она удостоивается высокой чести завтракать с королем.

Ее место — по левую руку, тогда как по правую сидит Маргарет.

Сестра Катарины, безусловно, прекрасна. И знает о своей красоте. И совершенно искренне не понимает, почему Джону мало этой красоты. Она смотрит на Катарину то с яростью, то с откровенной ненавистью, видя лишь в ней угрозу супружеской своей жизни. Но Марго достаточно умна, чтобы не перечить мужу. А тот делает вид, что всего-навсего любезен.

...сплетничают.

О ней.

О нем.

И Марго, слушая эти сплетни, собирая их, как собирают драгоценные камни, все же держит лицо. Она любезна с дорогой сестрой, которая некогда тоже носила корону.

...которая носила корону святого Эдуарда, тогда как саму Маргарет не короновали. И это тоже злит, подчеркивая уязвимость ее нынешнего положения.

— Дорогая сестра, — Джону нравится говорить вот так, подчеркивая родственную эту связь, в которую никто не верит. И старший жрец хмурится, но и он не смеет перечить королю. — Вы выглядите чудесно.

По лицу Марго пробегают тени.

А Катарина отвечает милой улыбкой. Ей ничего-то и не осталось, кроме этих улыбок, памяти и ожидания.

Еще день.

И потом второй. И третий. Вечером, когда служанки покинут ее, Катарина оставит на столбике кровати очередную черту, на сей раз ножом, благо, никто не прячет от нее ножей, и пересчитывает

предыдущие. И скажет себе, что времени прошло слишком мало.

Что сердце не обманешь.

И Кайдэн жив.

Он скоро вернется. Куда бы он ни исчез, он обязательно вернется.

Завтра.

Или...

Сегодня на Катарине платье темно-винного цвета, оно кажется почти черным, и украшено лишь вышивкой. Платье оттеняет неестественную белизну кожи. Забранные наверх волосы делают лицо уже, и глаза кажутся неестественно огромными.

Поднимается за плечами воротник — они вновь вошли в моду и стали еще больше, чем прежде. Воротник пристегивают к платью тщательно, ведь это подарок короля, и стоит он, кружевной, расшитый жемчугом, невероятно дорого. И в глазах всех, кто окружает Катарину, именно цена является лучшим подтверждением королевской любви. Правда, у королевы воротник еще дороже, но ведь так и должно быть.

Катарина трогает колючее кружево пальцами.

Сколько он выдержит?

Еще неделю?

Две?

Когда сестрица объявит о беременности? И целители подтвердят, что она и вправду в положении? Будет ли Джон ждать рождения ребенка? Возможно, он и планировал, но те взгляды, которые он бросает на Катарину в последнее время говорят, что терпение короля вовсе не так и безгранично. А значит...

Что ей делать?

Проявить благоразумие? Согласиться? Жить... при дворе, занимая место по левую руку короля? Стать любовницей? Фавориткой? Другом? Принимать милости и, быть может, включиться в общую игру с властью? Это несложно. Многие, чувствуя перемены, ныне готовы предложить поддержку взамен на...

— Мой отец, — Катарина отвернулась от зеркала. — Проводите меня к нему.

Служанки переглядываются, и растерянность их очевидна.

— Но...

— Кто может решить этот вопрос? Будьте любезны...

Они уходят.

А Катарина присаживается.

Если она откажет... Джон не насильник. Наверное. Потому что этого, нового Джона, она не знает. Но ей все равно хочется думать, что и этот, новый, достаточно избирателен, чтобы побрезговать насилием. Скорее всего, он примет отказ. А потом?

Отошлет ее?

В монастырь? Или в Королевскую башню? Или... все же протянет желтый венец, завершая чужую сделку? Камни тоже снились и часто, и во сне Катарина тянулась к проклятым алмазам, зная, что не устоит.

...та, другая, она ведь не сумела...

И Катарина не лучше.

Пускай. Она знает, у кого спросить. Правда, вряд ли получит ответ.

Глава 44

Появился Сиддард.

В желтом дублете, щедро украшенном вышивкой, в алом джеркине, поверх которого лежала широкая цепь, он воплощал собой образец изысканности и той нелепой красоты, к которой Катарина, как ей казалось, привыкла.

Но нет.

Вдруг показалась странной и одежда эта, слишком широкая, не по погоде жаркая из-за ваты, которую напихали, делая дублет плотнее. И сам человек, ее надевший.

Узкие штаны. И поверх них другие, невероятно широкие, украшенные бантами и шелковыми розетками.

Туфли на низком квадратном каблуке.

Драгоценности.

— Не сидится на месте?

— Неужели моя просьба представляет такую... сложность в исполнении? — Катарина приняла руку.

— Отнюдь. Но что-то прежде ты не спешила проведать его.

— Увы, вам ли не знать, сколь тяжело мне пришлось, — она позволила поднять платок и коснуться краешком его глаза, осторожно, не желая потревожить краску. Сегодня Катарине нарисовали лицо совершенной красоты. — И мне понадобилось время, чтобы прийти в себя. Джон был так любезен, что предоставил его. А теперь я желаю исполнить свой долг дочери.

Ей не поверили.

Но из комнат позволили выйти. И это было хорошо. Снова мелькнула мысль, что стоит бежать, но Катарина в очередной раз ее отбросила. Она не столь ловка, чтобы обмануть стражу, да и вряд ли уйдет далеко. Мир и вправду не всегда добр.

И далеко не чудесен.

А магия спит. И Катарина не знает, вернется ли. Но она подождет... еще ведь есть время. Совсем немного, судя по тому, как стала вести себя Марго, но есть.

Сиддард больше не заговаривал, верно, устал изображать из себя кавалера, но так было даже лучше. Думать не мешал.

— Ты знаешь, что он собирается казнить Грейсона? — он решился нарушить молчание, лишь оказавшись за границей старого дворца. Выходит, отца лишили прежних покоев. Впрочем, не удивляло, ведь места во дворце всегда меньше, чем желающих служить королю.

— За что?

Не то, чтобы Катарина испытывала симпатию к этому человеку, который столь же наверняка не испытывал симпатии к самой Катарине, но все же... прежде он был верен Джону. А Джон не раз повторял, что его сила в друзьях.

Ненадолго же этой дружбы хватило.

— За попытку убийства. Твоего. Он нанял каких-то... — Сиддард поморщился. — И ладно бы нанял, но вздумал хвастать, что скоро ты перестанешь быть проблемой. Джону донесли... он задал вопрос, а Грейсон не стал скрывать.

— Но я жива.

За очередной дверью скрывалась лестница, и вела она вниз, в темноту и сырость. Катарина поежилась. Вдруг сердце кольнуло страхом. А если Джон передумал? Если он так обрадовался новости, — а сестра не стала бы скрывать, — что осознал, кто ему нужен на самом деле. Если...

— Именно. Ты жива. Те неудачники исправились. А Грейсона все равно казнят.

— Это неправильно, — прежде Катарина была в достаточной мере осторожной, чтобы не обсуждать решения короля, при том не так уж важно, о каком короле шла речь.

— Именно, — Сиддард дернул шеей. — Мы... втроем многое прошли. Мы помогали твоему отцу устроить тот побег. И Грейсон рисковал своей шкурой, когда тащил Джона под Вельгом.

Он пропустил Катарину вперед.

— Что внизу?

— Старый дворец. Говорят, его строили еще римляне. Не скажу, что там уютно, но этот ублюдок не заслужил большего. Целители говорят, что скоро его можно будет отослать домой. Только...

— Джон его не отпустит.

— Именно. Вижу, ты и вправду его понимаешь.

— Я... попробую поговорить.

— Добрая?

— Нет. Но он верен Джону. А верными людьми не стоит разбрасываться, — Катарина подняла юбки. Лестница была узкой, с крутыми ступеньками. — Да и делить нам нечего. Я действительно хотела уехать.

— И мне жаль, что не вышло.

Катарине тоже.

Это было почти заключение мира.

А лестница закончилась в узком же коридорчике, и Сиддард распахнул очередную дверь, поклонился, в кои-то веки без скрытой издевки, сказав:

— Прошу.

В комнатухе пахло болезнью. Мочой. Потом. Горечью разбитых надежд. И человеческим бессилием. Здесь горел один камень, и света хватало, ибо комната была столь мала, что в нее и кровать-то вместились с трудом. На кровати, в густом меховом одеяле, в котором Катарина с трудом узнала отца. Зато женщина в темных жреческих одеждах узнала Катарину, вскочила, согнувшись в поклоне и вышла, повинувшись знаку.

— Здравствуй, — Катарина подвинула камень. И отсветы его блеснули в темных глазах отца. — Я пришла. Зачем? Не знаю. Сказать, что жива... несмотря ни на что.

Губы лежащего дернулись.

— Но ты этому не рад, верно? По твоей задумке... что должно было произойти?

Она не стала присаживаться рядом, уж больно воняли меха.

— Не скажешь? Тогда... если я угадаю, закрой глаза. На это ты способен?

Человек в постели закрыл глаза.

— Чудесно. Знаешь, я все думала, почему мы так похожи, я и та девушка... а потом поняла. Она ведь мне сестра, верно? Ты взял не только карту и жизнь своего друга, но и его жену.

Глаза вновь закрылись.

— Ты обещал той твари... что? Дитя своей крови? То, которое должно появиться на свет. И верно, обрадовался, узнав, что это дитя будет не от моей матери, так?

Катарина вглядывалась в узкое лицо, пытаясь понять, каким он был. Красивым? Несомненно. А еще богатым, знатным... та женщина, променявшая герцогскую корону на любовь, скучала ли она по дому? Думала ли о том, чего лишилась? Возможно, что нет, но как устоять перед изящным кавалером? А он? Для него она кем была? Вряд ли любовью всей жизни, скорее способом развеять скуку.

— И поэтому позаботился о вдове. Она ведь овдовела еще тогда, так? Просто вы никого не стали ставить в известность. Да и кому интересны дела колоний? Но ты взял семью под свое крыло, занялся ее делами. Нанял управляющего.

Снова закрытые глаза.

— Не потому, что чувствовал угрызения совести, нет, на это ты не способен. Скорее дело в том, что

ты понимал, насколько опасно не исполнить обещание...

Катарина все же наклонилась, коснулась пальцами влажной кожи.

— Правда... все вышло не совсем так, как ты хотел, да? Вернулся домой и узнал, что законная жена тоже подарила дочь? Что мы родились с разницей... какой? Два месяца? Три?

От него пахло мертвечиной.

— И ты не знал, которая из нас... хотелось бы верить, что, будь у тебя выбор, ты не отдал бы меня, но мы оба знаем, что отдал бы. Поторговался бы, конечно, но в итоге...

Она позволила себе вздохнуть.

— Это ведь по твоему заказу из одного венца сделали два. А после добавили браслеты, серьги и прочее. И ты отправил парюру в подарок дочери... той, другой, дочери... она знала правду?

Молчание.

И взгляд такой яростный.

— Конечно, нет. Ты не мог допустить, чтобы пошли дурные слухи. И твоя любовница, ставшая верным другом, полагавшая, будто все, что ты делаешь, ты делаешь для них... она не удержалась и похвасталась сестре... и умерла, ибо венец предназначался не для нее, так? А после ее смерти украшения отошли Катарине.

Странно было произносить свое имя, называя другую женщину.

Было ли ее жаль?

Да, пожалуй.

Испытывала ли Катарина обиду? Нет. Она бы не удивилась, узнав, что есть у нее и другие сестры или же братья, но... правда была в том, что она не хотела знать.

— И тогда все началось? Дитя твоей крови... но не то, так? Почему? Она была слабее? Или дело в даре? В том, который заперли? — Катарина подняла руку и позволила рукаву соскользнуть. — Это тоже была твоя идея? Ты знал, что зачать Генрих не способен, но разве ж он признал бы это? А вот предложение превратить меня в сосуд, запереть всю силу в теле, сосредоточить...

Отец захрипел.

— И что тогда? Она бы получила не только тело, но и силу, которой... что? Хватило бы на перерождение? Или на возрождение? Ты подкармливал ее... ты приручал... ты надеялся... на что? Стать хозяином существа столь древнего и чудовищного, что никто не осмелился бы оспорить твою власть?

Катарина поправила рукав и кружево манжет пригладила.

— Но Джон вмешался и все испортил. Он и я. Я потратила силу не на то, верно? И божество обиделось. Оно уже убило один сосуд, слишком слабый, чтобы выдержать иную суть, и затаилось, выжидая другой. А тут такое разочарование.

Из горла отца донесся хрип. Он отчаянно моргал, явно пытаясь что-то сказать. Катарине хотелось бы думать, что он просил прощения, но она слишком хорошо знала человека, от семени которого появилась на свет.

— Знаешь, а ведь он тоже рано или поздно, но рискнет повторить твой путь. И думаю, с тем же результатом. Вы так похожи, что я не удивилась бы, узнав, что Джон — твой сын. Но это не так, да? Ты не настолько безумен, чтобы допустить кровосмесительную связь. Вы просто слишком давно знакомы. И ты растил его, точно также, как растил ту тварь, приручал, воспитывал, вкладывал в его голову нужные тебе мысли... и могу уверить, у тебя получилось. По крайней мере одно чудовище ты в мир выпустил.

Она отступила.

— Хочешь, я попрошу Джона, чтобы тебе выделили другие апартаменты? Скажем, с видом на сад. Или хотя бы с окнами? Я не уверена, что он прислушается, но попросить ведь можно, верно? Другое дело, что он захочет взамен. И будет ли у меня желание платить его цену.

Глава 45

Змей держался на ногах, хоть и с трудом. Он шел, сгорбившись, скособочившись, прижимая правую руку к правому же боку, а левой еще и придерживая. И вид его был столь жалок, что Кайден отвернулся.

— Вот скажи, почему я не должна его усыпить? — поинтересовалась Джо, щурясь. Солнечный свет окутывал ее, и короткие волосы цвета пламени слабо светились.

— Потому что я не прощу.

— Ты же меня бросаешь.

Змей засопел.

— Или нет? Видишь, какой бестолковый... а главное, хрупкий. Я ему говорю, прими нормальный облик...

— Полудохлая змея ничем не лучше полудохлого же человека.

— Она красивей, — возразила Джо, уперев руки в бока. — И мы оба знаем, что в истинном обличье восстанавливаться куда легче. Или тебе просто нравится, что я дурью маюсь у постели умирающего.

Гевин осторожно распрямился.

— Так мы летим?

— Мы, — согласилась Джо. — Мы летим. А раненые нам без надобности...

— Между прочим, я королевский поверенный...

— А он дознаватель.

Кайден не вмешивался. Как-то еще отец, помнится, предупреждал, не стоит вставать между драконом и его добычей, а сейчас Джо была настроена весьма серьезно.

— Вас... дальше ворот не пустят...

— Ворота мне как-то без надобности, — она дернула обнаженным плечом. — Меня и крыша вполне устроит. А крыши там весьма удобные...

Джон снова пил.

Вино.

Он разбавлял его водой и пил. Много. Закусывал гусиным паштетом, который пальцами выковыривал из тарелки, скатывая в шарики. Шарики отправлял в рот, а пальцы вытирал о скатерть.

— Значит, Сид нажаловался-таки? — поинтересовался Джон, наполняя кубок вином. И протянул Катарине. — А ты и пожалела? Он ведь тебя убить собирался.

Кубок Катарина взяла. И даже сделала вид, что пригубила, хотя этот обман и не укрылся от взгляда Джона.

— Тебя ведь не это задевает, — она позволила себе присесть. — А то, что он твоего разрешения не спросил.

— С этого все и начинается, — кивнул Джон.

От него пахло спиртным и еще несвежим телом, и духами, аромат которых витал в комнате, мешаясь с иными, исконно мужскими. И кого он пригласил в свои покои?

Впрочем, так ли важно?

— Сперва он забывает спросить о том, что полагает мелочью, после вовсе решает, что спрашивать нет нужды, что он способен и сам решать за своего короля. А там приходит к выводу, что и король не больно нужен.

— Он твой друг.

— Он забылся. Король не может позволить себе дружбы...

Как и любви.

— Но ладно... я добрый... — Джон махнул рукой. — Я готов исполнить твою просьбу и помиловать этого идиота... но что я получу взамен?

— А чего ты хочешь?

— Ты знаешь, — его губы тронула улыбка, которая показалась Катарине издевательской. А ведь... ему нравится, определенно, нравится, что она вынуждена прийти к нему с этой просьбой. Сама. — Твоя сестрица оказалась весьма ответственной и понесла. Надеюсь, она ждет мальчика.

А если девочка?

Девочки короне не нужны. От девочек одно беспокойство, и не потому ли обе сестры Джон так и не вступили в брачный возраст? Старшую унесла простуда, а с младшей произошел несчастный случай.

— Не смотри так, я не чудовище... я просто подумал, что хорошо будет, если и ты... — он нарисовал знак. — Кто-нибудь из вас да родит мальчишку...

Он ведь не всерьез?

Или...

— Ты все также наивна, — Джон покачал головой. — Иди. Скоро мы встретимся. И я надеюсь, что к этому времени ты решишь, что для тебя выгодней...

У Катарины получилось не расплакаться.

А в коридоре она столкнулась с Марго. И прекрасное лицо Маргарет исказила гримаса, впрочем, она быстро, куда быстрее, чем Катарина когда-то, взяла себя в руки.

— Мой супруг...

— Пьет, — жестко оборвала ее Катарина и, взяв за руку, потащила прочь. — Идем. Пришла пора поговорить.

Она и без того слишком долго позволяла себе прятаться, надеясь, что ее спасут, что как в сказке. Но сказки не будет, а стало быть, пришло время позаботиться о себе самой.

— Что ты... отпусти, — Марго дернула рукой.

— Хочешь, чтобы я ушла?

— А ты хочешь уйти? — Марго вскинула подбородок, но больше не произнесла ни слова. В коридоре ее окружила стайка придворных дам, избавиться от которых вышло лишь в покоях Катарины. Да и то... Марго притворила дверь и сказала:

— Подслушивать будут. Но ничего особого не услышат, — на столике появился камень. — Значит, ты не слишком рада возвращению?

— Нет.

— Скучаешь по своему любовнику?

— И по своей свободе.

Ей не слишком поверили, ведь, если тоска по мужчине понятна, то свобода слишком уж... странное понятие.

— И чего ты хочешь от меня? — Маргарет присела у окна в кресло и смерила с раздраженным взглядом. — Если думаешь, что я помогу тебе бежать, то нет.

— Почему?

А ведь сестра куда красивей, чем была Катарина в ее годы. Белая кожа словно светится изнутри. Черты лица тонки. Волосы подобны чистому золоту.

Ей не нужна пудра.

И отбеливающий крем. Помада. Румяна. Она прекрасна в своей естественности, и нынешний наряд,

показавшийся бы простым, не будь он сшит из индийского шелка, лишь подчеркивает эту красоту.

— Потому что я не хочу вызвать гнев моего мужа. Он почему-то решил, что жить без тебя не может. Но мы обе знаем, что это просто прихоть. Он как дитя, которому долго не разрешали брать отцовский меч, и теперь он до него, наконец, дотянулся. Но скоро он поймет, что меч этот стар и давно уж негоден, что есть куда более совершенное оружие... мне нужно лишь подождать.

— И ты не боишься?

— Тебя? — в глазах Марго блеснули смешинки. — Нет. Злюсь, естественно, но это тоже пройдет. Я знаю, чего хочу.

— И чего же?

— Быть королевой. Не год. Не пять. А долго... до самой смерти. Сперва при муже, затем при сыне, который скоро появится на свет, — ее руки накрыли живот.

— А ты знаешь, что... и я могу родить дитя.

От одной мысли о подобном к горлу подкатила тошнота.

— Тогда надейся, что родится девочка... — Марго поднялась. — А в остальном, дорогая сестра, твое присутствие, конечно, меня не радует, но я потерплю. Ты же... подумай, что будет потом, когда Джонни потеряет к тебе интерес.

Она ушла, оставив Катарину в одиночестве. И звон женских голосов за стеной заставлял ее вздрагивать, касаться шеи, думать, что выход, кажется, остался лишь один. И что Катарине несказанно повезло, что комнаты остались прежними. Впрочем, разве можно выделить королеве покой, которые не соответствуют ее положению?

Катарина встала.

Подошла к зеркалу.

Стара ли она? Наверное. Двадцать семь — это много, чудовищно много... и красота ее почти увяла. Пусть морщин пока нет, но они появятся. Может, уже появились? Может, прячутся под слоем пудры, которой вдруг показалось слишком много и Катарина потянулась за полотенцем. Она терла лицо, до красноты, до боли, а отбросив полотенце, все-таки расплакалась. И отражение стало еще более уродливым.

Да кому она нужна?

Джону? Смешно. Права Маргарет, Во всем права. Джон видит не Катарину нынешнюю, но ту девочку, которую когда-то не смог получить, которой почти признался в любви... а если бы признался? Если бы предложил бежать? Да хоть на край мира... но нет, не предложил бы.

Он выбрал корону.

И выберет вновь.

А в Катарине весьма скоро разочаруется. И тогда... так стоит ли оно мучений? Катарина смахнула слезы. Сделала вдох. И выдох. И улыбнулась себе, пусть улыбка и была вымученной. Да, пожалуй, так будет правильное всего. И давно надо было...

...этот флакон, стесняясь и отводя взгляд, протянул палач.

Темное стекло. Узкое горлышко, залитое воском. И тонкий запах паленого мяса, что привязался то ли к воску, то ли стеклу. Запах исходил от палача.

— Выпейте, — сказал он шепотом. — Когда... объявят... оно-то... полегче станет.

И Катарина обрадовалась.

— Оно-то, конечно, грех, но... — он развел огромными ручищами, не способный найти слов.

— Что это? — Катарина спрятала флакон в юбках, а потом уж спросила.

— Лютиковы слезы. Теща моя-то знатная ведьма... сама дала... сказала, мол, отнеси, а с нею спорить, — он вновь вздохнул и махнул, сетуя, что связала его жизнь с ведьмой. — Коль три капли, то успокойтесь. И боли не будет. Когда больше...

Он замолчал, не смея произнести то, что свяжет его со смертью, пусть и добровольной. А Катарина,

сняв перстень, протянула его.

— Передайте вашей теще мою благодарность.

Тот пузырек и вправду ее успокаивал. Призраком выбора, шансом избавиться от боли. И порой ей хотелось просто взять и... она доставала его из тайника, любовалась неровностями стекла, грела в ладонях.

Лютиковы слезы — мягкий яд.

И смерть от него похожа на сон, тот, который никогда не заканчивается. И пусть он не пригодился тогда, но Катарина, повинаясь порыву, забрала флакон, чтобы спрятать в новых своих покоях. Надо же, не зря. Она смахнула пыль со стекла.

Коснулась потемневшего воска.

Лютиковы слезы... она читала про них. Потом уже, когда призрак смерти отступил, когда стало любопытно и появилась убежденность, что палач солгал.

— Не сегодня, — Катарина прижала флакон к щеке, согревая теплом.

Лютиковы слезы делают из тех лютиков, которые прорастают на могилах, чтобы в полночь раскрыть желтоватые лепестки и наполниться лунным светом. И уж он, смешанный с росой, становится ядовит. Его собирают осторожно, ибо одного прикосновения хватит, чтобы душа отравилась, а там и тело заболит, ослабеет, истает, сил лишившись.

И хранят их в темном стекле.

И берегут, ведь день ото дня, год от года яд становится лишь крепче.

А если... ведь не обязательно самой уходить. Капля в кубок с вином, и Джон заболит. Не сразу, нет, лютиковы слезы коварны. Он просто сделается мрачен, и все спишут эту мрачность на похмелье. А там еще одна капля... и еще... трех хватит. Или четырех?

Для сестры тоже останется.

Она сама виновата. Она не пощадит Катарину, что бы ни говорила теперь. Она дожидется своего часа, чтобы отомстить за обиду, нанесенную мужем, будто это Катарина виновата.

Ярость исказила черты.

И вдруг показалось, что в волосах вспыхивают золотые искры камней.

Нет.

Катарина отступила от зеркала. Не станет она никого убивать.

Или все-таки... она имеет право себя защитить. И когда Джона не станет... она ведь была коронована и в отсутствие иных наследников может предъявить права на престол. Ее поддержат. Найдутся те, кому Катарина будет выгодна в роли королевы. А она позволит верить, что все еще слаба, что ею можно управлять, что...

Камни горели ярко.

Катарина почти чувствовала их. Подними руку и коснешься, столь гладких, раздражающе близких. И подняла. И убрала.

Это не она.

Не ее голос.

Не ее мысли. Вот только ни уходят. Разве не обидно ей? Всю жизнь отдать на чужие игры? Неужели не хочется сыграть самой? Отплатить болью за боль, страхом за страх? Хочется. Она ведь живая. Но не станет. И вовсе не потому, что Катарина готова прощать, нет. Она просто боится.

Чего?

Она помнит тело в пруду. Улыбку на губах. И руки, что прикрывали развороченное чрево, в котором пряталось чудовище. Она понимает, что как сосуд больше не годна, а потому знает, какую цену тварь попросит за помощь. И нет. У Катарины нет пока детей, но и обещаний давать она не станет. Она помнит те страшные сказки, когда данное слово оборачивалось бедой.

Дура?

Быть может.

Она вернула флакон в тайник. Сколько у нее дней? Сколько ни есть, а все ее. И отвернувшись от зеркала, которое теперь отражало Катарину, но взбудораженную, с растертыми докрасна щеками, со всеми морщинами и близкою ее старостью, вышла из комнаты.

Кивнула стражнику, который возник будто бы из ниоткуда, и велела:

— Сопроводи меня. Я хочу прогуляться по саду.

Перечить ей не посмели.

Все-таки она королева... все еще королева.

Спина дракона пылала жаром. И жар этот пробирался до самых костей. Кайдену казалось, что еще немного, и он вспыхнет. А вот Змей ничего, только щурился блаженно и растекался по широкой спине, пытаясь обнять ее. Он приоткрыл глаза, желтые, что расплавленное золото, и закрыл их.

Кайден же вцепился в острый хребет.

Вниз он старался не смотреть. Героям не положено бояться. И это не страх. Просто... просто земля далеко. Слишком уж далеко. Поля, леса крохотными одеяльцами. Реки-нити. И горы будто игрушечные... и мутит от того. И Кайден борется с дурнотой, смутно подозревая, что если не одолеет, то просто-напросто полетит вниз.

— Не смотри туда, — Змей все-таки заговорил.

— Я не смотрю.

— Смотришь.

Города-городки, деревушки... и кажется, люди внизу суетятся. На муравьев похожи. Ветер в лицо ледяной, шкуру дерет, а снизу дракон пылает. Да лучше бы верхами... или по реке... всего-то пару дней.

Кайден сглотнул.

Или вот туманной тропой пройти можно было бы... без оружия, конечно, рискованно. Да и ослаб он изрядно, но если попросить кого...

— Она говорит, что не хочет домой. Что слишком многие там помнят ее глупость. И помнить будут долго, — Змей как-то приподнялся, выгнулся, принимая ветер. А дракон рыкнул, то ли сам по себе, то ли со смыслом. Из пасти его вырвалось пламя, которое пролетело, попыталось вцепиться в волосы, но потухло, сорванное ветром. — Я предложил Шотландию. Там, правда, погода довольно мерзкая, но в пещере можно будет очаг сложить...

— Значит, договорились?

— Можно подумать, у меня выбор есть, — это было сказано почти с гордостью. — А ты, дитя Дану, думал, куда уйдешь?

— Нет. А надо?

— Не знаю. Но люди злопамятны. Особенно короли. Этот и вовсе... — Змей поморщился. — Я бы не стал служить ему, если бы не обстоятельства. Тот человек, которого все полагают моим отцом, наделал много долгов.

Драконница влетела в стаю птиц, и Кайден распластался на пылающей шкуре, мысленно проклиная бестолковых пернатых, что носились вокруг, роняя дерьмо и перья. Хорош он будет, однако.

— А еще связался не с теми людьми, — Змей отмахнулся от бьющейся пичуги, скинув ее куда-то в бездну, которая стала еще более бездной, ибо теперь Кайден не мог разглядеть ни рек, ни земель, только туманную белизну под драконьим брюхом. — И брата втянул. А матушка его любит.

— Она...

— Жива. Не помнит ничего... твой человек отправил ее во Францию. На воды. Сказал, что уезжать не хотела, да... за меня волновалась. Глупая. Знает же, что не родной, а все равно... — он покачал головой, удивляясь такой странности. — Я позабочусь, чтобы она ни в чем не нуждалась. Я теперь хорошо слышу золото. И позвать сумею. Наверное. Кевин за ней присмотрит. Джио сказала, что он понял все... и действительно присмотрит. А твой человек найдет кого-то, кто присмотрит и за ним. И потом я сам... позже.

Гевин вздохнул.

— Мне предложили выкупить их жизнь. На того человека плевать. Но матушка бы пострадала. Да и Кевин... слабый, но я к нему привык. Я тяжело привыкаю к новому. Сказали, что я должен присмотреть за своей кузиной. А заодно за всем, что происходит вокруг. И призвать солдат, когда начнется битва.

— Ты не призвал.

— Люди там были лишними. Мне показалось, что не стоит давать ей новую пищу, вот и... солдаты пришли позже.

— И выкинули тебя из дома.

— Примерно так. Но службу я исполнил. Знаешь, мне кажется, что если бы не Джио, меня бы добили.

Змей замолчал. А Кайден согласился, что подобный исход был вполне себе вероятен.

— А еще я должен был сообщить, если ты объявишься.

— И ты...

— Сообщил. Клятва как-никак. Но теперь я и вправду свободен. Я знаю одно место. Холм. Он огромен. И каменист. Но под камнями прячется трава. Она мягче и зеленей любого, сотворенного людьми ковра. И по весне на траве распускаются цветы... неподалеку скрыт родник, его воды холодны.

— Она оценит.

— Надеюсь.

— Построй дом. На холме.

— Зачем?

— Мало ли... вдруг когда-нибудь захочется побыть человеком, — Кайден все-таки выпрямился и, поддавшись искушению, раскрыл руки, принимая ветер. — Это ведь не так и плохо, когда привыкнешь.

Королевский дворец был подобен драгоценному камню в беломраморной оправе. И яркая зелень дворцового парка лишь подчеркивала, что белизну, что сияние крыш.

Драконница сделала круг.

И второй.

Опустилась ниже. И еще ниже. Кайден видел, как засуетились люди. В чем-то он даже их понимал, ибо драконница была огромна, устрашающая и в то же время прекрасна, как может быть прекрасно первое творение богов.

Завидев что-то, она издала протяжный вибрирующий звук, и мир будто бы замер.

А сердце заколотилось.

— Сиди, — дотянувшись, Змей вцепился за руку. — Ей вряд ли понравится, если ты себе шею свернешь.

Катарину он узнал сразу. Она стояла.

У пруда.

Хрупкая фигурка в нелепом наряде, слишком роскошном, слишком темном, слишком тяжелом для его девочки. Она стояла и смотрела.

Не пыталась бежать.

Не пряталась.

Робко подняла руку, то ли заслоняясь, то ли приветствуя. А крылья дракона взметнулись алыми парусами, чтобы в следующее мгновение коснуться земли и рассыпаться огненной пылью. И Кайден-таки упал на колени, и рассмеялся от переполнявшего его счастья.

Жива.

— Ты пришел?

— Ты ждала.

— Ты пришел, — она моргала часто-часто, а из покрасневших глаз сыпались слезы, оборачиваясь жемчугом. И он исчезал в зеленой траве. — Ты все-таки пришел... за мной, да?

Глава 46

Солнце.

Трава.

Ее стригут коротко и заодно уж выщипывают одуванчики, чтобы желтизной своей не портили благородную зелень газона. Иногда, в зарослях кустов, слишком густых и непроглядных, чтобы появлялось желание пробраться в них, прорастают маргаритки. Хилые и бледные, они раскрываются в жалкой попытке поймать хотя бы каплю солнца.

Маргариток было жаль.

Катарина медленно шла по дорожке, к счастью слишком узкой, чтобы хватило места и свите. Молчаливый сопровождающий ее держался в отдалении, за что Катарина была искренне ему благодарна. Собственное одиночество не тяготило, скорее уж Катарина успокоилась и даже смирилась с неизбежным. И теперь в прогулке этой, в переплетении дорожек, в болезненной идеальности окружавшего ее пейзажа, она вновь и вновь находила подтверждения, что решение было верным.

Тень скользнула по траве, ненадолго скрывшись за темным гребнем деревьев, чтобы появиться вновь. Огромная, она легла на землю, вдруг заслонив и солнце, и небо. Кто-то за спиной охнул, и Катарина остановилась.

Обернулась.

Посмотрела вверх. И закрыла глаза, не способная поверить им.

Себе.

Дракон переливался всеми оттенками алого. Он пылал, будто успел проглотить украденное солнце, и то сжигало зверя изнутри. И не только его, но и небо, окрасившееся рыжим огненным цветом.

Дракон спускался.

Медленно.

И кажется, стражник все-таки побежал. Сложного его винить, ведь зверь был равно прекрасен и ужасен. И Катарине подумалось, что, верно, отец был вовсе безумен, если пленил такое чудо.

А дракон коснулся земли.

И исчез.

Катарину овеяло жаром, на который радостно отозвалась кровь, пробуждая придремавшую было силу. И никуда-то она не исчезла, но уснула. А теперь проснулась вот.

— Здравствуй, — сказала она тому, кого больше не ждала.

Или все-таки?

Сказала без слов, ибо губы вдруг присохли друг к другу, а платье, достойное королевы, сделалось невыносимо тяжело. Но он услышал.

Понял.

И ответил.

— Ты пришел, — она потянулась, страхась одного, что все истолковала неверно, что он пришел, но не за ней, а по иной какой-то надобности.

— Ты ждала, — Кайдэн стоял, такой невероятно близкий, и все же она страшилась коснуться, убедиться, что не мерещиться ей, что он — все же не призрак, что...

— Ты пришел. Ты все-таки пришел... за мной, да?

Он коснулся ее ладони. И обнял. Поднес к губам. Его дыхание опалило запястье, а сам он... сам он обнял Катарину.

— Я заберу тебя. Если хочешь.

— Хочу.

— Правда, не знаю, куда. Змей предлагает Шотландию...

— Вообще-то не тебе, — мрачно отозвался Гевин, который стоял здесь же, пусть босой и нелепый немного в простом своем одеянии.

— Там, говорит, красиво...

— Свое место придумай.

— Зеленые холмы и все такое... я замок построю. Хочешь?

— Хочу.

— В Шотландии?

— Не важно, — она покачала головой и вдруг с раздражением дернула рукав. Подбитый ватой, тяжелый, он крепился к платью шелковым шнуром, и эта конструкция вдруг показалась донельзя нелепой.

Как и воротник размером с тележное колесо.

И сюрко, расшитое золотой нитью столь плотно, что и ткани не видать. И котта из темного бархата. Зачем это все?

— Тогда потом вместе решим. Слетаем и решим... или лучше не Шотландия? Отец рассказывал, что давно, когда мир еще был другим, дети Дану пришли из страны зеленых холмов, где зимой было так холодно, что птицы вмерзали в небеса, а летом столь жарко, что земля раскрывалась, выпуская столбы кипящей воды...

Если смотреть в его глаза, то можно и поверить.

В эту землю, имя которой забыто. В то, что им и вправду позволят уйти.

— А еще там море живо. И киты приходят к берегам, чтобы спеть песню о любви. Он говорил, что киты поют не хуже русалок...

— У твоего отца просто вкус извращенный был.

— А ты не мешай, — Кайден встал между Катариной и Змеем, будто опасаясь, что именно он будет более интересен. И даже нахмурился. Сказал. — Не слушай его. Он вообще... напросился...

Не будет.

Кайден похудел. Истончился. И черты его лица стали еще менее человеческими, нежели прежде. Катарина коснулась впалой щеки. Провела пальцами по острой скуле...

— Это все-таки ты. И жив.

— Жив.

Если часто моргать, то получится сдержать слезы. Наверное. А если не получится, то Кайден сделает так, чтобы никто их не увидел. И плакать, уткнувшись в родное плечо, куда как легче, чем просто плакать. А от него пахнет дымом и свежим ветром.

Небом.

Морем.

И возможно, китами, песню которых Катарина услышит. Когда-нибудь услышит. Она судорожно вздохнула, чувствуя, как отпускает страх.

И боль.

И... и кажется, все будет немного иначе, чем ей представлялось.

— Хочешь, я убью его?

— Кого? — у нее получилось совладать со слезами, хотя сердце жгло.

— Этого вашего короля. Он тебя обидел.

— Нет. Не стоит... не надо крови. Пожалуйста.

И Кайден кивнул так, будто и не ждал от нее иного. А Джио хмыкнула:

— Вот и стоило поминать...

Наверное, Кайден все-таки не слишком сильно повзрослел, если, глядя на светловолосого человека, над челою которого возвышался золотой венец, раздумывал о том, как бы половчее свернуть ему эту венценосную голову.

И главное, даже клинки не нужны.

Люди хрупкие. Если ударить наотмашь да посильнее... но ведь не одобряют же. Змей только поглядывает, усмехаясь, небось, для него все мысли Кайдена, что на ладони.

— Доброго дня, — к чести светловолосого, он не испугался. Ни дракона, пусть и в человеческом обличье, но ведь люди не настолько глупы, чтобы подумать, будто двух магов сопровождения хватит, чтобы защититься от дракона, ни самого Кайдена. — Полагаю, что нас почтил своим визитом Теодор Гленстон?

Кайден кивнул.

Вот не нравилось ему это имя. Длинное, что змеиный хвост, но куда более бессмысленное. От хвоста, если подумать, польза имелась, а имя... сколько звуков впустую потратили.

— И мой верный слуга...

— Нет, — Гевин скрестил руки. — Договор исполнен.

— Не сказать, чтобы должным образом. Моя дорогая сестра едва не пострадала...

— Она тебе не сестра, — этот голос прозвучал тихо, но маги вздрогнули и на пальцах того, что помоложе, вспыхнул клубок пламени. Правда, тотчас разросся, заставив мага подпрыгнуть и отбросить собственное заклинание, которое вдруг утратило стабильность.

Король поморщился.

И сказал:

— Возможно, нам стоит побеседовать в другом месте? В таком, которое не на виду. Клянусь своей силой, что не причину вреда, — он поднял руку, и ее охватило зеленое пламя, показывая, что клятва услышана и принята.

Кайден взял свою женщину за руку.

— А леди Катарина...

— Отправится с нами... как ты, девонька? Совсем исхудала. Кормят плохо? Или это от нервов? Кухня, помнится, здесь была так себе, слишком изысканно, но не сказать, чтобы сытно. А нервы — это да... — Джио подхватила Катарину под другую руку. — Но ничего, в Шотландии, конечно, климат погановатый, зато никаких таких дворцов, чтобы королевских и свиты. И вообще любого, кто надоедает, сожрать можно. Потому, верно, народ там такой понимающий и ненадоедливый.

Левый глаз короля дернулся.

Но сказать он ничего не сказал.

Так и шли.

Впереди стража, толку от которой было мало, зато грохота изрядно. За ними маги.

Король.

Какой-то донельзя мрачный тип, то и дело поглядывавший на Катарину искоса. И взгляды эти Кайдена несколько нервировали. Подумалось даже, что тип — не король, и его смерть особых проблем доставить не должна...

Но тут подошли ко дворцу.

Камень.

Много камня.

Мрамор белый, что кость морского зверя. Мрамор розовый. Мрамор теплый, будто кожа. И мрамор же черного цвета. Он сотворен магией и несет в себе эхо силы, которое Кайден чувствует, как

чувствует и дрожь охранных плетений, что проросли в стенах. Они просыпались одна за другой, тонкими лозами выползали, наполняясь силой, готовые обрушиться на голову наглеца, что дерзнул побеспокоить хозяина.

Кайден остановился.

Огляделся.

И усмехнулся. Человек и вправду надеется, что родовой магии достаточно? Хотя... Кайден сюда не воевать пришел, а доказать себе, что в достаточной мере взрослый, чтобы жениться. И осторожно сжал дрожащие пальцы женщины, на чьих руках будут хорошо смотреться брачные браслеты.

Змей найдет подходящие. Наверняка среди оскудевших сокровищ его что-то этакое завалялось... да и насчет оскудения Кайден изрядно сомневался.

Очередная дверь, украшенная золотыми узорами, распахнулась, и король произнес:

— Думаю, здесь нам всем будет удобно.

Он легким шагом пересек комнату, чтобы занять массивное кресло, что стояло на небольшом возвышении. Кайден огляделся.

Комната была невелика.

Роскошна, как и все иные, через которые его провели. Окна вот красивые, из цветных стеклышек сложены. В замке Кайдена тоже такие будут, чтобы солнечный свет раскрашивать. Чтобы вот также растекался он по подоконнику разноцветными лужицами, которые тянуло потрогать, вдруг да окрасит пальцы, как от ягод.

Ковер на полу.

Картины на стенах. Блестит хрусталь. Давит позолота. Слишком уж ее много, и оттого кажется, что комната тесна. А вот мебели могли бы и побольше поставить, хотя бы парочку стульев. У Кайдена ноги устали стоять. Он, между прочем, еще недавно помирал, а тут...

Покачав головой, Кайден опустился на пол. И Змей отчетливо фыркнул, явно сдерживая смех. Вспомнилось, что Дуглас говорил, что в присутствии королей сидеть не положено. Наверное, огорчился бы, если бы тут был. Но Дугласа не было, а что до короля, устроившегося на своем парчовом троне вполне себе удобно, то он, кажется, не слишком переживает.

Может, тоже пришел к выводу, что некоторые правила на редкость бессмысленны.

— Я слышал, что у вас специфические манеры, — первым заговорил король. А тот, второй, с кислой рожей, встал за королевским плечом. Охранять собрался?

Или советовать?

— Устал просто, — Кайден ноги скрестил, и свою женщину потянул. Она, быть может, тоже устала во всех этих бархатах, в которых до человека попробуй-ка доберись. — Ты, стало быть, король?

— Я.

Король улыбнулся. Кажется, происходящее его забавляло. Но Кайден оглянулся на того, кому верил больше, чем людям.

— Он, — подтвердил Змей.

— К сожалению, — добавила драконица, тоже опускаясь на пол. Она протянула руки к камину, и поверх сушеных цветов, которыми его забивали — бабушка вот тоже полагала это красивым — вспыхнуло синеватое пламя. Запахло паленой пылью, гарью, впрочем, ненадолго.

А Катарина все-таки села.

Хорошо.

Если же обнять ее, то еще лучше... а королю не понравилось. Нахмурился, надулся, но смолчал.

— Я пришел за своей женщиной, — сказал Кайден, решив, что человеческие игры со словами ему мало интересны. — Ты забрал ее. У тебя, как я слышал, есть другая, которой ты принес клятву перед лицом ваших богов. Но людям часто становится мало. Люди жадные.

Не отпустит.

Люди и вправду жадные. И Джон, пусть держит маску, но все равно Катарина кожей ощущает его недовольство. Он улыбается, но за улыбкой чудится оскал. И Катарина крепче сжимает пальцы Кайдена. Сердце бьется в груди испуганной птицей. Раньше она не понимала, как это. А теперь вдруг осознала — и вправду птица, дай волю и выпорхнет, унесется прочь из золотой клетки.

— Мне сказали, что ты достаточно долго жил среди людей, чтобы понимать, что есть определенные правила, — голос Джона мягок, как поступь кошки в ночи. — Нельзя просто так прийти и сказать, что ты хочешь забрать мою сестру.

— Почему?

Кайден гладит руку.

Успокаивает.

И это тоже не ускользает от взгляда Джона. Он хмурится. И бросает:

— Я не думаю, что при этом разговоре должны присутствовать... женщины.

А Сиддард, занявший место за спиной, наклоняется к уху и что-то шепчет. Катарина не способна различить шепот, но вот губы Джо кривятся, а пламя в камине приседает и трещит, словно возмущается, что люди не понимают очевидного.

Катарина тоже не понимала.

— Они лишь отвлекают...

— Нет.

— Что ж... — пальцы Джона сплетаются, он откидывается в кресле и выставляет ногу перед собой. На пряжке туфель вспыхивают драгоценные камни. — Можно и так, если хочешь. Скажи, зачем она тебе? Она не так уж и молода. Красота ее уже начала увядать, а у человеческих женщин осень жизни совсем некрасива, не говоря уже о зиме.

Он говорит, глядя на Катарину. И слова подбирает так, чтобы было больнее. Он словно заглянул в собственные ее мысли, и теперь вытаскивает их, вытряхивает ее, Катарину, страхи, показывая, что вовсе не пусты они.

— Нравятся подобные ей? Во дворце хватает. Помоложе. Посимпатичней. Я позову. Выбери. И любая согласится стать твоей женой. Или не женой. Все-таки жен стоит выбирать с умом.

— Такой глупый, а еще король, — Кайден покачал головой. — Если бы я хотел вечной красоты, я бы выбрал дочь Дану. И поверь, ни одна человеческая женщина не сравнится с той, в ком течет древняя кровь.

Катарина заставила себя дышать.

— Но то, что видят глаза, пустое. Глаза часто лгут, — Кайден приложил руку к груди. — Сердцем смотреть надо. Впрочем, для тебя это слишком сложно.

Хмыкнула Джо.

А Джон нахмурился. Кажется, его давно уже не называли глупым.

— Все равно. Я не могу дать своего согласия. Она все-таки королева. А ты? Полукровка? На службе короны... — Джон приподнялся. — Ты дал клятву...

— Служить королю, — согласился Кайден, вытаскивая что-то из-за пазухи. — Лови...

Он кинул сверток в короля, и Джон поймал.

— Что за...

Алый шелк соскользнул, обнажая то, что в первое мгновение показалось Катарине куском оплавленного стекла, мутно-белого, какого-то неровного, чем-то отдаленно напоминающего голову. Но стоило пальцам Джона коснуться поверхности, и кусок ожил.

Дрогнули щелочки глаз.

Прорезалась расщелина рта, раскрылась, зевнула и закрыла.

— Так я и думал, — кивнул Кайден и, поднявшись, протянул руку. Стоило ему коснуться странного камня, как тот встрепенулся и закричал, громко, надрывно. — Ты не король. Ты только

притворяешься.

— Что за...

— Камень королей, — полушепотом произнес Сиддард, бледнея столь стремительно, что Катарина испугалась, выдержит ли сердце его. — Это... невозможно.

— Почему? — Кайден поднял ошметок ткани и поспешно закрутил орущую голову. — Мой отец получил его от своей матери. А она была королевского рода.

— Ты...

— Я отказался от одной короны, — камень все-таки замолчал, и Кайден держал его на вытянутой руке. — Мне не нужна и другая. Я пришел за своей королевой. Но если ты не отдашь ее, я выйду из этой комнаты и пройду по твоему дому, чтобы каждый, кто живет в нем, услышал радостную весть.

Кайден оскалился.

— Я слышал, что люди давно ждут возвращения истинного короля...

Джон молчал.

— Если этого будет мало, я выйду в город. И прогуляюсь до храма. Там, говорят, хранится древний венец. И любой может примерить его, рискнув жизнью. Только во мне крови хватит, чтобы венец удержался.

— Ты... у меня армия.

— Если понадобится, то и я соберу, — Кайден пожал плечами.

— Люди суеверны, — нарушил молчание Гевин. — А твоя армия состоит из людей. Рискнут ли они поднять руку на истинного короля? И обратить на себя гнев богов?

— Чего ты хочешь.

Ненависть Джона ощущалась яркой, что солнце.

— Я же сказал. Свою женщину. Я заберу ее, а ты — камень. Можешь спрятать его. Закопать. Утопить. Разделить на части? Хотя не уверен, что получится. Все-таки в нем еще та сила... или я могу дать тебе своей крови, немного, но этого хватит, чтобы камень запел, а венец принял тебя. И тогда больше никто и никогда не оспорит твое право на этот трон, — Кайден погладил камень, который вновь отозвался нервным дрожащим звуком. — Сначала я думал тебя убить. Но потом решил, что мой наставник прав и нужно уметь договариваться с людьми... у меня получается?

Джио расхохоталась, и отзываясь на смех ее пламя взметнулось к потолку, лизнуло витражные стекла, которые, не выдержав ласки, рассыпались яркими искрами.

Ворвавшийся воздух принес запах грозы.

А Джон провел руками по лицу.

— Потом ты уйдешь.

— Уйду, — Кайден притянул к себе Катарину. — У тебя здесь тесно и скучно. Мы в Шотландию отправимся. Или туда, где поют киты... говорят, киты умеют красиво петь.

Джон рванул кружево воротника.

— Мне тебя даже жаль, — губы Кайдена коснулись виска. — Тебя вряд ли отпустят их послушать.

— Катарина, — взгляд Джона остановился на ней. — Ты и вправду хочешь уйти... с этим? Ты... бросишь... свою сестру?

— Думаю, — говорить было тяжело, но Катарина сумела. — Она справится. Из нее получится хорошая королева.

...такая, которая сумеет удержать венец.

— А я... я желаю вам счастья.

Это Катарина сказала вполне искренне. Вот только вряд ли ей поверили.

Эпилог

Киты и вправду умели петь. Их голоса, протяжные, наполненные какой-то неизбывной тоски, летели над морем. И то успокаивалось, отпускало утреннюю серость, окрашиваясь в сине-зеленые тона. Оно подбиралось к самому берегу, оставляя на камнях клочья пены.

Кружили чайки.

И голоса их вплетались в чудесную песню.

— Вон там, видишь? — Кайдена развернул. — Темное...

Катарина видела.

Обрыв.

И стену, возведенную сотни лет тому. Она успела порости мхом, покрыться тончайшими трещинами, по которым поднимался все тот же вездесущий плющ. Правда здесь, на этом берегу, листья его то и дело покрывались инеем, но плющ будто бы не замечал.

Катарина видела море где-то внизу, далекое, как прошлая жизнь. И китов, что казались огромными тенями. Изредка они поднимались, и тогда Катарина замирала зачарованная, боясь спугнуть это, ставшее вдруг близким, чудо.

— Замерзнешь, — проворчал Кайдена, поплотнее укутывая ее в плащ из меха невероятной белизны. Катарина все собиралась спросить, что за зверю принадлежал он, но потом почему-то забывала. И опять собиралась. И снова забывала.

— Не с тобой.

Она стояла бы вечность. Просто глядя, дыша воздухом, одновременно и соленым, и горьким, наслаждаясь каждым мгновением этого утра, которое было ничем не хуже вчерашнего. И позавчерашнего. И того, которое было раньше, и все равно у Катарина не получалось поверить, что она и вправду поселилась здесь.

На краю мира.

На острове, который, как выразилась Джио, крылом накрыть можно. Преувеличила, конечно, островок был вовсе не так уж мал. И от большой земли его отделял узкий пролив. В хорошую погоду эту, большую, землю и увидеть можно было, яркую, зеленую, укрытую перинами тумана, разрисованную скалами и огнями далеких костров.

Здесь жили люди.

Строили дома из белого камня, накрывая крыши камнем же, который раскалывали на тончайшие пластины. Они связывали их глиной и заклятьями, и крыши становились в достаточной мере прочны, чтобы выдержать зимние бури.

Люди делали узкие лодки, столь легкие, что и женщина могла перенести их на плече. И выходили в море, охотится на тюленей.

Женщины ловили рыбу.

И крюками собирали со дна водоросли, тонкие и хрупкие, которые сушили, чтобы, высушенные, вымочить в темном растворе, и вычесать, и спрясть. И пряжа выходила крепкой и легкой. Из нее делали ткань, которую раскрашивали алым.

И синим.

Здесь помнили прежний мир, и Кайдена приняли частью его. И Катарину, хотя в глазах местных женщин она порой видела удивление. И понимала его.

Она... она была чужой.

Слишком хрупкой. Слишком тонкой. Слишком светлой. И все же...

...она сделала глубокий вдох и оперлась на своего мужа. В его руках было тепло. А ветер... к ветру Катарина привыкла сразу.

И к солнцу, которое не грело, но все же умудрялось опалить. И вызывало к жизни веснушки... местных они заворожили до того, что некоторые девушки стали рисовать их соком чистотела.

Это казалось забавным.

— Ты в море пойдешь?

Отпускать его не хотелось. И пусть корабль Кайдена, сделанный из зачарованного дерева, был прочным, но все же море непредсказуемо.

И ревниво.

— Пойду, — он коснулся губами волос. — Еслипустишь.

Отпустит.

Катарина уже научилась и отпускать. И ждать. Вечерами, когда солнце стремительно несется к водам, и те вспыхивают всеми оттенками пламени. Научилась слушать ветер. И чувствовать приближение бурь.

Не бояться.

Проверять, подняты ли ставни. Разожжены ли камины. Горит ли пламя в Сигнальной башне. Кормить его смесью трав, что рождала светлый, белый почти дым, который так хорошо виден на закате.

— Куда?

— К дальним скалам, — Кайден не удержался и потянул губами прядку волос. — Рыбаки говорили, что в последние годы там беспокойно. Пойду проверю... и змей со мной.

— Сбежал?

Здесь много островов.

И гор.

И старых замков, что были поставлены в незапамятные времена, а после заброшены. И так, заброшенные, одинокие, они коротали свой век, постепенно приходя в запустение. И быть может когда-то у ветров выйдет разрушить скрепленные старой кровью стены, и тогда люди растащат камни, а память... память уйдет и того раньше.

Но пока замки жили. И два из них нашли себе хозяев.

— Кто ж его отпустит, — Кайден набросил на голову Катарины капюшон. — Особенно теперь. Он, конечно, волнуется...

Катарина фыркнула.

Сказано так, будто Кайден ничуть не волнуется.

— ...опасается, как бы натура свое не взяла...

— Не возьмет. Рядом с Джо он другой. И на змея не похож. Это потому, что ее огня хватает на двоих. Как и его благоразумия, — Катарина закрыла глаза, наслаждаясь последними минутами покоя. Скоро скрипнет старая дверь, впуская экономку, у которой наверняка найдется дюжина вопросов, не терпящих отлагательства.

В мыловарни заглянуть надо.

А к полудню овец пригнать должны на стрижку. И пусть тут уж экономка станет возражать, мол, негоже хозяйке студеным днем из замка выходить, особенно в нынешнем-то положении.

Или остаться в мастерской?

Вчера в голову пришла удивительная по простоте своей мысль. И если пока работать в полную силу Катарина опасается, то сделать пару набросков ей никто не помешает.

Она улыбнулась.

— Ты красивая.

— Я старая.

— Мир тоже старый, но все равно красивый.

— Мир — это другое... вот... лет через пять или десять...

— И через двадцать, и через тридцать, — Кайдена обнял ее крепко и осторожно. — Возможно, через сорок или пятьдесят... когда я сам стану старым и хромым. Буду ворчать, как Дуглас.

— Он не ворчит, а наставляет.

— Вот пусть сына моего и наставляет, а я уже взрослый, — его ладонь легла на живот.

— А если дочь?

— Думаешь, дочери в наставлениях не нуждаются? — тепло, исходившее от рук Кайдена, проникло и сквозь мех. — Еще как... а когда ей исполнится пять, я снова спущусь к реке и добуду самые красивые клинки, которые только можно представить.

— Девочке? — не то, чтобы Катарина возражала. Просто...

— В рукоять вставим розовые алмазы, — успокоил Кайдена. — Змей обещал.

— А он знает, что обещал?

— Он уже ищет подходящие. Чтобы совсем розовые. Будет красиво. Девочки любят, когда красиво.

Катарина кивнула.

Если с розовыми алмазами, то конечно, другое дело. Да и... какая разница? Здесь, на краю мира, совсем иные правила. Здесь не имеет значения, что где-то там, далеко, появился истинный король, и камень королей, утерянный когда-то, но чудом обретенный, спел в его честь. Здесь не важно, казнил ли тот король своих друзей, которые посмели оступиться и понадеяться на дружбу. Или все же нашел в себе силы помиловать.

Простил ли жену, что родила дочь.

И сумела ли она исправить досадную оплошность, или вскоре и досюда доберутся новости о королевской свадьбе, ведь Джон точно знает, как надлежит поступать с надоевшими женами. Иногда Катарине еще снился дворец.

И отец, который умер прошлой зимой — им сообщили, ибо Джон предпочел сделать вид, что замужество Катарини и отъезд ее случились исключительно по его приказу. И многие, пожалуй, сочли это ссылкой, наказанием за упрямство.

Пускай.

Отец скончался в собственном замке. И похороны его были пышны, а имя определенно вошло в историю. В историю много чего входит ненужного.

— Бабушка хочет приехать, — Кайдена очнулся первым. — И дед с ней. Сказал, что надоели ему интриги. Ты не против?

— Нет.

— Бабушка хорошая. И она точно знает, как правильно воспитывать детей.

— Уверен? — Катарина обернулась к мужу.

— Конечно. Меня же воспитала... как думаешь, о чем они поют?

Вот всегда так, стоит Катарине о чем-то задуматься, он с мыслей сбивает. Это ведь нужно подготовиться. И гостевые покои проветрить, велеть перетрясти и высушить перины, переложить лавандовыми веточками для аромата. Убедиться, что камин не чадит, гобелены чисты, а ковры теплы...

А он о китах.

— О любви, — Катарина пожала плечами. — О море? И свободе? И о том, что жизнь прекрасна?

...и Джио отписать.

...Джио тоже не слишком хорошо представляла, как надлежит воспитывать детей.

...ее девочка родилась в самую длинную ночь в году. Случилась буря. И море кипело, а ветер метался, норовя затухить огни костров, что протянулись цепочкой по берегу.

Ярились волны.

Вставали на дыбы. И скалы дрожали, но держали. И пламя в каминах ревело, спеша ответить обидчику, и сдерживалось, повинувшись воле дракона.

Гремела музыка внизу.

И почти пробивалась сквозь бурю, успокаивая новорожденное дитя, чьи глаза были цвета пламени.

— А что ты хотела, — пожала плечами Джио. В человеческом обличье она была хрупкой, и массивный живот, который Джио придерживала обеими руками, гляделся несуразно. Когда-то Катарина спросила, зачем ей быть человеком теперь. А Джио ответила, что казаться и быть — совсем разные вещи. И одно дело, когда тебя запирают в навязанном обличье, и совсем другое, когда мир и магия позволяют создать собственное. И пусть с виду оно почти не отличается от прежнего, но только с виду.

И правда, что с виду.

Разница чувствовалась. А Джио, склонившись над колыбелью, легонькодохнула жаром, и сказала:

— Я ведь сама кровь отдала, добровольно. Это так просто не пройдет.

Волосы девочки были белыми, что снег.

— И для тебя тоже, — добавила она, глядя на Катарину с насмешкой.

— Я умру?

— Лет через сто. Может, сто пятьдесят или двести, точно не скажу. До трехсот вряд ли дотянешь, все же люди хрупкие, — Джио сделала козу, и девочка нахмурилась, но не заревела. — А веснушки у нее твои...

...выяснилось, что только веснушки, ибо характером Аин пошла в крестную. И магией тоже. Впрочем, там, где всегда холодно, огню только рады.